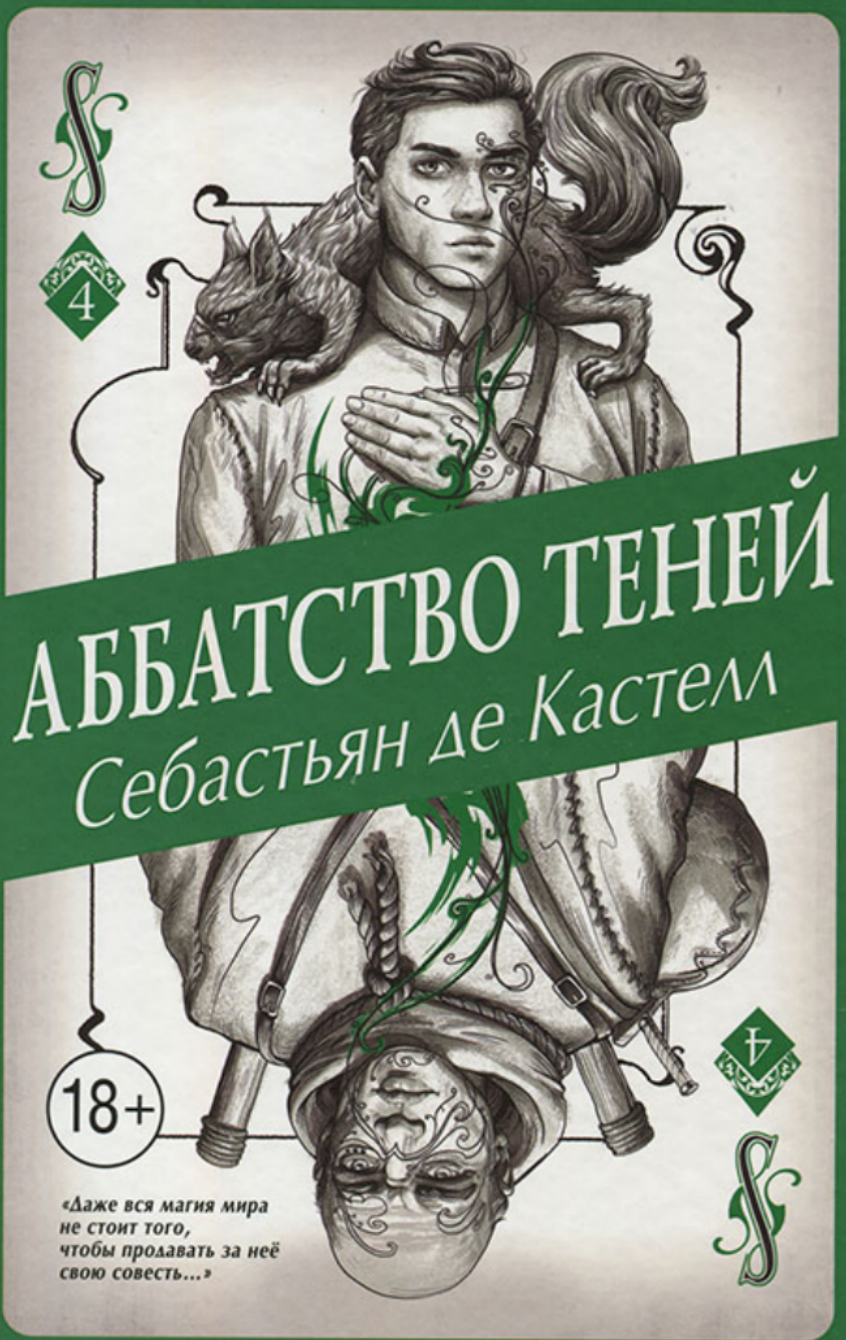
АББАТСТВО ТЕНЕЙ

Себастьян де Кастелл



АББАТСТВО ТЕНЕЙ

Себастьян де Кастелл

18+

«Даже вся магия мира не стоит того, чтобы продавать за неё свою совесть...»

SHOUT
SHARE
IT

Annotation

Келлен и белкокот Рейчис теперь сами по себе. И хотя вместе они не раз спасались от смерти, ещё ни разу они не влипали так крепко! Решив добраться до легендарного Аббатства Теней, в котором знают секрет исцеления от Чёрной Тени, они отправляются в путь вместе с незнакомкой, обещавшей помощь. Но во время перехода через безжизненную пустыню девушка показывает своё настоящее лицо. И вот Келлен с Рейчисом оказываются вдали от дома, от людей, в сердце пустыни, без еды, воды и малейшего шанса на выживание…

- 1
  - Глава 1
  - Глава 2
  - Глава 3
  - Глава 4
  - Глава 5
  - Глава 6
  - Глава 7
  - Глава 8
  - Глава 9
  - Глава 10
  - Глава 11
  - Глава 12
  - Глава 13
  - Глава 14
  - Глава 15
  - Глава 16
- 2
  - Глава 17
  - Глава 18
  - Глава 19
  - Глава 20
  - Глава 21
  - Глава 22
  - Глава 23
  - Глава 24
  - Глава 25
  - Глава 26
  - Глава 27
  - Глава 28
  - Глава 29

- 3
  - Глава 30
  - Глава 31
  - Глава 32
  - Глава 33
  - Глава 34
  - Глава 35
  - Глава 36
  - Глава 37
  - Глава 38
  - Глава 39
- 4
  - Глава 40
  - Глава 41
  - Глава 42
  - Глава 43
  - Глава 44
  - Глава 45
  - Глава 46
  - Глава 47
  - Глава 48
  - Глава 49
  - Глава 50
  - Глава 51
  - Глава 52
  - Глава 53
  - Глава 54
  - Глава 55
  - Глава 56
  - Глава 57
  - Глава 58
  - Глава 59
  - Глава 60
  - Глава 61
  - Глава 62
  - Глава 63
- 5
  - Глава 64
  - Глава 65
- Благодарности

АББАТСТВО ТЕНЕЙ

Себастьян де Кастелл

4

Москва 2019

Себастьян де Кастелл
Аббатство Теней

Когда мне было семь лет, родители неожиданно забрали меня и брата из школы. Я решил, что произошло нечто ужасное, но наоборот — они преподнесли нам двух щенков. Мы назвали их Леди и Бродяга в честь персонажей самого Великого фильма всех времен. Как ни странно, Бродяга стал «моим» (вернее, я стал «его»). Думаю, множество людей пережили нечто подобное. Не знаю, почему такие события так много значат для нас, но они и вправду много значат. Они значат все.

1
ИГРУШКА ТЕНЕЙ

Надежда — это дивный остров, на берег которого все мы желаем ступить. Но будьте осторожны: когда глаза ваши устремятся к далекому горизонту, не забывайте время от времени смотреть вниз…

Глупая поговорка аргоси

Глава 1
ПРОБЛЕМА ПЕСКА

Пустыня — лгунья.

О, конечно, издалека эти бесконечные просторы золотого песка выглядят манящими. Стоишь на вершине песчаной дюны, теплый бриз смягчает палящее солнце и манит к ожидающим внизу чудесам. Все, что пожелаешь — невообразимые сокровища, спасение от врагов, возможно, даже лекарство от извилистых черных линий, которые не перестают расти вокруг твоего левого глаза, — какой-нибудь дурак поклянется, что все это ожидает тебя по другую сторону пустыни.

«Опасное путешествие? Возможно, зато какая награда, парень! Подумай о награде…»

Но давайте рассмотрим поближе — я имею в виду, по-настоящему близко — скажем, находясь примерно в дюйме от самого песка. Это легко сделать, когда лежишь на нем лицом вниз, ожидая смерти от жажды. Видишь, как уникальны и неповторимы все до единой песчинки? Они разной формы, размера, цвета… Единое совершенство, которое ты видел раньше — просто иллюзия. Вблизи пустыня грязная, мерзкая и злая.

Как я уже сказал, она вонючая лгунья.

— Это ты вонючий лгун, — проворчал Рейчис.

Я резко вскинул голову. Я даже не осознавал, что говорю вслух. С большим усилием я повернулся, чтобы посмотреть, как поживает мой так называемый деловой партнер.

Я не очень далеко ушел: сказались недостаток еды и воды. Проклятые синяки, оставленные чарами недавно скончавшегося мага, чей смердящий труп гнил на жаре в нескольких футах от меня, тоже не помогали. Итак, я собираюсь потратить остаток жизни на то, чтобы просто сердито глядеть на сварливого двухфутового белкокота, умирающего рядом со мной?

— Сам ты вонючка, — ответил я.

— Хе, — хихикнул он.

Белкокоты не очень хорошо осознают свою смертность. Однако у них большая склонность сваливать вину на другого.

— Это все ты виноват! — просвистел он.

Я перевернулся, надеясь дать облегчение онемевшему хребту — только для того, чтобы раны на спине протестующе завопили. Боль исторгла сиплый стон из моей пересохшей глотки.

— Не пытайся это отрицать, — сказал Рейчис.

— Я ничего не отрицаю.

— Нет, отрицаешь. Ты хныкал, и я услышал: «Но, Рейчис, откуда я мог знать, что веду нас в смертельную ловушку, расставленную моим же народом? То есть ты, конечно, предупреждал меня, что эта болтовня о тайном монастыре в пустыне, монахи которого могут вылечить меня от Черной Тени, — жульничество, но ты же знаешь меня, я идиот. Идиот, который никогда не слушает своего более умного и куда более красивого делового партнера».

На тот случай, если вы никогда не видели белкокота — вообразите сердитую кошачью морду, слегка пузатое тело, непокорный косматый хвост и странные мохнатые перепонки между передними и задними лапами. С помощью этих перепонок он может планировать с верхушек деревьев, убивая свою добычу. «Красивый» — не то слово, которое приходит на ум, когда на него смотришь.

— Ты разобрал все это из хныканья? — спросил я.

Пауза.

— У белкокотов отличная интуиция.

Я сделал неровный вдох; жар песка обжигал мне легкие. Как долго мы тут пролежали? День? Два дня? Я потянулся к нашей последней фляге с водой, подтащил ее ближе и собрался с силами, сознавая, что мне придется поделиться остатком воды с Рейчисом. Говорят, без воды можно прожить три дня, но это только если пустыня не высасывает из тебя влагу, как… как чертов белкокот! Во фляге не осталось ни капли воды.

— Ты выпил нашу последнюю воду?

Рейчис раздраженно ответил:

— Я сперва спросил.

— Когда?

Еще одна пауза.

— Когда ты спал.

Очевидно, пустыня была не единственным лгуном, с которым мне приходилось спорить.

Мне семнадцать лет от роду, я изгнан своим народом, меня преследовали все маги-ищейки и наемные маги с двумя заклинаниями и плохими манерами, и остатки моей воды только что украло существо, больше всего походившее на друга.

Меня зовут Келлен Аргос. Некогда я был многообещающим посвященным и членом одной из самых могущественных семей на территориях джен-теп. Потом вокруг моего левого глаза появились извилистые черные отметины загадочной болезни, известной как Черная Тень. И теперь люди называют меня изгоем, предателем, изгнанником — это когда хотят проявить

вежливость. Единственная характеристика, которую я никогда не заслуживал, — везунчик.

— Конечно, я знаю место, — сказала старая разведчица.

Ее разные глаза — светло-коричневый и зеленый — не отрывались от пыльного кожаного кошеля с медными и серебряными безделушками, который лежал между нами на столе. Кроме нас на нижнем этаже таверны для путешественников никого не было, если не считать пары вырубившихся пьянчуг в дальнем углу и одного печального парня, который сидел в одиночестве и снова и снова перекатывал пару костей, плачась своему элю, что он самый невезучий на свете.

Что ты знаешь о невезении, приятель.

— Вы можете отвести меня туда? В этот монастырь? — спросил я, выкладывая карту на стол картиной вверх.

Разведчица взяла карту и прищурилась, на изображенные на ней темные башни.

— Хорошая работа, — сказала она. — Ты сам это нарисовал?

Я кивнул. За последние шесть месяцев мы с Рейчисом пересекли полконтинента в поисках лекарства от Черной Тени. Мы здесь и там собирали улики, короткие каракули на полях неясных текстов, упоминающих о тайном убежище, слухи, которые бесконечно повторяли пьяные в тавернах вроде этой.

Аргоси рисуют карты важных людей и мест, дополняя рисунки обрывками любой собранной информации в надежде, что получившиеся изображения явят свое скрытое при других обстоятельствах значение. Я и сам занялся рисованием. Если я погибну в поисках лекарства, всегда есть шанс, что карты попадут в руки аргоси, а потом — к Фериус Перфекс, чтобы она поняла: можно не трудиться, разыскивая меня.

Старая разведчица швырнула карту обратно на стол, словно делая ставку.

— Место, которое ты ищешь, называется Эбеновым аббатством, и — да, я могла бы отвести тебя туда… Если бы мне захотелось.

Улыбка натянула обожженную солнцем кожу на ее выпуклом лбе и вокруг глаз. Лицо разведчицы напоминало карту давно забытой страны. Наверное, ей было далеко за шестьдесят, но куртка без рукавов демонстрировала похожие на веревки мускулы на плечах и руках. Вкупе с ассортиментом ножей в ножнах на портупее, пересекающей грудь, и арбалетом, пристегнутым за спиной, эти мускулы говорили, что разведчица скорее всего прекрасно может постоять за себя в бою. Из-за того, как она продолжала пялиться на мешок с безделушками на столе, не

обращая на меня особого внимания, становилось яснее ясного, что я не произвел на нее схожего впечатления.

До сих пор поиски чудодейственного лекарства не были особо выгодным предприятием. Все до единого монеты, которые я заработал в своих путешествиях как меткий маг, ушли торговцу змеиным маслом, продававшему вонючие отвары; из-за них меня несколько дней потом тошнило и рвало. Теперь моя износившаяся в дороге рубашка свободно болталась на тощем теле, с лица и груди еще не сошли синяки и царапины, оставшиеся после последней встречи с парой наемных магов джен-теп. Так что я понимал, почему мой вид вряд ли мог внушить разведчице трепет.

— Она думает о том, чтобы избить тебя и забрать твои деньги, — сказал Рейчис, поводив носом у меня на плече.

— Эта тварь не кролик, так? — спросила разведчица, бросив на него настороженный взгляд.

Ее народ не понимал посвистывания, рыков и временами — пуканья и других штучек, с помощью которых общался Рейчис.

— Я все еще пытаюсь это выяснить, — ответил я.

Белкокот издал низкое рычание:

— Ты же знаешь, что я могу запросто вырвать твои глаза из глазниц и сожрать, пока ты будешь спать, верно?

Он спрыгнул с моего плеча и направился к двум пьянчугам в углу — без сомнения, чтобы проверить, удастся ли обшарить их карманы.

— Спроси тех, кому ведомы истории, — начала разведчица напевным голосом, — и тебе расскажут, что никто, кроме семи чужаков, никогда не бывал за стенами Эбенового аббатства. Пятеро из них мертвы. Один, пристрастившийся к сонной траве, не смог бы найти обеими руками собственный нос, не говоря уж о тайном монастыре, укрытом в пустыне.

Она потянулась к небольшому кошелю, в котором лежали все оставшиеся у меня ценности.

— Значит, есть только я.

Я завладел кошелем первым. Может, с виду я и не очень, но у меня проворные руки.

— Мы еще не договорились об условиях.

Впервые разномастные глаза разведчицы встретились с моими. Я попытался ответить на ее сердитый взгляд таким же, но, когда на тебя таращатся глаза разного цвета, это нервирует.

— Зачем ты вообще хочешь встретиться с черными связывателями? — спросила разведчица.

Ее взгляд скользнул к моему левому глазу, и я понял, что она заметила легкое изменение цвета кожи там, где тональная паста

месдет доходила до моей скулы.

— У тебя же нет Черной Тени, а?

— Черной… чего? — спросил я. — Никогда о такой не слышал.

— Ну, а я слышала, что ватага чародеев джен-теп щедро заплатит за того, кого проклял демон. Есть один парень, за которым они уже некоторое время охотятся… Во всяком случае, я слышала о таком.

— Ничего об этом не знаю, — сказал я, пытаясь вложить в свои слова намек на угрозу. — Как я уже сказал, я просто пишу книгу о загадочных пустынных монахах.

— Большая награда, много денег. Может, больше, чем в этом твоем кошеле.

Я убрал руки с кошеля, и мои пальцы скользнули вниз, чтобы раскрыть мешочки, привязанные к поясу справа и слева. В них были порошки — красный и черный. Я использовал их для одного известного мне заклинания, которое всегда производило впечатление.

— Знаешь что? — небрежно спросил я. — Теперь, когда ты об этом упомянула, думаю, я вроде как слышал о той награде за Черную Тень. Говорят, многие опасные люди пытались ее заработать. Остается только гадать — что же такое со всеми ними случилось?

Краешек рта разведчицы приподнялся в ухмылке. Теперь я увидел, что ее руки ухитрились извлечь пару изогнутых ножей.

— В свое время я встречалась со множеством опасных мужчин. Ни один не произвел на меня большого впечатления. Чем ты-то от них отличаешься?

Я ответил улыбкой на улыбку:

— Обернись.

Она не обернулась, вместо этого наклонила чуть-чуть один из ножей, пока клинок не отразил некоего белкокота, который исподтишка прокрался на верхушку вешалки за ее спиной и теперь ожидал сигнала к прыжку.

Да, иногда маленький мошенник бывает полезен.

Я сделал три полных вдоха и выдоха, прежде чем старая разведчица медленно положила ножи на стол.

— Похоже, ты пишешь распрекрасную книгу, мой юный друг.

Она ухватила мой кошель с побрякушками и встала из-за стола.

— Нам лучше запасти провизию в городе, прежде чем мы отправимся в путь.

Я подождал еще немного, всеми силами стараясь показать, что еще не решил — нанять ее в проводники или испепелить. Но,

по правде говоря, я ждал, пока сердце перестанет так сильно колотиться.

— Далеко ли до аббатства? — спросил я.

Она поправила ремень, на котором висел арбалет, и сунула ножи в ножны.

— Далеко, как обычно, но не беспокойся — ты будешь наслаждаться путешествием.

— В самом деле?

Она ухмыльнулась:

— Люди толкуют, что Золотой Проход — самое спокойное, самое красивое место, какое когда-либо можно увидеть.

Глава 2
ДОСТОИНСТВА ТРУПОВ

Слабые царапающие звуки вернули меня к моему нынешнему затруднительному положению. Я слегка приоткрыл один глаз, смутно ожидая, что меня ослепит отражение солнца в мерцающем золотистом песке. Вместо этого меня приветствовали сумерки и жгучий холод. Следовало бы ожидать, что днем в таком жарком месте, как Золотой Проход, ночью будет умеренная температура. Но нет, между превращением зноя в ледяной холод оставался едва один теплый час.

Но царапанье продолжалось — так близко, что я похлопал себя по уху, боясь, что в него забирается какое-то насекомое. Когда похлопывание не решило проблемы, я с усилием приподнял голову настолько, чтобы повернуться к источнику непрекращающегося шума. Рейчис устало полз по песку.

«Он пытается добраться до меня», — подумал я.

Сквозь холод и отчаяние пробилась нежность. Несмотря на все наши ссоры, мы с белкокотом спасали друг другу жизнь больше раз, чем каждый из нас смог бы сосчитать; а теперь он хотел умереть рядом со мной.

Я протянул руку — только для того, чтобы обнаружить, что он не приближается. Вообще-то он уползал от меня прочь.

Я упоминал, что белкокоты — неблагодарные маленькие бесстыдники? Мой так называемый деловой партнер не тратил последнюю унцию сил, чтобы мы могли вместе встретить конец; это не было неким последним оплотом нашей дружбы. Нет, вместо этого мохнатое чудовище медленно пробиралось к трупу боевого мага.

— Что ты делаешь? — спросил я.

Ответа не последовало.

Рейчис просто продолжал дюйм за дюймом ползти к своей цели. Когда он, наконец, лег у головы трупа, пыхтя и задыхаясь, я встревожился — не спятил ли белкокот и не принял ли мертвеца за меня. Дрожащей лапой он потянулся к немигающим глазам мага, которые слепо таращились в темнеющее небо. И тут я понял, что задумал Рейчис.

— О, во имя всех моих покойных предков, — выругался я, — скажи, что ты не собираешься…

С проворством, порожденным практикой — обширной практикой, — Рейчис пустил в ход когти, чтобы выцарапать глаз человека. Потом широко открыл пасть, уронил в нее

отвратительный вязкий шарик и раскусил.

— О, — восторженно простонал он, — как вкусно.

— Ты омерзителен, ты это знаешь?

Я не уверен, что те слова и вправду слетели с моих губ. Именно в этот момент я потратил скудные остатки своих сил, чтобы стошнить.

— Вкуснятина, — пробормотал он, жуя, а потом шумно сглотнул.

Мало кто знает, что у белкокотов есть всего одна, но еще более отвратительная привычка, чем манера поглощать пищу — после трапезы они упорно смакуют подробности вслух.

— Знаешь, — начал Рейчис с довольным вздохом, — я мог бы побеспокоиться, что не смогу переварить глаз, поскольку лицо парня сгорело и все такое, но он оказался идеальным. Немного хрустящим снаружи и мягким и теплым внутри.

Он протянул лапу к другой стороне лица покойника.

— Хочешь левый? — спросил он, сопроводив предложение негромким рыком, чтобы дать понять: он не серьезно.

— Я — пас. Разве из-за этого тебе не захотелось еще сильнее пить? Мы скорее всего умрем от недостатка воды, чем зачахнем от голода.

— Веский довод.

Рейчис подтащился ближе к груди человека: после нашей дуэли большая рана в ней оставила лужу крови. Белкокот начал лакать кровь. Он приостановился, заметив, что я в ужасе таращусь на него.

— Наверное, тебе тоже надо попить, Келлен. В ней должна быть какая-то вода, верно?

— Я не пью кровь. И не ем глаза.

Белкокот саркастически зарычал:

— О, верно, потому что твои кулинарные пунктики важнее нашего выживания.

Я не смог придумать подходящего ответа. Судя по всему, Рейчис прав. Я понятия не имел, способен ли человек и вправду получить из крови достаточно влаги, чтобы это изменило положение вещей, или меня просто стошнит? В любом случае я не смог заставить себя выяснить это, поэтому просто полежал несколько минут, ничего не делая, только слушая, как Рейчис с энтузиазмом лакает. Закончив пить, он лег на бок и окликнул меня:

— Келлен?

— Да?

— Я понимаю, тема вроде щекотливая, но…

— Что?

— Ну, когда ты умрешь, ничего, если я съем твой труп? — И он торопливо добавил: — Я имею в виду — будет лучше, если один из нас выживет, верно?

Собрав немного из оставшихся сил, я отвернулся от него, перекатившись на спину, — плевать на боль, вспыхнувшую в ранах. Я не хотел, чтобы последним, что я увижу в этом мире, стала залитая кровью морда белкокота, размышляющего, что съесть сначала — мои глаза или мои уши.

Высоко над головой, за пределами мелочных забот жалких смертных, оживали тысячи крошечных искр. Хотя Золотой Проход был засушливой, непригодной для обитания адской дырой, ночное небо здесь могло устроить настоящее шоу. Я сделал вдох, но мое горло перехватил болезненный спазм — рефлекс, вероятно, вызванный тем, что я слишком долго обходился без воды.

«Я здесь умру».

Слова вторглись в мой разум так же внезапно и с такой же силой, как железные связывающие чары.

«Я и вправду умру этой ночью, убитый каким-то засранцем, наемником джен-теп и собственной глупостью».

Я почувствовал, что начинаю плакать, и поднял руки, чтобы дрожащими пальцами вытереть слезы, которых не было. Наверное, я всхлипнул, потому что Рейчис застонал.

— О, великолепно, ведь проливание слез непременно поможет сберечь воду.

Белкокоты не очень понимают, что такое сочувствие.

Обычно, когда я попадаю в беду, мое выживание зависит от своевременного прибытия некой рыжеволосой картежницы по имени Фериус Перфекс. Я буду стоять на коленях, умоляя какого-нибудь чокнутого, у которого случайно оказалось средство против Черной Тени, в ожидании клинка (или палицы, или арбалета, или заклинания огня, или… в общем, вы ухватили мысль), когда совершенно внезапно появится она.

— М-да, разве вы двое не выглядите такими же нервными, как два склочных хорька, дерущихся из-за папоротника, — скажет она.

Вообще-то она никогда не говорит именно это, но обычно нечто столь же нелепое.

— Не осмеливайся вмешиваться, аргоси, — закричит в ответ маг (или солдат, или наемный убийца, или случайный раздражительный тип).

Фериус на полдюйма сдвинет повыше свою шляпу, сунет руку в карман жилетки, чтобы достать курительную соломинку, и скажет:

— Я далека от того, чтобы вмешиваться, друг, но почему-то привыкла к этому тощему парнишке, которого ты, похоже, собираешься разделать. Придется любезно попросить тебя отвалить.

А потом? Ну, драка-драка-драка, умная реплика, верная смерть, почти невозможный дерзкий подвиг, враг лежит, последняя умная реплика — обычно в мой адрес, — после чего я спасен. Так бывало с тех пор, как я покинул родные земли в свой шестнадцатый день рождения.

Только теперь все было по-другому. Шесть месяцев назад я бросил Фериус, мою наставницу на пути аргоси, и Нифению, которую некогда любил. Бросил, потому что выяснил: мой народ никогда не перестанет преследовать меня и всех, кто рядом со мной, пока у меня Черная Тень. Поскольку извилистые черные метки вокруг моего левого глаза не собирались тускнеть, мне оставалось либо оставить двух самых близких мне людей, либо рисковать тем, что враги убьют их в попытке добраться до меня. Как больно мне ни было уходить, по крайней мере, я чувствовал себя вроде как благородным.

Примерно шесть месяцев.

Проблема благородства и самопожертвования заключается в том, что, когда ты попадаешь в переплет — скажем, когда на руках мага-ищейки джен-теп светятся металлические татуировки благодаря всей магии, которую он призвал, чтобы тебя убить, — некому прийти на выручку.

— Эй, Келлен? — позвал Рейчис необычно нерешительным тоном.

— Да, ты можешь съесть меня, когда я умру. Теперь ты счастлив?

Минута молчания, потом:

— Нет, я просто думал — как по-твоему, маг говорил правду?

— Насчет чего?

— Когда сказал, что убил Фериус.

Глава 3
ПРОБЛЕМА ЧАР

Я подозревал, что старая разведчица убьет нас в ту же минуту, когда заведет в пустыню, подальше от любопытных глаз. Мы с Рейчисом по очереди наблюдали за ней, днем и ночью, пока тащились вверх и вниз по одной песчаной дюне за другой. Но оказалось, что мы тратили силы не на того человека, потому что разведчица хоть и в самом деле привела нас в ловушку, ее устроила не она.

Среди множества прочих способов, которыми досаждает пустыня, — это отражающийся в песке свет, дурачащий твои глаза. Иногда вдалеке видится мерцание, в точности похожее на заклинание щита джен-теп. Ты готовишься сражаться, защищая свою жизнь, — только для того, чтобы твоя зловредная проводница посмеялась над тобой, потому что ты пугливый, как тэдпадлер.

Понятия не имею, кто такие тэдпадлеры. Наверное, они очень пугливые.

Каждый раз, когда я психовал из-за миража, старая разведчица подъезжала к мерцающей дымке, сжимая в руках свои кривые ножи и кричала:

— Сразись со мной, пустозвон!

Это казалось ей ужасно смешным вплоть до того момента, когда одно из размытых мерцаний выплюнуло молнию магии огня, которая ее испепелила.

Мы с Рейчисом к тому времени были так измучены, что едва успели упасть на землю, прежде чем к нам устремилась другая молния. Оказалось, что целились даже не в нас: магия огня была направлена на наших лошадей. Они умерли милосердно быстро. К несчастью, с ними исчезли и припасы, необходимые для того, чтобы протянуть еще одну неделю в пустыне.

— Сколько? — спросил широкоплечий маг, сбросив маскирующие чары.

Исчезновение укрывающих заклинаний не было особенно впечатляющим, и я стал надеяться, что парень полагается на амулет, а сам по себе не такой уж могущественный. Может, у него, как и у меня, всего одна татуировка.

— Что — сколько? — спросил я, встав и небрежно потянувшись к своим порошкам.

— Сколько моих товарищей-магов ты убил, Черная Тень? Сколько наших людей погибло, пытаясь привлечь тебя к суду?

Я поразмыслил над вопросом.

— Девять, — солгал я, потом поправился: — Вообще-то теперь десять.

И швырнул перед собой красный и черный порошки. Как раз перед тем, как они соединились, я сделал магический жест: указательный и средний пальцы направлены на мою цель в знаке повеления; безымянный палец и мизинец прижаты к ладони жестом сдерживания, а большие пальцы смотрят в небо (я как никогда приблизился к тому, чтобы молить предков о помощи).

— Караф! — нараспев произнес я.

Взрыв сотряс воздух между нами. Два языка пламени — черное и красное — обвились друг вокруг друга, как змеи, с ревом устремившись к моему врагу. Мгновение спустя пламя погасло, разбившись о его заклинание щита.

«Похоже, этот парень зажег больше одной татуировки».

— Ты и вправду ожидал, что это сработает? — спросил он.

— Нет, но теперь я готов, а ты не можешь метнуть еще одну огненную молнию, не уронив щита.

Мои руки заскользили к мешочкам, висящим на поясе.

— Хочешь проверить, кто быстрее?

— Хе-хе-хе, — захихикал Рейчис.

— Что? — спросил я.

— Ничего. Просто смешно, когда ты пытаешься говорить, будто ты крутой.

— Ты не помогаешь.

Мой противник внимательно наблюдал за мной, оценивая меня так же, как я оценивал его. Он был юным, немногим старше двадцати. Обычно, когда речь заходит о магах, я могу рассчитывать на то, что такие молодые примут мой вызов, но он не потрудился создать еще одно заклинание огня. Вместо этого он отбросил с глаз волосы цвета меди и, удерживая одной рукой заклинание щита, поднял другую так, чтобы я увидел на одном из его пальцев необычно длинный ноготь. Медленным, обдуманным движением он воткнул ноготь в свое запястье и провел яркую линию дюймов шести длиной, оставив на руке алый след.

Рейчис сел на задние лапы, облизывая губы.

— Разве это не наша работа — пускать ему кровь?

— Магия крови, — прошептал я, проклиная свое невезенье. — Почему это должна быть магия крови?

Если бы парень был берабеском, я мог бы принять его за одного из сумасшедших правоверных, которые наколдовывают щиты с помощью собственной крови, но он был джен-теп, как и я, что означало, что дела обстоят намного хуже, чем я думал.

— Тебе бы хотелось узнать, как я тебя нашел, Черная Тень? —

спросил он.

Явный джен-теп. Мой народ всегда ощущает жгучее желание заговорить тебя до смерти, прежде чем на самом деле убить.

— Я, наверное, зажигаю сигилы магии песка, — ответил я, — потому что предчувствую, что ты собираешься мне сказать.

— До нас дошли слухи о том, что меткий маг-изгой странствует вдоль и поперек континента в поисках лекарства, что, конечно, нелепо, поскольку каждый знает, что лекарства от Черной Тени не существует. Но я был уверен, что упомянутый дурак — не кто иной, как Келлен из дома Ке, самый печально известный предатель в истории нашего народа.

Вряд ли это было честно. Я не мог быть известнее, чем второй или третий из печально известных.

— Значит, ты решил заслужить собственное имя в исторических книгах?

— Это было нелегко.

Он показал на серебряные знаки вокруг полей моей черной шляпы жителя приграничья.

— Эти чары вуали удивительно эффективны.

Что ж, рад был узнать. Я украл шляпу у своего собрата — меткого мага по имени Дексан Видерис в качестве компенсации за то, что он пытался меня убить. Я никогда не был уверен, насколько надежно шляпа отражает выслеживающие чары.

Маг постучал себя пальцем по виску:

— А потом мне пришло в голову вот что: изгнанник Черная Тень бежит от правосудия джен-теп, зная, что его удача рано или поздно закончится. Может ли отчаяние послать его на поиски нелепой старой легенды об Эбеновом аббатстве? — Он посмеялся над этим названием: — А тебе не приходило в голову, что, если бы такое место когда-нибудь существовало, наш народ давно уничтожил бы его?

Маг оглядел пыльно-желтую пустыню, которая окружала нас со всех сторон.

— Что ж, ты нашел свое таинственное святилище. Сюда так называемые разведчики приводят зараженных. Они перерезают им глотки и оставляют умирать, чтобы трупы их пожрали хищники, а кости дочиста выбелил ветер и они погрузились в песок, уступая место следующему бедному дураку.

— Что я тебе говорил? — прорычал мне Рейчис, а потом пробормотал: — Легковерный идиот.

Все еще поддерживая одной рукой фигуру щита, маг перевернул другую и сжимал кулак до тех пор, пока капли крови не упали на землю, отчего золотистый песок у его ног стал темно-красным.

— Что он делает? — спросил Рейчис.

— Думаю, призывает кровавый облик, — ответил я.

— Похоже, дело плохо. Как будем сражаться?

— Я работаю над этим.

Шерсть белкокота изменила цвет, сделавшись такой же, как струящийся к нам красный песок, и заставив Рейчиса слиться с окружающей средой. Мускулы его задних лап вздулись.

— Итак, мне, наверное, стоит удрать?

— Да.

Рейчис рванул с такой скоростью, с какой лапы могли его нести. Я на него не обижался. Как он часто напоминал, в один прекрасный день наше везение неизбежно закончится. Нет смысла погибать нам обоим. Я бы тоже сбежал, но к тому времени кровь мага глубоко впиталась в песок, и несколькими эзотерическими слогами он завершил свое колдовство. Заклинание ожило, и ожила пустыня вокруг меня.

Повелитель крови — потому что это определенно был он — поднял окровавленную руку и потянулся ко мне. Тысячи фунтов песка взмыли в воздух, принимая точную форму его руки, только в сто раз больше. Когда он схватил пальцами воздух перед собой, созданная им песчаная форма в точности повторила жест, схватив меня и подняв на десять футов над землей.

Маг зашагал ко мне с небрежной самоуверенностью того, кто тщательно спланировал засаду и теперь подошел к кульминации.

— Странно, — сказал он, театрально оглядевшись по сторонам. — Разве в этот самый миг некая надоедливая аргоси не должна явиться и спасти тебя?

— Дай ей минутку, — ответил я. Теперь блеф уже не мог навредить. — Когда мы увидели твои жалкие и заметные маскирующие чары, Фериус отправилась за своими остальными друзьями-аргоси. Наверное, они сыграют партию в покер, решая, кто первым надерет тебе задницу.

Свободной рукой маг дотянулся до складок своей мантии и вытащил игральную карту. Темно-красные линии изящно украшали лицевую поверхность: рука с семью шипами в ладони. Я немедленно узнал одну из долговых карт Фериус — тех, которые она хранила как напоминание о каждом долге, накопленном ею за годы. Только эта карта была в пятнах более темного цвета.

— Кровь аргоси сделала мой маленький сувенир ужасно липким. Боюсь, остальная колода полностью уничтожена.

— Ты блефуешь, — сказал я, тщетно стараясь вырваться из пленившей меня гигантской песчаной руки. — Фериус Перфекс слишком умна, чтобы ее поймал тупой…

Маг поцокал языком, заставив меня замолчать.

— Не будь так строг к памяти своей погибшей подруги. Даже она не могла надеяться перехитрить нас всех. Семьдесят семь магов.

— Семьдесят семь…

От этого числа у меня перехватило дыхание. А может, просто песчаная рука сдавливала мои легкие.

Маг торжествующе уставился на меня:

— Трибулаторы. Сковыватели. Повелители света. Боевые маги. Невидимые. Нас семьдесят семь, Келлен. Настоящий военный отряд. — Он самодовольно ухмыльнулся: — Хотя, кажется, аргоси назвала его… Какое забавное имечко она нам дала? «Ватага»?

«Ватага» — именно такое слово произнесла бы Фериус.

— Теперь я знаю, что ты лжешь, — сказал я. — Военный отряд не собирали три сотни лет. Ни у одного Верховного Мага клана нет такого влияния, чтобы…

Но, едва заговорив, я понял, что ошибаюсь.

Хотя заставить магов джен-теп прийти к согласию по какому-либо вопросу — это все равно что пасти множество злых, владеющих чарами котов, один человек, вероятно, смог бы такое проделать. Недавно возвысившийся Верховный Маг моего клана, чьих интриг и манипуляций как раз хватило бы для того, чтобы объединить ради его дела семьдесят семь лорд-магов.

По моему лицу Повелитель крови, должно быть, заметил, что во мне просыпается отчаяние.

— Ке-хеопс, — подтвердил он, — лорд дома Ке. Твой отец.

Тонкие губы захихикали:

— Ты и вправду был ужасно непослушным сыном, не так ли?

— Он бы этого не сделал! Не сделал просто для того, чтобы меня убить!

— Что говорит старая пословица? «Сильнее любви отца только его гнев».

Я никогда не слышал того, что он процитировал, но пословица идеально описывала Ке-хеопса.

— Если это улучшит твое настроение, — продолжал Повелитель крови, — дело не только в тебе. Лорд Ке-хеопс подал прошение кланам провозгласить его Верховным Магом всего нашего народа, но они — пока — ничего не решили. Поэтому он попросил семьдесят семь магов присоединиться к нему в великом походе. Он стремится доказать, чего стоит, выслеживая всех до единого оставшихся Черных Теней на континенте…

Повелитель крови поднял палец, и часть громадной созданной им руки потянулась вверх, чтобы осторожно

прикоснуться к черным меткам вокруг моего левого глаза.

— …начиная с собственного сына.

Маг продолжал смотреть на меня, словно ожидая ответа, но, когда я попытался заговорить, он слегка сжал кулак, и у меня перехватило дыхание.

— Ты должен гордиться им, Келлен! С тех пор как мы избавили мир от вторжения племен медеков, наш народ никогда еще не был таким единым.

Маг, помолчав, добавил:

— Что ж, полагаю, мы пропустили кое-где одного-двух оставшихся медеков.

«Фериус, — подумал я. — Он знает, что Фериус — медек!»

— Она умерла за тебя, — сказал Повелитель крови негромко, почти утешающим тоном. — Дюжина наших людей распространили слух, что тебя поймали недалеко отсюда и члены твоего клана собираются, чтобы судить тебя и казнить. Аргоси решила, что должна освободить тебя прежде, чем появятся остальные. Она угодила прямиком в ловушку. Вот как мы ее схватили, Келлен. Вот почему ее труп сейчас гниет. Непогребенный. В ожидании, когда пожиратели падали избавят мир от вони.

Он подошел ближе и швырнул в меня карту. Она ударила меня по щеке, прежде чем упасть на землю.

— Хитро придумано, не правда ли, Черная Тень?

Бессильная ярость поднялась во мне, и я, как дурак, стал еще отчаяннее бороться с несокрушимой хваткой его песчаной магии.

«Прекрати, — приказал я себе. — От гнева сейчас никакого толка. Думай, проклятье! Думай!»

К несчастью, не только у меня были проблемы с гневом. Воздух вспорол разъяренный вой Рейчиса.

— Паршивый голокожий джен-теп!

Краешком глаза я увидел, как белкокот прыгнул на мага, выставив клыки и когти, чтобы рвать врага. Но Повелитель крови был сообразительным — и подготовился к этому. Наверное, он знал о Рейчисе, так же как знал о Фериус, поэтому ожидал нападения белкокота. Ладонь его раскрылась, и песчаная фигура сделала то же самое, уронив меня на землю. Потом он небрежно хлопнул воздух, и его магия крепко ударила Рейчиса, отбросив его футов на двадцать, где белкокот упал без сознания. Не успел я добраться до своих порошков, как маг потянулся ко мне и снова сомкнул кулак. И вновь лишил меня способности двигаться.

— Девять магов, — сказал он голосом, полным яда, сжимая мою грудную клетку так, что она могла вот-вот треснуть. — Девять хороших мужчин и женщин уничтожены только потому,

что у тебя не хватило смелости встретить свою судьбу.

— В свою защиту могу сказать, — простонал я, силясь сделать вдох, — то была не особо привлекательная судьба.

Он засмеялся, подходя ближе, совсем немного ослабив свою песчаную хватку.

— Я поневоле восхищаюсь противником, который отпускает шутки до самой смерти. Фериус Перфекс тоже так делала.

— Да? — спросил я, стараясь передвинуть руки так, чтобы хотя бы откинуть клапаны своих мешочков.

Я не надеялся швырнуть порошки в воздух — не говоря уж о том, чтобы создать направляющую их магическую фигуру — но теперь у меня созревал новый план. Он был подлым, коварным и даже жестоким. И это делало его еще более привлекательным.

— Жаль, тебя не было, когда я изничтожил тех девятерых магов, потому что это было по-настоящему весело.

Его губы изогнулись в уродливой гримасе. Он на мгновение высоко поднял руку, а потом снова ее опустил, швырнув меня на землю и выбив воздух из моей груди.

— Ты потешаешься над смертью своих соотечественников? — вопросил он. — Разве даже изгнанник вроде тебя не должен понять, как мало среди нас истинных магов? И как многочисленны наши враги?

Трясясь от праведной ярости, он заставил песок собраться в массивный кулак и обрушил его на меня, как молот.

Тут мне и полагалось бы умереть, но песчаная фигура была не такой прочной, как раньше. Она разбилась о мои плечи, рассыпалась и чуть меня не похоронила. Удар получился чертовски болезненным, но выдал, как ненадежна концентрация моего противника.

Я выплюнул песок.

— Они мне не соотечественники. Они — шайка головорезов, которые прячутся за заклинаниями, потому что слишком трусливы, чтобы замарать руки.

— Грязная Черная Тень! — закричал он и ударил тыльной стороной кулака, парой тонн песка.

Но фигура снова рассыпалась, прежде чем сумела серьезно меня ранить. Тем временем большая часть порошка рассыпалась из моих мешочков в остатки этой песчаной формы.

Я с трудом поднялся и улыбнулся своей самой широкой улыбкой, больше всего напрашивающейся на пощечину:

— Не хочу опережать события, друг, но, похоже, твои драгоценные заклинания разваливаются на части.

В ответ он самодовольно ухмыльнулся:

— Вот как ты думаешь? Что можешь заставить меня потерять

контроль над собственной магией? Позволь показать тебе разницу между метким магом-дилетантом и истинным магом.

Он вытянул руку ладонью вверх, и песок поднялся в воздух, чтобы принять форму, которую ему повелели принять. Маг начал смыкать пальцы, наблюдая, как я ожидаю своей смерти. Но ожидать смерти всегда было не в моем стиле. На самом деле я ожидал чего-то совершенно другого.

«Ну давай, — молча умолял я. — Покажи мне, какой ты крутой. Создай большой симпатичный кулак, чтобы меня прихлопнуть».

Металлические красные и серые татуировки на его предплечьях, означавшие кровь и железо, ярко засияли, когда он сосредоточил свою волю, сжимая кулак еще крепче. Песчаная форма становилась все плотнее и плотнее по мере того, как он готовился обрушить ее на мою голову.

— Скажешь последние слова? — спросил он.

Мне хотелось бы ответить: «Всего одно слово — засранец», — но это означало рискнуть, что мое заклинание не сработает вовремя. Я придержал язык и наблюдал в ожидании знака. Когда знак не появился незамедлительно, я испугался, что порошков в песке слишком мало и не хватит, чтобы вспыхнуть. Но потом я увидел первые красивые искры, поднимающиеся из песка, когда смешавшиеся с ним порошки соединились друг с другом.

— Караф, — произнес я.

Маг широко распахнул глаза, слишком поздно заметив вспышку света и увидев магические жесты, которые делали мои руки. Двойное пламя, красное и черное, несущее всю ярость сотни преисподней, набросилось на него, завертелось вокруг. Рефлекс заставил его оставить свое заклинание крови и отчаянно попытаться создать щит. Но было слишком поздно, потому что к тому времени песок вокруг нас взорвался. Я ощутил жар, и взрыв швырнул меня в воздух.

Я почти наверняка на секунду-другую потерял сознание, потому что, когда открыл глаза, лежал лицом вниз. Не в силах встать, я пополз на четвереньках к своему врагу; вонь вела меня не хуже, чем зрение — все расплывалось у меня перед глазами.

В конце концов добравшись до него, я с удивлением увидел, что он и вправду сумел создать щит. К несчастью для него, заклинание сработало только частично, когда ударило пламя. Вместо того, чтобы зажариться до угольков, его тело теперь походило на лоскутное изделие: куски нетронутой кожи соседствовали с участками сожженной плоти цвета пепла. Из раны на груди текла кровь, обильно и слишком быстро, чтобы я или кто-нибудь еще мог остановить кровотечение.

— Десять, — сказал он, выплюнув кровь вместе с этим словом. — Десять твоих соплеменников. Гордишься собой?

— Почти никогда, — ответил я.

Он засмеялся, хотя на глаза его навернулись слезы, противореча проклятию, которое он потом пробормотал:

— Моя смерть не принесет тебе ничего, кроме страданий. Другой займет мое место, и еще один, если тот падет. Семьдесят семь магов будут преследовать тебя до тех пор, пока пустыня не покраснеет от твоей крови. Слышишь, как звенит их поступь, меткий маг?

В его браваде и презрении была ужасная печаль, как будто он наблюдал, как все его мечты стать великим магом (мечты, которые некогда разделял и я) рухнули, как песчаные замки. Его тоска наполнила меня стыдом за то, что я собирался сделать дальше, но я все равно это сделал. Я схватил его за плечи и сжимал до тех пор, пока он не вздрогнул от боли.

— Скажи, что случилось с Фериус Перфекс. Ты сказал, что убил ее. Ты солгал?

Его губы дернулись, я даже не был уверен, что он меня услышал. Потом он выплюнул неровный смешок и вместе с ним — еще кровь:

— Я сказал, что убил ее? Может, она спаслась. Может, я вообще никогда ее не находил. Умоляй меня сказать правду, и я смогу вспомнить.

Я снова его затряс:

— Пожалуйста! Скажи мне, она…

Мой враг встретил смерть с тихим выдохом, который донес его последние слова:

— Страдай, Черная Тень.

Глава 4
ДИЛЕММА УМИРАНИЯ

Прошли день и ночь, прежде чем я и Рейчис смогли проползти еще несколько шагов, не потеряв сознание от боли. Мы оба были измучены и полумертвы. Застрять в пустыне без проводника и припасов… Скоро это сделает нас полностью мертвыми.

— Знаешь, о чем я думаю? — спросил Рейчис, разбудив меня: я неуклонно погружался в сон, от которого вряд ли бы очнулся.

Я с усилием разомкнул веки. Первый проблеск оранжевого рассвета оттеснял темноту. Скоро снова начнет возвращаться жара.

— О чем?

— Когда маг спросил, скажешь ли ты последние слова, ты должен был ответить: «Только одно» — а потом его испепелить.

Я лежал до тех пор, пока не набрал в легкие достаточно воздуха, чтобы потратить его на ответ:

— Хорошее замечание. Я запомню его, чтоб использовать в следующий раз.

Когда первые лучи утреннего солнца коснулись моей щеки, мое тело начало неметь. Вот и все. Действительно все. Через час, может, через два, я умру.

Из последних оставшихся сил я медленно потащился к Рейчису.

— Что ты делаешь? — подозрительно спросил он.

Я рухнул в паре шагов от него и протянул руку, чтобы положить на его мех.

— Келлен? — Он догадался, что я делаю. — Убери с меня свою вонючую лапу!

— Нет, — ответил я, наблюдая, как его шерсть медленно меняет цвет. Он пытался сделать ее черной с рыжими полосами, как всегда, когда хотел выглядеть угрожающим, но сейчас был слишком слаб, и вместо этого мех стал бледно-серым. Я ласково погладил его. — Если нам предстоит здесь умереть, я скажу то, что должен сказать. А ты будешь слушать.

Белкокот попытался увернуться, но у него не хватило сил.

— Отвали от меня, голокожий! Я тебе не родня. Я даже не твой друг! Это было чисто деловое соглашение!

— Рейчис, — сказал я, не обращая внимания на его протесты, — ты был вредным и раздражительным. Лгуном, вором…

— Убийцей, — добавил он.

— Верно. И это тоже. Но несмотря на все это, ты был… Рейчис, я хочу, чтобы ты знал, что я лю…

Он оборвал меня рычанием, барахтаясь в попытке подобрать под себя лапы:

— Глупый голокожий! Все твои стоны и разговоры мешают нам их услышать!

— Услышать кого?

Но потом я тоже услышал тихую поступь шагов по песку. Я ухитрился перекатиться на спину, но это не пошло мне на пользу. Пальцы мои так онемели, что, если бы я попытался бросить заклинание Караф, я бы только оторвал себе руки.

Две фигуры в капюшонах встали над нами, восходящее солнце за их спинами прятало их в тени. Постепенно я разглядел длинные черные кожаные пальто, совершенно непохожие на яркие шелка магов джен-теп, но куда более практичные.

Они опустились на колени и начали затаскивать меня на носилки, сделанные из переплетенного тростника.

— Ты только подумай! — сказал я Рейчису. — Разведчица не лгала насчет того, что отведет нас в Эбеновое аббатство.

— Да, — тихо прорычал он, — только она кое-что опустила.

Белкокоты видят лучше, чем люди, поэтому он раньше меня заметил, что здесь не так: лицо ближайшего монаха под капюшоном было покрыто извилистыми черными линиями, которые шевелились, как живые, когда я на них смотрел.

— Вот черт, — пробормотал я, когда сознание мое начало угасать.

Несмотря на все испытания и страдания, перенесенные в пути, мы нашли наш загадочный монастырь в пустыне — вернее, он нас нашел. Проблема заключалась в том, что монастырь получил свое название не потому, что у монахов имелось лекарство от Черной Тени.

Его называли Эбеновым аббатством потому, что жившие там монахи были ею заражены.

Глава 5
ИЗНАНКА СНОВ

Мой народ ненавидит сны.

Терпеть их не может.

Они ужасны.

Самое основное требование магии — чтобы ум мага оставался ясным; она требует полного осознания того, что тебя окружает, и абсолютного владения своими мыслями. Ты не можешь властвовать над шестью эзотерическими силами реальности, если твой разум говорит тебе, что ты прыгаешь на спине плывущего змея, окруженный белыми медведями, которые непрерывно свистят тебе в уши.

Поэтому — да, сны моему народу ни к чему.

Между прочим, изгоям тоже. Трудно выпутаться из беды, пока ты видишь галлюцинации и то, что — в ретроспективе — вероятно, ненамного хуже того, что в реальности должно с тобой произойти.

— Белые медведи! — завопил я, стараясь избавиться от пут. Как будто медведей было мало, скользкое маслянистое морское создание заглатывало мои ноги. Я уже наполовину скрылся в глотке монстра, а его омерзительно рыхлая наружная плоть душила меня влажной, ледяной хваткой. Чем усерднее я пытался избавиться от нее, тем туже сжималась грязная тварь, пока мой отлично натренированный разум джен-теп наконец не одержал верх:

«Ты запутался в своих одеялах, идиот. И они влажные просто потому, что ты потеешь».

С огромным усилием я размотал тяжелые одеяла на своих ногах и отбросил прочь. И тут же об этом пожалел.

Где бы я ни находился, оказалось, что сейчас ночь, потому что было чертовски холодно. И темно.

Я тряс головой до тех пор, пока окончательно не проснулся, а потом пару раз шлепнул себя по лицу, просто чтобы убедиться в этом. Сны бывают коварны: они дурачат тебя, заставляя поверить, будто ты проснулся, а несколько секунд спустя, конечно же, являются другие свистящие белые медведи, готовые тебя сожрать.

Когда мои глаза медленно привыкли к темноте, я понял, что нахожусь в каком-то шатре, сделанном из трех шестов, связанных наверху кожаными ремнями и покрытых толстой парусиной. Моя одежда осталась на мне, и это к худшему, потому что она, как и одеяла, пропиталась моим лихорадочным потом. Неудержимо

дрожа, я тем не менее сел и осмотрелся, ища то, что может сойти за оружие. Я почти никогда не просыпался в странном месте без того, чтобы кто-нибудь не собирался меня убить.

Рядом с собой я нашел остатки моего рюкзака — по крайней мере то, что не сгорело дотла в пустыне рядом с тем джен-теп, Повелителем крови. Большая часть содержимого была уничтожена, но мне осталась половина колоды бритвенно-острых стальных карт Фериус. Я отложил их в сторону, потом, спохватившись, провел по нижнему шву рубашки. Кончики пальцев нащупали пять монет кастрадази, спрятанных во вшитой в ткань потайной складке, чтобы Рейчис не украл их, пока я сплю. Что-то слегка сжалось в груди. Колода карт и несколько монет не казались такими уж впечатляющими, но в подобные времена берешь, что можешь.

Я оглядел весь шатер в поисках…

Да! В паре шагов, в стороне меня ожидал мой ремень, свернутый, со все еще привязанными к нему мешочками. Конечно, они были почти пусты, поскольку я использовал большую часть порошков на того проклятого Повелителя крови, но даже щепотка-другая могла помочь почувствовать разницу между спасением и казнью.

Я надел ремень и вложил карты в кожаный чехол, который портной пришил к моей правой штанине. Он счел эту идею смехотворной, но был счастлив взять мои деньги.

«Ладно, — подумал я. — Я получил все свое добро. А теперь — где…»

— Итак, ты проснулся.

Голос, из-за которого я чуть не получил сердечный приступ, говорил по-дароменски, но с акцентом, заставившим меня заподозрить, что это берабеск. В отверстии шатра появилось лицо, чьи острые черты подтверждали мою догадку. Человек был моложе, чем я ожидал (может, на год старше меня) и оказался самым непохожим на монаха парнем, какого я когда-либо видел. Его каштановые волосы спадали почти до плеч, вместо рясы он носил длинное черное пальто без рукавов, обнажавшее худые мускулистые руки, вокруг которых вились изогнутые черные линии. То, чего на руках не было, удивляло не меньше.

— У тебя нет татуировок, — сказал я. Голос мой скрипел, как петли ржавых ворот.

Он возвел глаза к небу:

— Типичный джен-теп. Вероятно, воспитанный в уверенности, что только у магов может быть Черная Тень, верно?

Он согнул руку. Метки на его коже начали извиваться.

— Просто еще одна ложь, которую рассказывает твой народ.

Он опустился на корточки.

— Меня зовут Турнам, и, на тот случай, если тебе интересно, это я спас тебя от смерти в пустыне. Не заливайся слезами благодарности. — Он протянул мне серебряную миску. — Вот еда, если ты голоден.

— Я…

«Умираю от голода, — понял я. — Просто умираю от голода. Я бы съел собственную руку, если бы на ней осталось достаточно мяса».

— Пожалуй, я не прочь поесть, — ответил я, дрожа, потому что он впустил в шатер холодный воздух.

В миске оказалась порядком отвратительная на вид смесь сушеных трав с кусками жареного мяса животного неведомой породы и, вероятно, такого же отвратительного.

Я практически вырвал миску из его руки.

«Как здорово», — подумал я, едва распробовав еду, потому что несколько кусочков мяса все еще оставались у меня на языке, когда остальные уже отправились в желудок.

— Ты не должен есть так быстро, — посоветовал он. — Тебя из-за этого…

— Еще! — потребовал я, показав ему пустую миску.

Он скрестил руки на груди и напряг мускулы, из-за чего — это нервировало — его метки Черной Тени начали извиваться, как змеи.

— Позже, как только твой желудок привыкнет к пище.

— Сейчас, — просипел я. Мой голос все еще был слишком хриплым для такой длинной беседы.

Вообще-то не рекомендуется выдвигать требования твоему хозяину… или похитителю… Но я уже умирал от голода до того, как меня забрали, а с тех пор, должно быть, прошла минимум пара дней. К тому же мои манеры за столом, возможно, стали чуть менее утонченными после того, как я провел слишком много времени рядом с неким двухфутовым мохнатым обжорой.

«Погодите, — подумал я. — Как я вообще сумел съесть три куска без того, чтобы он их украл?»

— Где Рейчис? — спросил я.

Мой благодетель вопросительно уставился на меня:

— Не знаю ни одного места с таким названием. Это…

— Белкокот! Животное, которое было со мной, когда вы меня нашли.

Он засмеялся; берабески ухитряются делать это с акцентом.

— А, животное.

— А — что? — спросил я.

У меня внезапно похолодело в животе.

Молодой монах сел:

— Аббат приказал нам доставить только тебя и больше никого. От животных аббатству никакой пользы. — Он кивнул на миску в моей руке. — Если не считать еды, конечно.

В моих мешочках было немного порошка, поэтому я взял всего по щепотке в каждую руку, прежде чем испепелить мерзавца.

Глава 6
БЕЛЫЙ ПЕСОК

Мои чары действуют не так, как обычный огонь. Двойное красное и черное пламя реагирует по-разному в зависимости от того, сколько порошка я использую, и от того, как именно сгибаю пальцы. Эффект может варьироваться от удара очень большим деревом до разрывания плоти ненасытным огненным призраком.

В данном случае я пустил в ход крошечные щепотки и направил указательный и средний пальцы обеих рук так, что порошки едва соприкоснулись; в итоге в грудь Турнама как будто ударила раскаленная сковорода. Очень, очень сильно.

Его отбросило на несколько шагов, и я воспользовался его кратковременной дезориентацией, чтобы выбраться из шатра. Вскоре я был уже в дюжине ярдов от него, со всех ног удирая в ночь.

«Он лжет насчет Рейчиса, — повторял я себе снова и снова. — Даже раненый, белкокот смылся бы, прежде чем они смогли бы его схватить. Со своей способностью менять цвет шерсти под окружающую среду, он сумел бы скрыться в золотистых песках».

«А что потом?»

Даже если Рейчис сумел сбежать, я оставил его одного в пустыне, с гноящимися ранами, умирающего от жажды…

— Рейчис! — закричал я.

Сзади приближался топот обутых в сандалии ног. Кто-то уже висел у меня на хвосте.

«Останавливаться нельзя».

Но меня уже одолевал проклятый холод. Я взглянул вниз и обнаружил, что единственное, что с меня сняли, — это сапоги, и что песок здесь белый. Он леденил ступни и оказался таким гладким, к чему я совершенно не привык. Как же далеко меня унесли?

— Рейчис!

Я прислушался — не донесется ли до меня его голос. Рычание, стон… Дьявол, я обрадовался бы даже оскорблению. У меня сжалось в животе, то ли от страха, то ли от холода, то ли оттого, что мясо не пошло мне впрок.

«Предки, если вы позволили мне съесть моего делового партнера, клянусь, я достану два полных мешка красного и черного порошка и встречу вас в Серой Пустоши, где выкажу вам свое уважение самым невоспитанным образом!»

— Стой! — закричал мой преследователь. — Туда нельзя!

Я оглянулся. Два монаха. Берабеск и еще один парень.

Очевидно, я недостаточно ранил Турнама, чтобы вывести его из игры. Его товарищ был крупнее, в пальто с рукавами, прикрывавшими руки. Лунный свет озарял бритую голову, покрытую извивающимися линиями Черной Тени, которые кончались под левым глазом тремя метками, напоминающими слезы. Из-за них казалось, что он чуть ли не плачет.

Я продолжал бежать, выискивая оружие в этой проклятой белой пустыне с холодным ветром, пробирающим до костей.

— Послушай нас, дурак! — завопил крупный монах. — Ты мчишься навстречу собственной смерти!

Они уже меня догоняли, что означало — мои шансы удрать от них невелики. К счастью, у меня был большой опыт удирания от погони.

Я сунул руку в карман за стальными картами. Резко остановившись, я повернулся на пятках, чтобы оказаться лицом к лицу со своими преследователями, и одновременно скользнул назад по гладкому белому песку.

Я метнул две карты в приближающихся монахов.

Тут стоит заметить, когда я говорю «метнул», это на самом деле означает, что я послал пару бритвенно-острых прямоугольных лезвий вращаться с такой скоростью, что увернуться от них было почти невозможно. Они рассекли бы тела моих противников так же глубоко, как любой брошенный в них нож.

У монахов даже не было времени прикрыть руками лица, когда карты полетели к ним. Им и не надо было этого делать. За мгновение до того, как лезвия могли достичь цели, метки Черной Тени Турнама размотались с его рук, затанцевали в воздухе, словно струйки черных чернил, выплеснувшиеся из ручки, и отбросили карты в сторону.

Я ошеломленно и завороженно наблюдал, как извилистые линии вернулись к своему хозяину, обмотавшись вокруг его рук и превратившись в прежний узор. Всякий раз, когда моя Черная Тень выкидывала номера, она или показывала мне ужасные видения людей, превращающихся в ужасные видения самих себя, или погружала меня во Тьму. Жизнь иногда такая несправедливая.

— Жди там, где стоишь, идиот! — закричал Турнам.

Его кожаный плащ был прожжен спереди в тех местах, куда ударили языки моего пламени, но тело под плащом было настолько густо покрыто черными метками, что я даже не мог сказать, ранил я его или нет.

Я прикинул — не пустить ли снова в ход свое заклинание, но

у меня кончался порошок, а значит, потребуется выскребать со дна и стенок мешочков достаточное его количество, чтобы правильно зажечь заклинание… А на это у меня не было времени. Значит, оставалось только бегство.

В такой ситуации я мог использовать ровно пять видов оружия. Первое — мои порошковые чары, а для них нужен был, как вы знаете, порошок. Второе — стальные карты, которые оказались бесполезны против этих парней. Третье — дух воздуха сасуцеи, обитавший в моем правом глазу и никогда (я не шучу) не помогавший, если я хотел, чтобы он помог. Четвертое — монеты кастрадази в моей рубашке, с которыми я пока не научился обращаться. А последнее оружие в моем смертоносном арсенале? Двухфутовый белкокот с дурными манерами.

Сейчас самое время было ему появиться.

Он не появился.

— Послушай, дурак! — окликнул большой лысый монах. — Посмотри, где ты стоишь!

Совет оказался правильным, поскольку я как раз добрался до края утеса. Смятение при виде пустоты внизу заставило мое зрение помутиться, а колени — задрожать.

«Кто воткнул гору посреди пустыни?»

Все вкупе внезапно приобрело смысл — например, почему я больше не чувствую ног, почему песок похрустывал, пока я бежал, и почему я дрожу. А, еще почему мне снились свистящие белые медведи.

Если все это звучит немного глупо, должен отметить, что я никогда в жизни не видел снега. И не ожидал его увидеть, поскольку обычно вы не найдете снег в пустыне.

«Где я, проклятье?»

— Не двигайся ни на дюйм! — закричал лысый монах.

«Как долго эти парни продержали меня в отключке?»

— Не подходите! — выкрикнул я, роясь кончиками пальцев в складках своих мешочков, чтобы достать оставшиеся крупицы черного и красного порошков.

По крайней мере, это может их отвлечь.

— Даже не думай попробовать на мне это заклинание во второй раз! — предупредил Турнам. Ленты на его голых руках расплетались.

Ну конечно, а что еще он мог сказать? Я все равно зажег заклинание. Раздался порядком удовлетворительный звук сгораемого между нами воздуха, и оба монаха упали на заиндевелую землю.

«Ладно, — подумал я. — И куда мне теперь идти?»

Это было спорно, потому что выяснилось еще одно свойство

снега, о котором никто тебя не предупреждает, если ты живешь в жарком климате. Я, конечно, читал о снеге в книгах и знал немало таких терминов, как «лед», «мороз», «метель» и даже самый смешной: «снежная лавина». Сперва я не мог припомнить, что означает последний термин, но скоро нашел ответ, когда земля задрожала под моими ногами. Оглушительный треск отваливающегося края утеса звучал так, будто внутри был заперт сам гром. Слишком поздно я попытался шатнуться назад, к своим преследователям.

Монахи побежали ко мне с протянутыми руками. Теперь я знал, что их попытка схватить меня будет тщетной. Последнее, что я увидел — как они покачивают головами, когда я кувырком лечу в бездну.

Существует семь заклинаний джен-теп, позволяющих магу летать, парить, левитировать или по-другому бросать вызов гравитации.

Я не обладал ни одним из них.

Глава 7
ЧЕРНЫЙ СНЕГ

Первая часть падения не была такой скверной, как я ожидал. Я пролетел почти двадцать футов и погрузился в мягкий снежный нанос на козырьке утеса. Потом козырек сломался. Я соскользнул еще футов на сто по склону горы, отчаянно пытаясь ухватиться за все, что попадалось под руку. Оказалось, это не просто!

Сперва я со свистом скользил, потом пролетел короткий путь, чтобы приземлиться на еще один снежный нанос. Это было странно приятно. Секунды три. Я кувырком скатился еще на пятьдесят футов, прежде чем приблизился к следующему крутому обрыву и увидел, что на сей раз меня внизу ждет не еще одно пышное покрывало снега, а зазубренные камни.

— Используй свою Тень, дурак! — голос одного из монахов отразился эхом от склона горы.

Клянусь, этот звук наслал на меня еще больше снега и льда.

«Как именно использовать Тень?»

В отличие от Теней этих монахов моя Черная Тень никогда не причиняла мне ничего, кроме страданий. Я врылся ногами в снег в попытке замедлить падение, но только перекувырнулся вверх тормашками.

«Отлично. Теперь я смогу приземлиться на голову, когда ударюсь о скалу».

Мгновением позже я уже летел по воздуху.

«Пожалуйста, — мысленно взмолился я, обращаясь к черным меткам вокруг моего глаза, — в кои-то веки помогите мне!»

Пока я падал, повсюду вокруг меня летали снежные глыбы, в воздухе порхали похожие на бабочек хлопья.

Я хватался пальцами за окружающую пустоту — рефлекс, который я не мог контролировать, хотя и знал, что толку от этого не будет. В отчаянии я удвоил усилия пробудить метки Черной Тени вокруг левого глаза. Это слегка напоминало попытки наградить себя головной болью.

«Предки, я умру. Разобьюсь о скалы, окруженный всем этим мерзким черным снегом. Постойте… Черным снегом?»

В свою защиту скажу, что потеряться в Тенях — дезориентирующее событие. Все становится угольно-черным, однако ты прекрасно видишь, как то, что обычно выглядит лишенным света, на самом деле становится тысячью оттенков обсидиана.

Я все еще падал, но теперь медленно, почти плавно, как лист,

подхваченный ветерком. Я мог направлять свой полет, и мгновение спустя ноги мои коснулись земли. Зазубренные скалы, которые я видел во время падения, исчезли, сменившись, насколько хватало глаз, ониксовыми песками.

«Я сделал это! — подумал я. — Я переместился в Тени!»

Конечно, это порождало важный и тревожный вопрос: во всех остальных случаях, когда я терялся в Тенях, туда уходила только моя душа, в то время как все остальное оставалось в реальном мире. Поэтому мне или очень, очень повезло и на сей раз что-то пошло по-другому, или мое физическое тело лежит разбитое и окровавленное на скалах у подножия горы. Но если так, означает ли это, что моя душа навеки заперта в Черной Тени?

Глава 8
ЧЕШУЙКИ ОНИКСА

Я стоял на широкой равнине, землю под моими ногами усеивали крошечные чешуйки оникса, а в небе над моей головой было полно эбеново-черных облаков. Если вам кажется, что это два одинаковых цвета — что ж, может, в нашем мире так и есть, но не в месте бесконечных Теней. Если уж на то пошло, обсидиановый океан вдалеке отличался от хлопьев снега цвета сажи, которые все еще падали вокруг меня. Да, и хотя солнца не было и поэтому не было никакой возможности определить время, я практически не сомневался, что здесь всегда полночь.

— Эй! — позвал я.

Ничего.

Всякий раз, когда я раньше терялся в Тенях, мои друзья оставались неподалеку. Я видел их тени, сделанные из секретов, которые они таили. Может, именно в том и заключается смысл Черной Тени: наши самые темные страхи обретают физическую форму. Если так, интересно, каков мой страх? «Может, этот страх оказаться запертым здесь, в одиночестве, навечно?»

Я снова закричал во все горло:

— Эй! Кто-нибудь!

Мой голос звучал странно. Слишком близко — как будто я шептал в собственные уши. Это заставило меня почувствовать себя как никогда одиноким.

«Проклятье, Рейчис! Почему тебя нет здесь, чтобы укусить меня и назвать трусом?»

— Келлен?

Слабый свист пронесся над пустынным черным ландшафтом, такой слабый, что он вполне мог быть плодом моего воображения.

— Рейчис?

Несколько секунд длилось молчание, потом еще тише:

— Келлен, где ты? Я ранен, Келлен. Я все время пытаюсь встать, но я…

Голос Рейчиса прервался. Даже в тишине я каким-то образом понял, что он поскользнулся и упал на песок. Но как я понял, что он до сих пор в пустыне?

Его голос зазвучал снова, мягче, чем когда-либо:

— Я устал, Келлен. Должен немного поспа…

— Рейчис, я иду! — закричал я в бесконечный черный пейзаж.

Вдалеке, наверное, больше чем в сотне миль отсюда, появились одинаковые силуэты того, что могло быть горным ущельем, ведущим в Золотой Проход. Горы ожидали меня. Дразнили меня. Конечно, до них было слишком далеко, но — плевать. Я рванулся к ним, мои ноги беззвучно топали по ониксовым чешуйкам. Может, пространство здесь не такое, как в реальном мире. Может, если я буду бежать достаточно быстро и держать в голове образ Рейчиса, я смогу…

Голос белкокота снова послышался эхом, теперь едва ли громче шепота на ветру:

— Не могу ждать тебя, Келлен. Прости, что ни разу не сказал…

И снова надломленный, свистящий голос затих.

— Нет! — завопил я. — Нет, Рейчис, держись!

Я продолжал бежать, но горы уходили все дальше и дальше. Земля подо мной двигалась, но я как будто ничуть к ним не приближался. Все вокруг нереально? Мое тело лежит, разбившись о скалы, у подножия горы, а все это — не более чем последние гаснущие мысли, когда кровь вытекает из моих жил, а мозг умирает от недостатка кислорода?

«Нет, — подумал я. — Все реально».

Я не понимал, откуда мне это знать, но я знал. Рейчис и вправду был там, на краю пустыни. Я знал даже больше: у него сломана лапа, он ранен в бою с существом, которое напало, когда он пытался украсть и съесть одно из его яиц. Он умирал с голоду. Он тащился мили и мили, пытаясь идти по моему следу. А теперь он умирал. Один. И я не мог до него добраться!

— Пожалуйста! — закричал я в небо. — Кто-нибудь, помогите мне!

Если боги земли и воздуха, которым молятся люди пограничных земель, слышали меня, если предки, которым поклоняется мой народ, знали о моей беде, если проклятый шестилицый бог берабесков слушал меня, ни один из них не подал мне знака.

— Будьте вы все прокляты! Почему вы так поступаете со мной? Почему вы делаете мою жизнь такой…

«Нет. Стоп. Это не поможет Рейчису».

Будь Фериус здесь, она бы сказала:

— Никто ничегошеньки для тебя не сделает, малыш. Лучше для разнообразия начни делать что-нибудь для кого-то другого.

И она была бы права. Рейчис был вредным маленьким типом, но он был моим деловым партнером. Он дюжину раз спасал мне жизнь, потому что так у нас заведено: мы ссорились, спорили, оскорбляли друг друга, но в решающий момент он стоял за меня.

Всегда. И теперь я должен найти способ постоять за него.

Белкокоты — стойкие создания, а Рейчис был кровожаднее большинства из них. Сможет ли он протянуть еще день, раненый и умирающий в пустыне от голода и жажды? Истинный маг джентеп сумел бы использовать магию крови и песка, чтобы послать ему силы продержаться еще немного. Но я зажег только татуировку магии дыхания, прежде чем мои родители связали контрмагией остальные мои татуировки. Если бы я был могущественным, как моя сестра Шелла, я смог бы придумать какое-нибудь заклинание, чтобы…

«Постой… Шелла».

Она могла бы такое сделать. Она зажгла все шесть своих татуировок. Более того, она гениально придумывала новые заклинания. Мне просто нужно послать ей весточку.

Я оглядел место, которое на самом деле вообще не было местом, а чем-то другим — чем-то одновременно и отделенным от физического мира и в то же время связанным с ним.

— Шелла! — позвал я.

Может ли это и вправду быть так легко? Я собираюсь наконец найти применение черным меткам вокруг своего левого глаза?

Ничего. Ни слова, ни звука. Я закрыл глаза и пожелал приблизиться к ней, в надежде, что это каким-то образом заставит эфирную физику Теней дотянуться до нее. Ничего не произошло.

В известной степени этого следовало ожидать. Я любил сестру, но миру плевать на любовь. А с Рейчисом нас связывали узы. Все его короткие рыки и посвисты превращались у меня в голове в слова. Как бы ни работала эта связь, ничего подобного у меня не было ни с кем другим.

Тихий, сопящий звук донесся до моих ушей. Неровное дыхание Рейчиса. Я чувствовал его там, вдали от проклятых гор, за которые меня утащили монахи, ожидающего смерти.

Я подавил панику. Может, мне никогда не стать аргоси вроде Фериус, но, если понадобится, я буду следовать их неумолимому Пути Камня. Что мне было нужно — так это заклинание вроде того, которым пользовалась Шелла, чтобы связаться со мной, когда я путешествовал по Семи Пескам. Иногда лицо сестры появлялось на песке или в чаше воды, и она начинала бранить меня за это или за то. Один раз она появилась в облаках над головой. Это тогда особенно выбило меня из колеи.

«Сосредоточься, идиот».

Я не мог сотворить такое заклятие, какое использовала Шелла, но, возможно, этого и не требовалось.

Я опустился на колени, разгладил крошечные чешуйки

оникса. Шелле пришлось произнести заклинание всего однажды, а после она могла пробудить его одной силой воли всякий раз, когда ей хотелось со мной поговорить. Магия со временем ослабела, но эфирные нити все еще могли остаться. Одна из этих нитей была сделана из магии дыхания.

Я уставился на бледно-голубую металлическую татуировку, обвивающую мое правое предплечье, посылая в него свою волю, заставляя его заискриться. Если бы я сумел активировать хотя бы малую часть заклинания Шеллы, возможно, она заметила бы это и пустила в ход свои куда более могущественные силы, чтобы довершить остальное.

Татуировка дыхания замерцала, ее голубой свет оттеснял черноту Теневых земель. Я провел рукой по чешуйкам оникса и наполнил свой разум сущностью Шеллы.

Люди — это не просто имена, голоса или лица. И не просто воспоминания. Они нечто большее, чем все это вместе взятое; настолько большее, что почти невозможно полностью представить себе человека. Однако именно это я и должен был сделать. Я рисовал пальцем контуры лица Шеллы на ониксовых чешуйках, притягивая все больше и больше магии дыхания через свою татуировку. Татуировка дьявольски обжигала, чего обычно не случалось. Не обращая внимания на боль, я продолжал рисовать черты лица Шеллы, разрез ее глаз, когда она смотрит на меня, как на идиота, намек на улыбку, когда она взяла надо мной верх. Боль все усиливалась, становясь почти невыносимой. Но мне и раньше бывало больно, а кроме того, я знал — любая моя боль ничто по сравнению с тем, что испытывает Рейч…

«Стоп. Жалость и отчаяние не помогут».

Я снова обратился к мыслям о сестре: не по годам развитой девочке, более талантливой, чем любой другой член нашего клана, даже наш отец. К сестре, которая всегда верила, что я смог бы стать лучше, даже если это означало попытку меня убить. К…

«Нет, ты должен увидеть ее всю, а не только хорошие стороны».

Шелла была искусительницей. Ей нравилось, как на нее смотрят все мальчики нашего клана, как пытаются произвести на нее впечатление. Конечно, она меня любила, но не раз предавала. В ней было все хорошее и плохое, что только можно вообразить в человеке, но прежде всего она была сложной.

«Такой чертовски сложной!»

Ветер закрутился вокруг, унося чешуйки, которые я так тщательно пытался сложить в ее черты. Как будто сам воздух противился мне. Внезапный укол в татуировке заставил меня взглянуть туда. С руки капала черная кровь. Боль заставила меня

ослабить хватку на образе Шеллы в моем мозгу.

«Нет. Чем бы ты ни был, ты меня не победишь. Я пройду Путем Камня. Я не согнусь. Я не сломаюсь».

Я закрыл глаза, снова рисуя лицо Шеллы на чешуйках, на этот раз по памяти. Я позволил мыслям о ней наполнить меня, разрешил чувствам к ней заглушить все остальное. Я любил свою сестру. Я ненавидел ее. Я восхищался ею. Я обижался на нее. Я нуждался в ней.

— Келлен?

Я открыл глаза:

— Шелла?

Ветер только усилился, но, хотя вокруг меня летали чешуйки оникса, пытаясь в меня вонзиться, там, на земле, тысячи других сопротивлялись, принимая очертания лица моей сестры. Глаза сузились, когда она прищурилась и посмотрела на меня снизу вверх.

— Келлен? Где ты?

— Шелла, мне нужна твоя помощь! Рейчис ранен. Ты должна…

Чешуйки, сложившиеся в ее левую бровь, приподнялись.

— Некхек? Ты прервал мои занятия, чтобы поболтать о грязном некхеке?

Некхеки — слуги демонов. Так мой народ называл белкокотов.

— Шелла, пожалуйста! Он на южной окраине земель берабесков, в пустыне под названием Золотой Проход. Он тяжело ранен. Тебе нужно создать заклинание, чтобы вылечить его. Попытайся послать весточку Фериус Перфекс. Она отправится туда и найдет его. Пожалуйста, сестра, ты должна…

— Я ничего подобного не сделаю, пока ты хотя бы не скажешь, где ты, Келлен.

Ее сложенные из чешуек глаза сдвинулись влево и вправо, она огляделась.

— Что это за место?

— Это… Точно не знаю. Я искал Эбеновое аббатство, когда…

— Эбеновое аббатство? О Келлен, как ты мог поверить в такую ерунду? Все знают, что аббатство — миф.

Черты ее лица изменились, они стали смертельно серьезными.

— Келлен, если аббатство существует, я должна немедленно рассказать отцу. Следует отправить военный отряд, чтобы уничтожить эту мерзость прежде, чем…

Она не слушала. Все, что ее заботило, — слава нашего народа, и больше всего — слава нашей семьи. Я вложил в свои

слова весь арта сива — талант аргоси убеждать:

— Сестра, сейчас ты меня выслушаешь. Рейчис умирает, и ты одна в целом мире можешь ему помочь. Если ты вообще меня любишь, если хочешь снова называть меня братом, не превращая это слово в дурацкую шутку, ты его спасешь. Ты спасешь моего друга.

Она пристально уставилась на меня из ониксовых чешуек, потом вздохнула:

— Прекрасно. Опиши место, где ты его оставил, и, может быть, я смогу…

— Я поймал его! — прозвучал с неба над моей головой низкий сердитый голос. Один из монахов. — Проклятый дурак пытался ускользнуть в Тени!

Из облаков появились черные ленты и обернулись вокруг моих запястий, обматываясь снова и снова, усиливая хватку. Они начали тянуть меня, утаскивая от Шеллы.

— Нет! — закричал я. — Отпустите меня!

Появились новые полосы Черной Тени, обматываясь вокруг моей груди. Я почувствовал, как они тянут меня за лодыжки. Внезапно меня подняли в воздух, подсекли, как рыбу леской. Я вопил, ругался и боролся с лентами до тех пор, пока плечи мои едва не вывернулись из суставов.

— Келлен? Что происходит? Мне нужно, чтобы ты рассказал, как найти нек…

Я так и не услышал конца фразы. В меня врезалась твердая земля. Холод пробежал по моей спине. Небо надо мной теперь было серым, оно роняло крошечные хлопья белого снега, которые таяли, коснувшись моего лица, и превращались в слезы.

Монахи вытащили меня из Теней, прежде чем я смог рассказать Шелле, как найти Рейчиса.

Глава 9
ДУРАК

Слово «дурак» примечательно тем, что имеет больше одного значения независимо от того, на каком языке вы говорите. На джен-теп, барабесском, гитабрийском, дароменском или любом другом языке «дурак» — это тот, кому не хватает здравого смысла или благоразумия, тот, кем воспользовались в чужих интересах, ненормальный, лишенный интеллекта… Или охлажденный десерт из смешанных фруктов. Можно было подумать, что последнее значение появляется только в одном языке, но в действительности есть несколько языков, в которых слово «дурак» связано с замороженным фруктовым угощением.

Когда взявшие меня в плен называли меня дураком, а они делали это часто — на следующий день, я почти сомневался, что они имели в виду все разнообразные значения этого слова одновременно. Кроме фруктового, хотя такого я тоже не мог исключить, если уж на то пошло.

— Дурак замерзнет до смерти, — сказал Турнам.

Грубость его тона стряхнула с меня дремоту. Я повернул голову и увидел то, что видел каждый день с тех пор, как меня вытащили из Теней: снег, лед, скалы, гору. Я был так слаб, что путешествие стало бы чересчур сложным, если бы я по большей части просто не парил, пока монахи шагали вверх по склону горы: меня удерживали на весу теневые ленты Турнама, обмотанные вокруг моих ног и туловища. Я узнал, что имя бритоголового с отметинами в виде слез под глазом зовут Бателиос.

— Конечно, он замерзает. Холодно.

Это заставило меня захихикать и расположило к нему больше, чем к Турнаму.

— И он явно слаб, — добавил Бателиос. — И умом и телом.

Ладно, может, из этой парочки моим любимцем был Турнам.

Вообще-то какая разница? Я не собирался задерживаться в их компании.

— Я бы скормил его своему демону, — сказал берабеск, теребя обожженный кусок лацкана кожаного пальто. — Какая польза от него будет ордену?

Молодой человек посмотрел на меня сверху вниз с широкой улыбкой на лице.

«Нет, постойте, я же вижу его вверх тормашками. Это не улыбка, а сердитый оскал».

— Ты чуть не стащил меня с утеса вслед за собой. Стоило бы

позволить тебе сломать позвоночник на тех камнях. Твоя смерть была бы столь же неприятной, сколь заслуженной.

«Знаешь, моя жизнь и так не похожа на десерт «дурак».

Я захихикал над собственным остроумием, что заставило меня задрожать. Я и вправду замерзал. В придачу ко всем моим ранам и недугам короткое пребывание в Тенях наградило меня лихорадкой.

— Почему ты от нас удирал? — спросил Бателиос.

Он терпеливо тащился вверх по склону, повернувшись ко мне спиной.

— Мой друг… — сказал — вернее прохрипел — я. Но мысль о Рейчисе подстегнула меня. — Мне нужно помочь моему другу.

— Животному? — засмеялся Турнам. — Разве я уже не сказал? Животные — еда, а не компания.

Его издевка напомнила мне, как он пытался внушить мне, что я ел Рейчиса.

— Как там ожоги у тебя на груди? — любезно осведомился я.

Оттуда, откуда я на него смотрел — снизу вверх, — его рычание выглядело впечатляюще грозным.

— Твой питомец уже умирал, когда мы забрали тебя из Золотого Прохода. К этому времени его труп растащили канюки и шакалы.

— Ты ошибаешься! — Я попытался закричать, но получилось нечто чуть громче хриплого шепота: — Я слышал, как он говорил со мной, когда я был в Тенях. Он все еще жив.

— Ты не был в Тенях, ублюдок, — возразил Турнам. — Ты просто падал на скалы, когда мои ленты подхватили тебя.

«Лжец, — подумал я. — Я слышал, как Рейчис меня зовет, и говорил с сестрой. Она сказала, что поможет ему!»

Вот только… Это заняло бы немало времени, верно? По меньше мере несколько минут. Падение с утеса занимает секунды. Моя одежда все еще была мокрой от пота, кожа влажной. Меня так лихорадило и я так отчаянно стремился спасти Рейчиса, что все придумал?

— Посмотри. Теперь он плачет, — сказал Турнам. — Из-за никчемного животного.

Бателиос подошел и встал надо мной, из-за меток на щеке у него был странно сочувственный вид.

— Прости Турнама. Он не видит острого клинка горя, поворачивающегося в твоем сердце. Мы прибудем в аббатство через три дня. А пока спи.

Теневая влага появилась в уголках его глаз. Черные слезы потекли по его щекам и упали мне на лоб и на глаза. Я попытался смахнуть их, но внезапно так обессилел, что сумел остаться в

сознании лишь настолько, чтобы услышать слова Бателиоса:

— Бедный дурак.

Глава 10
СПЯЩИЙ

Я то засыпал, то просыпался, оставаясь в сознании лишь на краткое время, и в такие мгновения строил планы побега. Я понятия не имел, что ожидает меня в Эбеновом аббатстве, но больше не собирался это выяснять. Или Рейчис все еще жив и ждет в пустыне, когда я его спасу, или он мертв. Я мог хныкать и скулить, а мог взять себя в руки, поверить, что белкокот настолько неистребим, как он всегда заявлял, и отправиться в пустыню, чтобы его найти. Я знал, какое решение принял бы Рейчис.

Вообще-то он, наверное, решил бы, что я мертв, и отправился воровать у какого-нибудь другого простофили.

— Неважно, — пробормотал я вслух.

— Что такое? — спросил Турнам. Его теневые ленты закачались в воздухе, когда он повернулся, чтобы на меня посмотреть. — Бателиос, дай ему еще.

«Нет, — подумал я. — Не позволяй ему!»

Странное дело — отчасти я и вправду начинал жаждать блаженного забытья без снов, которое приносили слезы Бателиоса. Может, когда на тебя плачут Черной Тенью, это вызывает привыкание.

— Оставь меня в покое, — сказал я, когда монах замедлил шаги и посмотрел на меня.

Если бы Нифения была здесь, она задала бы ему хорошую трепку. Сонные чары ее не на шутку злили.

— Отдых пойдет на пользу твоим ранам, — ласково сказал Бателиос. — И тем, которые мы видим, и невидимым глазу.

— Заткнись, — ответил я. — Я пытаюсь уснуть.

Я закрыл глаза и злобно повернул голову набок. Не уверен, купился он на это представление или ему просто не по душе было навязывать свою волю, но он больше не пытался меня усыпить.

«Ладно, — подумал я. Крошечная победа заставила мой мозг работать чуть быстрее. — И что теперь?»

Я не был в такой отличной форме, чтобы попытаться сбежать, но, если я подожду, пока Турнам и Бателиос доставят меня в Эбеновое аббатство, будет слишком поздно. И кто знает, сколько у них там монахов? А вдруг все аббатство — своего рода тюрьма? Нет, надо удрать до того, как они притащат меня туда.

Зачем ждать так долго? Почему не попытаться раньше, а не позже? Потому для изгоя правильно выбранное время — это все.

Когда Фериус учила меня азартным играм, она сказала, что дилетант играет своими картами, эксперт играет картами противника, а мастер играет в пространстве посередине. Да, сначала это тоже показалось мне бессмыслицей. Но, думаю, она имела в виду, что важны не столько карты, сколько психология самих игроков. Скажем, у вас хорошая сдача, но вы полагаете, что у вашего противника она лучше; ваши карты больше неважны. Даже если у противника потрясающая сдача, но он считает, что ваша может быть лучше… Опять-таки — неважно, какие у него карты. Все дело в ожидании и предчувствии.

В данный момент взявшие меня в плен были настороже, потому что знали: ко мне медленно возвращаются силы. Как только мы попадем в аббатство, кто-нибудь наверняка предпримет шаги, чтобы удержать меня там. Но что насчет окрестностей аббатства? Что насчет драгоценных пяти или десяти минут перед нашим прибытием? Турнам и Бателиос начнут чувствовать себя в безопасности — в конце концов, мы приблизимся к концу путешествия. Их мысли обратятся к еде получше, крову и тому, что еще ожидает их дома. Они решат, что их миссия завершена и опасность миновала. Если я сделаю свой ход, скажем, в нескольких сотнях ярдов от входа в аббатство, мои конвоиры окажутся в тупике: они устали нести меня всю дорогу, и, хотя в аббатстве им может помочь сколько угодно других монахов, им придется побежать в другую сторону, чтобы привести этих людей, а не туда, куда направлюсь я. Поэтому они, наверное, разделятся, что намного облегчит мне задачу.

«Ведь в жизни, как в покере, настоящая игра идет в пространстве между твоими картами и чужими».

Нет. Это все равно бессмыслица.

В любом случае это была лучшая стратегия, какую я смог придумать. Теперь мне просто нужен план. И отдых. Не могу припомнить, чтобы когда-нибудь был таким…

«Нет, подожди! Не засы…»

Глава 11
ОБМАН

Меня разбудил глухой звук, меня опустили на заснеженную землю.

«Хорошо, о чем я там… Ах да: план».

Успешный план побега состоит из трех элементов: обман, рывок и увертка.

Обман — это подготовленная диверсия, отвлекающая внимание твоих пленителей, чтобы ты мог спастись из клетки, цепей или петли, с помощью которых тебя держат в заточении. Добротность обмана оценивается по тому, насколько он отвлекает и как долго тебе верят. Обычно мое порошковое заклинание может вызвать взрыв достаточно большой, чтобы дать мне порядочную фору, но я ковырялся в мешочках при каждом удобном случае и набрал порошка всего на один-два приличных взрыва. Как только я его использую, у меня ничего не останется. В полах рубашки у меня были зашиты монеты кастрадази, но я до сих пор не знал, на что способна каждая из них; я научился всего паре неплохих трюков, и ни один из них не задержит Турнама и Бателиоса надолго. Поэтому следовало придумать что-нибудь еще.

Потом, конечно, идет рывок — когда ты освобождаешься от пут. Теневые ленты Турнама позволяли обоим монахам нести меня и одновременно удерживать, поэтому мне нужно как-то вывести ленты из строя. У меня имелась парочка идей, но ни одну из них нельзя было проверить заблаговременно, поэтому с рывком тоже была проблема.

Даже если я смогу придумать приличный обман, а потом вырваться от монахов, они просто пойдут по моим следам и в конце концов сумеют меня поймать. Вот почему третья часть любого верного плана побега — увертка. Я должен придумать способ послать Турнама и Бателиоса по ложному следу.

Обычно в каждом плане труднее всего придумать увертку, но в данном случае я уже догадался, что надо сделать. Видите ли, даже если я смогу удрать, у меня нет припасов и снаряжения, чтобы спуститься с горы и убраться из этих мест. Поэтому я или упаду и разобьюсь насмерть, или умру с голоду по дороге. Хорошие новости заключались в том, что поскольку побег предполагает движение прочь, Турнам и Бателиос будут ожидать, что я пущусь в бега. Вот почему я сделаю как раз наоборот.

— Почти пришли.

Бателиос остановился и прислонился к выступу скалы.

— Благодарение богу, — сказал Турнам, прижимая ладони к пояснице; теневые ленты обмотались вокруг его рук. — У меня несколько дней болит голова из-за того, что я несу этого ублюдка.

Я и вправду заметил, что сегодня меня трясло чуть больше.

«Рад это узнать».

— Далеко еще? — спросил я, а потом, чтобы скрыть свой энтузиазм, добавил: — Там будет приличная еда?

Турнам засмеялся.

— Если и будет, как думаешь, станем мы ее тратить на песчаную крысу джен-теп, которая уже доставила больше хлопот, чем сама стоит?

«Думаю, нет».

— Сразу за тем кряжем, — сказал Бателиос, показывая на тропу, ведущую к крутому подъему вдалеке.

Я посмотрел туда, куда он махнул рукой. Вероятнее всего, еще около мили.

— Мне нужно помочиться, — сказал я, с трудом поднимаясь. — И еще кое-что.

— Кое-что? — переспросил Турнам. — Ты имеешь в виду — нагадить?

Я кивнул.

Быстрые, как хлысты, ленты обмотались вокруг моих рук.

— Что ж, можешь и подождать. Путь займет не больше получаса.

Я стал корчиться в теневых путах.

— Тогда эти полчаса вы будете чуять что-то очень неприятное.

— Прекрати! — сказал Турнам, вздрагивая в ответ на мое ерзанье и вихляние.

«Он вымотался, — понял я. — Значит, сейчас идеальное время, чтобы испытать мой план, и в то же время обман становится намного, намного опаснее».

— Просто дайте мне две минуты, — умолял я. — Я умираю.

— Я тебе покажу — умираю, — проворчал Турнам, но расслабил, наконец, путы.

Черные ленты отпустили меня, но сперва подняли на фут в воздух, чтобы бесцеремонно уронить на землю.

Я встал и демонстративно огляделся по сторонам. Справа от нас по гористой местности тянулся редкий вечнозеленый лес. Слева был край утеса еще более крутого, чем тот, с которого я упал несколько дней назад. Я двинулся к деревьям — и сделал всего два шага, прежде чем одна из лент Турнама схватила меня за запястье.

— Туда, — сказал он, поворачивая меня кругом и показывая на край утеса. — Там мы сможем за тобой приглядывать.

Я всеми силами постарался выглядеть раздраженным и смущенным. На самом деле я не чувствовал ни смущения, ни раздражения. Я ни на миг не надеялся, что мне позволят забрести в лес. Поэтому неторопливо пошел на край утеса и постоял там мгновение, глядя вниз с обрыва добрых две тысячи футов высотой.

— Ну? Ты собираешься приниматься за дело? — спросил Турнам.

— Он в самом деле мертв?

— Что?

— Мой друг. По-твоему, он в самом деле мертв? Только лихорадка заставила меня думать, будто я скользнул в Тени и разговаривал с ним? Или это могло случиться на самом деле? Может, я действительно скользнул в Тени.

Послышались тяжелые шаги Бателиоса, и вскоре он схватил меня за плечи.

— Даже не думай прыгнуть снова, мой друг. Боюсь, Турнам не сможет спасти тебя во второй раз. Известие о том, что существует военный отряд джен-теп, цель которого — увидеть всех нас мертвыми, отнюдь не улучшило его и без того неприятный характер.

— Но ты ему нравишься? Я имею в виду — вы друзья?

— Полагаю, что так.

— Хорошо.

Я упал, используя свой вес, чтобы вырваться из хватки Бателиоса. Он инстинктивно попытался схватить меня снова, но теперь я был под ним, и его большие руки поймали только воздух. Монах уже потерял равновесие, а я в придачу воткнул плечо глубоко ему в живот. Воздух вырвался из его легких, он согнулся, стоя надо мной. Я схватил его за пальто сзади и изо всех сил оттолкнулся ногами от каменистой земли.

Бателиос был гораздо тяжелее меня, но Фериус научила меня паре трюков, связанных с рычагом, — особенно тому, как швырнуть через плечо человека больше себя самого.

Все это заняло меньше двух секунд и случилось слишком быстро, чтобы Турнам успел среагировать. К тому времени Бателиос уже летел через край утеса. Мгновенного недоумения, мелькнувшего на его лице, хватило для того, чтобы заставить даже изгоя почувствовать себя виноватым.

«Извини, друг. Ради нас обоих надеюсь, что Турнам любит тебя больше, чем ненавидит меня».

Глава 12
РЫВОК

Фериус говорила, что никого не надо убивать, если есть альтернатива, а альтернатива есть всегда.

Но у Фериус нет Черной Тени, и, хотя аргоси явно раздражает людей достаточно, чтобы они сделались одержимыми мыслями об убийстве, редко кто-нибудь действительно пытался ее убить. Кроме того, сумасшедшие монахи с Черной Тенью не брали ее в плен, чтобы скормить своим демонам.

Поэтому я приготовился отнестись к приближающейся кончине Бателиоса, как к непосредственному результату того, что он взял меня в плен. И все-таки искренне надеялся, что Турнам его спасет. По сути, я рассчитывал на это.

— Бателиос! — закричал Турнам и побежал к обрыву.

С видом отчаянной сосредоточенности он нахмурил брови, и метки Черной Тени на его руках сплелись в ленты, которые метнулись вниз с утеса и обмотались вокруг лодыжек большого монаха. Турнам застонал от напряжения, покачиваясь и опасно наклонившись над краем. Я схватил его и оттащил назад примерно на фут, пока он не восстановил равновесие. В конце концов, я не чудовище. Пока.

Я заглянул за край. Бателиос пролетел добрых двести футов, прежде чем его поймали ленты Турнама, но ослабленные завитки с трудом удерживали его, не давая упасть, в пропасть. Бритоголовый монах схватился за непрочные выбоины в камне и начал карабкаться вверх; ленты его поддерживали.

Я похлопал Турнама по плечу.

— Похоже, там, внизу, скользко. Лучше держи его покрепче.

Взгляд, который он на меня бросил, мог бы заморозить солнце в небе.

— Ах ты, чертов ублюдок. Ты хочешь, чтобы я его спас. Тогда мы оба станем слишком слабы и не сможем за тобой гнаться.

Я побежал обратно и набил свой рюкзак теми немногими припасами, какие сумел найти.

— Сожалею об этом, но зря вы заставили меня бросить моего делового партнера.

— Белкокота? Проклятого белкокота? Ради какого-то грязного грызуна ты собираешься стать врагом Эбенового аббатства?

Я вскинул рюкзак на плечо.

— Знаешь что, друг? Большая часть мира уже настойчиво

пытается меня убить. И они бы завершили свою работу, если бы не этот грызун. — Я двинулся прочь, уходя от обрыва. — Подумаешь, приобрел еще нескольких врагов!

Турнам продолжал вопить. Я почти уверен, что он убил бы меня на месте, если бы не использовал силы на поддержание Бателиоса. Не могу сказать, что вошел в лес легким шагом, но, по крайней мере, я был свободен.

Пройдет немало времени, прежде чем мои похитители смогут начать меня искать.

Вот это, друзья, мы и называем — рывок.

* * *

Следующий час я провел, топая между заснеженными деревьями. Примерно через каждую дюжину ярдов я останавливался, возвращался и оставлял ложный след, ведущий в самых разных направлениях. Я видел, Фериус так поступала, когда мы сбегали в местах хоть и незаснеженных, но имевших достаточно общего с этим местом, чтобы я решил, что здесь должна сработать та же тактика. В конце концов я подумал, что пора двинуться к моей настоящей цели.

Вопреки всем трудностям я ухитрился провернуть приличный обман и сделать хороший рывок. Пришло время увертки.

Я чувствовал, что могу побиться об заклад: как только Турнам втащит Бателиоса на утес, они даже не попытаются меня преследовать. Вместо этого они отправятся в аббатство за подмогой. Хотя я понятия не имел, сколько человек живет в Эбеновом аббатстве, вряд ли кто-то построил монастырь на вершине горы для того только, чтобы поселить там пару монахов. Поэтому вскоре ущелья будут полны братьями с Черной Тенью, жаждущими выследить меня прежде, чем я отыщу обратную дорогу к Золотому Проходу.

Долго же им придется искать.

Несмотря на свою внешность (и, полагаю, историю), я не совсем идиот. Я никоим образом не мог бы перегнать компанию сумасшедших монахов — тем более что они знали, куда я направляюсь. Поскольку им скорее всего были известны тропы, ведущие вниз с горы, а мне неизвестны, мне следовало направиться туда, куда они меньше всего ожидали: в само аббатство.

Как только куча монахов уберется оттуда, чтобы охотиться за мной, я прокрадусь внутрь, стащу достаточно припасов для путешествия, а потом отправлюсь за своими преследователями,

держась на безопасном расстоянии.

Поскольку подножье горы явно больше его вершины, чем ниже мы будем спускаться, тем больше будет мест, где я смогу прятаться, пока не удастся смыться. Рано или поздно я где-нибудь куплю или украду лошадь, а потом вернусь к Золотому Проходу.

Враги не только не смогут меня схватить, они укажут мне путь с этой проклятой предками горы и снабдят меня припасами для путешествия.

Видите? Вот почему третью часть успешного побега называют уверткой.

Глава 13
УВЕРТКА

Однажды я спросил Фериус, есть ли вообще четвертый этап плана побега. Она ответила, затянувшись своей курительной соломинкой и выдохнув дым через нос:

— Три этапа — это очень много для любого правильного побега, малыш. Если выяснится, что тебе нужен четвертый, значит, ты в беде.

Как только я бросил первый взгляд на Эбеновое аббатство, у меня не осталось никаких сомнений, что потребуется четвертый этап.

Я ожидал увидеть на вершине горы беспорядочное скопище бревенчатых хижин, лачуг или чего-либо похожего. Вместо этого, покачиваясь на верхушке самого высокого и крепкого дерева, какое я смог найти на краю леса, я из своего ненадежного наблюдательного пункта увидел такое, что у меня захватило дух. Семь сверкающих обсидиановых башен вздымались больше чем на сотню футов над навесной стеной, которая сама была пятнадцати футов в высоту и описывала вокруг аббатства круг не меньше мили длиной. Ониксовые дорожки пересекали три отдельных двора и соединяли между собой достаточно двух- и трехэтажных зданий, чтобы в них поместились жители целой деревни. Снаружи, перед воротами, тянулась языком змея-дорога из блестящего черного камня, приглашая войти.

Как кто-то сумел воздвигнуть втайне такое колоссальное сооружение? Где они добыли столько черного камня? Кто втащил его на самый верх горы и как они снабжали себя достаточным количеством зерна, мяса, стройматериалов и других припасов?

Я слез с дерева — это оказалось труднее, чем на него забраться — и, едва переведя дух, возобновил свой болезненно медленный путь к аббатству. Мне повезло, что лес был достаточно густым, чтобы укрыть меня, пока я огибал стену. Фериус говорит, что замки похожи на лошадей: величавые спереди, но куда менее привлекательные сзади. Потому что любое большое замкнутое пространство, полное людей, производит множество отходов (примерно как задница лошади), и отходы надо куда-то девать. Как ни прискорбно, это «куда-то», как правило, лучший путь проникнуть внутрь замка или выбраться из него.

Я был вознагражден за часовое изучение аббатства тем, что обнаружил удивительно хорошо построенный канализационный

тоннель: он выходил на склон утеса, не сильно отличающегося от того, где я посадил на мель Турнама и Бателиоса. Я запихал свои пожитки в заснеженный кустарник и начал спускаться с двенадцатифутовой скалы без помощи веревки, в результате неуклюже приземлившись у края тоннеля. Отсюда я начал очень неприятное путешествие в темноту.

Оказалось, что испражнения святых людей пахнут не лучше — а возможно, чуть похуже — испражнений непосвященных. Но в конце концов я прошел под навесной стеной аббатства и очутился в паутине менее отвратительных тоннелей, которые связывали разные башни и здания с канализацией. Я шагал по тоннелям, время от времени глядя сквозь решетки вверх, в кладовые, кухни и две библиотеки. Только добравшись до решетки, которая, должно быть, находилась недалеко от центра аббатства, я увидел людей.

Вообще-то я не столько увидел их, сколько заметил лужи крови, льющиеся сквозь решетку передо мной. И тогда до меня донеслись вопли.

Подошвы сапог и сандалий отчаянно топали над моей головой. Мужчины и женщины бежали, выкрикивая слова, которые я не узнавал. Здесь как раз хватало света, чтобы я разглядел еще одну решетку шагах в пятнадцати справа, в тоннеле поменьше. К решетке вела железная лестница.

Я побежал туда и взобрался наверх. Решетка оказалась на петлях, и, хотя здравомыслящие люди обычно бегут в противоположном направлении от таких вещей, извращенное любопытство заставило меня пожелать выяснить, что стало причиной всего этого хаоса.

Толкнув металлическую решетку вверх настолько, чтобы высунуть голову, я увидел дюжину мужчин и женщин в черных рясах. Метки их Черной Тени извивались лентами, обматываясь вокруг членов твари настолько громадной и ужасной с виду, что я не смог оторвать от нее глаз.

На голове создания были рога, но не один и не два, как на старых масках медеков, с помощью которых запугивали мой народ, а целых шесть. С отвратительной симметрией из торса торчали шесть членов: четыре руки и две ноги. Громадная грудь вздымалась, как кузнечные меха, а огромные челюсти рвали плоть умирающего человека, который, несмотря на явно смертельные ранения, силился вырваться. Судя по минимум дюжине убитых, громоздящихся позади создания, я сомневался, что он в этом преуспеет.

Мой народ верит, что Черная Тень — это канал, с помощью которого демоны однажды появятся в нашем мире и используют

силу зараженных ими магов, чтобы обрушить на всех нас несказанные ужасы. Фериус считает это не более чем народными сказками и суевериями.

Оказалось, что Фериус ни черта не знает.

Глава 14
ЧЕТВЕРТЫЙ ЭТАП

Мои познания в области борьбы с демоническими силами до сих пор ограничивались тремя источниками: теориями джен-теп о природе кросс-планарных сущностей, народными сказками приграничья, которыми делились пьяницы в тавернах, желая, чтобы вы наполнили их кружку, и моей природной способностью к дедуктивным рассуждениям. Все три источника велели мне бежать со всех ног.

Я не сомневался, что это умозаключение имеет под собой твердую почву: я не имел никакого отношения к народу в аббатстве (возможно, за исключением Турнама и Бателиоса, которые вряд ли меня любили). Кроме того, весь мой план основывался на том, чтобы хаос и смятение помогли мне сбежать. Даже я должен был признать, что чудовищный шестипалый демон, пожирающий всех, кто попался ему на глаза, был более эффективным для отвлечения внимания, чем сталкивание парня с утеса.

Я повернулся, чтобы пойти обратно по тоннелям под навесной стеной, прочь от рева демона, воплей умирающих и тех, кому вскоре предстояло умереть, полный решимости к ним не присоединиться. Только тут я услышал еще один звук и остановился, как вкопанный. Плач ребенка.

«Кто, к дьяволу, привел малыша в такое место?»

Я сделал шаг назад, посмотрел сквозь решетку и увидел бледную тощую ножку. Там стоял мальчик лет пяти-шести, его ноги дрожали так, что решетка поскрипывала на петлях. Но он не бежал, просто продолжал неудержимо трястись. Я понял, почему он медлит, поскольку много раз испытывал такое сам. Мальчик оцепенел от страха.

— Беги, малыш! — закричал я.

Он не ответил. Ну, во всяком случае, не ответил словами.

Приторно-едкий запах коснулся моих ноздрей, прежде чем струйка мочи побежала по ноге мальчишки, а после — сквозь решетку. Он обмочился. Я отпрыгнул и закричал во все горло:

— Не стой там! Беги!

— О нет! — простонал мальчик. — О нет!

Нельзя было с ходу понять, что вызвало эти слова: страх неминуемой смерти или стыд из-за потери контроля над мочевым пузырем. Мне приходилось ощущать это на себе, и я не мог припомнить, какое чувство было сильнее.

— Мальчик! — позвал я снова, на сей раз подражая четкому, повелительному голосу моего отца, которым тот всегда говорил со мной, чтобы заставить действовать мое тело, если не мой разум. — Ты повернешься и побежишь с этого двора. Сейчас же!

То ли он меня не слышал, то ли я говорил недостаточно угрожающе, потому что он продолжал стоять, и моча струилась по его ноге. Вопли и крики во дворе становились громче, что означало: монахи проигрывают и мне пора уходить.

Почему же я не бегу со всех ног?

Проклятье. Проклятье. Проклятье.

Я начал подниматься по лестнице. Проклятая надоедливая Фериус Перфекс! Иногда приходится играть теми картами, которые тебе выпали, малыш, — даже сквозь шум представил я ее назидательный голос. — Единственное, что надо решить — как разыграть те карты.

Решетка запиралась на засов снаружи. К счастью, последние несколько месяцев не были для меня временем частых пиров, поэтому мои предплечья оказались настолько тощими, что пролезли между прутьями. Я отодвинул засов и начал толкать решетку. Мальчик все еще стоял на ней, но он был маленьким и достаточно легким, чтобы просто упасть с нее. Я вскарабкался наверх, оказался по пояс снаружи, пытаясь не смотреть на бойню и не слушать вопли, и схватил мальчишку. Он завопил и, конечно, лягнул меня.

— Все будет в порядке, — пообещал я. — Я вытащу тебя отсюда!

Он вцепился в пол, пытаясь не дать мне затащить себя в канализацию. Я испугался, что он сломает пальцы.

— Отпусти! — заорал я. — Я пытаюсь тебе помочь!

И тогда он со всхлипом сказал то, что сделало мой день намного, намного хуже:

— А как же остальные?

— Остальные?

Тут я услышал более тонкие и высокие голоса среди тех, что молили о милосердии. Я повернулся и увидел демона, возвышающегося над черными, запятнанными красным, сутанами мертвых у его ног. А потом увидел, как существо сделало первый шаг к алькову на дальней стороне двора, где укрылась дюжина мальчиков и девочек, вцепившись друг в друга в ожидании конца.

Глава 15
ЭПИТАФИЯ

Я подтянулся, вылез из отверстия, схватил малыша, заставив его отпустить пол, и отправил в тоннель. Он неудачно приземлился и вскрикнул — значит, растянул лодыжку. Более умелый спаситель сделал бы свою работу, не покалечив того, кого полагалось спасать, но у меня не было большой практики в героизме.

— Оставайся внизу! — велел я ему и повернулся лицом к врагу.

«Что, во имя всех моих мерзких предков, я делаю? Эта тварь двенадцати футов ростом, и ее явно не впечатлило сборище монахов, которые уже погибли, пытаясь ее остановить. Каков же мой грандиозный план?»

В историях из моего детства герои джен-теп никогда не трудились составлять планы, потому что к тому времени, как храбрый юный маг оказывался лицом к лицу с врагом, он или она уже овладевали фантастическими чарами, а также навыком, который случайно оказывался идеальным способом уничтожить монстра. До сих пор все, что я заполучил в этом путешествии — паршивая простуда.

Мой список стратегий в битвах с демонами был довольно ограничен, и я выбрал тактику, лучше всего подходившую к моим навыкам и темпераменту: отвлечь, а потом очень быстро отступить. Я побежал к демону, открывая кожаный чехол, пришитый к моей штанине.

Сначала — нарезать ломтиками и кусками.

Я вытащил полдюжины бритвенно-острых карт и метнул их в голову демона. Для таких легких предметов карты летели на удивление хорошо. Первые три не попали в цель; одна отскочила от края алькова и ударила по ноге одного из бедных ребят, сгрудившихся у стены. Мальчик уставился на меня с выражением, в которое ухитрился вложить и малодушный страх, и легкую злость.

Ага, попробуй швырять карты в демона, когда у тебя дрожат руки, а ноги отчаянно пытаются убедить тебя отправиться в другом направлении!

К счастью, следующие три карты попали в цель, глубоко вонзившись в затылок демона.

Стальная карта, воткнувшаяся в плоть врага, — это зрелище, которое доставляет извращенное удовольствие. Жаль, у меня не

хватило времени, чтобы как следует им насладиться.

Демон издал рычание, почти наверняка от злости, а не от боли. Когда массивная черная башка повернулась ко мне, я побежал вокруг него в другую сторону. В моих мешочках осталась всего пара щепоток порошков, и мне следовало тщательно выбрать цель. Может, вы решите, что я нацелился в глаза демона или его пасть, но, поверьте, большинство созданий неплохо защищают эти особенно уязвимые части своего тела. Кроме того, главным для меня было настолько взбесить тварь, чтобы она потеряла интерес к детям и направила свою ярость на… Ладно, эту часть плана я придумаю потом.

С такого расстояния я видел толстый слой короткой, почти вязкой шерсти, покрывающей тело демона, из-за которой не мог установить, есть ли у него конкретные причиндалы, необходимые для моего следующего трюка. Не имея ни времени, ни желания заниматься тщательным исследованием, я нацелился туда, где должна была находиться мишень, а остальное предоставил надежде. Я швырнул порошки в воздух, создал магическую фигуру заклинания и произнес его.

— Караф! — сказал я, выговорив слово медленнее необходимого. С другой стороны, при произнесении заклинания никогда не следует заикаться.

Взрыв прогремел во дворе, когда красное и черное пламя, следуя по линии моих пальцев, устремилось к цели. Потом я услышал вопль; вой, донесший все адские глубины ярости демона. Оказалось, у существа есть необходимые части тела.

«Предки, — подумал я, когда монстр развернулся, чтобы отыскать меня пятью злобными красными глазами. — Если мне предстоит умереть, пусть моей эпитафией будет: «Келлен, сын Кехеопса, изгнанный народом джен-теп, изгой и меткий маг. Однажды он взорвал причиндалы демона».

Глава 16
ТЕНИ

Сперва раздался рев, сотрясающий землю гром, донесший самый ядовитый запах, который когда-либо атаковал мои ноздри, — а я спал рядом с белкокотом после того, как тот объелся сдобным печеньем, сперва отобедав двухдневной кроличьей тушкой. Поверьте, дыхание демона еще хуже. Хотя, возможно, винить в этом следовало кусочки мертвого монаха в его пасти.

Затем стегнули хвосты. Правильно — хвосты. Гротескное создание имело не один хвост, а три. Ну, я не эксперт ни по демонам, ни по зоологии, но ощутил, как это нечестно — чтобы какая-то тварь имела три отдельных цепких шипастых придатка, каждый достаточно острый и сильный, чтобы при ударе им по ониксовым плитам разлетались осколки черного камня.

Я постарался отпрыгнуть в сторону, ощутив воздух у щеки, когда конец шипастого хвоста чуть не отхватил мне правое ухо. Фериус демонстрирует замечательные перекатывания через плечо, которые не только помогают ей избежать опасности, но и толкают ее в идеальную позицию для контратаки. Ну, а я? Я стукнулся затылком о землю, упав на спину, а после перевернулся на живот, прежде чем встать.

Ненавижу это. Ненавижу. Ненавижу.

Дети, явно завершив оценку моих героических способностей, испускали оглушительные вопли, от которых мне не было никакого толку. Оставшиеся в живых монахи ковыляли в ошеломленном недоумении, метки их Черной Тени выглядели бледными, почти съежившимися. Они держались в стороне, позволив мне принять на себя основной жар атаки разгневанного монстра. Монахи благоразумно рассудили, что, если позволят существу меня разорвать, это даст им лишнее время, чтобы восстановить силы.

Что касается демона, он (хотя я не знал его анатомии достаточно хорошо, чтобы быть уверенным насчет пола, и сделал вывод, что это «он», судя по обожженным теперь частям, болтающимся между его ног) до сей поры демонстрировал только одну добродетель: медлительность. Не медлительность типа: «о, я просто обегу вокруг него, швыряя карты в его слабые места». Скорее медлительность вроде: «о, я и вправду замечаю, как он приближается, чтобы меня съесть». С учетом всех обстоятельств, я проворно уворачивался, но сомневался, что смогу долго так

продержаться. Мне понадобится небольшая помощь.

— Сюзи, — прошептал я.

Вообще-то трудно шептать, когда твои легкие пульсируют, потому что ты бегаешь туда-сюда, пытаясь сделать так, чтобы тебя не раздавили. Но магия шепота требует своего рода терпеливой эмоциональной сосредоточенности, которой нельзя добиться с помощью крика.

— Сюзи, — повторил я, обращаясь в духу воздуха — или сасуцеи, как ее правильней называть — обитавшей в моем правом глазу. — Если ты не слишком занята, мне бы прямо сейчас очень пригодилась твоя помощь.

По большей части Сюзи была хороша лишь для того, чтобы показывать мне спрятанные тропы или обдувать мой глаз холодным ветром всякий раз, когда я делал то, что оскорбляло ее нравственность. Но несколько месяцев назад она спасла мне жизнь, сразившись с моей собственной Черной Тенью. Если бы я смог сейчас ее пробудить, имелся шанс, что она невзлюбит этого конкретного демона прежде, чем тот растопчет мой череп. А если нет, ей придется искать новый глаз, чтобы там тусоваться. Тем временем моя дерзкая атака заключалась лишь в том, чтобы неистово метаться по двору.

— Можешь вступить в любое время, Сюзи, — прошептал я.

Ну, я сказал гораздо больше. В этом отношении магия шепота — странная вещь: в ней нет специфических заклинаний, скорее она заключается в том, что ты позволяешь своим чувствам смешаться с твоим дыханием в некоей цветистой, поэтической мольбе. И это не на шутку смущает.

Одна из левых рук демона замахнулась — он пытался меня ударить. Теперь передо мной встал довольно трудный выбор: то ли нырнуть под руку, то ли перепрыгнуть через нее. Я выбрал последнее.

Фигушки. Еще пара дюймов — и массивное черное предплечье твари проплыло бы подо мной, а так он зацепил пальцы моих ног. Я взлетел в воздух, перекувырнувшись, и лишь случайно приземлился на ноги. Могу вообразить, что в тот момент для стороннего наблюдателя я выглядел весьма спортивным, но то была удача, и ничего более.

Теперь демон попробовал другой подход, расставив огромные руки и приготовившись раздавить меня, как жука.

— Сюзи, теперь или никогда, — прошептал я.

Нет ответа. Никогда не рассчитывайте на духов воздуха.

Свист массивных рук монстра, устремившихся ко мне, сообщил, что мое время вышло. Я попытался закрыть глаза — но мой правый глаз не закрывался. Вместо этого из него внезапно

вырвалось белое облако: ощущение тревожное, несущее с собой жгучий холод. Вид был ненамного лучше.

Сасуцеи поднялась из моего глаза, становясь все больше и больше: она росла, поднимаясь к лицу демона. Сюзи испустила свистящий вопль, заставивший монстра попятиться. Не уверен, поступил он так из-за врожденного страха перед духами воздуха или потому, что ему просто странно было видеть облако, выплеснувшееся из лица жалкого человека.

Демон вызывающе заревел на сасуцеи. Сюзи в ответ издала высокий вопль урагана, дующего между откосами каньона. Сила ветра заставила меня пошатнуться.

Затем послышались другие звуки: крики, вопли и стук каблуков, топающих по каменным плитам.

— Быстро! — крикнула молодая женщина. — Пока стигиец отвлекся!

Я не знал, что там за стигиец, но надеялся — она имеет в виду животное, а не моего духа воздуха. Из-за облака Сюзи у меня слегка плыло перед глазами, но я все-таки смог разглядеть вновь прибывших, которые ринулись к нам. Эти шестеро — явно подростки — рассыпались рядом со мной, чтобы окружить демона. У каждого из них была Черная Тень, но в отличие от остальных монахов они носили вместо традиционных сутан длинные черные пальто, отделанные красным, голубым и серебристым. Эти пальто тревожно напоминали те, что были на парнях, от которых я недавно удрал.

— Дух воздуха ненадолго сдержит стигийца, — сказала девочка… Ну, вообще-то молодая женщина. Трудно называть девочкой ту, которая сражается с демоном. — Давайте покажем ублюдку, на что мы способны!

При виде рыжих завитков и свирепой, дикой ухмылки я испытал внезапное потрясение. На мгновение я мог бы поклясться, что рядом со мной оказалась юная Фериус Перфекс, с плавной грацией размахивая руками: это больше походило на танец перед зрителями, чем на битву с монстром.

Конечно, это была не Фериус. Теперь, когда мое зрение прояснилось, девушка даже не была на нее похожа, если не считать волос. Думаю, я просто скучал по своей наставнице.

— Я — Келлен, — сказал я, хотя момент казался крайне неподходящим для представлений.

— Диадера, — ответила она.

Теперь она была настолько близко, что я заметил крошечные темные веснушки, усеивающие ее бронзовую от загара кожу.

Она сощурила глаза, сосредотачиваясь, — и внезапно метки ожили и взвились в воздух, как рой мерцающих черных

светлячков. Они метнулись в пять глаз демона, жаля его снова и снова. Когда монстр начал бить их руками, Диадера отшатнулась, как будто сама получила удар.

— Ты собираешься помочь или просто будешь стоять, выглядя симпатичным?

— Как выглядя? — переспросил я.

Она подмигнула:

— Ну, более или менее симпатичным. Может, если бы ты помылся, я смогла бы сделать переоценку. А пока используй свою проклятую Черную Тень, чтобы помочь мне убить эту тварь!

Демон хлопнул двумя массивными ручищами, чтобы раздавить между ними ее веснушки. Они медленно опустились на землю, как мертвый пепел. Диадера застонала и упала на колени, но вскоре встала и протянула руки, приказывая черным светлячкам снова подняться в воздух.

— Ты зря тратишь время, если думаешь, что от этого идиота будет какая-то польза, Диадера, — сказал слева от меня сердитый — и слишком хорошо знакомый — голос.

Коричневые волосы до плеч и вычурное черное пальто без рукавов подтвердили мои подозрения.

— Я убью тебя, когда все закончится, джен-теп, — сказал Турнам.

— Сперва сдержи стигийца, — пророкотал более низкий голос, и его обладатель занял место Диадеры, когда та отступила перед атакой демона.

Бритая голова и метки на лице, заканчивающиеся черными слезами, тоже были мне знакомы.

— О, привет, Бателиос, — сказал я. — Извини, что столкнул тебя с утеса.

Не уверен, счел ли он мое извинение достаточно искренним, потому что именно в тот момент двор затрясся, когда демон саданул по плитам всеми четырьмя кулаками.

Я вскинул глаза, удивляясь, почему ни я и никто другой до сих пор не погибли. Дело было в Сюзи, окутавшей голову демона своими белыми облаками и ослепившей его. Демон топнул ногой так близко от Турнама, что тот упал, и его черные ленты размотались, выпустив ноги и руки демона.

— Все, продолжайте наступление, — сказала Диадера, снова послав эбеновых светлячков-веснушек своей Черной Тени в атаку на демона.

Теперь нас была почти дюжина, пытающихся сдержать существо, хотя, честно говоря, я в основном выступал в роли сосуда сасуцеи. Одна девочка вдвое ниже меня ростом упала на колени и разжала руки, повернув их ладонями вниз, к земле.

Черные вьющиеся лозы из ее пальцев врылись в плиты — для того только, чтобы вырваться в нескольких футах в стороне и обмотаться вокруг ног демона. Бателиос пролил в ладони эбеновые слезы и швырнул их в создание, не столько атакуя его, сколько делая нерешительным, как будто тварь внезапно хлебнула печали.

Мое изумление перед тем, какими поразительными способами эти люди могли использовать свои метки, омрачалось сознанием того, что мы проигрываем. Создание прорвалось сквозь черные лозы и замахнулось на нас руками. Все стали отступать, пока оно всеми силами пыталось отыскать что-нибудь мягкое и мясистое, что можно ухватить.

Диадера схватила меня за руку.

— Келлен, остальные устают. Используй свое облако, чтобы сдержать стигийца!

— Она не может! — закричал я в ответ.

Облако Сюзи поблекло, превратившись в бледный туман, который быстро рассеивался перед атакующим демоном.

— Еще немножко, — убеждала Диадера. — Он почти готов!

— Кто? — спросил я.

Потом я понял, что это неважно, поскольку примерно через три секунды все мы станем трупами. Я выхватил остаток стальных карт из колоды на штанине и швырнул их одну за другой в глаза создания. Большинство отскочило от монстра, но одна угодила прямо в цель. Это вознаградило меня воем боли и ярости вкупе с парой секунд передышки.

— Вот и все, — сказал я. — У меня кончились трюки.

Демон потопал к нам. Я попытался заслонить Диадеру своим телом. Конечно, это ничего бы не дало, но мне подумалось: когда после смерти предки будут судить меня в Серой Пустоши, хорошо бы, чтоб они пришли к выводу, что я совершил хотя бы один благородный поступок.

Раздалось хлопанье сандалий по каменным плитам, а вслед за тем — ревущий голос:

— Эй, засранец, хочешь драться? Сейчас я тебе задам!

Я повернулся и увидел высокого человека, вбегающего во двор. Завитки пепельно-светлых волос обрамляли невиданно квадратную челюсть. Морщины на лбу и вокруг серых глаз говорили о среднем возрасте, но у мужчины была широкая грудь и гладкие мускулы более молодого человека. И он был голым — теперь, когда сорвал с себя рясу. Там, где полагалось быть бледной коже, извивалась паутина Черной Тени, покрывая его почти с ног до головы.

Человек остановился перед демоном, широко раскинул руки

и сжал кулаки так крепко, что побелели костяшки пальцев. Он напряг разом все мускулы, и тело его содрогнулось, когда эбеновые метки сорвались с его тела. Они ударили демона, как ломающая берег волна, поглощая чудовище.

Сюзи испустила вопль, влетая обратно в мой глаз, но демону пришлось хуже.

Создание почти полностью утонуло в Черной Тени вновь прибывшего, как будто на монстра вылили тысячу бочек нефти. С рыком ярости тварь стала рвать когтями этот непрошеный покров, раздирая его отчаянно, но безрезультатно. Все три хвоста молотили по маслянистому савану, но ни один не мог его прорвать.

Черная жидкость затвердела и начала сжиматься, стягиваться вокруг демона, давя его. Однако он продолжал бороться, и лицо голого человека исказилось от боли, как будто все до единого удары демона попадали в него. Медленно, неумолимо покров становился все меньше и меньше, пока не раздавил демона, заключенного внутри, оставив от него лишь дергающуюся груду переломанных костей и изуродованной плоти в луже черного масла.

Двое подбежали к светловолосому мужчине, но он оттолкнул их и один вошел в центр черного масляного пятна.

— Я готов, — сказал он, но мне показалось, что он говорит сам с собой.

Масло начало скользить вверх по его икрам, обматываясь вокруг ног и остального тела. Когда все закончилось, он вновь оказался покрыт извилистыми метками Черной Тени.

Диадера подошла и протянула ему рясу. Он взял ее и натянул через голову. Дети, съежившиеся в алькове, подбежали к нему с приветственными криками, пытаясь схватить его за руку. Он улыбнулся им и потрепал по головам, но вскоре шуганул прочь.

— Кто он такой? — спросил я Диадеру, которая, похоже, знала его и была им очарована.

Ее ответ был полон такого благоговения, какое обычно видишь в клириках берабесков, говорящих о своем шестиликом боге:

— Это аббат.

Аббат обогнул двор, останавливаясь, чтобы опуститься на колени перед каждым мертвым монахом. Потом подошел ко мне и впился в меня голубыми глазами. Он просто стоял и пристально смотрел на меня. Как и все остальные.

Сочтя молчание неловким, я протянул руку и попытался представиться:

— Меня зовут…

— Я прекрасно знаю, кто ты такой, Келлен, — перебил аббат и помолчал еще секунду, прежде чем в уголке его рта появилась ироническая улыбка. — Мальчик, ты хоть когда-нибудь перестанешь искать неприятности?

2
АББАТСТВО ТЕНЕЙ

Клетки имеют прутья, и все знают, что из клетки положено сбегать, но дома имеют стены, и люди сами запираются изнутри. По-моему, гораздо легче вырваться из клетки, чем из дома.

То, что может сойти за мудрость белкокота

Глава 17
АББАТ

Аббат почти сразу мне не понравился, и не только потому, что начал переговоры так:

— Есть какие-нибудь погребальные ритуалы джен-теп, которые ты хотел бы, чтобы мы проделали с твоим трупом?

Он сказал это, ведя меня в одну из громадных башен аббатства, а потом — вверх по достаточному количеству пролетов лестниц, чтобы напомнить, что я недостаточно оправился от напряжения и различных ранений для вступления в еще один бой. К тому времени, как мы добрались до верхнего этажа, я обливался потом и пытался скрыть, что задыхаюсь.

— Сюда, — сказал аббат, жестом предлагая войти вместе с ним в затемненную комнату около восьми футов.

Свет проникал в нее только из окна высотой почти с меня, но слишком узкого, чтобы я мог в него пролезть, если переговоры пойдут скверно.

— Сначала вы, — ответил я.

Возможно, я ошибся, последовав за ним в башню, но было больше шансов победить его одного, чем во дворе, окруженного льстивыми прислужниками. Так или иначе, я покину это странное аббатство с его эксцентричными монахами и еще менее симпатичными демоническими явлениями.

Мне нужно спуститься с горы, потом добраться до ближайшей деревни или города, где я смогу украсть лошадь и поскакать в Золотой Проход. Конечно, при условии, что я найду первое, второе и третье. Я понятия не имел, нахожусь ли все еще у берабесской границы или где-нибудь к северу от Семи Песков. Я не мог даже с уверенностью сказать, сколько дней прошло, прежде чем я сюда попал. Все, что я мог сделать — это цепляться за надежду, что Рейчис не погиб от ран и нашел воду. Почему бы и нет? Белкокот был крутым. Если Шелла создала заклинание, чтобы поддержать в нем жизнь, если она нашла способ послать весточку Нифении и Фериус… Если… Если… Если…

Аббат протиснулся мимо меня в маленькую комнату и опустился на стул за небольшим письменным столом.

— Смирись с неизбежным, Келлен. Ты умрешь.

Мои руки проникли в обмякшие, пустые мешочки, висящие у меня по бокам.

— Люди все время мне это твердят. Хотите, покажу вам, где я похоронил их трупы?

Мое арта валар — то, что аргоси называют бесстрашием, но Фериус упоминает как бахвальство, — было бы более впечатляющим, если бы кончики моих пальцев смогли выскрести из глубин мешочков побольше красного и черного порошков. Щепотки могло хватить, чтобы впечатать аббата в дальнюю стену и лишить его сознания, если я идеально выберу время. И если мне повезет куда больше обыкновенного.

Аббат не обратил никакого внимания на мои слова и на угрозу, которую я мог собой представлять. Вместо этого он порылся в груде бумаг и отпихнул в сторону книги, раскиданные по столу. Две потрескавшиеся кожаные обложки были украшены знаками джен-теп. Ни один мастер заклинаний не позволил бы таким текстам покинуть его святилище, значит, книги украли. Что-то выкатилось из-под пачки документов, и на лице аббата появилась широкая улыбка, когда он это схватил.

— Вот ты и попался, маленький ублюдок! Думал, сможешь спастись, да?

Я чуть не взорвал его, но он сунул эту штуку в рот и откинулся на спинку стула. Золотисто-коричневая трубка, завернутая в какую-то тонкую ткань или пергамент, была длиной примерно с его руку и толщиной с большой палец. Аббат еще покопался на столе и безутешно вздохнул. Он выжидательно посмотрел на меня, постучал по концу трубки и показал на мешочки на моих боках.

— Поможешь своему собрату, проклятому демонами беглецу, а?

— Это какая-то курительная соломинка?

Из курящих я знал только Фериус Перфекс, и ее соломинки были просто маленькими штучками, почти такими же тонкими, как стебелек цветка.

— Это называется сигара, — ответил аббат. — Все равно что курение соломинки, но для цивилизованных людей.

Он откинул со лба локон пепельных волос, излучая ту небрежную самоуверенность, которой обладают только по-настоящему красивые люди, и я внезапно почувствовал себя маленьким и незначительным.

Но я не доверял красивым людям. Мой отец был красивым, и он связал меня контрмагией, чтобы я никогда не смог использовать свой магический потенциал. Мой прежний лучший друг Панакси — теперь его звали Панэрат — был красивым, и он пытался меня убить. Дважды. Дексан Видерис, мой собрат-заклинатель, был таким красивым, что даже Рейчис считал его классным. Дексан оказался самым большим засранцем из всех.

Поэтому — да, я не лажу с незаслуженно привлекательными

людьми.

Аббат ухмыльнулся мне; белые зубы прикусили сигару, чтобы она не выпала.

— Да ладно, парень. Не томи. Покажи, на что ты способен.

Он откинулся на спинку стула, закинув руки за голову, и медленно закрыл глаза.

Он практически подзуживал меня, чтобы я на него напал. Знает ли он, что у меня почти закончился порошок? Или он настолько уверен в своих способностях, что его просто не беспокоит, что я могу сделать?

Я позволил щепоткам порошка высыпаться обратно в мешочки, оставив на кончиках пальцев всего несколько крупиц, и подкинул крупицы в воздух. Мои руки создали магические фигуры, чтобы поразить цель.

Требуется немалое умение, чтобы направить пламя в такую крошечную точку. Мне больше хотелось бы подпалить серебристо-светлую щетину на подбородке аббата, чем кончик его сигары.

— Караф, — произнес я, и тонкое, как карандаш, довольно анемичное извержение красного и черного пламени зажгло кончик сигары.

Судя по виду аббата, его ничуть не впечатлило мое умелое обращение с порошками. Зато он выглядел благодарным.

— О, спасибо горам и океанам, — простонал он, делая длинные затяжки. — Я не сомневался, что погибну прежде, чем испробую одну из этих красоток.

Клубы жгучего серого дыма наполнили воздух между нами.

— Кстати, о надвигающейся смерти… — начал я.

Аббат открыл один глаз и посмотрел на меня так, будто давно забыл, что я до сих пор тут.

— Хммм? А, верно. — Он нехотя вынул сигару изо рта. — Не воспринимай это как личный выпад. Я говорю такое всем недавно прибывшим. «Ты умрешь» — практически так мы говорим здесь: «Здравствуй».

— Кое-кто сказал бы, что это опасный способ приветствовать незнакомцев, — заметил я.

Моя правая рука скользнула в кожаный футляр, пришитый к штанине. После боя с демоном я успел подобрать только две свои стальные карты, но в таком тесном помещении вряд ли промахнусь.

— Люди с Черной Тенью не очень хорошо старятся, Келлен, — ответил аббат, поднеся сигару к узкому окну и постучав ею по раме. Пепел медленно полетел во двор, вниз. — То стигийское уродство, с которым ты помогал мне сражаться, —

это был брат Калеб.

Прежнее хорошее настроение аббата как будто сдулось.

— Славный был человек. Я всегда думал, что Калеб протянет дольше всех нас.

— Мне жаль, — сказал я — скорее рефлекторно, чем искренне.

Неважно, какими бы достойными ни притворялись эти люди, мне приходилось напоминать себе, что они похитили меня и скорее всего намереваются держать здесь как узника. Я не мог позволить себе быть узником, когда мой деловой партнер ожидает, что я его спасу.

Аббат воспринял мои слова буквально:

— Спасибо. И спасибо, что помог мне покончить с ним. Он… Изменения произошли быстро. Никто из нас не ожидал, что он так быстро проиграет бой.

Эти слова породили тысячи вопросов:

«Какой бой? Как происходит трансформация из человеческого существа в демоническое явление? И если с нами случается именно это, значит, мой отец прав? Лучше убить нас всех, прежде чем мы станем опасны для всех вокруг?»

Но я спросил вот что:

— Раз вы испытываете благодарность, как насчет того, чтобы позволить мне покинуть это место, — и будем квиты?

— Ты действительно хочешь вернуться в ту паршивую пустыню, где мы тебя нашли? Когда ватага в семьдесят семь лордов-магов выслеживают тех, у кого Черная Тень?

— Уж лучше так, чем прятаться здесь, в горах, — ответил я. — Хотя, полагаю, прятаться легче, чем встретиться с врагами, которые, вероятно, моложе, сильнее и умнее вас.

На мои вызывающие слова он ответил улыбкой:

— «Моложе, сильнее и умнее»? Это один из тех трюков аргоси, верно? Ты хочешь выбить меня из равновесия, поэтому упомянул обо всем, начиная с моего возраста и способностей и кончая моим интеллектом, просто чтобы посмотреть, среагирую ли я на унижение?

Почти в точку, но его самоуверенность и вправду меня раздражала.

— Нет, просто вы кажетесь старым, усталым и типа как глупым.

Он фыркнул от смеха, и сигара выпала из его рта на сутану. Он подхватил ее прежде, чем она успела поджечь его одежду.

— Ты воистину притягательная личность, Келлен. Стоит ли мне предотвращать попытки Турнама и Бателиоса тебя убить?

— Только если вы считаете, что потеряли недостаточно

монахов за один день.

Внезапная вспышка гнева в глазах аббата дала знать, что я зашел слишком далеко. Но он довольно быстро взял себя в руки:

— Ты не лезешь из кожи вон, чтобы понравиться, да?

— А это помогло бы мне побыстрее отсюда убраться? Послушайте, я уверен, ваше аббатство — милое местечко и все такое, но, судя по тому, как вас покрывают метки Черной Тени, полагаю, лекарства от нее у вас нет, а меня ждут дела в другом месте.

Он засмеялся и ткнул сигарой в свою ладонь:

— Ну так иди. Я послал за тобой своих мальчиков по единственной причине: слезы Бателиоса иногда приводят его к Черным Теням, попавшим в беду. Поскольку ты как будто считаешь, что прекрасно справляешься один, иди — и посмотрим, как ты управишься с отрядом боевых магов, не имея ничего, кроме воспламеняющихся порошков и хорошо подвешенного языка.

— В самом деле? Вы позволите мне…

— Еще всего одна просьба, — сказал он, встав со стула. — Сперва поднимись со мной на крышу.

По коже побежали мурашки, которые появляются перед тем, как беседа, начавшаяся с «есть какие-нибудь погребальные ритуалы джен-теп, которые ты хотел бы, чтобы мы проделали с твоим трупом?» заканчивается тем, что кто-то сталкивает тебя с верхушки башни.

— Зачем это? — спросил я.

Твердой рукой аббат толкнул меня к двери, а потом — вверх по чернокаменной лестнице, ведущей на вершину башни.

— Все очень просто. Потому что ты понятия не имеешь, где сейчас находишься.

Глава 18
БАШНЯ

Холод на крыше сговорился с моим недостатком теплой одежды, чтобы заставить меня задрожать, когда я уставился на странную и удивительную архитектуру аббатства.

Башню, на которой я стоял, венчала круглая зубчатая стена; зубцы доходили мне почти до груди. На четырех выступах (как я понял, они соответствовали сторонам света) были установлены вращающиеся медные сооружения, и к каждому из них крепился квадратный кусок выгнутого черного кристалла фута в два шириной. Я посмотрел сквозь ближайший кристалл и удивился, обнаружив, что это своего рода увеличительные стекла; благодаря им я впервые увидел каждую из семи башен аббатства, не похожих друг на друга. Напротив нас, по другую сторону двора, торчал, как копье, тонкий минарет футов пятнадцати в поперечнике, увенчанный гладкой изогнутой штукой, похожей на черное пламя свечи. Узкие вертикальные щели, прорезанные по окружности через равные промежутки, позволяли находившимся внутри видеть то, что снаружи, и (как мне подумалось) целиться в потенциальных захватчиков. Третья башня оказалась еще причудливей — с верхушкой в виде гигантской руки, тянущейся, чтобы схватить солнце с неба. Я собирался спросить, как монахи додумались создать такие необычные башни, но тут аббат дал понять, что вопросы здесь задает он.

Хотя я почти ожидал какого-нибудь нападения, меня удивило его проворство, когда он схватил меня за челюсть и подтащил к краю башни, прежде чем я успел дотянуться до своего оружия.

— Кто послал тебя в мое аббатство? — спросил он.

Я старался удержать равновесие, но аббат подталкивал меня все ближе и ближе к краю.

— Никто! Ваши слабоумные монахи притащили меня сюда против моей воли!

Я безуспешно попытался вырваться из его хватки. Проклятье, но этот парень был сильным.

— Милая попытка, но ты разыскивал аббатство прежде, чем Турнам и Бателиос тебя нашли. А теперь хочешь уйти? Там военный отряд, который заплатил бы щедрое вознаграждение за то, чтобы найти это место. Шпион может попытаться обнаружить местонахождение аббатства, изучить его защиту, чтобы доложить обо всем своим хозяевам джен-теп.

Он подался ко мне, от него сильно пахло сигарой.

— Твои метки слишком гладкие и точные, чтобы быть настоящими.

Большим пальцем второй руки аббат потер черные линии вокруг моего глаза, так сильно, что я испугался, как бы он не содрал кожу.

Я завел ладонь под его локоть и толкал вверх до тех пор, пока не заставил выпустить мою челюсть. Были шансы, что за этим последует удар с разворота, поэтому я приготовился уклониться, но удара так и не последовало. Аббат просто стоял, рассматривая свой большой палец, выискивая признаки того, что мои метки стираются.

— Это ничего не доказывает, — сказал он, обращаясь скорее к себе, чем ко мне.

Я боролся с желанием назвать его идиотом и напомнить, что на меня, вероятно, охотятся более щедрые маги, чем любой, проживающий в этом аббатстве. Первый урок Фериус в искусстве убеждать был такой: помни, что самая простая правда обычно помогает продвинуться дальше, чем грандиознейший обман.

— Моя бабушка обручила меня с Черной Тенью, — сказал я. — Вот почему метки выглядят так, как выглядят.

— Невозможно, — огрызнулся он, но потом придвинулся ближе, чтобы вглядеться в мой глаз.

На этот раз он меня не схватил.

— Сукин сын! — выдохнул он. — Или, полагаю, в данном случае — сукин внук.

Он шагнул назад.

— Покажи мне, что ты умеешь делать.

— Я ничего не умею. У меня нет таких способностей, как у тебя или у Турнама. У меня головные боли! И ужасные видения людей, превращающихся в чудовищные версии самих себя. Я иногда теряюсь в Тенях, и, когда это происходит, даже друзья начинают меня забывать. Я был ребенком, и моя собственная бабушка украла мое будущее, даже не сказав почему!

Аббат молчал, словно взвешивая мои слова в поисках обмана.

— Что-то в этом дурно пахнет. Несмотря на чепуху, в которую верят люди, Черная Тень не какая-то там болезнь или яд. Нельзя просто взять и заразить ею кого-то. Мне нужно свериться с книгами, — наконец, сказал он. — Если некая сумасшедшая джентеп и вправду обручила тебя с Тенью, мне нужно выяснить, как она это сделала и почему. Мы поговорим завтра, как только я…

— Нет, — перебил я.

— Нет?

— Я уже сказал: мой деловой партнер умирает в проклятой пустыне. Пока я здесь попусту трачу с тобой время, он ждет, когда

я приду и спасу его!

Аббат напрягся. Даже сквозь рясу я видел, как вздулись мускулы на его руках и плечах. Он хотел меня ударить. Очень хотел.

— Ты забыл, что на нас охотится военный отряд джен-теп? Мои мальчики рисковали жизнью, чтобы доставить тебя сюда, а все, на что ты способен, — это скулить о каком-то потерявшемся питомце. Где твое чертово чувство долга перед товарищами с Черной Тенью?

Он отмахнулся прежде, чем я успел ответить.

— Нет, забудь. Даже если бы мне не надо было выяснить, что означают эти метки вокруг твоего глаза, я не стал бы рисковать тем, что тебя схватят и ты выдашь местонахождение аббатства. Слишком много жизней на кону.

Страх в моем животе уступил место холодной уверенности. Я потянулся за монетами кастрадази в полах своей рубашки, разрывая удерживающую их нить, в то время как на ум мне пришло полдюжины очень плохих планов побега.

— Ты будешь не первым человеком, который пытается упрятать меня под замок.

Аббат устало засмеялся и поднял руки.

— Сдаюсь, меткий маг, или аргоси, или кем ты там, к дьяволу, себя считаешь. — Он извлек из рясы окурок сигары и незажженным сунул его в рот. — Клянусь, никогда еще меня так чертовски не тошнило от того, с кем я только что познакомился.

Я попятился, медленно продвигаясь к двери, за которой была лестница, ведущая вниз. Теперь я должен был двигаться быстро на тот случай, если он передумает и поднимет тревогу.

— Знаешь, я всегда слышал, что у аргоси есть сверхъестественная способность точно знать, где они находятся. Думаю, они не научили тебя этому таланту, а?

Я резко развернулся. На меня нахлынуло дурное чувство еще до того, как я подбежал к одной из черных линз, прикрепленной к вращающемуся медному приспособлению на верхушке одного из зубцов. Я заметил горы вдалеке — они казались такими близкими, как будто можно было протянуть руку и прикоснуться к ним. Одна проблема: все это были незнакомые горы. Я побежал к следующей линзе, нацелив ее в другую сторону, только чтобы передо мной предстал вид, не имеющий никакого сходства с любым местом, в котором я бывал странствуя по континенту. И когда я посмотрел сквозь четвертый кусок выгнутого черного стекла — направленного на восток, — мной овладело ощущение, почти похожее на головокружение. То, что я видел вдалеке, было не землей, а водой. Размером с океан.

— Предки, куда вы меня завели?

Аббат подошел, чтобы присоединиться ко мне у линзы.

— Ты разве не гадал, почему это место не захватили щедрые маги много лет тому назад?

Он взялся за края медной оправы, удерживавшей линзу, и повернул ее вниз.

— Хочешь уйти, Келлен? Просто иди по этой дороге до тех пор, пока она не приведет тебя к подножию горы. Примерно три дня ходьбы на юг — и ты доберешься до деревни, а в сотне миль за ней достигнешь побережья. Пережди зиму, и, если тебе очень повезет, ты сможешь найти корабль, желающий проплыть тысячу лиг на юго-восток.

Он хлопнул меня по спине.

— Добро пожаловать на континент Обскария, Келлен. Погода холодная, еда ужасная, а причина, по которой прибывающие в аббатство никогда отсюда не уходят, — потому что мы находимся в долгом-предолгом пути от дома.

Глава 19
СВЕТЛЯЧОК

Спотыкаясь, я спустился по лестнице. Последние слова аббата звенели у меня в ушах. Посвященный в магию джен-теп не тратит много времени на изучение дорог или морских путей, но, разъезжая год с Фериус, я узнал достаточно, чтобы сделать примерный расчет: мне понадобится шесть месяцев, чтобы снова попасть на свой континент и вернуться к Золотому Проходу.

Шесть месяцев.

Я провел рукой по подбородку. Я не любил бороду, но все равно, щетина была всего недельной или двухнедельной давности. Как, во имя неба, Турнам и Бателиус доставили меня сюда за такой срок?

— Думаю, тебе закатили речь, да? — спросил кто-то.

Еще прежде, чем я увидел Диадеру, я узнал ее голос, что было довольно странно, поскольку наша встреча была короткой и большую ее часть мы провели, сражаясь с демоном. Она стояла сразу за поворотом лестницы, прислонившись к изогнутой каменной стене, и явно поджидала меня. Каскад рыжих локонов обрамлял зеленые глаза, в уголке рта поселился намек на ленивую улыбку. То, что мое внимание привлекла скорее именно улыбка, чем замысловатая филигрань крошечных черных меток на ее щеках и подбородке, о чем-то говорит. Может, это прозвучит лицемерно, но от вида Черной Тени у меня все переворачивается в животе. Я вырос в обществе, где Черная Тень считалась самой отвратительной из всех болезней, какие только можно вообразить. Здоровому джен-теп полагалось избегать зараженных, чтобы не допустить распространения болезни. На магах лежал долг убивать их. Поэтому хотя у меня самого была Черная Тень и я выяснил, что она — не совсем то, чему меня всегда учили, меня крайне расстраивал вид меток на ком-то другом… стоявшем так близко ко мне.

— Тебе не нравится то, что ты видишь? — спросила Диадера.

Хотя она пыталась скрыть враждебность под легким тоном, я внезапно почувствовал, что нахожусь в большей опасности, чем рядом с аббатом.

Непохоже, чтобы я раньше стоял так близко к имеющим метки. У Сенейры они были, хотя оказалось, что ее метки — нечто совершенно другое. Может, где-то в глубине души я это осознавал, вот почему она не вызывала у меня такой реакции, как эта девушка. А может, у меня ушла секунда, чтобы в точности

понять, что я чувствую.

Диадера же реагировала совершенно иначе. Она вгляделась в метки вокруг моего левого глаза, обводя их взглядом, всматриваясь так внимательно, как будто там было написано то, что я упустил за все часы, которые провел, таращась в зеркало. Она протянула палец и коснулась края моего глаза.

— *Здорово*, — сказала она.

Нет. Стоп. Она это не сказала. Она подумала это.

— Какого дьявола происходит? — спросил я, отодвигаясь.

— Наши Тени, — ответила она, подходя ближе и не выказывая ни следа гнева или смущения моим замешательством. — Они обе связаны с Умбра Арканта — это одна из эфирных граней. Я никогда не встречала никого, чьи Тени были бы так близки к моей собственной.

Она постучала по веснушкам на своей левой щеке.

— Ты инспиритор, как и я? Ты можешь заставить свои метки ожи…

— Прекрати! — сказал я. Голос мой стал громче и тоньше. — Я никогда не слышал об этой «Умбра Арканте»! Я понятия не имею, что такое инспиритор.

Предки, почему я вообще с ней разговариваю? Может, я здесь и не узник, но я и не свободен. Я не знаю этих людей и не хочу знать. Если бы я только боролся, когда они меня забирали, может, я сумел бы остаться с Рейчисом и умереть вместе с моим дру…

— Шшш, — сказала Диадера.

Она взяла меня за руку и, медленней, чем раньше, как будто я был испуганным кроликом, поднесла кончики моих пальцев к веснушкам на своей щеке.

— *Прости, что прежде я была такой нахальной*, — сказала она, ничего не произнося. — *Я просто не ожидала такого.*

— Я все еще не по…

Она приложила палец к моим губам.

— *Просто подумай это.*

Я попытался успокоиться, что было трудно. Дело было не только в ее словах, которые я мог слышать. Когда она прикасалась к моим меткам, все мои чувства как будто затопляло ее присутствие. Ее запах. Структура ее волос. То, как она…

— *Сосредоточься*, — подумала она.

Даже не глядя ей в лицо, я ощущал, что она ухмыляется. А мы едва знали друг друга.

Я снова попытался взять себя в руки. Я так по-настоящему и не выучил арта превис — талант восприятия аргоси, но знал: что-то надвигается.

— *Скажи мне, что происходит*, — подумал я. — *Ты не просто*

посылаешь слова в мой мозг. Ты морочишь мне голову.

Она кивнула. Ну, не кивнула, но в мыслях моих кивнула.

— Давай начнем с самого начала. Ты, наверное, думаешь, что Черная Тень — страшно злая болезнь, да? Верно?

— А это так?

— О, несомненно.

— Та демоническая хрень возьмет над нами верх?

— Ну, ты видел стигийца во дворе, поэтому знаешь, что так бывает. Но все куда сложней, чем тебе, наверное, говорили. Черные метки на нашей коже — это своего рода… порталы… для энергий между нашей гранью существования и другими гранями, лежащими далеко за пределами нашей…

— Порталы?

Ее палец постучал по татуировкам на моем предплечье… Нет, она опять-таки ничего такого не сделала. Она просто послала мне это прикосновение.

— Твои татуировки джен-теп связаны с шестью тайными гранями, которые вы называете «песок», «шелк» и «пламя», верно?

— Огонь, — поправил я.

— Неважно. В любом случае думай о Черной Тени как о чем-то вроде своих татуировок, только она связана с дюжинами, а может, с сотнями различных тайных граней. У большинства людей метки приходят из одной или, скажем, дюжин низших граней. Когда их Тени соприкасаются, или, как я делаю сейчас, они прикасаются к меткам на коже другого, их разумы соединяет связь на данной грани. Это звучит разумно?

— Ничуть, — ответил я.

Она убрала пальцы от моей щеки и улыбнулась мне:

— Как меня зовут?

— Диадера. Ты сказала мне это раньше, во дворе.

— Мое полное имя.

— Диадера дан Хестия, — ответил я. — Подожди… Как я…

— Какой мой любимый цвет?

Чтобы ответить, мне даже не пришлось задуматься.

— Зеленый и серебристый. Ты никак не можешь решить, какой нравится больше.

Каким-то образом я знал о ней больше, чем о множестве людей, с которыми рос. Десятки мелких деталей. Что ей нравится и что не нравится. Страхи и желания. Несколько обрывочных воспоминаний, хотя я знал, что большую часть она придержала при себе. А еще я знал, что она ничего не взяла у меня. То, что я о ней узнал, было жестом. Предложением дружбы.

— И твои метки из той же грани, что и мои? Из этой «Умбра Арканта»?

Она кивнула.

— Считается, что она — одна из граней, которые труднее всего контролировать, но я всегда могла заставить свои Тени ожить.

— Потому что ты… инспиритор?

— Именно.

Она снова прикоснулась пальцем к моим меткам.

— Теперь нам просто нужно догадаться, что ты можешь делать, Келлен джен-теп.

Становилось все легче делиться с нею мыслями.

— Ну, я страдаю сокрушительными головными болями и ужасными видениями. Это считается?

— Покажи мне.

Я покачал головой.

— Нет… Твари, которых я вижу, они… Я не собираюсь их искать.

— Жаль. У нас здесь есть девочка джен-теп по имени Сутарей, она — алакратист. Это значит, что ее метки позволяют ей дотягиваться до прошлого и являть его нам. С тобой происходит то же самое?

— Нет, если только прошлое не намного отвратнее, чем кто-либо может вспомнить.

Палец Диадеры начал скользить по линиям вокруг моего глаза.

— У тебя странные метки. Почти как колесики в замке. Может быть, ты энигматист.

— Что умеют делать энигматисты?

— Никто не знает. Если не считать пары коротких упоминаний в одной из книг аббата, никто никогда не встречал энигматиста.

Она убрала палец, что заставило меня почувствовать странное одиночество.

— Пошли, — сказала Диадера, повернувшись к ведущей с башни лестнице. — Я покажу тебе аббатство.

Я не двинулся с места. Мой разговор с аббатом обрушился на меня, напомнив, что я здесь такой же узник, как если бы меня заперли в камере.

— Думаю, для одного дня я повидал достаточно.

Она остановилась и снова повернулась ко мне, переплетя свои пальцы с моими, как будто мы знали друг друга целую вечность.

— Он всем так говорит, Келлен.

Ее лицо приобрело глубоко серьезное выражение, явно не подходящее к ее чертам.

— «Ты умрешь, ты знаешь? Ты будешь с этим бороться, подумаешь, что подчинил ее, но Черная Тень все равно заберет тебя, сын мой. Ты умрешь. Умрешь. Умрешь. Умрешь».

Я всеми силами пытался удержаться и все-таки невольно расхохотался. А расхохотавшись, не сумел остановиться — даже когда смех перешел в никчемные слезы, и всхлипывания сотрясли меня так, что я поскользнулся и шлепнулся на задницу, ощутив острую боль в спине там, где ударился о ступеньку. И даже тогда я не смог остановиться.

Рейчис был мертв. Я бросил его. За целую жизнь осознания своей бесполезности я никогда еще не чувствовал себя таким беспомощным, как сейчас.

Диадера обняла меня, неуклюже опустившись рядом со мной на колени.

— Все в порядке, Келлен. Я знаю. Я знаю, каково это. Но я даю слово, что теперь у тебя все пойдет по-другому.

— По-другому — это как?

Она взяла меня за руку и приложила ее к своей щеке. Кончики моих пальцев коснулись ее меток, и странная связь между нами снова воспламенилась. Потом Диадера посмотрела на меня своими бледно-зелеными глазами, и, клянусь, она могла бы сказать все, что угодно, и я бы ей поверил, даже если бы она не выбрала те слова, которые мне больше всего хотелось услышать с того дня, как я покинул территории джен-теп.

— Ты теперь дома, Келлен.

Глава 20
ПРИГЛАШЕНИЕ

Диадера повела меня за руку вниз по винтовой лестнице башни. В конце изогнутой прихожей на третьей площадке она показала на полуоткрытую дверь.

— Это комната для гостей аббатства, — сказала она и добавила: — Если ты хочешь поспать.

Я мог бы поклясться, что слышал, как под конец она слегка повысила голос, как будто задавала вопрос. На секунду уголок ее рта приподнялся в улыбке. Или нет? К тому времени я был так измучен и у меня так мутилось перед глазами, что мне это могло просто привидеться.

Однако стоит провести достаточно ночей в тавернах для путешественников, и вы узнаете, когда люди говорят: «Если ты хочешь поспать», иногда они спрашивают, устал ли ты, а в других случаях — не хотел бы ты спать с ними. Мой народ считает, что намеки — удел поэтов, актеров и прочих презренных типов, поэтому я не очень хорошо разбираюсь в намеках.

Фериус Перфекс однажды продемонстрировала, как простое приветствие, такое как «ну, привет», может передать аж двенадцать различных намеков, от легкой незаинтересованности до откровенной непристойности. Так какой из них я услышал сейчас?

— Келлен? — спросила Диадера.

Проклятье, но она была красоткой. Даже ее теневые веснушки притягивали мой взгляд — то, как они украшают ее щеки, доходя до челюсти, некоторые тянутся вниз по идеальной шее, а последние скрываются под воротником длинного кожаного плаща.

«Если ты хочешь поспать?..»

Нет, она сказала не так. Не совсем так. И с чего бы Диадере вообще интересоваться мной? Мы только что познакомились. Это просто смешно. Вопрос был совершенно невинным. Вот только ладони мои сделались скользкими, а дыхание — необычайно быстрым. Были и другие признаки того, что я тоже ею интересуюсь, хотя я чувствовал, что очень, очень важно не обращать на эти признаки внимания.

Если бы я мог быть уверен, что она имела в виду. Будь Рейчис здесь, он бы понюхал ее ногу, а потом сообщил мне, что она хочет, чтобы я ее поцеловал, а после предложил бы мне сложные — и крайне неуместные — брачные ритуалы. С другой

стороны, Фериус посоветовала бы ответить, как можно более невинно, но сопроводить ответ дерзким подмигиванием.

— Я очень устал, — ответил я, вспомнив о подмигивании секундой позже, чем следовало.

К тому же я даже не был уверен, что как следует подмигнул, поэтому сделал единственное, чего никто не должен делать в подобной ситуации: подмигнул снова.

Диадера посмотрела на меня, слегка наклонив голову к плечу.

— Ты в порядке? У тебя дергается глаз.

— Я в полном порядке… Я просто… Ну, знаешь…

«О предки, я только что опять подмигнул?»

Внезапно я ощутил такой приступ тоски по Нифении, что у меня заболела грудь. Я никогда не должен был перед ней бахвалиться. В ответ на мои жалкие попытки романтических хитростей она сказала бы, что изображать скромность в надежде, что другой человек примет за тебя решение — эгоистично и трусливо. А потом улыбнулась бы мне улыбкой, говорящей бы без слов, но совершенно ясно: «Все в порядке, Келлен. Тебе позволительно плохо в этом разбираться», — и все снова стало бы нормально.

Рейчис. Фериус. Нифения. Как мне перестать по ним скучать, если я не могу выбросить их из головы?

— Келлен? — спросила Диадера.

К тому времени она, похоже, искренне обо мне забеспокоилась.

Я начал тянуться к ней. Может, если мои пальцы прикоснутся к ее меткам так же, как ее прикоснулись к моим, мы снова разделим эту связь и все перестанет быть таким сложным. Моя рука двигалась медленно, нерешительно, потом остановилась.

«Нет. Не так. Не как мальчик, пытающийся украсть кусок пирога».

Меня охватило странное чувство спокойствия. Я принял решение. Что бы там Диадера имела или не имела в виду под своим вопросом, я не собирался прыгать в постель с девушкой, которая просто удовлетворяла мое отчаянное желание спастись от горя. Я приму боль и потерю, как мужчина. Что бы это ни означало.

Я собирался сказать «спокойной ночи», когда заметил, что она как будто становится выше. В моем затылке проснулась тупая боль, и тут я понял, что упал спиной на стену, а теперь оседаю на пол.

Диадера подбежала, схватила меня, забросила мою руку себе на плечо и, поддерживая, повела в маленькую гостевую комнату

башни.

Ей удалось дотащить меня до кровати.

— Диадера, я решил не… — начал я.

— Какая тупость.

— Что я сде…

Она осторожно опустила меня на то, что оказалось замечательно удобным матрасом.

— Не ты, а я. Я должна была понять, что ты не привык к такой высоте. Воздух здесь реже. Неудивительно, что ты уставился на меня, как какой-то слабоумный деревенский олух. И ты явно измучен. Удивительно, как ты все это пережил. — Она накинула на меня толстое одеяло. — Утром тебе станет лучше. А теперь спи.

«Спи». Только этого слова хватило, чтобы у меня отяжелели веки. Но я все равно откинул одеяло.

— Мы должны… расставить ловушки, — пробормотал я.

Фериус всегда устанавливала их, когда мы устраивались на ночь — будь то в каком-нибудь уголке леса посреди ничего или во дворце богатого торговца. Я порылся в карманах штанов и рубашки. Куда я подевал лески с колокольчиками и шипы для ног?

— Келлен, перестань. — Диадера снова ласково толкнула меня на кровать. — Ты поранишься. Здесь безопасно, честное слово. Отдыхай.

— Не могу, — сказал я. Мои попытки встать полностью провалились. — Никогда не ложись в постель, не установив лову…

Я снова ощутил ту странную связь. Когда я поднял глаза, несколько ее веснушек-теней плыли от ее лица к моему. Они затрепетали возле меток вокруг моего левого глаза, как крылышки бабочек.

«Отдыхай».

После этого я отключился.

Глава 21
СНОВИДЕЦ

Мне снились те, кого я оставил.

Фериус Перфекс танцевала с двумя женщинами, облаченными в струящиеся шелковые платья. Они кружились и вертелись на мраморном полу, как две грациозные планеты, вращающиеся вокруг ее солнца, их руки плавно двигались, касаясь ее плеча или щек. Я чувствовал, что это неправильно — наблюдать, как развивается танец. Он был слишком интимным, слишком…

«Постой. Они не танцуют. Фериус называет это танцем, но для всех остальных это бой».

Женщины атаковали ее. Они вскидывали руки, и крошечные ножи появлялись словно ниоткуда. Аргоси отбивала их веером стальных карт в одной руке и раздвижным стальным прутом в другой. Но она устала, и, когда круто поворачивалась, чтобы не упустить нападающих из виду, капли крови разлетались из полудюжины ран на ее лице и руках.

«Фериус! Фериус, держись! Я иду!»

Она повернулась и взглянула на меня через плечо.

— Не мели ерунды, малыш. Тебя и близко нет. Ты ушел, помнишь?

«Я не хотел… Я пытался уберечь тебя от…»

— Не трать времени на борьбу с проблемами, которые ты не можешь решить.

Она крутнулась как раз вовремя, чтобы увернуться от короткого тонкого лезвия, метнувшегося к ее лицу.

Потом сказала:

— Это не сон, Келлен.

«Погоди, что? Что ты имеешь в виду — это не…»

Она исчезла. Как и те двое, что нападали на нее.

Топот копыт прогремел у меня в ушах. Нифения скакала на быстрой лошади по пыльной серой дороге, приближаясь ко мне. Айшек, ее талисман-гиена, балансировал на шее лошади, гавкая что-то, чего я не понимал.

«Нифения, куда ты? Кто за тобой гонится?»

— Нет времени! — крикнула она. — Он там совсем один!

«Кто один, Нифения? Кого ты…»

Лошадь уже почти налетела на меня.

— Келлен, берегись! — закричала Нифения, впервые меня заметив. — Это не сон!

Лошадь встала на дыбы, ее копыта…

Песок.

Ничего, кроме песка, глубокого песка под ногами, песка, кружащего в воздухе.

Белкокот попятился, ощетинившись, шерсть его сделалась темно-красной с черными полосками, перепонки натянулись, чтобы заставить его выглядеть крупнее. Это был Рейчис. Он рычал, шипел и огрызался на кого-то, находившегося позади меня. Я попытался повернуть голову, чтобы увидеть, кто там, но не смог.

Рейчис начал обходить врага по кругу. Белкокот был ранен, он волочил переднюю лапу. Взгляд его был расфокусирован, глаза смаргивали песок, когда он силился разглядеть противника. Я услышал смех и вспышку магии огня, воспламеняющей воздух.

«Рейчис, беги! Не сражайся с магом без меня! Мы должны быть умными, должны делать это вместе, как всегда. Мы убьем его, Рейчис. Мы убьем его за то, что он пытается тебя ранить. Мы…»

Рейчис засвистел:

— Не глупи, Келлен. Ты в тысяче миль отсюда. Ты не можешь мне помочь. Я сделаю это за тебя.

Страх и отчаяние овладели мной. Я почувствовал, как мое тело борется с одеялами, в которые я завернулся.

«Это сон, — сказал я себе. — Бессмысленная галлюцинация. Все это просто боль, дурные воспоминания, и все потраченные впустую…»

Но тут Рейчис посмотрел на меня — мех на его морде был так близко, что я мог бы протянуть руку и коснуться его.

— Перестань, Келлен, — прорычал он полным раздражения голосом. — Я же говорю тебе, это не сон.

Мои руки сжали одеяла, срывая их. Я попытался встать, заставил себя открыть глаза…

— Нет, тупица, — произнес новый голос. Ни Фериус, ни Нифении и ни Рейчиса, но кого-то столь же знакомого. — Это работает только тогда, когда ты без сознания. Успокойся и послушай меня, Келлен. Это не сон!

Теперь все исчезло. Мраморный пол, пыльная дорога, песок пустыни.

Я стоял в просторной семиугольной комнате, босиком. Пол холодил ноги, но это не было неприятно. Посмотрев вниз, я увидел, что пол сделан из серебра, отполированного и блестящего. Семь колонн поддерживали сводчатый потолок из темного стекла, который пронзали огни звезд, блестя в шелковистом белом дыму жаровни, установленной в центре

комнаты.

— Эй? — позвал я.

Ко мне сквозь дымку зашагала женщина, облаченная в шелка; они нежно мерцали, приобретая по очереди все мыслимые цвета. Солнечно-золотистые волосы, обрамляли ее лицо. А еще я заметил порезы на руках, кровь из которых капала на серебряный пол.

— Наконец-то, — сказала она. — Я уж думала, из-за тебя мне придется стоять здесь, истекая кровью до смерти, пока ты перестанешь наполнять мою голову всеми своими глупыми мыслями.

Ненавижу, когда моя сестра так поступает.

Глава 22
СВЯТИЛИЩЕ

Я слышал, что когда ты не уверен, это реальность или сон, ущипнуть себя — это хороший способ…

— Не надо, — предупредила Шелла и подняла окровавленные руки. — Если ты сейчас проснешься, значит, все было проделано напрасно.

— Почему ты используешь магию крови? — спросил я и повернулся — на этот раз медленней, чтобы осмотреть массивное святилище. — И где мы?

Сестра раздраженно фыркнула — детская манера, идущая вразрез с возвышенной сценой, которую она наколдовала.

— В моем разуме, конечно, — ответила она и добавила: — В твоем точно такая громадная неразбериха, какую я и ожидала. Почему, во имя неба, ты впускаешь в свои сны все эти ужасные мысли о смерти и умирании?

— Думаешь, у меня есть выбор?

Ее ответом была приподнятая бровь.

— Шелла, ты говоришь, что научилась контролировать свои сны?

— Конечно. Я практикую это с тех пор, как мне исполнилось десять.

Она показала на свое безмятежное воображаемое святилище — по крайней мере, зависть заставляла меня надеяться, что святилище мага было именно воображаемым.

— Я проводила здесь свои ночи. И сочла это весьма практичным.

— Практичным?

Она подошла к ближайшей колонне и прикоснулась к ней. Мраморная облицовка как будто растворилась, открыв полки с бесчисленными сосудами и стеклянными ящиками со всевозможными камнями и порошками. Шелла взяла то, что смахивало на кусок жадеита, и швырнула на жаровню в центре комнаты. Дым приобрел зеленоватый оттенок, и комната стала четче.

— Так-то лучше, — сказала она, возвращаясь ко мне. — Не сомневаюсь, некоторые наслаждаются причудливыми ночными ужасами и извращенными фантазиями, но я предпочитаю использовать время сна для экспериментов.

— Экспериментов… — повторил я.

Она насмешливо взглянула на меня:

— Тебя снова уносит? Ты продолжаешь повторять каждое последнее сказанное мною слово. Как бы то ни было…

Она нацелила палец на серебряный пол и очертила в воздухе круг. Желтые искры вспыхнули, образовав идеальное круговое заклинание.

— Видишь? Если ты точно установишь правила для своего мира снов, ты сможешь вычислить весь ряд эзотерических конфигураций для создания новых заклинаний.

Я подошел, взял ее за запястье и поднял вверх ее окровавленную руку.

— Плохо только, что ты не можешь вообразить такого без крови.

— Не глупи, Келлен. Я же сказала — это не сон. Я просто использую это место, чтобы ты сосредоточился, не пришел в себя и не прервал очень сложное и утомительное заклинание шелка. — Она убрала руку. — Магия крови — единственный способ создать между нами связь. А теперь можем мы перейти к делу?

Она указала на что-то позади меня. Я повернулся и увидел, что часть серебряного пола стала жидкой, взметнувшись вверх, как фонтан. Достигнув в высоту футов двух, фонтан замедлил рост, и расплавленное серебро приняло форму довольно элегантного стула. Зная склонность Шеллы упорствовать — особенно после того, как она приложила все усилия, чтобы меня впечатлить, — я сел.

— Хорошо, — сказала она, заняв место на собственном, слегка более царственном троне. Потом посмотрела на кровь, которая уже растекалась лужей на полу. — Думаю, лучше не медлить. Если я лишусь сознания от потери крови, вряд ли кто-нибудь найдет меня вовремя.

Все опасения, что я лишь вижу сон, развеяла невыносимая и слишком хорошо знакомая самоуверенность Шеллы. То, что это реальность, подарило мне крохотный лучик надежды.

— Ты это сделала? Ты помогла Рейчису?

— Кому? А, некхеку. — Она откинулась на спинку своего серебряного трона. — Ну правда, Келлен, мне бы хотелось, чтобы ты завел себе настоящий талисман или, по крайней мере, не такого отвратительного питомца. Отцу стоило бы унич…

— Шелла, — оборвал я сестру.

Свои следующие слова я тщательно обдумал. Несмотря на все сложные интриги и обманы между нами, несмотря на то что Шелла всегда обращалась со мной как с низшим и как с человеком, которому постоянно следует напоминать о долге перед нашим домом (неважно, какие бы ужасы родители ни

пытались со мной сотворить) — все-таки я ее любил. Она спасала меня столько же раз, сколько из-за нее меня чуть не убивали. Она была моей сестрой и всегда будет мной любима. Но она говорила о моем деловом партнере.

— Закончи фразу, и — сон там или не сон — я заставлю тебя об этом пожалеть.

Она уставилась на меня с непринужденной улыбкой, сидя в полностью расслабленной позе. Я знал, что это лишь представление. Она испугалась. И обиделась. Я только что обидел свою младшую сестру. Тем не менее она продолжала притворяться:

— Вот это да. Жизнь отверженного изменила тебя, брат.

— Когда люди все время пытаются тебя убить, это обычно многое проясняет. Где Рейчис?

— Проясняет… Что именно?

Я не мог позволить себе смягчиться. У Шеллы есть эдакая склонность всех контролировать. Когда эта склонность берет над ней верх, она следует путем, который аргоси называют Путем Камня.

— Например, за кого ты готов умереть, а иногда — кого ты готов убить. А теперь расскажи мне, что стало с Рейчисом.

— А если я скажу тебе, что совсем забыла про грызуна? Если я скажу, что у меня есть дела поважнее, чем тратить время — и заклинания — на поиски грязного некхека и попытки спасти его жизнь? Тогда ты убьешь меня, брат?

— Я…

Я все делал неправильно. Фериус не использовала бы арта валар против такой упрямицы, как Шелла. Бесстрашие только ожесточало ее. Лучший путь — это арта превис. Проницательность. Моя сестра не пошла бы на такие труды, чтобы связаться со мной, не будь это важно. Но скорее всего она не стала бы так поступать и лишь для того, чтобы сказать, что спасла Рейчиса.

«Ей что-то нужно».

Арта сива, талант убеждать, заключается не столько в умении уговорить противника, сколько в переосмыслении ситуации.

— Прости, Шелла. Я не должен был тебя пугать. Я никогда бы тебя не тронул, если бы тебе не удалось помочь Рейчису. Я не владею и половиной магии, которой владеешь ты, и не могу вообразить, насколько сложны твои заклинания.

«Испуганный. Обиженный. Проигрывающий. Это должно сработать».

Ее щеки сердито вспыхнули.

Вообще-то Шелла в десять раз лучше владеет магией, чем я.

Она не могла стерпеть, что я считаю, будто нахожусь где-то в ее лиге.

— Я творила более сложные заклинания во сне. В буквальном смысле слова.

— Я расстроил тебя, сестра. Извиняюсь еще раз. — Я поднялся со стула. — Вы с отцом, наверное, все время были правы. Мне никогда не стоило связываться с некхеком. Все, что он делал, — это воровал мои вещи и кусал меня.

Шеллу не так легко было одурачить.

— После всего твоего скулежа о белкокоте теперь тебе на него плевать?

Арта тако, талант коварства — или азартной игры, как называет его Фериус, — имеет много граней. Простейшая из них — преуменьшить стоимость собственной ставки и таким образом поднять ставки своего противника.

— Твои руки все еще кровоточат, Шелла. Эти заклинания опасны.

Я прошел мимо нее, направляясь к двери в дальнем конце комнаты.

— Теперь мне пора. Я нашел новый дом, новое место в мире вдали от того, что когда-то казалось мне важным. Тебе надо отдохнуть. Надеюсь, скоро мы снова поговорим.

Я понятия не имел, что случится, если я выйду в дверь, но не успел я до нее дошагать, как Шелла окликнула:

— Келлен, стой!

Я повернулся:

— Сестра?

Она подошла и встала передо мной, выглядя чуть менее уверенной, чем раньше.

— Мне нужна информация.

— О чем?

— Об Эбеновом аббатстве. Ты сказал, что двое мужчин забирают тебя туда. Это правда? Оно существует?

Вот интересный вопрос. Я бы подумал, что некто со способностями Шеллы — не говоря уж о нашем отце, поскольку я не сомневался, что именно он хочет разузнать насчет аббатства, — мог бы украсть мои мысли. Поэтому или я слишком далеко, или нечто мешает им воспользоваться заклинаниями, чтобы меня выследить.

— Расскажи мне, что случилось с Рейчисом.

— О, ради наших предков! Я помогла ему, ладно? Я помогла твоему грязному белкокоту. Теперь счастлив?

Мне потребовалась каждая унция арта валар, чтобы не рухнуть, плача от облегчения. Вместо этого я обнял ее.

— Спасибо, Шелла.

Она оттолкнула меня.

— Я сказала, помогла ему. Я не сказала, что спасла его.

— Что это значит?

Она покачала головой:

— Нет, теперь ты ответь на мой вопрос.

Шагнув в сторону, она указала на дверь.

— Или давай, уходи отсюда. Чары будут разрушены, и ты проснешься в той маленькой лачуге Черных Теней, где теперь очутился.

Она наверняка блефовала, и все-таки я не мог рисковать. Оказывается, некоторые люди могут научиться арта тако, никогда не встречаясь с аргоси.

— Что ты хочешь знать?

Легкая улыбка на ее лице была напоминанием о сотнях битв разумов, которые я ей проиграл.

— Все, начиная с местонахождения аббатства.

Это она почти наверняка уже вычислила.

— Далеко, на другом континенте, лежащем через океан.

Она кивнула.

— Скорее всего Инкриссия, в Южном море.

Вообще-то Обскария, примерно в трех тысячах милях к северу от Инкриссии, но я не видел никаких причин делиться этим с Шеллой и, следовательно, с ватагой моего отца.

— Сколько у них магов с Черной Тенью? — продолжала она, выпаливая один вопрос за другим. — Сколькими демонами они командуют? Какую оборону они…

— Шелла, прекрати! Эти люди не воины. Они — монахи и ученые, которые пытаются помешать Черной Тени их поглотить. Здесь семьи! Дети! Они не угроза для джен-теп.

Сестра слегка фыркнула, потом похлопала меня по щеке.

— Пребывание в изгнании явно не уменьшило твоей наивности, брат. Монахи этого аббатства, без сомнения, повелители Теней, стремящиеся вернуть запрещенную магию вызывающую демонов. А теперь расскажи мне, что они планируют сде…

— Сестра, пожалуйста.

— Что?

Я не сразу догадался, что сказать. Должен ли я рассказать, что здешние люди первыми страдают, когда Черная Тень сбивается с пути? Что все, чего они хотят, — это прожить некую маленькую часть своей жизни свободными. И не желают, чтобы маги джен-теп преследовали их как собак?

Нет. Все это подействует на нее не больше, чем

подействовало бы на отца. Поэтому я спросил:

— Почему всегда должно быть вот так?

Она сощурилась, думая, что я играю в какую-то игру:

— Как — «вот так»?

На этот вопрос я мог ответить честно, потому что задавал его самому себе месяцами.

— Почему у джен-теп самая чудесная магия в мире, но мы используем ее только для того, чтобы строить заговоры, интриги и убивать наших врагов?

Не промедлив ни секунды, как будто это была самая очевидная в мире вещь, Шелла ответила:

— На нас лежит долг — защищать наш народ, точно так же, как на тебе и мне лежит долг защищать наш дом.

Я взял ее руки в свои. Даже в этом сонном состоянии я чувствовал тепло крови, струящейся по ее ладоням.

— Шелла, ты самый могущественный маг нашего поколения. Однажды ты превзойдешь всех, даже отца. Именно ты будешь править нашим народом. Всю жизнь ты подавала такие надежды, однако обращаешься со своей силой без унции сострадания. Если ты не можешь… Если даже ты не можешь найти способ использовать свою магию для чего-то большего, нежели только причинение боли и разрушений, на что тогда надеяться любому из нас?

Шелла не ответила. Она просто стояла, глядя на мои руки. Я почувствовал, как в ней что-то дрогнуло.

— Чего ты хочешь от меня, брат?

Я ощущал себя сродни одному из персонажей сказок приграничья, который нашел магическую свечу — ее нельзя зажечь никаким пламенем, но если подышать на нее, как надо, твое сердечное желание исполнится. Но Шелла в первую очередь была предана семье. Попроси я ее пойти против воли отца — и я ее потеряю. Верность — вот то, что мы понимали оба.

— Ты можешь спасти Рейчиса?

Она, похоже, не удивилась.

— А если спасу? Если я рискну собой ради твоего отвратительного питомца, ты будешь относиться ко мне лучше, Келлен? Когда мы увидимся, скажешь, что любишь меня за то, кто я есть, а не вопреки этому, как всегда?

— Я…

Наверное, я должен был соврать, но я не смог. Не смог, когда она открылась мне.

— Надеюсь, что да. Я хочу этого, Шелла. Клянусь.

Она улыбнулась:

— Думаю, пока этого достаточно, брат. — Она сделала

длинный неглубокий вдох. — Белкокот все еще в Золотом Проходе. Я смогла поддержать в нем жизнь, но заклинания быстро слабеют.

— Должно быть что-нибудь…

— Вот почему я встретилась с тобой здесь, Келлен. — Она невольно огляделась вокруг, как будто беспокоилась, что кто-то подслушивает нас. — Я пообещала отцу раздобыть информацию об Эбеновом аббатстве, но вызвала тебя еще и потому, что думаю: есть способ, которым мы можем залечить раны белкокота и дать ему силы выбраться из пустыни.

— Как?

Она осторожно подошла к одной из колонн, снова прижала кончики пальцев к поверхности, и мрамор растворился, чтобы явить еще больше полок, полных кувшинов и ящичков. Когда Шелла вернулась, она держала единственную блестящую голубую песчинку. Сделав жест, сестра произнесла какое-то слово. Песчинка запрыгала в воздухе между нами.

— Ты помнишь сарет-кавеф?

— Заклинание летающего компаса? Это едва ли нечто большее, чем мистификация.

— Заклинания дыхания слабы, Келлен, ты знаешь это лучше любого другого мага.

Вернулась прежняя Шелла.

— Сарет-кавеф позволяет заставлять объекты парить вместе с ветрами. Вот зачем ты мне нужен: отправь мне что-нибудь, к чему прикасался Рейчис. Тогда я смогу использовать эту связь, чтобы направить достаточно целительной магии для его излечения.

— Шелла, сарет-кавеф посылает по ветру гальку. Я не могу заставить его пронести объект через полмира.

— Конечно, нет, — сказала она, явно раздраженная возможностью того, что я мог бы выполнить нечто подобного уровня — то, чего она сама сделать не могла. — Но если объект сделан не из обычной материи? И движется не через обычное пространство?

— Ты имеешь в виду мысль? Разве не этим мы сейчас занимаемся?

Она покачала головой:

— Нет, мысль не может выдержать связи. Я кое о чем другом. О том, что только ты можешь сделать.

Она прикоснулась пальцем к меткам вокруг моего левого глаза. Даже в мире снов я вздрогнул:

— Ты хочешь, чтобы я скользнул в Тени?

Она кивнула:

— Как ты уже делал раньше. Расстояние, похоже, не имеет

там того же значения, какое имеет в нормальном мире, и у теневой материи нет никакого собственного физического веса. Но она несет духовный резонанс. Поэтому если ты прикоснешься к объекту там — даже к песчинке того странного черного песка — к чему-нибудь, чего касался Рейчис… — …тогда я смогу заставить это поплыть к тебе с помощью заклинания.

Эзотерическая геометрия, стоящая за ее предложением, была безумно сложна. Я не смог бы даже начать вычислять, как это все… Но это неважно. Тени как будто никогда не подчинялись обычным правилам магии. Они подчинялись скорее инстинктами, чем сосредоточенной воле мага.

— Я даже не знаю, смогу ли я заставить себя уйти в Тени, — сказал я. — В большинстве случаев я по чистой случайности сумел…

Шелла закатила глаза.

— О, ради бога, брат. Подумай о том, где ты. Насколько трудно может быть войти в Тени, если ты уже находишься в месте, где их так много?

Она привела веский довод.

— Хорошо. Хорошо. Давай попробуем. С чего начнем?

Шелла подошла к двери, открыла ее и придержала для меня.

— Просто войди в нее, и ты проснешься. Попытайся не забывать, что это был не сон.

В данный момент это не казалось проблемой. Я двинулся к двери, но остановился на мгновение, чтобы оглянуться на Шеллу.

— Спасибо, сестра. Это так много… Это значит для меня все на свете.

Взгляд ее стал усталым и печальным.

— О, Келлен. Иногда я удивляюсь, как ты там выживаешь, совсем один.

Глава 23
КОМПАС

Я открыл глаза в темноте, понятия не имея, сколько времени прошло с тех пор, как Диадера привела меня в гостевую комнату. Но я все еще был измучен и понял, что снова уплываю в дремоту, гадая, увижу ли снова те странные сны о…

«Черт, Шелла была права. Я почти забыл, что все было реальным».

Я заставил себя встать с постели, хотя отчаянно жаждал комфорта. Пол был холодным, что помогло мне проснуться, вкупе с тем фактом, что я стоял босиком. Точнее — я был голым.

Я не помнил, как раздевался. Или я сделал это во сне, или Диадера…

«Сосредоточься, идиот. Прибереги смущение на потом!»

Я закрыл глаза и глубоко вздохнул, настраиваясь на черные отметины вокруг левого глаза. Большую часть времени я игнорировал исходящий от них холод, но сейчас я принял его.

«Хорошо, ты, бесполезная, грязная тварь. Ты превращала мою жизнь в ад больше раз, чем я могу сосчитать. Теперь пришло время слегка расплатиться за…»

Что-то было не так. Я ожидал обычного напряжения пробуждающейся Черной Тени, а вслед за тем — жгучей муки, которую она посылает через метки. Но, хотя я ничего подобного не почувствовал, я знал — что-то изменилось.

Я открыл глаза. Комната исчезла.

— Ух ты! — сказал я вслух. Правда, мои слова звучали словно издалека, отдаваясь эхом, как всегда в этом странном месте.

Я больше не ощущал каменного пола под своими ногами. Вместо него я стоял на ковре из крошечных чешуек оникса. То, что я принял за темноту в комнате, оказалось не совсем темнотой, поскольку за окном все еще был неяркий свет. Однако здешний мир был раскрашен в тысячи разных оттенков черного. Я не мог здесь видеть, однако видел яснее, чем когда-либо. Не желая рисковать такой удачей, я взялся за дело.

Сарет-кавеф состоит из тех же пяти элементов, что и любое другое заклинание джен-теп: вообразить специфическую эзотерическую конфигурацию, создать магическую фигуру, произнести заклинание, вызвать силу через соответствующую татуировку и отправить ее в цель. Шелла сказала, что мне нужно послать ей что-нибудь, к чему прикасался Рейчис, и это была

проблема.

Маленький монстр владел всевозможными безделушками и драгоценными предметами, которые украл у того или другого бедного олуха во время наших странствий. Вышеупомянутым олухом бывал я. Но у меня не осталось мешочка с его сокровищами. А если бы даже остался, я не смог бы пронести его с собой в Тени.

Потом я понял, что у меня все-таки есть несколько вещей, которых касался белкокот: шрамы от всех его укусов.

Я опустился на колени и подобрал с земли крошечный осколок оникса. На мне было несколько меток от укусов, но самый недавний — на тыльной стороне правой руки. Однажды ночью во сне я нечаянно прикоснулся к меху Рейчиса. Он решил, что я пытаюсь его приласкать, и высказался в ответ со всей своей обычной привязанностью к «голокожим, которые думают, будто из белкокотов получаются хорошие питомцы».

Я воткнул осколок оникса в шрам. Это было больно, но странным образом: скорее эмоционально, чем физически. Я отнесся к этому как к доброму знаку. Когда я вытащил осколок, оттенок черного изменился, он почему-то заблестел. Наверное, я все вообразил, но что еще мне оставалось делать?

Большая часть магии дыхания требует двух рук, поэтому я подбросил осколок в воздух. Когда он начал падать, я создал магические формы. Вообще-то это нелегко: средний и безымянный пальцы прижаты друг к другу в знаке связывания, большие пальцы направлены вниз для укрепления, а указательный и мизинец трепещут, как крылья птицы. Последнее особенно трудно. Попробуйте и увидите.

— Сарет-кавеф, — произнес я, вкладывая в слова свою волю и стараясь удержать в уме и эзотерическую конфигурацию заклинания, и квинтэссенцию магии Шеллы.

Я услышал вопль вместе с шумом ветра, когда крошечные осколки стали полосовать воздух, летя быстрее и с большей силой, чем я когда-либо раньше видел при исполнении заклинания парящего компаса.

Я понятия не имел, получилось ли — прошел ли каким-то образом маленький осколок сквозь Тени, чтобы найти мою сестру, и хватит ли связи от укуса белкокота, чтобы Шелла дотянулась до него своими целительными заклинаниями. Но это могло сработать, что дало мне то, чего уже некоторое время так особенно не хватало, — надежду.

Рейчис, несмотря на воровство и жульничество, несмотря на все укусы и оскорбления, которыми он меня награждал, был лучшим другом, какого я когда-либо имел. С того момента, как

нас разлучили, я чувствовал себя беспомощным. Все, что я делал до сих пор, не удавалось, а только еще больше отдаляло меня от него. Больше нечего было испробовать, больше не с кем было сражаться, не осталось ничего, чем пожертвовать. Если кто-то сейчас и мог помочь, то только Шелла.

«Надеюсь, это сработает, Рейчис. Надеюсь, я снова тебя увижу, если не в этом мире, то в аду, в котором мы оба однажды должны очутиться».

Мной овладела усталость, куда большая, чем могло бы вызвать такое простое заклинание. Я опрокинулся назад, выскальзывая из Теней. Тело мое ударилось о матрас, что было приятно, а голова — о стену за ним, что приятно не было. Я забрался под одеяла и откинулся на подушку, чтобы уснуть.

«Ловушки, — вспомнил я, выбираясь из постели. — Нельзя засыпать, не установив ловушек».

Не успел я сделать первого шага, как четыре извилистые теневые ленты обмотались вокруг моих запястий и лодыжек. Меня заарканили, как заблудившегося теленка, которого нашли в землях чужого пастуха. Следующее, что я осознал, — меня подняли в воздух на несколько футов над кроватью.

— Используешь заклинания джен-теп, чтобы доложить своему народу? — спросил голос в темноте. — Я должен был с первого взгляда понять, что ты шпион.

Не успел я возразить, как пятая лента скользнула через мою голову.

«Не лента, — слишком поздно понял я, беспомощно царапая Тень. — А петля».

Каждому изгою нужны три правила, чтобы выжить: не доверяй там, где с тебя не берут платы, не ложись в постель, не установив ловушек, и никогда, никогда не забывай о парне, которого ты столкнул с утеса. Я бы извинился за последнее, но Тени вокруг моей шеи начали затягиваться.

Глава 24
ДОПРОС

Я хлопнул рукой по правому бедру, напрасно отыскивая кожаный футляр со стальными метательными картами, но нашел только свою ногу, потому что четвертое правило изгоя, разумеется, гласит: никогда не ложись в постель голым. А теперь у меня не только не было никакого оружия, я еще должен был гадать, не подставила ли меня Диадера.

— Это ищешь? — спросил Турнам, шагнув в тусклый свет, льющийся из окна в дальней части комнаты.

На нем был его длинный кожаный плащ. Отрезанные рукава позволяли демонстрировать напрягшиеся мускулы и напоминали о том, что меня превосходят не только в магическом, но и в физическом отношении. А также в портновском, поскольку на мне вообще не было одежды. Мои штаны болтались у меня на виду, их удерживали в воздухе ленты Черной Тени. Кожаный мешок, пришитый к штанине, был так близко, что вызывал танталовы муки, но со связанными руками дотянуться до него я не мог.

— Теперь никаких хитрых метательных карт, — сказал Турнам.

Его невыносимый берабесский акцент вибрировал в петле Черной Тени, обмотанной вокруг моей шеи. Появился еще один завиток, он раскачивал мой ремень с прицепленными к нему справа и слева мешочками.

— И никаких магических порошков.

Третий завиток задрожал, издав звенящий звук.

— Я даже нашел монетки, вшитые в твою рубашку.

Мои шансы только что уменьшились от сомнительных до откровенно паршивых. Как бы ни было неприятно, когда тебя застает врасплох самодовольный, убежденный в своей правоте засранец, верящий в свое врожденное превосходство, куда более опасно попасться врагу, уважающему тебя настолько, чтобы найти твое оружие. Я широко открыл рот, борясь за вдох.

— Хочешь в чем-то признаться, шпион? — спросил Турнам.

Он дернул пальцами, и петля ослабла достаточно, чтобы я вдохнул крошечную толику воздуха. Турнам наблюдал за мной, наверняка ожидая, что я или буду молить о пощаде, или осыплю его оскорблениями. Я подумал — не упомянуть ли тот факт, что я столкнул с утеса Бателиоса, а не его? Так почему же явился за мной он? Но я мог лучше распорядиться своим дыханием.

Я разомкнул губы, позволяя струйке воздуха просочиться наружу, шепча о своей беде, посылая каждую отчаянную мольбу, как бумажный кораблик по реке, до тех пор пока мои легкие не опустели.

«Ладно, Сюзи, — подумал я. — Твоя очередь».

Я почувствовал холодок в левом глазу, но негромкий вопль, обычно говоривший о ее появлении, угас, едва зазвучав.

Турнам наклонился ближе, силясь расслышать, что я сказал.

— Это магия шепота? — спросил он. — Потому что я читал об этом облаке в твоем глазу. В аббатстве есть обширная библиотека оккультных трудов. Согласно самой авторитетной книге, которую я смог найти по данному вопросу, появление на нашей физической грани — так, как вчера появился твой дух воздуха — имеет ужасную цену. Уходят дни или даже недели, чтобы оправиться.

Он протянул палец и постучал по моему правому глазу.

— Никакая сасуцеи не спасет тебя сегодня, облачный мальчик.

Думаю, это объясняет, почему пробудившись я не почувствовал обычного холодка в глазу. Я начал дрожать, и не от прохладного воздуха. Когда ты беспомощен, с тобой такое бывает.

«Нет. Может, ты не способен шевельнуться или драться, но быть беспомощным — дело другое».

Всякий раз, когда Фериус попадала в беду, ее первым шагом было выпутаться с помощью разговоров. Арта локвит. Красноречие. Поговори с людьми на их языке — и ты сможешь перекинуть мосты к пониманию их мира.

— Ты ребенок, — просипел я. — И трус.

Я закончил тем, что плюнул ему в лицо.

Несведущему наблюдателю могло показаться, что я не совсем усвоил уроки арта локвит. Однако цель красноречия не в том, чтобы подружиться со своим противником; цель в том, чтобы поговорить с ним так, чтобы он как следует тебя понял… Использовать слова и идеи, которые его как следует проймут.

Что ж, берабесская культура считает себя богатой и яркой, полной традиций и контрастов, благочестивой веры и философских диспутов. Однако я никогда по-настоящему не узнал ту часть их народа, потому что лицо, которое их религиозные лидеры являют остальному миру, ревностно, догматично и дьявольски высокомерно. На таком языке я и решил говорить.

Берабески относятся к взрослению даже серьезнее, чем джентеп. Когда я назвал Турнама ребенком, я подразумевал, что он не сумел совершить этот священный переход. Потом я поставил под

сомнение его храбрость. Берабески считают храбрость фундаментальным различием между своим народом и чужеземцами, поэтому назвать его трусом — это сказать, что он вообще не берабеск. И наконец народ Турнама живет в окружении пустыни и гордится способностью днями выживать без воды всякий раз, когда они отправляются в свои священные паломничества. Плюнуть в берабеска — это намекнуть, что вода им нужнее, чем тебе.

Видите? Арта локвит. Никаких проблем.

Путы на моих руках и ногах стянулись, сжав меня так сильно, что я испугался, как бы не сломались косточки на запястьях и лодыжках.

— Что ты сказал мне, джен-теп? — прошипел Турнам.

Он показал на пол, и его теневые путы заставили меня опуститься на колени.

— Посмотри на себя, — сказал он, возвышаясь надо мной. — Слабый. Беспомощный. Без каких-либо собственных способностей Черной Тени — только несколько трюков, которые легко обойти, отобрав у тебя твои игрушки. Ты шпион, Келлен, а значит, я могу сделать с тобой все, что захочу.

Он тоже опустился на колени; его губы почти касались мочки моего уха.

— Дай мне услышать, как ты это скажешь.

Для парня, который хотел, чтобы я говорил, он не облегчал мне задачу. Из-за петли вокруг шеи становилось все трудней и трудней втягивать воздух в легкие, и сердце мое билось так быстро, что я не сомневался: еще несколько секунд — и я потеряю сознание. Вот почему я не тратил скудные остатки воздуха на попытки отрицать, что я шпион. Вместо этого я выдавил единственное слово:

— Дуэль.

Я никогда еще не видел, чтобы кто-нибудь так быстро и широко распахивал глаза.

«Да, — подумал я. — Это тебя проняло, не так ли?»

Я обвинил его в том, что он трус и ребенок. Теперь я предлагал ему шанс доказать, что я ошибаюсь, а это всегда доставляет больше удовлетворения, чем избивать беспомощную жертву. Если только он не окажется безумцем, которого заводят убийства… Вот тогда я попаду в серьезную беду.

Турнам отступил на несколько шагов. Его Тени поднимали меня вверх до тех пор, пока я не повис в футе над полом.

— Ты и в самом деле думаешь, что сможешь одолеть меня, джен-теп?

Я кивнул.

Он щелкнул пальцами. Внезапно все ленты меня отпустили, и я, задыхаясь, упал на пол. Я не обратил внимания на то, что ударился коленями; я отчаянно растирал запястья, пытаясь вернуть им чувствительность.

— О, это будет весело, — сказал Турнам.

«Нет, не будет, ты, подонок. Ты, высокомерный, привилегированный засранец. Я — проклятый богами изгой — меткий маг, который встречался с парнями намного круче тебя. Я побью тебя, глупец».

Более или менее уверившись, что не упаду, я встал и потянулся за штанами и поясом с порошками, но ленты Турнама отдернули их прочь.

— Дуэль Черных Теней происходит не так, Келлен. — Он улыбнулся такой дружелюбной улыбкой, в какую только могли сложиться его самодовольные губы. — Это Эбеновое аббатство. Здесь слегка другие правила.

Ладно, может, в конце концов проблема все-таки есть.

Глава 25
ДУЭЛЬ

— Все в аббатстве гадали, что могут твои Черные Тени, — сказал Турнам. — Диадера говорит, что ты, возможно, энигматист.

Еще пара лент размоталась с его рук и закачалась в воздухе между нами.

— Так давай, загадочный мальчик. Покажи мне, что у тебя есть.

У меня стало кисло во рту, когда я услышал, что Диадера говорила с ним обо мне. Но я отбросил подобные мысли, ведь что бы она ни думала, я не больше энигматист (что бы это ни означало), чем лорд-маг.

— Верни мои карты, Турнам. Пусть бой будет честным, и я…

— Честным? — Турнам практически выплюнул это слово. — Ты уверен, что просто не нарисовал метки вокруг своего глаза? Никто, проклятый Черной Тенью, не считает до сих пор, что мир честен.

Одна из лент щелкнула, как бич, по моей щеке. Я такое предвидел, но онемение в моих недавно скрученных конечностях еще не прошло, и я не мог рисковать, выполняя один из причудливых приемов, с помощью которых уворачивалась Фериус. Вместо этого я метнулся в сторону. Комната была чересчур узкой, и я слишком сильно оттолкнулся ногами. В результате я врезался в стену, как птица, влетевшая в закрытое окно.

— Вот и рассчитывай на боевые искусства аргоси, о которых я столько слышал, — почти разочарованно сказал Турнам. — Используй свои метки, Келлен. Сражайся со мной, как настоящая Черная Тень.

— Я не могу! — завопил я.

Это оказалось ошибкой. Он провоцировал меня и теперь воспользовался тем, что я отвлекся, чтобы полоснуть меня второй лентой. На сей раз я двигался слишком медленно, и мою щеку обожгло так, будто меня ударили кожаным ремнем. Турнам забавлялся со мной.

— Вот ради кого я рисковал жизнью, чтобы вынести его из бесплодной пустыни? Хнычущий мальчишка, который не может даже наколдовать унцию Тени?

Два завитка его Черной Тени взмыли, чтобы крест-накрест хлыстнуть меня по лицу. Я вовремя поднял руки, чтобы их

блокировать, но боль была сильнее, чем если бы меня стегнули кнутом. Атаки Турнама быстро становились все более неистовыми. Я не смогу долго так продержаться.

— Защищайся! — потребовал он.

Я крутнулся в старом дароменском пируэте, который Фериус научила меня использовать для удара ногой с разворота. Моя нога остановилась в дюйме от лица Турнама, пойманная одной из его лент. Не успел я оправиться, как лента обмоталась вокруг моей ноги и швырнула меня назад с такой силой, что я понял: или я лишусь сознания, врезавшись в стену, или сломаю шею. Я выгнул спину, как выгибаются в гитабрийском танго, благодаря силе инерции сделав обратное сальто. О, как я жалел, что не проводил больше времени, упражняясь с Фериус в этих проклятых танго! Каким-то чудом я ухитрился перевернуться в воздухе и встать на ноги.

Но не успел я снова напасть, как увидел, что приземлился прямо в петлю одной из лент Черной Тени Турнама. Он сделал рукой скручивающее движение, лассо затянулось, и мои ноги оказались плотно прижатыми друг к другу.

— Хватит игр, — сказал он. — Покажи, как ты можешь метать Тени, Келлен. Докажи, что тебе здесь место.

Конечно, я не мог метать Тени или делать любые другие вещи, что делали эти люди. Метки вокруг моего левого глаза приносили мне только боль и несчастья.

«Будь ты проклята, Серентия. Почему ты так поступила со мной? Как ты могла обручить своего собственного внука с Тенью?»

Горечь и гнев ударили меня сильней, чем боль от полосующих черных лент Турнама.

— Я никогда не просил, чтобы меня приводили в это проклятое аббатство! — закричал я. — Я просто хочу уйти и найти моего друга!

Моя ярость как будто только подстегнула его возмущение.

— Черные Тени не имеют друзей. Только мы и есть друг у друга. Или ты один из нас, или ты один из них.

Его голос стал тихим и спокойным. Нет, не спокойным. Холодным.

— Если ты один из них, Келлен, если ты агент джен-теп, я тебя убью.

— Я не шпион!

— Докажи это.

Он взмахнул рукой, и одна из его лент обмоталась вокруг моего лба, заставив меня откинуть голову назад. Вторая начала ощупывать черные линии вокруг моего левого глаза, тыча в них,

как нож хирурга, готовящегося сделать разрез.

— Разбуди свою Черную Тень, — сказал Турнам. — Используй метки, чтобы спасти свою жизнь, пока не станет слишком поздно.

Кончик ленты ткнул в кожу над моим глазом, как игла. Я почувствовал, что плоть готова разорваться под его давлением.

— Стой! — завопил я. — Моя Черная Тень не работает так, как ваши! Она не делает ничего, только превращает мою жизнь в ад!

Я боролся, чтобы отодвинуться, но все больше и больше лент Турнама обматывалось вокруг меня, погребая меня, как мумифицированный труп.

— Я знаю, что ты шпион, — пробормотал он.

Было нечто странное в том, как он повторял это снова и снова, как будто не столько пытался заставить меня сознаться, сколько убеждал в этом себя самого.

Предки, прокляните меня за глупость. Я абсолютно неправильно оценил ситуацию. Под своей бравадой Турнам боялся. Паниковал. Мысль о том, что в аббатстве есть шпион джен-теп, ужасала его. Но он не был убийцей. Поэтому пытался спровоцировать меня, давить на меня до тех пор, пока он не окажется в ситуации, из которой у него не будет иного выхода, кроме как убить меня, использовав самозащиту. Несмотря на то что я не представлял реальной угрозы, он зашел слишком далеко, чтобы остановиться. Турнам набирался смелости, чтобы меня прикончить.

Ужасная решимость поднялась в моей душе, и я приготовился к тому, что мне придется сделать дальше.

«Прости, Фериус», — подумал я.

Как бы усердно я ни пытался изучить ее более мягкие способы ведения боя, не меньше я узнал о сражениях от Рейчиса. Белкокоты, несмотря на все свое бахвальство, маленькие животные. Хрупкие. Как и я. Они выживают в схватках с более крупными хищниками лишь потому, что приспособились находить идеальный момент для нападения, и, когда момент настает, отлупят безжалостно. Путь Грома — так называют это аргоси. Тот путь, по которому я сейчас должен пройти.

Я наблюдал за Турнамом, думая, что мне сказать дальше, какой последний трюк заставит его меня разозлить. Когда момент настанет, больше не будет умных приемов Фериус. Никаких больше танцев. Я сложу пальцы, а потом вгоню их прямо в кадык Турнама.

— Вот! — сказал он, указывая на меня, как будто я только что сознался. — Я вижу это в твоих глазах! Тот же взгляд, как тогда,

когда ты столкнул Бателиоса с утеса. — Он подошел ближе. — Когда ты пытался его убить.

Ну, насчет этого он вроде бы как прав, и я сомневался, что смогу убедить его в обратном. Но спустя секунду это будет уже неважно, потому что он так сосредоточился на моем лице, что путы вокруг моего правого запястья ослабли почти достаточно для того, чтобы я освободил руку. Я подавил чувство вины, прокравшееся в мое нутро.

«Это Путь Грома, — сказал я себе. — Так и должно быть».

— Келлен столкнул меня с утеса только потому, что знал — ты используешь свою Черную Тень, чтобы меня спасти, — сказал более низкий голос, удивив нас обоих.

Сперва раздалось медленное шлепанье сандалий по каменному полу, а потом Бателиос открыл дверь в комнату. Свет из коридора последовал за ним, неяркое утреннее солнце из окон с другой стороны отразилось оранжевым от тех частей бритой головы здоровяка, которые не были покрыты черными отметинами. Он продемонстрировал нам обоим намек на улыбку.

— Может, я забыл поблагодарить его за это.

— Поблагодаришь меня позже, — сказал Турнам. — Я собираюсь спасти тебе жизнь во второй раз и жизни всех остальных в аббатстве.

Бателиос положил руку ему на плечо.

— Нет, я не думаю, что ты это сделаешь.

— И как ты собираешься меня остановить? Утопишь меня в своих слезах-тенях? Убирайся отсюда, ты, ребенок-переросток. Ты никогда не был бойцом.

Не успел Бателиос ответить, не успел я отвести назад теперь свободную руку, готовясь воткнуть ее в горло Турнама, едва он ко мне повернется, как тишину нарушил новый голос:

— Но я боец.

Это была Диадера.

Она шагнула в комнату, и мое сердце потрясенно подпрыгнуло. Потрясений было слишком много, чтобы их выдержал любой нормальный человек. Всего минуту назад я думал, что Турнам собирается меня убить, потом я решил убить его первым, потом Бателиос попытался все уладить, только непохоже было, что это сработает. И вот теперь на сцене нарисовалась Диадера.

Меня охватило неожиданное чувство. Не облегчение, не похоть, а стыд. Я взглянул вниз. Угу. Все еще голый. Лентам Турнама не хватило даже пристойности, чтобы прикрыть важные места.

— Вы, мальчики, устроили пирушку и забыли пригласить

меня? — спросила Диадера без намека на смущение.

Ее взгляд скользнул по мне от ног до макушки, ничего не пропустив по пути.

— Надо же, Турнам, — легко сказала она, — я и не знала, что ты увлекаешься играми со связыванием. Подумай, сколько веселья мы упустили.

Щеки Турнама покраснели, то ли от ярости, то ли от унижения.

— Убирайся отсюда, Диадера. Тебе полагалось убить его, а не укладывать в постель.

— Я передумала, — сказала она, хотя теперь отказывалась встречаться со мной взглядом.

«Отлично. Единственный человек, который, как я считал, не испытывает ко мне ненависти, собирался меня убить».

Турнам, со своей стороны, как будто больше злился на нее, чем на меня.

— Тогда, по-моему, чертовски хорошо, что я — лидер метателей Теней, а не ты.

Диадера невинно захлопала ресницами.

— Ты имеешь в виду, потому что ты самая большая, самая крутая, самая опасная Черная Тень из всех нас?

— Чертовски верно.

Она медленно подошла, чтобы встать между нами, прежде чем повернулась к нему лицом.

— Дело в том, Турнам, дорогой, — и я сейчас не собираюсь хвастаться, — что я тоже могу быть большой и крутой. Поэтому, может, пора мне захватить власть над метателями теней.

Турнам затрясся всем телом от едва сдерживаемых досады и унижения. Диадера завела его слишком далеко, недооценив так же сильно, как я сам.

— Думаешь, ты можешь быть лучше меня, девочка?

— О, определенно.

Она вдруг ухмыльнулась и откинула назад рыжие локоны.

— Но тогда мне пришлось бы понаставить синяков на твое красивое лицо, а мы не можем этого допустить, верно?

Без предупреждения она приподнялась на цыпочках и поцеловала его прямо в губы. Не дав Турнаму времени среагировать, опустилась обратно и прошла мимо него, остановившись у двери, чтобы подмигнуть нам всем.

— А теперь время игр закончилось, мальчики. Мы должны быть на тренировочной площадке.

Я ожидал, что Турнам воспользуется ее уходом для того, чтобы возобновить свои атаки. Вместо этого он просто смотрел ей вслед, прикасаясь пальцами к своим губам там, где только что

были ее губы. Не могу сказать, сколько он так простоял, сколько заставил меня ждать, закончится ли все это смертью одного из нас, но потом его ленты отпустили меня, и он вслед за Диадерой вышел из комнаты, всего лишь сурово оглянувшись.

Я прислонился к стене, делая длинные глубокие вдохи и пытаясь замедлить удары сердца, не в силах решить, должен ли я испытывать ревность, облегчение и какой пол разочаровал меня больше всего.

— Вы безумцы, люди, — пробормотал я.

Бателиос с низким горловым смехом протянул мне одежду.

— Не смотри на меня, друг. Влечение к противоположному полу всегда казалось мне извращением. Ты должен одеться. Брат Дием тренирует нас сегодня, а его уроки могут быть поначалу несколько… огорчительными.

— Огорчительными? — Мои руки тряслись, когда я пытался натянуть штаны. — Огорчительно то, что я в тысячах милях от родной земли, запертый в сумасшедшем доме, обитатели которого не могут выбрать — убить незнакомцев или соблазнить их.

Здоровяк пожал плечами:

— Большинство из нас молоды, Келлен. — Он обвел указательным пальцем узор на своем лице, заканчивающийся тремя черными слезами. — Если Черная Тень не убьет меня прежде, чем мне исполнится двадцать, меня непременно убьют те, кто ненавидит меня за нее. Остальных здесь скорее всего постигнет та же участь. Стоит ли удивляться нашей импульсивной склонности быть… значительными?

Я все еще застегивал рубашку, когда он обхватил меня рукой за плечи и повел из комнаты.

— Добро пожаловать в Эбеновое аббатство, Келлен из джентеп. Место передышки от мира, который нас презирает. Надеюсь, ты переживешь это жизненное испытание.

Глава 26
ЛЮДИ И МЕСТА

Диадера стояла в конце коридора, поглощенная беседой с Турнамом; они говорили слишком тихо, чтобы я мог их расслышать. Когда она увидела, что приближаемся мы с Бателиосом, ее светло-зеленые глаза стали следить за каждым моим шагом, но она ни разу не встретилась со мной взглядом.

Она подставила меня этой ночью, с помощью своей Черной Тени погрузила в сон, прекрасно зная, что Турнам ожидает, чтобы устроить мне засаду? Или она искренне ничего не подозревала? Если подумать, то, учитывая прежние угрозы Турнама, мне вообще-то не нужны были никакие предупреждения.

В таких случаях нельзя не вообразить, как Шелла вздыхает одним из своих разочарованных вздохов. «Ты слишком доверчив, брат. Ты всегда таким был. Тебе так отчаянно хочется, чтобы тебя любили и приняли, что ты позволяешь своим врагам взять над тобой верх».

— Ты будешь счастлив услышать, что Турнам согласился воздержаться от попыток казнить тебя как шпиона, — весело сказала Диадера. — До тех пор пока не найдет какие-нибудь… Погоди, как ты сказал минуту назад, Турнам? — Она ткнула его в грудь и сама ответила на свой вопрос: — А, да. Доказательства.

Он попытался встретиться с ней взглядом — и проиграл.

— Поступай, как знаешь. Теперь облачный мальчик в зоне твоей ответственности.

Он повернулся на пятках и пошел вниз по лестнице.

Диадера раздраженно вздохнула, прежде чем последовать за ним.

— Хочешь верь, хочешь нет, спустя некоторое время ты и вправду привыкнешь к Турнаму.

— Как к гангрене, — пробормотал я про себя. — Вот почему лучше избавиться от нее, чем быстрее, тем лучше.

Бателиос за моей спиной засмеялся:

— «Как к гангрене». Хорошо сказано. — Он осторожно подтолкнул меня к лестнице. — Я уже чувствую, что все мы станем отличными друзьями, Келлен джен-теп.

Я почему-то в этом сомневался.

Мы четверо накручивали спирали, молча спускаясь по винтовой лестнице башни. Шаги Диадеры были быстрыми и уверенными, почти игривыми, напоминая мне, что место, которое выглядело в моих глазах таким зловещим и темным, для нее

означало нечто совершенно другое. Безопасность. Убежище. Дом.

Будь Фериус здесь, она бы высказалась — своим протяжным голосом жителя приграничья: «Ты можешь многое узнать о том, как некто относится к данному месту, наблюдая за тем, как он передвигается». Она никогда не произносила конкретно этих слов, но они точно походили на те, которые она могла бы сказать. Может, теперь я совершенно самостоятельно натыкаюсь на новые откровения аргоси.

Турнам первым добрался до широких двойных дверей в основании башни и распахнул их. За ними солнце раннего утра отражалось в узкой черной дорожке, которая вела на главный двор.

— Это какой-то вид вулканического стекла? — спросил я, заметив, что материал, из которого сделана дорожка, похож на камень башен аббатства и других зданий.

— Похоже на то, — ответил он. Очевидно, он никогда не задумывался над таким вопросом.

Он повел нас по крытой галерее, его тяжелый шаг резко контрастировал с беззаботными шагами Диадеры. В отличие от нее Турнам шел не столько уверенно, сколько с чувством собственной важности. Собственничества. Он ни разу не помедлил и не шагнул в сторону, чтобы пропустить людей, мимо которых мы проходили — монахов, что молча шли, сцепив руки под длинными рукавами ряс, ремесленников и рабочих, детей, поспевающих за своими родителями. Турнам посматривал на них на всех с благожелательной полуулыбкой, как принц, коему суждено однажды увидеть себя правящим этими людьми, а не просто живущим среди них.

Бателиос перехватил мой взгляд.

— Аргоси? — спросил он.

У меня ушла секунда, чтобы понять, что он имеет в виду.

— Вообще-то нет. Просто провел много времени рядом с одной из них. А почему ты спрашиваешь?

— Один раз я познакомился со странствующей аргоси. Она осматривала все вокруг взглядом, очень похожим на твой.

— Как ее звали?

Бателиос ответил с неким удивленным благоговением:

— Путь Устремленных В Небо Дубов. Она была огромной женщиной, почти такой же большой, как я сейчас. И самой странной персоной, какую я когда-либо встречал.

— Как это? — подтолкнул я, решив, что тоже могу разузнать о нем все, что удастся, на тот случай, если он, как и все остальные здесь, однажды решит попробовать меня убить.

— Тебе следует понять, Келлен, что мой город лежит далеко

на севере, за пределами Даромена. Зимой у нас слишком холодно, чтобы там путешествовали чужеземцы. Но эта женщина смеялась над ледяными ветрами, атакующими наши земли. Называла их своими самыми верными друзьями. — Он печально покачал головой. — А какие навыки она демонстрировала! Я умолял позволить стать ее учеником, ее тей… тей… знаешь, не могу теперь припомнить это слово.

— Тейзан, — сказал я, не забыв, что притворяться, будто я чего-то не помню, — хороший способ прощупать других на предмет того, что им известно. — И она согласилась?

— Она вежливо сообщила, что путь аргоси заключается не в трюках… А трюки — все, что она увидела в моем желании ей подражать.

Его слова задели нужную струну. Сколько раз Фериус бросала мне то же самое обвинение — что мне нужны только ее способности аргоси, но я не привержен следовать ее путем? И все-таки она позволила мне остаться с ней и все равно продолжала меня учить. До сего момента я не полностью понимал, от какого драгоценного дара отказался, покинув ее.

— Ты себя обманываешь, — сказал Турнам, не потрудившись обернуться, чтобы взглянуть на нас. — Аргоси — шпионы и лазутчики. Она, наверное, явилась, чтобы убить тебя за то, что ты — Черная Тень, но, заметив эти черные детские слезы у тебя на щеках, решила, что ты ни для кого не опасен.

Бателиос негромко засмеялся; его смех адресовался больше ему самому, чем кому-либо другому. Однако его подбородок опустился на грудь, и мне показалось, что он слегка замкнулся в себе. Я не мог как следует понять такую реакцию. Судя по виду здоровяка, он мог бы поднять Турнама одной рукой и перебросить через стены аббатства, если бы захотел. Вместо этого он сносил издевки, даже не пытаясь дать отпор.

— Ты всех считаешь шпионами, — сказал я Турнаму. — Тебе не кажется, что ты просто параноик?

Диадера засмеялась — легкая, звонкая мелодия, похожая на звон колокольчика, когда судья игры присуждает очки одной из сторон. Турнам, похоже, не обрадовался решению судьи. Он показал вперед, на арку, за которой начинался главный двор.

— Скажи мне снова, какой я параноик.

Труп демона исчез, но тела мертвых монахов все еще валялись на земле. Собратья отмывали их кровь, в то время как другие стояли неподалеку, шепча или нараспев произнося разные молитвы. Обычные люди, мужчины, женщины и дети — родственники, предположил я — выполняли над погибшими разные ритуалы; некоторые умащали бледную плоть мертвецов

маслами или с помощью красок расписывали ее словами и символами различных религий. Тела других положили на гору дров, а потом покрыли растопкой, готовя погребальный костер. Я понял, что все явились сюда из разных мест. Разные культуры, разные религии, разные погребальные обычаи. Единственное, что было общим у жертв — то, что все они были мертвы.

Из дальнего конца двора к нам подбежал ребенок, за ним вскоре последовали мужчина и женщина, окликая его. Только заметив, что он прихрамывает, я его узнал того мальчика, которого я вчера отправил в канализацию. Похоже, я и вправду растянул бедному малышу лодыжку.

— Ты Келлен, — сказал он с сильным гитабрийским акцентом, которого я раньше не замечал. — Аргоси!

Я покачал головой:

— Я не аргоси, я просто…

— Ты сражался за меня с демоном. Я видел.

Ребенок начал дико жестикулировать — похоже, изображая, как я кидаю карты. Спустя несколько секунд он запрыгал: боюсь, это было крайне точное изображение моей арта эрес — приемов боя аргоси. Наконец, он остановился, запыхавшись.

— Ты перехитрил монстра. — Он постучал пальцем себя по лбу.

Пара — наверное, родители мальчика — присоединилась к нам.

— Простите его, — сказала женщина. — Он хотел убедиться, что вы их получите.

Она протянула мне четыре стальные карты, которые я оставил вчера во дворе.

— Спасибо, — ответил я, с облегчением принимая их и молча браня себя за то, что вообще их здесь оставил.

Мать улыбнулась:

— Он только и говорит, что «аргоси, аргоси» с тех пор, как вы его спасли.

— Ну, мне сильно помогли, — снисходительно сказал я. — Например, Турнам, он… — Я не закончил фразы. — Чего именно ты добился вчера, о мудрый и могущественный метатель Теней?

Наверное, мне не стоило дразнить того, что меньше часа назад чуть меня не прикончил, но — эй, мне подворачивается немного шансов отомстить.

— Вчера тебе повезло, — сказал Турнам. — Как ты собираешься справиться в следующий раз, когда это маленькое облачко в твоем глазу слишком устало, чтобы за тебя сражаться?

— Каждый аргоси знает тысячу трюков, — сказал ему мальчик более авторитетно, чем того требовала ситуация. — В

следующий раз он пустит в дело другой трюк.

— Уберите отсюда ребенка, — сказал Турнам, совершенно не обращая внимания на мальчугана и сердито взглянув на его родителей.

Они отступили в сторону, потянув за собой сына, но мальчик вырвался и побежал обратно ко мне. Он схватил меня за ногу, пытаясь заставить нагнуться. Я опустился на колени и посмотрел ему в глаза.

— Мой друг Джогго говорит, что за нами идет ватага, — тихо сказал он. — Но я ответил: если они придут, Келлен Аргос всех их побьет.

Если бы я знал, что для того, чтобы стать героем, требуется лишь позволить какому-нибудь малышу написать на меня сквозь решетку канализации, я бы… Впрочем, нет, я все-таки предпочел бы быть позорным изгоем, чем описанным.

— Скажи Джогго, что аббат за вами присмотрит. Это же его работа, верно?

Мальчик обхватил меня за плечи. Я думал, он меня обнимает, но он прошептал мне в ухо:

— Нет. Только аргоси может нас защитить.

Не успел я спросить, что он имеет в виду, как родители мальчика снова его поймали. Отец поднял его на руки и понес прочь, бормоча стеснительные, извиняющиеся слова, которые говорятся в подобных случаях. Я хотел его остановить, спросить, почему мальчик — который, без сомнения, видел, на что способен аббат, — думает, что мне повезет больше в отражении армии магов, чем человеку, обладающему такой огромной силой.

— Эй, герой, — сказала Диадера, потянув меня за руку. — Ты уже закончил заниматься самолюбованием перед своей обворожительной аудиторией?

— Я не любуюсь собой, — сказал я.

Хотя она нас торопила, я не мог не оглядываться на происходящее во дворе; последствия бойни, которые мы оставили позади, вызывали у меня некий извращенный интерес. Каково это — ребенку стать свидетелем такого? Неудивительно, что мальчик отчаянно нуждался в новом человеке, на которого мог возложить свои надежды.

— Не надо, — предупредила Диадера. — Ты только сделаешь еще хуже.

— Сделаю хуже что?

Она постучала по веснушкам Черной Тени у себя на щеке.

— Твари на другой стороне, такие, как стигиец, могут ощущать, что делают им подобные. Это их возбуждает. Разве ты не чувствуешь?

Может, это было только моим воображением, но я мог бы поклясться, что метки вокруг левого глаза щипит. Мое сердце явно билось все чаще. Стук колес деревянной тележки, прокатившейся мимо, застал меня врасплох. На ней катили тело одного из монахов. Его собрат тащил тележку, шепча какую-то мантру или молитву. Молился ли он за душу мертвого или за собственную душу?

Этот вид был странно притягателен. Увлекателен. Я не мог оторвать от него глаз.

Сильный удар по щеке заставил меня отступить на шаг, вырвав меня из грез.

— Ты меня ударила! — обвинил я Диадеру.

— Ты кормил своего демона, — ответила она без всякого раскаяния. — Физический шок — один из самых верных способов прервать контакт.

Я показал большим пальцем на монаха, толкающего тележку с трупом.

— А как насчет парней, которые заботятся о телах?

— Они обучены дисциплине, которой мы не владеем, — объяснил Бателиос. — Она дает им возможность находиться рядом с разрушениями, оставленными стигийцем, не передавая никакой эмоциональной энергии собственным демонам.

Диадера повела нас во вторую крытую галерею за главным двором и главным скоплением башен аббатства.

— Мы здесь как раз для того, чтобы тренироваться, Келлен: тренировка научит нас способам контролировать Черную Тень, чтобы нельзя было с ее помощью причинить вред другим.

— А как насчет тех, кого вы не найдете, пока не станет слишком поздно? Или тех, кто может не захотеть, чтобы их завербовали ради «тренировки», о которой вы и аббат все время твердите? — спросил я, впервые заметив, насколько длинные кожаные пальто Диадеры, Бателиоса и Турнама делают их похожими скорее на солдат, чем на монахов.

Ответил Турнам:

— Мы присматриваем за своими.

Он встретился со мной взглядом, и выражение его лица ясно дало понять: что бы ни сказала Диадера, он все еще расценивает меня как угрозу.

— Когда Черные Тени становятся опасными для своего аббатства или для внешнего мира, мы выслеживаем их и убиваем.

Глава 27
ТРЕНИРОВКА И НЕВЗГОДЫ

Я всегда считал монастыри уединенными религиозными общинами, где преподобные братья и сестры сидят и молятся, монотонно говорят нараспев или по-другому тратят впустую кучу времени. Я мог представить себе единственную привлекательную сторону такого эстетического времяпровождения: возможность жить в тихом (и прежде всего мирном) уединении. Это представление изменилось в тот же миг, как только Диадера оставила меня одного на краю тренировочной площадки аббатства: четыре ониксовых шпиля, соединенных с блестящими черными стенами, ограничивали площадь столь большую, что на ней можно было бы проводить дароменские рыцарские турниры.

— На этот раз я точно прихлопну тебя, парень! — прокричала своей жертве бледнокожая девочка с волосами, заплетенными в странные косички, с губами, выкрашенными в черный цвет.

Она была не старше тринадцати лет — слишком юная, чтобы угнаться за Турнамом, который ухмыльнулся, повернувшись к ней лицом. Полдюжины лент Черной Тени взметнулись, напав на нее, как змеи.

Ничуть не испуганная девочка широко открыла рот, показав зубы, блестящие, как звезды, на фоне бесконечной ночи ее глотки. Изо рта у нее вырвался дым, клубящийся черный пар, который как будто вибрировал в воздухе, окутывая похожие на змей ленты Турнама. Сначала он рассмеялся, но, попытавшись отдернуть свои завитки, обнаружил, что они увязли в черном тумане.

— Моли о пощаде, мальчик, и, может, я позволю тебе сохранить одну из рук!

На тренировочной площадке и другие упражнялись со своими Черными Тенями; их способности различались так же, как их одежда и внешность. Казалось, в аббатстве очутились изгнанники изо всех уголков мира. Я увидел тут и обычных людей — не проклятых метками. Они занимались с обычным оружием, от помятых стальных мечей и подбитых железом посохов до арбалетов; даже с парой двенадцатифутовых требушетов, требовавших слаженной работы трех человек. Многие были пожилыми мужчинами и женщинами, приближающимися к своему закату, но большинство — всего лишь детьми десяти-двенадцати лет. Я увидел даже несколько детей помладше, играющих с деревянными учебными мечами и выкрикивающих

друг другу причудливые вызовы.

Аббатство показалось мне ужасным местом для того, чтобы растить детей, хотя эти по крайней мере имели достаточно здравого смысла, чтобы не противостоять Турнаму.

Берабеск сосредоточенно нахмурил лоб. Его ленточки стегали и рвались, но только еще больше запутывались в облаке Черной Тени, которое все больше и больше плотнело.

— Довольно, Гхилла, — сказал он. — Выпусти меня, пока я на тебя не рассердился.

— Рассердился? — передразнила она. — О, духи земли и духи неба, что же мне делать? Мальчик угрожает на меня рассердиться!

Ей следовало бы отнестись к угрозе более серьезно, потому что у Турнама хватило ума не пустить в ход все свои ленты при первой атаке. Пока она смеялась над его кажущимися муками, еще один черный завиток размотался с его рук и незаметно скользнул по земле, подбираясь к ее ногам. Но не это, а его взгляд заставил меня забеспокоиться о девочке.

— Берегись! — закричал я ей.

Знаете, я не тупой. Я понимаю, что вмешиваться в чужую схватку — верный способ приобрести врагов. Я просто не ожидал, что они оба набросятся на меня.

— И на кой ты вмешиваешься в нашу игру, мальчик? Думаешь, что ты герой? — вопросила девчонка. Она сделала паузу в том, что, я не сомневался, будет длинной тирадой, чтобы втянуть обратно в рот пары Черной Тени.

Турнам, освободившись от облака Гхиллы, решил в кои-то веки проявить галантность и уберег ее от труда разносить меня дальше.

— Не глупи, Гхилла. Келлен просто хочет, в свою очередь, встать на ринге.

Он послал две извивающиеся ленты в воздух, и они обмотались вокруг моих запястий. Ленты затягивались до тех пор, пока я не ощутил покалывания и онемения в пальцах.

— Вижу, уже заводишь друзей, — сказал за моей спиной низкий голос.

Ленты Турнама внезапно выпустили меня. Я повернулся и увидел, что за мной стоит аббат, сложив руки на широкой груди и расставив ноги.

— Поскольку у всех такое игривое настроение, кто хочет несколько раундов со стариком?

Турнам и Гхилла ухитрились исчезнуть быстрее, чем «невидимый», который только что зажег свою татуировку шелка. Судя по виду аббата, он был всеми нами слегка разочарован, но

больше всего — мной.

— У тебя и вправду замечательный талант злить людей, а?

Я пожал плечами:

— Нужно просто тренироваться. Я уверен, даже вы сможете научиться, если как следует постараетесь.

Не уверен, почему я так легко вступал в перепалку с аббатом. Может, все эти его ум, сила и самоуверенность исходили от него, как дурной запах.

Он показал на маленькое квадратное здание в дальнем конце тренировочного поля.

— Как насчет того, чтобы пойти со мной? Посмотрим, сможем ли мы найти у тебя более практический навык.

Дом был ненамного больше хижины, которую можно найти в любой деревне, но его каменные стены выгибались, как у миниатюрной башни, а крыша представляла собой купол, сделанный из десятков граней черного стекла.

— А что там такое? — спросил я.

Я научился с подозрительностью относиться к любому месту, которое, судя по виду, могло оказаться особо строго охраняемой тюрьмой, а то и камерой для ритуальных пыток.

— Мы называем это котлом, — сказал аббат.

Название не показалось мне успокаивающим, отнюдь.

Аббат подтолкнул меня в сторону железной входной двери.

— Пора посмотреть, из чего ты сделан, парень.

Глава 28
ОТКРЫТИЕ И СОЖАЛЕНИЕ

— Попытайся расслабиться, — сказал аббат.

Именно так говорят люди аккурат перед тем, как сделать что-нибудь, что вопреки старой пословице причинит гораздо больше боли вам, чем им.

Аббат усадил меня на жесткий деревянный стул позади аппарата, состоящего из дюжины оправленных в медь стеклянных дисков разного размера и толщины; каждый из них был подвешен на собственном металлическом рычаге. Аббат передвигал диски и так и сяк, вглядываясь сквозь линзы в метки Черной Тени вокруг моего глаза.

— Теперь не двигайся, — предупредил он.

Он повторял это каждые несколько минут, делая паузу, чтобы набросать что-то в маленькой записной книжке, которую возвращал в карман рясы, прежде чем по-другому разместить линзы прибора.

Поскольку больше мне нечем было заняться, кроме как ждать диагноза или — скорее всего — некоей разновидности невыносимой боли, я наблюдал, как работает аббат. Он был странным на вид человеком: метки Черной Тени покрывали большую часть его тела, их было больше, чем у любого другого из тех, что я встречал. И дело не только в этом, его метки почему-то казались… глубже, как будто впечатались в его плоть. И однако в его метках была некая плавность. Баланс. Может, я привыкал к виду людей, пораженных моей болезнью, но все-таки он и близко не был настолько отвратителен, как следовало ожидать.

— Наслаждаешься зрелищем? — спросил он.

Его ухмылка напомнила мне Диадеру. И то, как она выставляла напоказ свою самоуверенность, чтобы заставить меня ощутить неловкость.

— Просто пытаюсь решить, вы такой уродливый и медлительный потому, что избыток Черной Тени разрушает черты лица и интеллект человека, или все это произошло естественным путем.

Он засмеялся, не переставая поправлять и передвигать множество линз своего прибора:

— Знаешь, Келлен, рано или поздно ты осознаешь, что все это время я был на твоей стороне. Однажды ты, может, даже будешь по мне скучать.

Я попытался встать.

— Как насчет того, чтобы отпустить меня, чтобы мы могли проверить эту теорию?

Он толкнул меня обратно на стул.

— Прекрати дергаться.

— Что вы вообще ищете?

Он приблизил одну из линз — очень тонкую, размером с едва маленькую монету — прямо к моей щеке под глазом, так близко, что я почувствовал прохладу стекла.

— Ты когда-нибудь смотрел на Черную Тень по-настоящему близко?

— Всего лишь каждый день.

— Я имею в виду не тупо таращиться на нее в зеркало, тоскуя о том, как несправедлива жизнь.

— А есть другой способ это сделать?

— Смешно. Как думаешь, ты когда-нибудь найдешь способ использовать свое остроумие для того, чтобы нравиться людям, а не для того, чтобы они захотели вмазать тебе по лицу?

Он поднял руку.

— Нет, не отвечай. Просто послушай для разнообразия. Для нетренированного глаза Черная Тень выглядит как зловещее, неестественное изменение цвета кожи. Почти как синяки или ожоги, которые чернеют из-за некроза сосудов.

— Представить не могу, с чего бы кому-то из-за такого тосковать.

— Важно вот что: мы так напуганы видом Черной Тени, что наш разум не позволяет нам по-настоящему увидеть, насколько больше в ней заключено.

— И что же вы видите? — спросил я.

Он ответил с почти шепчущим благоговением:

— Я вижу в линиях плавное изящество, Келлен. Я вижу сложный узор в этих метках. Слова в каждом завитке. Я вижу письмена, начертанные Тенью.

— Письмена? И что они говорят?

Он улыбнулся:

— Чтобы разгадать это, друг мой, я и трачу свою жизнь. Самая вероятная догадка — когда мы заражаемся Черной Тенью, конкретные правила невесть какого эзотерического царства, с которым связаны наши метки, образуют уникальный узор линий на нашей коже. Эти метки определяют, каким именно образом мы связаны с Тенью.

— Итак, именно это наделяет некоторых людей их способностями?

— Насколько я могу судить, то, что для нас выглядит просто группой черных загогулин, на самом деле нечто вроде… Ну,

джен-теп вроде тебя это может показаться заклинанием. Для меня, однако, это своего рода поэзия.

Поэмы. Как раз то, что мне нужно.

— И что говорит моя Черная Тень? — тем не менее спросил я.

Я выпрямился на стуле. Хотя я не доверял аббату — или кому-либо другому в этом месте, — возможность того, что моя Черная Тень может оказаться чем-то большим, нежели проклятием, было слишком интересным предположением, чтобы устоять.

— В том-то и странность, — ответил аббат. — То, что сделала с тобой твоя бабушка… Это должно быть невозможным. Я прочитал каждую книгу и каждый свиток, написанный про Черную Тень — перевод некоторых стоил мне маленького состояния. В течение столетий маги и естествоиспытатели испробовали все, чтобы разобраться, как действуют метки. Некоторые проводили эксперименты, пытаясь намеренно запечатлеть Тень на другом человеке.

— Зачем? — спросил я, внезапно почувствовав, как мои внутренности завязываются в узел. — Зачем кому-то такое делать?

Он пожал плечами, не интересуясь ни моим вопросом, ни моим гневом.

— Иногда люди совершают ужасные вещи ради того, чтобы сделать открытие, Келлен. Они так сильно хотят понять законы мироздания, что пойдут на любой поступок, неважно насколько темный или бездушный, чтобы найти ответы на преследующие их вопросы.

Очевидно, люди вроде моей родной бабушки.

«Оно того стоило, Серентия? — подумал я. — Разрушить мою жизнь просто для того, чтобы удовлетворить некое темное любопытство?»

— Странно, — сказал аббат, вглядываясь в мою Тень сквозь одну из своих линз.

— Что странно? — спросил я.

Он откинулся назад, потянулся к другому металлическому рычагу и повернул зеркало так, чтобы я мог увидеть, что привлекло его внимание.

— Посмотри на три внутренних круга своих меток. Видишь, как пересекаются линии, замыкаясь в кольца?

Я уставился в зеркало, обводя взглядом метки своей Черной Тени, но чем внимательней следил за линиями, тем больше терялся, возвращаясь туда, откуда начал, снова и снова.

— Ты должен сосредоточиться, — настаивал аббат. — Наши глаза не приспособлены как следует для того, чтобы вглядываться

в Тень, поэтому разум наш затуманивается, когда мы пытаемся это сделать. Следи внимательно за линией меток и не позволяй себе отвлекаться.

Это оказалось трудней, чем он говорил. Вообще-то трудней, чем должно было быть. В конце концов, хоть и ценой внезапной ужасной головной боли, похожей на копье, выходящее из моего глаза, — я увидел то, о чем он говорил.

— Это не кольца, — сказал я. — В смысле они имеют форму колец, но кольцо кажется неподходящим словом для того, что я вижу.

— Скажи, — проговорил аббат. Его глаз казался нечеловечески большим, когда он наблюдал за мной сквозь одну из линз. — Не ищи точное слово, скорее метафору.

Но мне не приходило на ум ни то, ни другое. Как будто разум мой сопротивлялся, стараясь не позволить мне описать то, что я видел. Это было похоже на попытку развязать невероятно сложный узел в своей голове… как будто сама Черная Тень держала разум в цепях, не давая мне произнести ни слова. А потом меня осенило — то, что Диадера мысленно передала мне, когда прикоснулась к моим меткам в башне аббата, — и это позволило мне прорваться.

— Замок, — сказал я, задыхаясь. — Кольца похожи на вращающиеся колесики сложного замка!

Аббат отодвинул зеркало, а потом и всякие стеклянные линзы, которые расположил вокруг меня.

— Да, парень. Я тоже его вижу.

Что-то в его голосе встревожило меня.

— Что не так? — спросил я. — Диадера думает, что я могу быть… Кажется, она сказала — энигматистом.

— Тем, кто видит скрытые истины, — задумчиво проговорил аббат. — Тем, кто смотрит в Тени и видит тайны, запертые в сердцах и умах других. Я всегда надеялся однажды встретить энигматиста. Боги свидетели, он мог бы пригодиться нам в аббатстве.

Он посмотрел на меня с б*о*льшим сочувствием, чем я мог вынести.

— Но ты ведь видишь не секреты, не так ли?

Что я видел, когда начинался приступ, так это уродливые кошмары. Я видел в людях самое худшее. Но, даже если я не был энигматистом, одна истина начала для меня проясняться. Мои пальцы прикоснулись к замкнутым кольцам вокруг моего левого глаза.

— Это из-за того, как она меня заклеймила, да?

Аббат, казалось, почувствовал неловкость и ответил только

тогда, когда понял — я не собираюсь оставлять эту тему.

— Когда твоя бабушка начертила замкнутые кольца вокруг твоего глаза, замки, как ты их называешь, она заключила Черную Тень внутри тебя. Она сделала это, чтобы ты не смог извлечь способности Черной Тени.

— Зачем? — взмолился я. — Зачем она так со мной поступила?

Думаю, мой взгляд был достаточно жалостливым, чтобы добиться правды, потому что на этот раз аббат не колебался:

— Думаю, она нашла способ использовать тебя как источник силы.

— Как Оазис, — безжизненным голосом сказал я. — Моя бабушка превратила меня в свой собственный Оазис.

Я сидел на твердом неудобном стуле, окруженный кусками металла и стекла, меня изучал — и трогал — этот чужак. Его лицо выражало знакомую жалость, такую же, какую я раньше испытывал к своим товарищам-посвященным из моего народа, когда становилось ясно, что они — ше-теп и никогда не станут магами.

Звуки снаружи все громче отдавались в моих ушах. Диадера. Турнам. Бателиос. Все они тренируются вместе, аплодируя достижениям друг друга, учась использовать возможности своей Черной Тени, чтобы защитить себя и людей, которых они любят.

— Мне очень жаль, Келлен, — сказал аббат, делая последнюю заметку в записной книжке. Потом он убрал свое оборудование. — Я попытаюсь найти способ сорвать эти замки, обещаю.

Он со вздохом положил руку мне на плечо.

— Не могу представить, чтобы кто-нибудь сделал такое со своей родней.

С того самого дня, как черные метки появились на моем лице, я задавал себе вопрос, почему моя бабушка обручила меня с Тенью, что я мог сделать, чтобы заставить ее так со мной поступить. Но теперь ответ стал настолько очевидным, настолько логичным, что я удивлялся, как с самого начала этого не понял. Серена была матерью моего отца. Истинным и настоящим магом народа джен-теп.

Я почти почувствовал облегчение, сказав:

— Она использовала меня потому, что именно так поступает моя семья.

Глава 29
ЗНАКОМСТВА И ВМЕШАТЕЛЬСТВА

Мне меньше всего сейчас хотелось видеть Диадеру, с хитрой улыбкой поджидающую меня у котла.

— Хорошо провел там время, а?

Она прислонилась к одной из толстых черных колонн, поддерживающих крышу галереи, сложив руки на груди и выставив одно бедро так, что даже в моем ужасном настроении угрожала разбудить желание сделать что-нибудь другое, кроме как отомстить моей семье. Жаль, что я мог доверять ей не больше, чем всем остальным.

— Чего тебе надо, Диадера? Ты здесь для того, чтобы еще раз поиграть в «обольсти или прикончи»?

Она отмахнулась от моей грубости, как будто даже не заметив ее, не говоря уж о том, чтобы оскорбиться.

— Аббат сказал, когда вы с ним закончите, я должна буду как следует представить тебя остальным Черным Теням.

Это уж точно последнее, в чем я нуждаюсь.

— Может, в другой раз.

— У тебя другие планы, да? — спросила она, лениво подойдя ко мне.

— Ничего особенного, — признался я. — Выбраться из этой дыры, спуститься с горы, украсть корабль… Научиться управлять им, конечно… А потом вернуться домой.

Она постучала пальцем по моей груди.

— Похоже, тебя ждет масса работы, которую вполне можно начать после того, как я выполню свой священный долг и вежливо тебя представлю.

Она показала на тренировочную площадку за своей спиной.

— Кроме того, все умирают от желания познакомиться с ужасным странником аргоси, который убивает — ну, грозится убить — почти всех, кто осмеливается бросить на него косой взгляд.

— Я не аргоси, — машинально сказал я, но мое внимание было приковано к пяти людям, которые поджидали меня в центре площадки.

Бателиоса я уже, конечно, знал, так же как Турнама и девочку по имени Гхилла. Там были и двое других. Тощий мальчик помладше, лет тринадцати, и высокая девочка примерно одних со мной лет.

— Почему вы все подростки?

Диадера пожала плечами.

— Именно в этом возрасте у большинства из нас впервые появляется Черная Тень. В первые годы мы можем научиться ее контролировать, не посвящая целиком свое тело и душу тому, чтобы ее подавлять, — так, как делают большинство монахов. Это требует дисциплины… суровой.

Она прикоснулась пальцем к моей нижней губе.

— Тем больше причин подурачиться, пока можно, Келлен.

Хотя я знал, что такова ее тактика, во рту у меня пересохло, и я почувствовал, как кровь прилила к щекам.

«Предки, какой изъян в моем воспитании позволяет столь очевидным уловкам так хорошо срабатывать?»

На лице Диадеры в ожидании ответа отразилось напускное выражение большеглазой невинности. Что бы я ни попытался сказать, будет смахивать на детский лепет. Наверное, у меня сломается голос — как обычно бывает в таких ситуациях, — и тогда она посмеется над моей наивной неловкостью. Но я устал от того, что люди морочат мне голову. Может, я не больше аргоси, чем Бателиос, но я слегка изучил четыре пути и даже больше семи талантов. В частности, Фериус позаботилась о том, чтобы я научился — как она это называла — «быть красивым». Вместо ответа я молча выпрямил спину, вообразил, что позади меня стена, прислонился к ней головой, плечами и задом, а потом заставил себя расслабиться в этой позе. Глупо, знаю, но срабатывает.

Фериус к тому же научила меня, как правильно улыбаться, называя это «слушать глазами». Я посмотрел на Диадеру, не пытаясь смутить ее взглядом или перехитрить, а просто слушая, что говорят мне ее глаза. Не надо выдавливать улыбку — она появляется сама собой. Фериус заявляла, что это потому, что ты находишь красоту в другом человеке, а созерцание истинной красоты всегда вызывает самые лучшие улыбки.

Фигня, конечно.

— Ух ты, — сказала Диадера.

Я слегка наклонил голову набок, но промолчал. Первая часть арта локвит — безмолвие. Позвольте другому человеку быть нотами в музыке, а сами играйте тишину.

Думаю, Диадера поняла, что таращится на меня слишком долго, потому что протянула руку и ущипнула меня за щеку.

— У тебя интересное лицо, ты знаешь это? Я имею в виду — для джен-теп.

Я игнорировал ее замечание, отчасти понимая, что она делает — пытается восстановить контроль, снова меня разозлив, — но отчасти потому, что у меня возник вопрос,

который подспудно бился голове с тех пор, как я с ней познакомился:

— Я знаю, что Турнам — берабеск, а Бателиос — северянин, но ты так и не поведала, откуда ты сама.

Она начала представление так гладко, что я словно наблюдал за выходом актрисы на сцену.

— Разве ты не можешь при встрече узнать истинную придворную девушку-дароменку?

Она сделала грациозный, почти напыщенный реверанс, движения ее были проворными и плавными. Отрепетированными. Когда она прикоснулась к моим меткам Черной Тени в башне, то поделилась со мной деталями о себе и своей жизни, но эту подробность удержала в тайне.

«Ты не больше дароменка, чем я, Диадера. Так почему же ты лжешь?»

— Хватит проволочек, — сказала она, взяв меня за руку и ведя к ожидающей группе. — Пора тебе завести друзей.

Ага. Вот уж чего не случится.

Я никогда не чувствовал себя уютно в компании. Когда ты посвященный джен-теп, правила просты: чем талантливей ты в магии, тем больше у тебя союзников. В моем клане все знали, кто есть кто и на что кто способен. А теперь я очутился лицом к лицу с незнакомцами, которые как будто полностью ладили друг с другом и в то же время слишком подозрительно относились ко мне. В последнее время я был в такой ситуации в Академии Семи Песков. Там я использовал трюки Фериус, чтобы завоевать расположение одноклассников Сенейры. Тогда это казалось задачей столь же сложной, как большинство эзотерических заклинаний и ритуалов.

Для сравнения — сейчас было намного, намного хуже.

— Теперь ты готов к настоящей дуэли, облачный мальчик? — спросил Турнам.

Очевидно, вмешательство аббата означало лишь временную передышку.

Тут я понял: этот парень не остановится. Он просто будет и дальше находить предлоги меня преследовать — до тех пор, пока один из нас не будет ранен. Будь здесь Рейчис, он просвистел бы, что нет стыда в том, чтобы тебя избили, если только твоему противнику достанется крепче. Мудрость белкокотов начинала нравиться мне все больше.

— Прекрати немедленно, — сказала Диадера. Ее тон ясно говорил о том, что у нее для всего этого есть шикарный план. — Теперь все мы поиграем в небольшую игру, которую я называю

«никто никого больше не убивает». Кому-нибудь нужно, чтобы я объяснила правила?

Высокая девушка, с которой я еще не встречался, подошла ближе.

— Почему Турнам называет тебя «облачный мальчик»?

Золотисто-каштановые волосы доходили ей до челюсти, обрамляя высокие скулы и лицо в форме сердечка. Подбородок был мягким, но линия губ — суровой, как и метки Черной Тени, окаймлявшие ее глаза, словно маска паяца. Даже не видя татуировок под рукавами ее длинного кожаного пальто, я мог сказать, что она — джен-теп. Мой народ обладает определенной склонностью к высокомерию, которую трудно скрыть.

— Это Сутарей, — тихо сказала мне Диадера. — Только то, что она из твоего народа, не означает, что она отнесется к тебе любезно, поэтому будь вежлив.

Непохоже, чтобы любой другой джен-теп, с которым я за последнее время встречался, вел себя дружелюбно. Тем не менее я принял совет и в кои-то веки прямо ответил на вопрос.

Постучав себя по правой щеке под глазом, я сказал:

— Он имеет в виду сасуцеи, которую я ношу с собой. Это разновидность духа воздуха.

Девочка помладше, Гхилла, приблизилась ко мне быстро, как гремучая змея.

— Ты толкуешь о магии ше-епота, мальчик? Кто тебя этому научи-ил?

Ее акцент и протяжность речи напомнили Маму Шептунью. Как и то, что она продолжала называть меня «мальчик», хотя была по крайней мере на три года младше меня. Вспомнив свой визит в болота рядом с Телейдосом, я приложил палец к губам:

— Шш. Духам нра-авится хранить свои секре-еты.

— Ты передразниваешь мою речь, мальчик? — спросила она, надув черные губы.

— С Гхиллой тебе, наверное, тоже лучше не ругаться, — пробормотала Диадера. — Вообще-то будет лучше всего, если ты сумеешь придумать, как не раздражать никого из них.

Видите? В этом и заключается проблема компаний. Откуда мне знать, станет моя жизнь легче, если я последую совету Диадеры, или проявление слабости превратит меня в мишень? Мне не нравилось, как выглядят эти люди. Под стильными пальто и нарочитой самоуверенностью в их позах чувствовалось нечто зловещее. Воздух вокруг них практически дрожал от еле сдерживаемой враждебности.

— Я передра-азниваю твою речь, — сказал я Гхилле, — только потому-у, что еще плохо тебя знаю. Может, пото-ом я

найду что-нибудь еще-е, над чем можно будет посмеяться.

Девчонка сделала длинный глубокий вдох; я уже видел дымок, струящийся из уголков ее губ. Наверное, Диадере и вправду надо объяснить правила «никто никого больше не убивает».

— Хочешь поиграть со мной, мальчик? — спросила Гхилла.

— Осторожно, — сказал Турнам, оттолкнув ее в сторону. — Этот дух в его глазу сотворил со стигийцем что-то мерзкое. — Его улыбка походила скорее на презрительный оскал. — Думаю, вот настоящая твоя способность, а? Ждать, пока появится твоя маленькая подружка-сасуцеи, чтобы за тебя сражаться?

Еще одно ехидное замечание. Еще одна попытка меня разозлить. Я полностью осознавал, что подвергаю себя ненужному риску, заглатывая наживку, но, похоже больше не мог заставить себя об этом тревожиться. И все-таки я не доставлю ему удовольствия, напав первым.

С момента нашей встречи по его цвету кожи и акценту я узнал берабеска. Но теперь я вспомнил, что «Турнам» — одно из двенадцати имен, которые давали сыновьям высших священнослужителей. Это вкупе с его насмешливым замечанием о женщинах — подобные чувства не разделяли за пределами их религиозной ортодоксальности — многое мне о нем поведало.

— Пытаешься смутить меня взглядом, джен-теп? — спросил он.

Его ленты направились ко мне, но Диадера встала между нами.

— Назад, Турнам.

Он сделал, как она сказала, воспользовавшись возможностью, чтобы с ухмылкой оглянуться на остальных.

— Смотрите, он уже использует свою особую силу!

Раздалось фырканье и смех. Гхилла сердито посмотрела на него, как и мальчик помладше, с которым я еще не был знаком. Но они промолчали.

Турнам снова повернулся ко мне:

— Ну? Так это работает? Твой язык доведет тебя до беды, и ты ждешь, когда тебя защитит девчонка?

— Почти всегда, — ответил я.

Остальные засмеялись — больше над ним, чем надо мной. На этом мне стоило остановиться, но я мысленно сложил вместе несколько деталей, которые знал о Турнаме… И я всегда был слишком большим умником, чтобы держать рот на замке.

— Наверное, дома тебя любили, Турнам. — Я кивнул на метки на его руках. — Скажи, когда тебя изгоняли из храмов, шайку возглавлял твой отец или в дело впуталась вся твоя семья?

Диадера метнула на меня сердитый взгляд:

— Ты пытаешься все усложнить?

Вообще-то именно это я и делал. Мне следовало бы бояться, и, наверное, в определенном смысле я боялся. Но в куда более глубоких уголках души мне хотелось, чтобы Турнам напал. И у него не ушло много времени на то, чтобы сделать мне это одолжение. Не успела Диадера среагировать, как три его ленты метнулись вперед, отбросив ее в сторону и обмотавшись вокруг моих рук и шеи.

— Ты должен меня отпустить, — сказал я, даже не пытаясь говорить спокойно.

Некая извращенная часть меня наслаждалась мыслью о том, что все закончится кровопролитием. Пролитием его крови.

— И с чего бы я захотел тебя отпустить, шпион?

— Потому что я очень слабый. Ты никогда не должен приставать к слабым, Турнам. Когда слабый дает сдачи, он знает, что могут быть только два исхода.

Я даже не потрудился сопротивляться, когда ленты потянули меня за руки — Турнам рывком подтащил меня ближе.

— Понимаешь, если бы я был настоящим магом джен-теп, я мог бы пустить в ход любое из заклинаний, чтобы разнести в клочья твои маленькие Тени.

— Если бы у тебя была хоть какая-то настоящая магия, ты бы…

— …продемонстрировал ее раньше, знаю. Ты абсолютно прав. Я едва время от времени могу справиться с маленькой магией дыхания. Поэтому никаких заклинаний огня, чтобы взорвать твои ленты, никакой магии шелка, чтобы одурманить твой разум и заставить меня выпустить. Я не могу использовать и Тени, как делаешь ты. Дьявол… — Я слегка потянул его ленты. — У меня даже не хватает сил помешать тебе таскать меня туда-сюда по тренировочной площадке, чтобы покрасоваться перед твоими друзьями.

Он улыбнулся:

— Хорошо, что на некоторые вещи мы смотрим одинаково.

Я покачал головой:

— Нет, ты идиот. Есть разница между тем, чтобы быть слабым и быть беспомощным. И у меня уже множество врагов, Турнам. Уходи немедленно, или я буду просто счастлив навсегда избавиться от одного из них.

У меня почти кончились порошки, и я понятия не имел, как его побью, но мне было плевать. Я справлялся и с более ужасными врагами, чем этот самодовольный ублюдок. У меня были стальные карты в кожаном футляре, пришитом к штанине, и

все еще оставались монеты кастрадази. Если это не сработает, я просто схвачу его и вырву ему глотку своими…

— Оставь его, — сказал Бателиос, отталкивая нас друг от друга.

— Тебе лучше отвалить, здоровяк, — предупредил Турнам. — Делай то, что у тебя получается лучше всего. Обними мальчика и поплачь над всей его болью.

— Не будь слепым дураком, Турнам! — сказал Бателиос. Я еще никогда не слышал, чтобы он говорил так твердо. — Келлен тебя убьет. Он сам не понимает почему, но все равно это сделает. Он не может остановиться.

Все остальные уставились на меня, даже Диадера; ее лицо внезапно напряглось, как будто я у нее на глазах превращался в демона.

— Дело не в Черной Тени, — сказал Бателиос.

Он подошел и встал так близко ко мне, что мне пришлось откинуть голову, чтобы встретиться с ним глазами.

— Тебе лучше сделать шаг назад, — предупредил я. — Или Турнам будет прав и ты заплачешь.

А потом случилось нечто крайне странное. Бателиос и вправду заплакал. Черные маслянистые слезы потекли по его щекам. Я и раньше видел, как он это делает, но теперь он напомнил мне Крессию в Гитабрии, когда та страдала от атак обсидианового червя в глазу. Конечно, с Бателиосом все обстояло иначе; его не контролировал издали какой-то маг, им двигало нечто другое.

Диадера положила ладонь на его руку.

— Что ты видишь, Бателиос? Что показывают тебе Тени?

— Дело в Рейчисе, — сказал он.

Он имел наглость произнести имя Рейчиса после того, как они с Турнамом силком притащили меня сюда, заставив бросить делового партнера, и одного этого хватило, чтобы я потянулся к стальным картам. Не успел я к ним прикоснуться, как Бателиос схватил меня за плечи. Он не сжимал их, но даже если бы меня не держали ленты Турнама, я не смог бы освободиться.

— Тень твоего друга лежит на тебе… Ты чувствуешь, как связь с ним ускользает, не так ли?

Правда этих слов поразила меня сильнее, чем любой физический удар. Воздух вырвался из моих легких, я смог только кивнуть в знак согласия.

— Вот почему ты сейчас так зол, Келлен. Чем дальше от тебя душа Рейчиса, тем больше ты обретаешь его дух. Сам ты не такой.

— Прекрати говорить так, будто что-то обо мне знаешь, — сказал я, напрягшись в лентах Турнама.

Бателиос прав. Со мной что-то не в порядке. Я… жаждал крови. Я хотел с кем-нибудь сразиться. Нет. Кого-нибудь убить.

Здоровяк внезапно согнулся пополам, врезавшись лбом в мой подбородок и отбросив меня назад.

На мгновение мне подумалось, что он на меня напал. Ленты Турнама ослабили хватку, поэтому моя правая рука дотянулась до метательных карт.

Только тут я заметил, что Бателиос ворчит от боли.

— Прости меня, — сказал он, поднимая взгляд и слабо улыбаясь, пока маслянистые черные слезы стекали с его щек и медленно поднимались вверх, выстраиваясь в линию, словно крошечные сигнальные огни, уплывающие из аббатства прочь, мимо вершины горы и в далекие облака.

— Похоже, нас ждет дело, с которым надо разобраться, — сказал Турнам.

Все его черные ленты внезапно отпустили меня. Он сделал жест мальчику помладше, который раньше сердито на него смотрел.

— Давай, Азир. Двигаем.

Мальчик опустился на колени и снял башмаки и носки. Его ноги покрывала Черная Тень. Он встал и закрыл глаза, нахмурив лоб и ударяя пяткой по земле. То, что поначалу казалось чешуйками обугленной кожи, соскользнуло с подъема его стоп. Частицы росли, становились толще, располагаясь в сложном узоре, превращаясь в дорогу из чистого оникса, которая протянулась вслед за слезами Бателиоса, прежде чем исчезнуть в дюжине ярдов отсюда в темном тумане.

— Остальные представления придется оставить на потом, — сказала мне Диадера.

Кривая улыбка почти — но не совсем — маскировала легкую дрожь ее голоса.

— Что происходит? Куда вы? — спросил я.

Улыбка угасла, как будто на притворство уходило слишком много сил:

— Это то, чем мы занимаемся, Келлен, то, чему нас учат. Бателиос может ощутить, когда Черные Тени проигрывают своим демонам. Азир строит мост. Остальные идут и… разбираются со всем этим.

Я уставился на черную дорогу, ведущую в пустоту.

— Подожди. Ты имеешь в виду, что он может…

— А как, по-твоему, мы попали сюда с другого континента? — спросил Турнам.

Предки, я был таким дураком. Я был настолько измучен и сбит с толку, когда угодил в аббатство, на меня одно за другим

обрушивались такие ужасные открытия, что мне ни разу не пришло в голову задаться вопросом: как они вообще доставили меня к этой горе? Мальчик Азир имел способность двигаться сквозь Тени. Это были не мои идиотские бесцельные блуждания, а настоящее путешествие на громадные расстояния.

— Посмотри-ка, — со смехом сказал Турнам. — Он наконец догадался.

Несмотря на небрежный тон, в его голосе слышались резкие нотки. Всеобщее напряжение было почти осязаемым. Бателиос оправился от приступа, но боль на его лице сменилась печалью. Сутарей, девушка джен-теп, как будто глубоко ушла в свои мысли, но и в этом я распознал красноречивый признак тревоги, характерный для моего народа. Судя по лицам, всех беспокоило предстоящее им дело, Турнама даже больше, чем остальных.

Вот благоприятная возможность для меня — слабое место в прутьях клетки, которая держала меня взаперти в этой чужой земле. Не успела Диадера меня остановить, я протянул руку и похлопал Турнама по щеке — так, как можно потрепать по щеке ребенка, провожая его в школу.

— Веселой тебе игры в героев. Постарайся не обмочиться.

Тут я и вправду решил, что он меня убьет, но Диадера схватила его за руку:

— У нас есть миссия, помнишь?

Он в упор посмотрел на меня:

— Легко говорить, как крутой, когда ты здесь, за стенами, целый и невредимый. Ты бы не продержался и десяти секунд против опасностей, с которыми мы встречается, чтобы помешать этим стенам пасть.

Я пожал плечами:

— О, не знаю. Готов поспорить, что выпутывался из худших передряг, имея всего полколоды карт и — в отличие от некоторых — чуть больше мозгов.

Ленты его Черной Тени потянулись ко мне.

— Может, взять тебя с собой и посмотреть, как хорошо ты справишься с врагом?

— Нет! — сказала Диадера. — Аббат никогда бы этого не позволил!

Она оглянулась на меня:

— Келлен, что бы там к дьяволу с тобой ни происходило, возьми себя в руки, пока тебя не убили!

Между прочим, практически в первый раз с тех пор, как я явился в это место, я полностью держал себя в руках. Теперь пришел мой черед смеяться:

— Я-то думал, Турнам должен быть лидером ваших

драгоценных метателей Теней. Так от кого он получает приказы? От аббата или от тебя?

Турнам стряхнул руку Диадеры и повернулся к Бателиосу:

— Что ты можешь сказать насчет нашей добычи?

— Он опасный, — ответил здоровяк. — С таким скверным мы еще не встречались. Тени говорят мне, что он могущественный маг в своем деле, а теперь его демон захватил его разум.

— Вот видите? — сказал Турнам, улыбаясь остальным. — Может, нашему маленькому отряду все время не хватало как раз того, кто пытается с помощью болтовни избежать неприятностей вместо того, чтобы сражаться.

Он снова повернулся ко мне:

— Посмотрим, на что ты годишься, облачный мальчик.

Он дал сигнал, и Азир побежал по черной дороге; его как будто не беспокоило, что он движется прямо к краю утеса. Но он продолжал бежать, пока не исчез в черном тумане. За ним отправилась Гхилла, потом Бателиос, Сутарей и, наконец, Турнам.

Диадера посмотрела на меня, в ее бледно-зеленых глазах в кои-то веки не было обычной дерзости или заигрывания.

— Держись рядом со мной. Оставайся на дороге, и, когда мы окажемся на другой стороне, ради всеобщего блага не путайся у нас под ногами.

Я кивнул, демонстрируя ровно столько трепета, чтобы это выглядело убедительным. Она зря беспокоилась. Я не собирался путаться под ногами. В действительности я вообще не собирался там быть. Я позволил Диадере довести меня до края черной дороги.

«Продержись еще совсем чуть-чуть, Рейчис. Я иду».

3
МЕТАТЕЛИ ТЕНЕЙ

Не скорби о погибших. Мертвые меняют слабость плоти на дух безграничный и вечный.

Не оплакивай потерянную любовь. Когда мы плачем слишком долго, свет их памяти затемняется сожалением.

Смейся. Люби. Радуйся. Только тогда их души засияют так ярко, что даже самой темной ночью они никогда не будут потеряны

для нас.

Совершенно
бесполезная
народная поговорка

Глава 30
ОНИКСОВАЯ ТРОПА

— Ты раньше уже проходил сквозь Тени? — ласково спросила Диадера.

Мой первый шаг по ониксовой дороге не наполнил меня уверенностью. Хотя под подошвами сапог она ощущалась достаточно твердой, глаза говорили мне совсем другое: вместо крепкого, надежного камня вблизи дорога шириной в два фута казалась словно сделанной из осколков разбитого черного стекла. Сотни бесформенных кусков были искусно составлены вместе, чтобы создать тропу, парившую в нескольких дюймах над землей. Примерно в двух ярдах впереди изломанная дорога тянулась за края утеса, в пустоту, и постепенно исчезала в эбеново-черном тумане, сквозь который уже прошли остальные.

— Келлен?

Диадера пристально смотрела на меня. Судя по ее виду, она была примерно настолько же уверена в мой храбрости, насколько я был уверен в надежности черной дороги.

— Я в полном порядке. Просто… дай мне секунду.

Я сделал еще один шаг по ониксовой дороге Азира, потом третий и четвертый. Теперь я стоял над пустотой, что смущало бы меньше, если бы сквозь похожие на стекло куски Тени не виднелась земля в тысячах футах внизу. Куски слегка покачивались на ветру, отчего вся штуковина казалась скорее не дорогой, а ненадежным веревочным мостом.

— Почти пришли, — сказала Диадера, подталкивая меня. — А теперь просто шагни в туман.

«Просто шагни в туман».

Глядеть в Тень — да еще в чужую — леденящее душу переживание. Первые несколько раз, когда я сам вошел в туманный потусторонний мир, я был сбит с толку и потрясен. Чем больше времени я там проводил, тем больше даже ближайшие друзья как будто забывали меня. После становилось все легче и легче проскальзывать в Тени, и все там делалось для меня реальнее и реальнее. Напрашивается вопрос: не войду ли я туда когда-нибудь, чтобы обнаружить, что я не в состоянии выйти? И вдруг сегодня как раз тот самый день?

Диадера вгляделась в туман:

— Извини, Келлен, но я должна идти, чтобы помочь остальным. Ничего страшного, если ты захочешь остаться. У всех нас куда больше практики в таких делах. Никто не ожидает, что

ты…

— Я сказал, что я в порядке!

Рейчис уже прыгнул бы вверх, мохнатые перепонки между его передними и задними лапами поймали бы ветер, чтобы он мог скользнуть в опасное место с хищной ухмылкой на маленькой морде, непрерывно хвастаясь, что даже демоны боятся убийственных клыков белкокотов. А может, он побежал бы в другую сторону, решив, что это дурацкая миссия и нет никакого смысла погибать нам обоим. В любом случае он бы что-нибудь делал, а не просто стоял, застыв, как кролик, уставившийся на удава.

— Я в порядке, — солгал я в третий раз, прежде чем сделать глубокий вдох и снова шагнуть сквозь туман в Тени.

Единственное, что тревожит больше исчезновения всего твоего мира, это то, что на смену ему является мир куда более странный. Позднее утреннее солнце над горами на востоке исчезло. Вместо него в небе висел огромный черный диск, отбрасывая тысячу оттенков Тьмы на пейзаж внизу. Неестественная физика этого мира означала, что мы прекрасно можем видеть, отчего изменяющаяся местность вокруг еще больше действовала на нервы.

— Клево, правда? — спросила Диадера, целеустремленно шагая впереди меня.

С каждым шагом причудливый вид изменялся, как будто мы находились в запряженном лошадьми экипаже и глядели в окно на картины, висящие так близко друг от друга, что едва успевали разглядеть одну, как ее место занимала другая. Только что мы шли по окутанной дымкой долине, и вот уже вокруг нас лес с эбеновыми деревьями, возвышающимися над нами больше чем на сто футов. Несколько мгновений рядом парили мерцающие хлопья черного снега, но исчезли, когда оказалось, что мы идем вдоль ревущей, абсолютно черной реки. Единственное, что оставалось постоянным — дорога Азира, прямая, как стрела. Она прорезала теневые земли, как одна из знаменитых древних имперских дорог Даромена.

— А что будет, если мы шагнем с дороги? — спросил я.

— О, ты можешь потеряться в каньоне где-нибудь в Гитабрии, — беспечно ответила Диадера, — или оказаться запертым в ледяных пещерах на застывшем севере. Можешь обнаружить, что плывешь в одиночестве посреди океана или падаешь вниз головой в действующий вулкан.

Она широко раскинула руки, ничуть не встревоженная собственными зловещими предупреждениями.

— География здесь не соответствует географии нормального пространства. Азир — единственный из нас, кто может находить здесь путь, чтобы добраться туда, куда ему надо.

— Что здесь находить? Дорога идеально прямая.

— Она только кажется прямой. Наш разум не может справиться со всей здешней многомерной геометрией. — Диадера оглянулась и ухмыльнулась мне. — Не забивай себе этим голову, Келлен. Наслаждайся путешествием, пока оно не кончилось.

— И Азир — единственный из вас, кто такое умеет?

— В аббатстве есть многообещающая маленькая девочка, но аббат говорит, что она пока не готова. Все мы подозреваем, что он тоже немножко умеет. Но даже он не способен путешествовать так далеко или провести благополучно через Тени столько человек, как Азир.

Чудесные способности мальчика преисполнили меня жгучей завистью. Мои собственные путешествия в Тени пьяно крутились и изгибались, и чем дольше я оставался внутри, тем более сбитым с толку и параноидальным становился. Подумайте обо всех местах, куда вы смогли бы пойти, если бы умели наколдовывать такие дороги. Представьте, что вы путешествуете, куда хотите, оставляя своих врагов позади, и весь мир у ваших ног!

Я провел пальцами по извилистым черным линиям вокруг левого глаза.

«А чем ты меня наградила, бабушка? Рядом уродливых меток, от которых одни головные боли и кошмары, и все это ради того, чтобы однажды использовать меня как свой личный Оазис».

— Нам лучше ускорить шаг, — сказала Диадера, пустившись легкой трусцой.

— Что не так?

— Оглянись.

Я оглянулся и быстро увеличил скорость, чтобы не отставать от Диадеры.

Позади нас фрагменты ониксовой дороги начали исчезать, медленно разламываясь и превращаясь в шипящий черный туман, который испарялся, оставляя лишь пустоту.

— Дорога существует очень недолго после того, как с нее сходит Азир, — объяснила Диадера.

В нескольких дюжинах ярдов впереди нас ожидал клочок тумана, очень похожий на тот, в который мы раньше вошли. Чем больше мы к нему приближались, тем яснее слышали исходящее из него эхо. Крики. Вопли.

Веснушки Черной Тени покинули щеки Диадеры и зароились в воздухе над ней.

— Похоже, все даже хуже, чем ожидал Бателиос. Теперь надо

торопиться.

— Даже хуже чего? — спросил я, но она уже прыгала в туман.

Я подступил к самому краю облака и вытащил из футляра, пришитого к правой брючине, полдюжины стальных метательных карт, не зная, какое чудовище ожидает с другой стороны, но не сомневаясь, что не буду счастлив с ним познакомиться. И прекрасно, потому что я вовсе не собирался с ним знакомиться.

Диадера и остальные думали, что я присоединился к ним благодаря какому-то извращенному состязанию с Турнамом, но один из первых уроков, которые вы усваиваете, становясь изгоем: быть крутым вовсе не так полезно, как быть живым.

Теперь, когда я вернулся на свой родной континент, все, что мне требовалось, это сбежать, найти ближайший город, выяснить, где я, украсть лошадь и отправиться в Золотой Проход. Не самый гениальный в смысле тактики план, который я когда-либо придумывал, но другого у меня сейчас не было.

Так почему я сомневаюсь?

Вопли и крики, доносящиеся из тумана, становились громче, и я мог различить сквозь черную дымку туманные силуэты. Два быстрых шага — и я бы прошел сквозь туман.

«Ты ничего не должен этим людям, — напомнил я себе. — Они тебе не друзья. Они — чужаки».

Я считал Бателиоса довольно милым, учитывая, что я столкнул его с утеса. Может, он был просто хитрее Турнама и откладывал свою месть до тех пор, пока не подвернется прекрасная возможность. А Диадера? Ну да, между нами имелась связь, но второй урок, который ты усваиваешь, становясь изгоем, — чем привлекательнее человек, тем хуже он обычно оказывается.

Мир куда менее сложен, если ты просто помнишь, насколько он гнилой.

Я как раз отбросил свои сомнения и собирался шагнуть сквозь туман, чтоб сбежать, когда услышал, как Диадера выкрикивает мое имя:

— Келлен, назад! Это ловуш…

«Вот черт».

Глава 31
ПЕРЕПУТЬЕ

Я вовремя отшатнулся, но куски Теней, на которых я стоял, уже начали распадаться под моими ногами. Стеклянистая поверхность покрылась паутиной трещин и зашипела, предупреждая меня, что вскоре исчезнет, превратившись в туман, как остальная дорога Азира. Если вспомнить предупреждение Диадеры о том, что может произойти, если я шагну с дороги, с каким бы демоном, магом или другим чудовищем они ни сражались, бой должен был быть просто ужасным.

«Ладно, и что теперь?»

По разные стороны дороги я видел две совершенно разные стихии. Справа — заснеженный лес, слева — топкое болото. И то и другое сейчас казалось подходящим.

Я больше не слышал голос Диадеры. Вместо нее кто-то другой выкрикивал мое имя, а еще «ублюдок», «трус» и «я знал, что он шпион!». Я не сомневался, что это исходило от Турнама.

Люди говорят об изгоях множество отвратительного. Мы преступники. Жулики. Двуличные лицемерные лживые воры, от которых нельзя ожидать ничего, кроме предательства. И — ладно, конечно, все это правда, но можно сказать кое-что о небольшом разумном предательстве, которое время от времени совершаешь. Без сомнения, то, что я не разделю их судьбу, докажет всем, что Турнам все время был прав насчет меня. Зато я не погибну.

Поэтому вариант на самом деле беспроигрышный.

Еще одно мерцание оникса — и я почувствовал, как дорога подо мной расщепляется. У меня оставалось секунд пять до того, как она полностью исчезнет. Если я упаду, буду ли я падать сквозь Тени вечно, или рухну в тот ад, который уготован для малодушных ловкачей, бросивших своих товарищей?

Четыре секунды…

Это глупо. Я даже не знал этих людей, а то немногое, что знал, определенно не внушало мне любви. Тот ублюдок, Турнам, готов был меня убить. Сколько времени пройдет, прежде чем он отыщет повод закончить свою работу?

Три…

Болотистая местность слева от дороги теперь выглядела очень привлекательно. Я не эксперт в географии, но мог поклясться, что видел нечто очень похожее в восточном регионе Семи Песков. У меня были друзья в приграничных землях. Друзья, которые могли бы дать мне лошадь и достаточно денег и

припасов, чтобы я добрался на юг, к Золотому Проходу.

Два…

Я перепрыгнул через две последние пластины Теней. Звуки на другой стороне утихли. Может быть, Диадера и остальные победили. Может, они погибли.

Один…

По ту сторону тумана жуткий, нечеловеческий голос торжествующе захихикал.

«Думаю, это говорит о том, кто победил».

Я как раз собирался прыгнуть в болото, когда совсем другой голос заставил меня замереть. Голос, исходивший не из тумана. Он звучал в моей голове и был слишком хорошо мне знаком, этот раздражающий, неумолимый протяжный говор жительницы приграничья, который имел обыкновение в подобных случаях жужжать в моем черепе.

«Путь — это не просто предназначение, малыш, — говорила Фериус. — Путь — это то, кто ты есть и кем стремишься быть».

В тот же миг, когда мои ноги оторвались от ониксовой дороги, тело мое неловко крутанулось в воздухе, посылая меня не в безопасное гостеприимство болота, а сквозь туман к тому, что ожидало меня за ним. В этот момент мне пришло в голову, что моя наставница аргоси, похоже, вмешивается в мои решения куда чаще, чем в те времена, когда мы путешествовали вместе.

«Иногда я ненавижу тебя, Фериус».

Глава 32
БЕЗУМНЫЙ МАГ

Они висели в воздухе, их запястья были болезненно вздернуты вверх вьющимися черными лозами. Диадера, Турнам, Бателиос, Сутарей, Азир и Гхилла раскачивались взад-вперед, как кукурузные стебли в ветреный день, связанные теневыми путами — толстыми, как канаты, похожими на шипастые корни деревьев. Струйки крови капали с рук пленников там, где шипы вонзались в мягкую плоть.

Человек — если можно назвать так глумящегося, вопящего безумца, который танцевал вокруг своих пленников, отрывая полоски собственной кожи — насмехался над ними в головокружительном восторге.

— Думали, сможете поймать Тасдиема, а? — напевно ворковал он.

Пальцы с черными ногтями, слишком длинными и острыми, чтобы принадлежать человеку, вонзились в его щеки. Густая, эбеново-черная слякоть сочилась из ран, растекаясь по его лицу.

— Но Тасдием слишком быстрый, дети! Слишком умный! Слишком могущественный!

Словно для того, чтобы подчеркнуть его слова, татуировки на его предплечьях начали искрить и мерцать.

Можно было догадаться, что подонок окажется джен-теп.

Пока он меня не заметил, слишком увлеченный очень важным делом — он рассказывал о своем безграничном превосходстве и в то же время разрывал себя на куски. Диадера попыталась привлечь мое внимание, давая мне сигнал убираться. Это был очень скверный знак. Обычно, когда люди в беде, они ожидают, что ты попытаешься им помочь, а не сбежишь. Она одними губами прошептала слово: «халат».

Нет, постойте, не может быть.

«Канат»?

Она возвела глаза к небу и снова выговорила это слово. На сей раз я понял: «Аббат».

Конечно. Все, что мне надо сделать, — удрать отсюда (понятия не имея, где я, поскольку единственными ориентирами служили высохшие лозы, которые сморщивались все больше и больше всякий раз, как танцующий безумец начинал терзать собственную плоть), каким-то образом вернуться в Эбеновое аббатство и найти аббата. Это заняло бы всего лишь… Ну, скажем, вечность, поскольку парнишку, который меня сюда

привел, подвесили за запястья и, без сомнения, он скоро должен был умереть. Иногда планы других людей даже хуже моих.

Но ненамного.

— Эй, идиот! — окликнул я безумца.

Он повернулся. Ушло мгновение, прежде чем его дико вращающиеся глаза нашли меня. Дымящиеся завитки его Черной Тени метнулись ко мне; концы их были раздвоены, как змеиные языки и с шипением выбрасывали в воздух передо мной эбеновый туман.

— Диадера, давай! — закричал я. — Ослепляющее заклинание!

Маг резко развернулся, его руки взлетели, чтобы создать защитную магическую форму. Он пробормотал заклинание, и татуировки джен-теп на его предплечьях коротко заискрились, когда он попытался призвать магию железа и песка. Но вытатуированные знаки не выдали серого и золотистого света, как полагалось бы. Вместо этого искры почернели.

«Итак, когда Черная Тень берет верх, она блокирует татуировки джен-теп, мешая вызывать другие формы магии. Когда-нибудь эта информация может пригодиться. Если сегодня я выживу».

Я швырнул в Тасдиема пару вращающихся стальных карт. Одна угодила ему в грудь, вонзилась всего на мгновение, а потом упала на землю. Из раны засочилась все та же черная сукровица.

«Наверное, так демон побеждает человека, — понял я. — Черная Тень превращает внутренние органы в некую разновидность эфирной субстанции, которая видоизменяет плоть и кости».

Моя вторая карта ударила его в лоб, и тогда я заметил три выступа на его желтоватой коже. Он завопил от боли, но продолжал — словно кто-то безжалостно принуждал его так поступать — разрывать самого себя. Его завитки снова устремились ко мне, и я нырнул вперед, прокатился под ними, в процессе сильно врезавшись плечом в твердую, бугристую землю. Жаль, что я не продолжал упражняться в танцах после того, как покинул Фериус.

Я снова встал на ноги в паре футов от Тасдиема, подпрыгнул и пнул обеими ногами. Он качнулся назад, но вскоре восстановил равновесие, недоверчиво качая головой.

— Думаешь, сможешь победить лорд-мага с помощью акробатических трюков?

Ладно, итак, арта эрес никуда меня не приведет. И фиг с ним. Несмотря на все тренировки Фериус, я всегда орудовал кулаками ненамного лучше, чем магией. Однако я всегда был выдающимся

лжецом.

Я поднял руки ладонями наружу в жесте, который узнал бы любой маг джен-теп: «Сдаюсь».

— Мне просто нужно было привлечь ваше внимание, мой лорд-маг. Теперь вы успокоились, Тасдием? Иначе я не смогу вам помочь.

Маг посмотрел на меня так, будто безумцем был я, а не он.

Диадера посмотрела на меня точно так же. Впрочем, как и все остальные.

— У меня есть то, что вам нужно, — продолжал я.

Очень медленно я сунул руку в мешочек на правом боку, скобля ногтями складки кожи. Наверное, предки улыбались мне, потому что из одной складки высыпалась щепотка черного порошка. Я поднял несколько крупинок, чтобы показать Тасдиему.

— Что это? Зачем мне это? — Он широко раскинул руки. — Скоро я стану могущественней любого мага в истории мира!

— Знаю, мой господин, но боль… Она должна быть просто невероятной.

Мой поспешно составленный план основывался в том числе на таком предположении — крики и безумная жестикуляция говорят о том, что все происходящее с Тасдиемом по меньшей мере неприятно.

— Ты можешь облегчить муки? — спросил он. — Я думал, такое невозможно… Мои чары оказались неэффективными…

— Не ваша вина, — сказал я. — Черное Благословение дарует нам тысячу чудес, но каждое имеет свою цену. Вот почему я здесь — чтобы помочь вам присоединиться… — Я драматически помолчал до счета «три». — … к Ордену Оникса.

Тасдием уставился на меня прищуренными глазами, полными подозрительности почти так же, как если бы они были полны черной сукровицы. Я напридумывал фигню про ониксовые ордена, черные благословения и… ну, про это все. Но вот в чем дело: во всех своих путешествиях я ни разу не встречал никого, кроме аббата, кто знал бы что-нибудь о Черной Тени; поэтому кто скажет, что я не прав? Может, и вправду есть некое братство демонов Черной Тени. В любом случае человек, который сходит с ума от муки, будет весьма склонен поверить, что существует лекарство от его страданий. Я говорю это как тот, кого шесть месяцев доил каждый продавец змеиного масла на континенте, продавая мне из-под полы лекарства от Черной Тени.

— Покажи мне, — приказал Тасдием.

Его эбеновые завитки, раскачиваясь, потянулись ко мне.

Я слегка поклонился.

— Конечно, мой господин.
Пришло время втюхать мое собственное чудесное лекарство.

Глава 33
ЧУДЕСНОЕ ЛЕКАРСТВО

Три выпуклости на лбу Тасдиема начали прорываться сквозь кожу. Струйка черной сукровицы потекла из ран, капая ему на глаза. Он яростно заморгал, тревожно не сводя с меня глаз — в его взгляде был голод, который может испытывать только тот, кто, мучаясь, понимает, что даже близко не подошел к пределам своей боли.

— Дай мне лекарство, — простонал он, перемежая слова всхлипываниями.

Завитки Черной Тени сорвались с его груди и рук, потом разделились на еще более тонкие усики и потянулись к крупицам порошка в моей ладони.

Вот секрет хорошего подарка: дело не в уверенности, какую можно услышать в криках рыночных торговцев, пытающихся обмануть жертву лечебными мазями и зельями, дарующими мужественность. Вам не нужен даже почти религиозный энтузиазм, навязываемый придорожными проповедниками, клянущимися, что их запас костяшек даст вам спасение в следующей жизни и увеличит мужественность в этой (не спрашивайте, почему, но мужественность почти всегда входит в комплект). Нет, настоящий ключ к успешному жульничеству (как я узнал за многие месяцы, пока из меня вытягивали заработанные тяжким трудом монеты) — это отказ.

Я сомкнул пальцы на жалкой щепотке черного порошка.

— Простите, мой лорд-маг. Теперь я вижу, что ошибся. Священная пыль не для вас.

Тасдием вздернул верхнюю губу, показав зубы, как готовый укусить пес, но глаза выдавали его отчаянное желание.

— Ты мне отказываешь?

Я грустно кивнул:

— Оно слишком сильно действует, мой господин. В вашем ослабленном состоянии…

Я резко смолк. Возможно, слегка театрально, но и черт с ним. Как однажды великодушно сказал мне Рейчис, некоторые голокожие более доверчивы, чем я.

— Превращение в особенности тяжело… для некоторых.

Маг испустил вопль боли, когда средняя выпуклость еще больше выступила из его черепа.

— Дай мне его! — завопил он.

Завитки Черной Тени обмотались вокруг моего запястья и

потащили меня к нему, сбив с ног. Я продолжал крепко сжимать кулак.

— Лорд-маг, нет! Священная пыль убьет вас! Единственный способ выжить — это… Но нет, это слишком опасно.

Тени, удерживавшие мое запястье, взмыли вверх, вздернув меня в воздух, и я повис на одной руке. Это оказалось куда больнее, чем я ожидал.

— Говори! — провыл маг.

— Пыль работает только вместе с Черной Тенью, чтобы превратить мучения в удовольствие. Вы должны вернуть энергию обратно в свое тело, а затем проглотить порошок.

Видите, как я ввернул слово «удовольствие»? Зачем продавать кому-то фальшивый коттедж, если можешь предложить вместо этого выдуманный особняк?

Несмотря на всю свою боль, Тасдием не был идиотом. Он сощурил глаза. Посмотрел на Диадеру и остальных, подвешенных в воздухе усиками его Черной Тени.

— Ты хочешь одурачить меня, чтобы я их освободил?

Он стал тыкать большим пальцем себя в грудь, и коготь протыкал его одежду и кожу под ней, чтобы с каждым разом ранить его все сильнее.

— Ловкач здесь — я! Это я искусно обманул военный отряд!

— Воистину умно, мой госпо… Простите, кого вы обманули?

Он закружился, восхищенный собственным умом и явно присутствием публики.

— Этот дурак Ке-хеопс называл меня своим лучшим охотником! Все время я скрывался в самой армии магов, которая пересекает этот континент, казня тех, у кого Черной Тени меньше, чем у меня!

Он гордо показал руки, кожа которых раздувалась от черной жидкости под ней.

— Всякий раз, когда я отставал, чтобы осушить мертвых, забирая себе их Тени, я шаг за шагом восходил к совершенству!

Он перестал кружиться и снова повернулся ко мне:

— Но ты считаешь Тасдиема дураком, не так ли? Заманиваешь меня ложными обещаниями, чтобы заставить освободить черных связывателей?

Как, во имя неба, этот чокнутый одурачил моего отца и целый военный отряд джен-теп?

Я неистово затряс головой.

— Нет, мой господин. Меня послал Орден Оникса, чтобы я проник в Эбеновое аббатство и выяснил его местоположение. Скоро мои братья заполонят их логово, уничтожая там всех и каждого. Мы превратим их грязный монастырь в собственный

великий храм.

Я показал на остальных.

— Я пришел сюда только потому, что боялся, что эти немногие, пусть слабые и тупые, могут застать вас врасплох. Но теперь я вижу, что с вами все в порядке, поэтому должен вернуться и…

— Я не в порядке! — взревел Тасдием. Из его плеч начали высовываться кости, их зазубренные концы проткнули одежду. — Боль слишком сильна!

Учитывая, как сильно у меня болела рука из-за того лишь, что я болтался в воздухе, я почти мог посочувствовать ему.

Почти.

— Понимаю, мой господин! Что, если вы втянете в себя большую часть Тени, оставив лишь столько, чтобы держать врагов связанными? Если нам повезет, у вас останется достаточно Тени, чтобы выдержать священную пыль.

Завиток, вцепившийся в мое запястье, опустил меня на землю.

— И ты говоришь, это превратит боль в удовольствие?

— Несомненно, мой господин. Я видел, как средство использовали другие, и мне сказали, что ощущения дивные. — Я огляделся по сторонам. — Хотя было бы лучше, будь поблизости таверна или деревня.

— Почему?

— Потому что… — Я всеми силами постарался принять стыдливый вид. — Собратья рассказывали, что один из эффектов священной пыли — резкое увеличение… мужественности и потенции.

Можно подумать: когда тому, кто страдает, предлагают облегчить боль, ему будет плевать на подобные вещи, но, как я уже сказал, увеличение мужественности почти необходимый эффект любого чудодейственного лекарства.

Тасдием ухмыльнулся в дьявольском возбуждении. Удерживавший меня завиток размотался с моего запястья.

— Да. Да! Дай его мне!

Я сунул руку в мешочек с черным порошком и вытащил оттуда все до последней крупинки.

— Вот, мой господин. Быстрее. Я вижу, что пора ваших изменений почти настала. Заберите свою энергию обратно и положите пыль на язык.

Его лоб (то, что от него осталось, а не отвалилось, уступив место поднимающимся слева и справа рогам, которые стремились присоединиться к выступу в центре лба) нахмурился в глубокой сосредоточенности. Похожие на веревки Тени съежились,

скользнув обратно в тело. Завитки, удерживавшие Диадеру и остальных, сморщились и поблекли, хотя все еще были достаточно сильны, чтобы держать метателей Теней в плену, как они ни боролись со своими узами. Турнам — думаю, он не питал большой веры в мои таланты мошенника — покачал головой, словно говоря: «Видишь? Ты проиграл, тупица».

Тасдием приблизился; его движения были резкими и неловкими, как будто его мускулы еще не научились заботиться о меняющихся костях. Он протянул руку к порошку на моей ладони. Потом замер.

И улыбнулся.

— Сперва ты, — сказал он.

Помните, что я говорил об отказе?

— Нет, мой господин… Я не должен. Пыль священна — ею не пользуются, пока не придет время. Вы же видите, что мои метки Черной Тени слишком маленькие и слабые. Пыль не подействовала бы на меня.

— Тогда тебе нечего бояться ее глотать.

Застигнутый врасплох его безупречной логикой, я слегка поклонился.

— Как прикажете, мой господин.

Я взял примерно половину порошка с ладони и положил на язык:

Потом проглотил.

Все — я имею в виду: все до единого — таращились на меня, ожидая, что я упаду мертвым, отращу рог или сделаю что-либо столь же ужасающее.

Идиоты.

Единственное последствие глотания черного порошка — сильный запор.

— Вам нужно положить священную пыль на язык, мой господин, — сказал я Тасдиему, протянув ему остаток порошка.

Он с поразительной выдержкой долго терпел боль. Теперь, увидев крупинки на моей ладони, явно безопасные и такие близкие, он не смог больше противиться, схватил меня за запястье и вылизал ладонь. Отвратительно.

— Хорошо, мой господин, — успокаивающе сказал я. — Теперь не глотайте. Держите священную пыль на языке, пока произносите заклинание — держите как можно дольше.

Он в недоумении уставился на меня.

Я хлопнул себя правой рукой по лбу.

— Простите мою глупость, лорд-маг. Заклинание — это первый теневой слог. Пусть он, вибрируя, исходит из вашего горла.

Он продолжал тупо смотреть на меня, без сомнения, гадая, что, к чертям, значит — теневой слог?

— Это «А», мой господин.

Жестом правой руки я предложил ему повторить.

— А? — нерешительно сказал он.

Я кивнул, снова махнув рукой.

— Откройте рот шире и скажите: «А».

Как ни удивительно, он так и сделал.

— А-а-а-а, — протянул он.

— Просто подержите еще секунду, мой господин.

Я жестикулировал именно правой рукой при каждом возможном случае, чтобы он не заметил мою левую, которая теперь выцарапывала из другого мешочка все до единого крупицы красного порошка, какие я смог найти. Я подбросил весь порошок в воздух, а потом обеими руками создал магические фигуры: безымянный палец и мизинец прижаты к ладони в знаке сдерживания, большие пальцы устремлены в небо, для чего бы это ни было, а средний палец и указательный направлены прямо на широко разинутый рот безумного ублюдка.

— Караф, — произнес я.

Обычно я давал порошкам столкнуться, а потом направлял взрыв в своего врага, но я мог направить по воздуху что угодно достаточно легкое — просто с не очень большой силой. К счастью, сейчас это было неважно. Приведенные в движение моим заклинанием, красные крупицы порошка влетели прямо в рот Тасдиема, где встретились с черным порошком. Толчок магии дыхания послал смесь прямиком в его глотку.

Маг — Черная Тень уставился на меня в изумлении и замешательстве, но лишь на долю секунды, потому что потом два порошка взорвались и разнесли ему горло.

То, что осталось от завитков Черной Тени, удерживавших Диадеру и остальных, быстро втянулось обратно в Тасдиема, без сомнения, пытаясь уберечь от разрушения остальное тело мага. Его пленники упали на землю.

Шесть метателей Теней быстро вскочили и встали рядом со мной, с изумлением глядя на беззвучно вопящего Тасдиема, который даже сейчас продолжал превращаться в демоническую сущность, так долго ждавшую своего появления.

Я посмотрел на них:

— Можно прямо сейчас.

Турнам уставился на меня:

— Прямо сейчас — что? Ах да.

Несмотря на отвращение — и немалый страх того, что Тасдием все еще может меня убить, — я ухмыльнулся. Для

разнообразия приятно быть тем, кто понимает, какого черта он делает.

Метатели Теней направили свои выдающиеся способности против мага. Ленты Турнама схватили его за руки и за ноги и потянули в разные стороны, одновременно подняв вверх. Метки Диадеры взлетели с ее щек и зароились вокруг головы умирающего мага, разрывая на части то, что осталось от его лица. Остальные присоединились к ним, и объединенные усилия сделали сопротивление невозможным. Только Бателиос держался позади, то ли потому, что его сила не годилась для нападения, то ли потому, что понимал: в этом больше нет необходимости. От могущественного Тасдиема не осталось ничего, кроме груды костей и растерзанной плоти, сплошь облитых густым черным маслом. Интересно, в один прекрасный день я закончу примерно так же?

Остальные растирали онемевшие руки и ноги, фыркая, отдуваясь и глядя на мертвого мага, как стая волков, которые высматривают любые признаки жизни, еще теплящейся в добыче, в ожидании, когда ее разорвут в клочья.

— Интересно, каким он был, — сказал я, чувствуя, что кто-то должен замолвить слово за беднягу. — Может, он был не таким уж плохим человеком, прежде чем с ним это случилось.

Метатели Теней — все, даже Диадера — посмотрели на меня так, будто теперь хотели убить меня даже больше, чем Тасдиема.

— «Может, он был не таким уж плохим человеком»? — повторила Сутарей. Рычание в ее голосе напоминало Рейчиса, только что совершившего убийство. — Разве ты не слышал, как он похвалялся, что сделал с теми, на кого его послал охотиться военный отряд?

Ее веки трепетали, черные отметины на них были похожи на крылья разъяренной бабочки. Она посмотрела мимо меня на грязную дорогу позади, внезапно подошла, схватила меня за руку и потащила по дороге.

— Что ты делаешь? — спросил я, пытаясь вырваться.

То ли благодаря удивительной силе, то ли благодаря необузданной ярости, Сутарей меня не отпустила.

— Иди сюда, глупец, — сказала она. — Я покажу тебе, каким человеком он был.

Глава 34
КАКИМ ЧЕЛОВЕКОМ ОН БЫЛ

Их была дюжина, ожидавших нас за околицей маленькой деревни; у всех на лицах или руках виднелись метки Черной Тени. Они стояли раздетые, неподвижные, как высохшие деревья с содранной корой. Мертвые глаза таращились с серых лиц. Почерневшие языки вывалились из открытых ртов — как у собак, ожидающих подачки. Можно было бы принять их за живых, если бы не запах.

— Почему они еще стоят? — спросил я. Мой голос больше смахивал на полузадушенный шепот.

Сутарей подошла к ближайшей жертве. Вероятно, некогда плотное тело теперь выглядело… пустым. Сутарей тихо заговорила про себя, почти молясь, что было невозможно, поскольку она была джен-теп, как и я. Закончив, осторожно толкнула этого человека. Он опрокинулся назад, словно срубленное топором дерево, но тело его осталось совершенно прямым, пока не ударилось о землю и не рассыпалось на куски, похожие на осколки стекла.

— Расскажи мальчику, как это работает, — сказала Гхилла.

До сих пор я не осознавал, что за нами последовали остальные, но вот они — все здесь, безмолвные, как мертвецы, тихие свидетели ужасов, которых я еще не понимал.

Сутарей показала на убитых.

— Видишь руны у них на груди? — спросила она на нашем языке.

Казалось странным, что она говорит, как джен-теп, поскольку это означало: остальные скорее всего ее не поймут. Мой взгляд снова обратился к ее предплечьям, чтобы увидеть, какие татуировки у нее светятся, но рукава пальто все еще скрывали руки Сутарей.

— Дыхание, кровь и огонь, — сказала она, заметив мой взгляд. — Но это мало значит с тех пор, как мной завладела Черная Тень.

Она снова посмотрела в ту сторону, откуда мы пришли, где бросили останки Тасдиема.

— Однажды я стану в точности такой же, как он.

Бателиос подошел и встал рядом с ней.

— Не теряй веры. Монахи аббатства сопротивляются ее влиянию. И ты будешь сопротивляться.

«Почему северянин выучил язык джен-теп?»

Сутарей перехватила мой взгляд:

— Он понимает наш язык, но не наш народ. Никто из них не понимает. Они не такие, как мы.

Поскольку у нас было общее прошлое, я тут же понял, что она имеет в виду, и эта мысль заставила меня содрогнуться. Веками наш народ ничто не ценил выше магии. Даже я… даже после всего времени, проведенного в изгнании, — ночами я все еще мечтал о заклинаниях. Заклинаниях, чтобы защищаться. Заклинаниях, чтобы диктовать миру свою волю. Заклинаниях, чтобы… чтобы просто чувствовать движение магии внутри себя. Мы, джен-теп, зависимые, все наши порывы побуждают нас добиваться могущества любой ценой.

— Тасдием был лордом-магом, — сказала Сутарей.

Не было необходимости добавлять, что нельзя стать лордом-магом без железной воли, и все-таки он полностью поддался соблазнительному обещанию могущества, которое дает Черная Тень. Если сопротивление Черной Тени означает подавление таких порывов, то Сутарей права — нам с ней крышка.

— Ты сказала что-то насчет рун? — спросил я, отчаянно стараясь избавиться от этой чрезвычайно ужасной мысли.

Она подвела меня ближе к телам — одиннадцать из них все еще ожидали на прежнем месте — и показала тонким пальцем на грудь пожилой женщины.

— Вот, гляди.

Как и остальные, женщина была голой. Отводить взгляд в такой момент казалось несерьезным, а уж тем более малодушным, поэтому я осмотрел ее со всем бесстрастием, какое только смог призвать. Сразу под ключицей на коже запечатлели округлый узор, который тянулся до пупка и чуть ниже. Сперва было трудно его разглядеть — лишь более черный на черном — но узор выглядел гладким, не таким сморщенным, как ее кожа. Внутри замкнутой кривой была начертана дюжина причудливых сигилл, все с такой же гладкой черной поверхностью.

— Зачем он отметил ее круговым заклинанием? — спросил я.

Сутарей не отвела глаз.

— В твоем клане исполняют ритуалы отрицания?

— Нет. Никогда.

Меня пробрало до костей при одной мысли об этом. Мой народ — по крайней мере, мой клан — практикует только то, что мы называем тактической высшей магией. Мы считаем ниже своего достоинства сложные ритуалы, полные замысловатых песнопений, поглощения эликсиров и тому подобной ерунды.

Сутарей с минуту рассматривала меня:

— В моем клане иногда наказывают виновных в совершении

тяжких преступлений, запечатлевая отрицание на их телах. — Она показала на глаза мертвой женщины. — Видишь, какая в них пустота? Не просто отсутствие жизни, но отсутствие воли. Отрицание калечит дух, превращая жертву лишь в сосуд для исполнения прихотей другого. Связывание души — вот как мы это называем. Даже слуги ше-теп могут приказать такому человеку делать все, что им нужно. Но Тасдием использовал это для другой цели.

Теперь мне стало легче замечать округлый узор на почерневшей коже торсов других жертв. Вообще-то его блеск просто бросался в глаза, как жгучий зуд, исходящий от отметин вокруг моего левого глаза. Сутарей назвала это связыванием души. Чего хотел добиться Тасдием, проделывая ритуал отрицания? Просто создавал маленькую армию рабов, чтобы те присматривали за ним? Погодите, нет, он сказал что-то о том, что отставал от военного отряда, чтобы осушать мертвецов…

— Они были для него всего лишь сосудами… — пробормотал я. — Чтобы он мог…

Я не сумел договорить. Произнеся такое вслух, я бы почувствовал, что даю совершенному здесь зверству новую жизнь.

— Лорд-маг исполнил ритуал отрицания для того, чтобы освободить Черные Тени душ, втянув их суть в себя, — закончила за меня Сутарей. — Чтобы увеличить свое могущество.

«Именно это ты планировала для меня, бабушка? Дождаться, пока я достаточно повзрослею, а потом использовать меня так же, как Тасдием использовал эти бедные души?»

Зуд в моем глазу унялся, когда в мои мысли вторглось еще более мрачное осознание того, что некоторые кланы даже хуже моего. Некоторые маги жаждали власти больше, чем мой отец. Некоторые преступления хуже, чем просто убить тех, кто встал на твоем пути.

— Может, военный отряд прав. Что, если мы способны превратиться в такое? Что, если мы поддадимся…

— Это не им решать! — закричал Турнам.

Он начал валить тела одно за другим.

— Если что-то надо будет предпринять, мы сделаем это сами. Мне какая-то ватага джен-теп, которая делает это, чтобы добыть еще больше славы для своего будущего короля!

Трупы рассыпались на куски высушенной плоти, ударяясь о землю, оставляя после себя осколки, черные, как оникс.

Диадера подошла ближе. Она наблюдала за мной.

— Что ты такое говоришь, Келлен? Что мы должны не вмешиваться и позволить военному отряду сделать его дело? Мы должны позволить им выследить и нас?

— Не знаю, — ответил я. — Я больше ничего уже не знаю.

В своих путешествиях я привык — нет, утешался сознанием того, что уже повидал худшее, что мог предложить мне этот мир. Но за последние несколько дней я увидел своего первого демона, потом человека, который так жаждал стать демоном, что совершил зверства, которым теперь мы стали свидетелями. Поэтому трудно было убедить себя, что когда-нибудь я не найду чего-либо еще худшего.

Я скучал сейчас по Нифении — скучал по тому, как в таких случаях в ее глазах блеснула бы сталь, когда она решала не согнуться, не сломаться перед лицом бесконечной возможности людей творить зло. Я скучал по Фериус и по тому, как она могла уставиться в темноту и смеяться над всем, что пряталось в ней. Но больше всего мне хотелось, чтобы Рейчис был здесь — чтобы оскалить зубы и пообещать обрушить на магов вроде Тасдиема тысячу кар, хотя в большинство его планов входило пожирание глаз.

— Ты в порядке? — спросил Бателиос, подтолкнув меня.

— Я в полном порядке, что ты…

— Ты рычишь, — тихо сказал он.

— Я просто… Нет, ничего.

Здоровяк наклонился ближе:

— В следующий раз делай это, когда никого не будет рядом. У нас такие реакции легко могут неверно истолковать.

Остальные уставились на меня: они наблюдали за мной так, будто выискивали признаки, что я могу… Они гадали, не забирает ли меня Черная Тень, не становлюсь ли я похожим на Тасдиема. Не придется ли им меня убить.

Мой мир, похоже, с каждой минутой становился все опаснее.

— Мы должны отсюда уйти, — сказала Сутарей, перейдя с языка джен-теп на более распространенный дароменский, на котором говорили все остальные.

Турнам взял за плечо мальчика, Азира, прервав его пристальное глазение на упавших мертвецов с вырезанными на их трупах отвратительными метками отрицания.

— Встряхнись, коротышка, и проложи нам теневую дорогу домой.

Азир кивнул и сильно топнул босой ногой по земле. Черные метки на его ногах вытянулись перед ним, уходя вдаль. Он шагнул вперед, и остальные выстроились за ним. Я собирался последовать за всеми, когда ощутил внезапный холодок в правом глазу — том, где обитала сасуцеи. Я почувствовал, как вокруг меня поднялся ветер, закружив листья и донеся до меня звук настолько слабый, что сперва я подумал — мне почудилось.

— В чем дело, Сюзи? — прошептал я.

И снова подул ветер, и на этот раз я услышал более громкий звук. Плач.

— Здесь есть еще кто-то, — сказал я.

Турнам оглянулся на меня:

— Сомневаюсь. Твой соотечественник никого бы не оставил в живых. Они никогда никого не оставляют в живых.

Я не обратил внимания на его слова, бегом припустив к деревне.

— Эй! — закричал Турнам. — Не думай, что мы не уйдем без тебя, облачный мальчик!

— Келлен! — окликнула Диадера. — Куда ты?

Я бежал на хныканье и всхлипывания, подгоняемый Сюзи, которая не только позволила мне их услышать, но и придала крикам настойчивость порывами морозного воздуха в моем глазу. Я слышал, как другие следуют за мной; Турнам требовал сказать, что я делаю.

Должно быть, я пробежал всю деревню, прежде чем нашел толпу мужчин, женщин и детей, сбившихся в кучу, — их было не меньше пятидесяти. У некоторых из них имелись метки Черной Тени, у других — нет. Но их всех объединяло одно: вокруг шеи каждого обвивалась единственная нить блестящей медной проволоки, она тянулась от одного к другому, связывая их вместе. Маленький мальчик отчаянно пытался убежать, но его сдерживал мужчина — судя по всему, его отец. Остальные взрослые неистово шипели на мальчика, требуя, чтобы тот прекратил.

— Ты убьешь нас всех, маленький дурак! — сказала женщина на берабесском языке с сильным акцентом; ее пальцы отчаянно стискивали проволоку, врезавшуюся в ее шею.

— Кровавая петля, — сказала Сутарей, догнав меня.

Я никогда раньше такого не видел, но понял принцип. Заговоренная медная проволока, обмотанная вокруг шей, задушит людей, если хотя бы один из них осмелится на побег.

— Ты можешь разорвать узы? — спросил я. — У тебя зажигается татуировка крови. Если ты…

Она покачала головой:

— Все это сложнее. Мне бы понадобилось зажечь и железо. Вероятно, в придачу и песок.

— Ты джен-теп, — сказал Турнам, протягивая руки к толпе. — Всегда ищешь слабые маленькие заклинания вместо веры.

Теневые ленты размотались с его рук и потянулись к толпе.

— Нет! — закричала Сутарей, отшвырнув его в сторону.

Турнам посмотрел на нее с яростью в глазах, ленты его

Черной Тени взмыли, устремившись к ней.

— Ты спятила?

— Если твои ленты прикоснутся к проволоке, ты запустишь стягивающую часть заклинания. Ты мог бы отрезать всем им головы, идиот!

— Тогда как нам это убрать? Мы не можем оставить их вот так!

Турнам был прав. Было прохладно, и становилось все холодней по мере того, как садилось солнце. Судя по виду жителей деревни, они уже долго здесь простояли. Наверное, Тасдиему нужно было исполнить ритуал отрицания по очереди сперва с одним человеком, потом с другим, держа остальных привязанными друг к другу, как домашний скот. Из этого вытекал важный вопрос:

— Как Тасдием освобождал их, когда ему требовался еще один?

Сутарей показала в центр толпы.

— Концы медной проволоки завязаны узлом, который выполняет роль своеобразного замка. С помощью магии железа и крови можно манипулировать замком, чтобы освобождать каждый раз по одной жертве.

Я повернулся, чтобы посмотреть на поднимающегося на ноги Турнама.

— Ты можешь пустить в ход свои теневые ленты, чтобы они проникли в центр толпы и развязали узел?

Он покачал головой:

— Они слишком тесно стоят. Я не могу контролировать то, чего не вижу.

Легкое дуновение ветерка в правом глазу сказало мне, что Сюзи пытается привлечь мое внимание.

— Знаю, — прошептал я в ответ.

— В чем дело, мальчик? — спросила Гхилла, внимательно наблюдая за мной. — Что говорит дух?

Я потянулся к подолу своей рубашки, в складках которой были зашиты монеты.

— У меня есть идея, — сказал я.

Она прищурилась:

— Хорошая идея?

Люди, сбившиеся вместе, смотрели на меня, явно задаваясь тем же вопросом. То, что я намеревался сделать, потребует ловкости, какой я никогда раньше не пытался достичь с монетой сотокастра. Если я ошибусь, дело кончится тем, что я убью всех пленников до единого.

Арта превис, напомнил я себе. Убеждение. Фериус

великолепно владела этим даром, но я никогда не подавал в нем больших надежд.

— Не беспокойтесь, — сказал я жителям деревни. — У меня все под контролем.

Глава 35
ЗАМОК И КЛЮЧ

В Гитабрии танцующие с монетами, или, как их называют, — кастрадази, либо любимые народные герои, либо осыпаемые бранью преступники-бродяги, в зависимости от того, кого вы спрашиваете. В старые времена они могли совершать всевозможные подвиги и трюки с помощью своих необыкновенных монет. Но если раньше существовала двадцать одна кастрагензе, то есть красивая монета, теперь трудно найти танцора, который владел бы более чем двумя-тремя монетами.

У меня их было пять.

Полученные в подарок от незнакомцев, эти монеты были просто великолепны. Единственная проблема заключалась в том, что я не знал, как большинство из них работает. К счастью, среди монет была сотокастра — монета надзирателя — и у меня имелся некоторый опыт работы с ней.

Я пощупал в зашитой складке рубашки и вытащил самую маленькую монету, серебристо-черную, с выгравированным на одной стороне замком, а на другой — ключом. Самым интригующим свойством монеты была возможность манипулировать запирающими механизмами. Понятно, почему тайная полиция Гитабрии не любила именно эту кастрагензе.

Я несколько раз подбросил монету в воздух, отчасти, чтобы снова ее почувствовать, а отчасти для того, чтобы успокоить нервы.

— Что ты собираешься с этим делать? — спросил Турнам.

Его тон ясно говорил о том, что он питает нулевую уверенность в моих способностях.

Парни вроде Турнама всегда будят во мне самое худшее.

— Разбить чары мертвого мага и спасти всех этих людей от ужасной смерти. Другими словами, сделать то, чего ты явно сделать не можешь.

Он схватил меня за плечо, чуть не выбив монету из рук. Не успел я даже подумать о том, чтобы что-то предпринять, Бателиос поднял Турнама и осторожно перенес на несколько шагов в сторону.

— Дай ему попытаться.

Сутарей подошла и встала рядом со мной.

— Для изгоя ты не лезешь из кожи вон, чтобы завести друзей.

— Я не против этого, — ответил я. — Просто в последнее время у меня не очень хорошо получается.

Она наблюдала, как я подбрасываю монету в воздух, как та иногда парит доли секунды, прежде чем повернуться вокруг своей оси и упасть обратно мне в руку. Джен-теп особенно внимательно следят за тонкостями магических жестов.

— Монета реагирует на силу и направление твоих бросков, создавая некое обратное движение…

— Неа, — сказал я. — Все это просто чушь джен-теп. Монета танцует, и только.

Как только я начал чувствовать монету, я пристроил ее на указательном пальце — сбоку, между ногтем и первым суставом. Монета надзирателя работает следующим образом: вы находите правильное ее положение и ось, соответствующие механизму замка, который пытаетесь открыть. Это почти то же самое, что заклинание симпатии, создающее связь между двумя объектами, только при заклинании связь устанавливают ваш разум и воля, а в случае с сотокастра все делается на ощупь.

«Танец», — напомнил я себе.

Что особенно осложняло дело, это то, что никакого реального замка не было. Вместо него посреди толпы заключенных соединились в узел два конца медного провода, намотанного на их шеи. Мне следовало с помощью монеты надзирателя соединиться с этим узлом, а потом осторожно его развязать, не активировав часть заклинания Тасдиема, которая снесла бы всем головы.

Я почувствовал, как монета вибрирует на моем пальце, угрожая упасть. Я передвинул руку, удерживая ее на месте. Дело было не просто в том, чтобы время от времени слегка наклонять руку; требовалось как бы проделать ею «восьмерку», а потом слегка поправить положение пальца, чтобы заставить монету манипулировать концами медного провода. Странно было не видеть чего-то, однако точно чувствовать, как именно связаны концы проволоки.

— Интригующе, — сказал Бателиос, наблюдая за мной. — Никогда не думал, что встречусь с настоящим кастрадази.

«Я вообще впервые услышал о кастрадази несколько месяцев назад, — подумал я, — так откуда ты-то о них знаешь?»

Выяснение этого вопроса я отложил на потом, чтобы справиться с более насущными проблемами, начиная с той, что на самом деле я не танцующий с монетами. Я знал всего пару трюков с этой монетой и с одной другой. Остальное по большей части было экспериментированием и слепой удачей — своего рода история всей моей жизни.

Среди джен-теп я никогда так и не стал настоящим магом. И я не научился как следует путям аргоси, чтобы быть как Фериус.

Несмотря на дух сасуцеи в правом глазу, я понимал только самые основы магии шепота. Дьявол, мне едва хватало трюков, чтобы называть себя метким магом, а теперь я пытаюсь быть еще и танцующим с монетами? Неужели так будет продолжаться всю мою жизнь? Дилетант во всем, мастер ни в чем?

— Ты едва держишься, — предупредила Сутарей.

Она была права, и не в одном. «Дыши в пустоте», — напомнил я себе. То была одна из глупостей, которые периодически советовала Фериус, и я понятия не имел, что сие означает. Это заставило меня рассмеяться — уникально неподходящее время для смеха, учитывая, что за мной наблюдали пятьдесят человек, чьи жизни зависели от того, чтобы я не облажался; наблюдали в отчаянной надежде, что я куда компетентнее, чем выгляжу. Как ни странно, мое веселье не ко времени позволило мне снова взять под контроль монету надзирателя и, следовательно, медную проволоку.

— Клянусь предками… — выдохнула Сутарей. — Кажется, монета захватила замок.

Пот капал у меня со лба из-за попыток удержать монету на пальце так точно сбалансированной, пока я с ее помощью манипулировал концами проволоки. Я почувствовал, как последняя петля узла начала развязываться… Как раз в тот миг, когда Сутарей поняла то, о чем я сам должен был заблаговременно подумать.

— А как насчет отдачи? — спросила она.

О, проклятье. Я совершенно забыл, как сделано заклинание кровавой петли. Создание симпатии между проволокой и телами — лишь часть проблемы; маг к тому же должен дать проволоке внутреннюю силу, чтобы она разрезала жертв. Поэтому сначала проволока насыщается магией железа, которая заставляет ее затянуться при срабатывании. Как только узел развяжется, связь исчезнет, но магия железа останется и заставит проволоку сработать, как пружина. А это будет означать, что появится множество мертвецов.

— Мне нужно, чтобы ты засунула руку в складки моей рубашки и вытащила остальные монеты, — сказал я.

Ненадежный баланс монеты надзирателя уже угрожал нарушиться. Вот почему это называется монетным танцем, а не монетным стой-там-ожидая-когда-что-нибудь-сделаешь.

Она заколебалась:

— Я предпочитаю не прикасаться…

— Это вроде как важно.

— Духи земли и воздуха, — выругалась Гхилла, подошла и сунула руку в складку моей рубашки.

— Которая, мальчик? — спросила она, шаря в складке пальцем.

Это неописуемо отвлекало.

— Одна из самых больших. Восемь краев.

— Кажется, есть.

Она ухитрилась вытащить ее и подняла, чтобы я мог взглянуть. Голубоватый металл блеснул в угасающем свете. Как долго я этим занимаюсь? Я чувствовал, что мои ноги онемели, а плечи слишком напряжены.

— Та, что надо, — сказал я, все еще покачивая правой рукой туда-сюда. — Положи ее на мою левую ладонь.

Она так и сделала. Я не знал, как по-настоящему называется эта монета, но решил назвать ее «беглец». Как и монета надзирателя, она могла найти связь с другим металлическим предметом, если повернуть ее правильно. Сделать это левой рукой, правой продолжая с помощью монеты надзирателя манипулировать медной проволокой, было убийственно сложно.

«Просто продержись еще немного. Ты почти у цели…»

Гхилла наблюдала за мной. Все наблюдали. Мужчины, женщины и дети, связанные проволокой. Диадера. Турнам. Азир. Все. Не думаю, что из меня выйдет хороший актер, потому что внезапно я почувствовал приступ страха перед публикой.

— Все, закройте глаза! — сказал я.

— Это обязательно для монетной магии? — спросила Сутарей.

Ее глаза сощурились. Она даже не пыталась сделать вид, будто верит мне.

— Конечно, обязательно. Я кастрадази, помнишь? Именно так работает наше великое и древнее искусство. А теперь будьте добры, заткнитесь все и делайте, что я говорю!

Они сделали, но медленно. Даже люди, чьи жизни я пытался спасти, колебались, как будто их беспокоило, что все это какой-то трюк, с помощью которого я могу обчистить их карманы. Похоже, я не вызываю большого доверия. Однако в конце концов все закрыли глаза, и я приготовился к финальному акту.

Я не из-за нервозности или тщеславия хотел, чтобы никто на меня не таращился. Дело в том, что мне требовалось, чтобы все стояли совершенно неподвижно, когда я перейду к следующей части, иначе… ну, иначе все пошло бы наперекосяк. Я продолжал снова и снова подбрасывать в воздух монету «беглец» левой рукой, слегка подправляя каждый раз угол и силу полета, до тех пор пока не ощутил покалывание, когда монета опустилась на мой большой палец. То был сигнал, что я нашел эфирную связь с медной проволокой. Внезапным движением правой руки я

развязал последний оборот узла, соединяющего концы проволоки. Не успела монета надзирателя начать падение, как я подбросил монету «беглец» высоко в воздух.

Почему я придумал монете именно такое название? Из-за ее своеобразного свойства, которое обнаружил случайно: любой объект, связанный с «беглецом», будет преследовать монету, куда бы она ни устремилась. В данном случае вся медная проволока пролетела в пятнадцати футах над головами толпы, словно в погоне за сбежавшей монетой, хотя магия железа в проволоке заставила ее свернуться со страшной силой.

Я один держал глаза открытыми, поэтому я увидел, как близко все подошли к тому, чтобы их изрезало в клочья. А так люди завопили от ударов острой проволокой, внезапно пролетевшей мимо них, как хлыст. Но все сохранили головы.

Монета «беглец» упала на землю, обмотанная сотнями витков медной проволоки, которая пыталась задушить нового пленника.

— Поразительно, — сказал Бателиос. Кряхтя от усилий, он высвободил «беглеца» из тюрьмы, а после протянул монету мне.

Я был благодарен за восхищение в его голосе, и еще больше благодарен за то, что он догадался встать за мной и подхватить меня, когда я упал.

Подошла Диадера. Мгновение смотрела на меня, а потом протянула руку, чтобы прикоснуться пальцем к меткам Черной Тени вокруг моего глаза.

— Неплохо, — сказала она с помощью той странной связи, которую мы делили.

«Я же говорил, что у меня все под контролем».

После этого я потерял сознание.

Глава 36
ГЕРОЙ

Следующие несколько минут я, то приходил в себя, то снова терял сознание, мельком видя мир благодаря обрывкам видов и звуков, которые приходили и уходили, прежде чем я мог их понять.

— Что такое с мальчиком? — спросила Гхилла.

Меня начинало беспокоить, что девочка явно младше меня постоянно называет меня «мальчик». Я бы сказал ей об этом, но мои мозги и губы работали не слишком хорошо.

Диадера взяла на себя смелость ответить за меня:

— Он вымотался. Десять дней назад Турнам и Бателиос нашли его полумертвым в пустыне. Они заставили Азира построить дорогу, но Келлен был слишком слаб, чтобы пройти весь путь через Тени, поэтому они поволокли его в гору.

— А потом идиот попытался сбежать, — добавил Турнам.

— А потом, — продолжала Диадера, — Келлен чуть не погиб, помогая нам сражаться со стигийцем в аббатстве, только для того, чтобы один особенно неблагодарный идиот, — она повернулась, чтобы посмотреть на Турнама, — решил, что хорошая идея — допросить его прежде, чем Келлен как следует выспится и поест.

Я могу и привыкнуть, что кто-то говорит за меня, вместо того чтобы использовать каждое свое недомогание как удобный случай детально перечислить длинный список моих недостатков.

Я посмотрел на Диадеру, наслаждаясь тем, как длинные кудрявые рыжие волосы обрамляют эти ее странные веснушки. Почему-то я находил веснушки привлекательными. Во всяком случае, лучше смотреть на них, чем на свои веки изнутри. У меня начало расплываться перед глазами, я почувствовал, что снова теряю сознание.

— Давайте доставим его обратно в аббатство, — сказала Сутарей. — Давай, Бателиос. У Азира есть для нас теневая дорога, но тебе придется его нести.

— Еще нет, — сказал здоровяк. Его голос звучал рядом с моим ухом. Он все еще поддерживал меня, а теперь слегка встряхнул. — Келлену нужно видеть, что он сделал.

— Дай бедному ублюдку выспаться, Бателиос. Ему нужны еда и отдых.

Как ни странно, эта маленькая частица сочувствия исходила от Турнама.

Я бы сделал над собой усилие, чтобы дать остроумный ответ,

но Бателиос не допустил ничего подобного.

— Нет, ему нужно увидеть. — Он снова меня встряхнул, на этот раз не так осторожно. — Давай, Келлен. Очнись.

Турнам снова попытался за меня вступиться:

— Почему так важно, чтобы он…

— Потому что он не такой, как ты. Открой глаза, Келлен.

Хватка Бателиоса на моих плечах стала слишком болезненной, чтобы не обращать на нее внимание. Не столько из-за раздражения, сколько из любопытства, я сделал то, о чем он просил, моргая до тех пор, пока глаза не начали видеть четко.

В нескольких ярдах от меня семьи, которые Тасдием связал медной кровавой петлей, стояли, обнявшись. Они, казалось, не были уверены в Диадере и других, им как будто приходилось заставлять себя от них не отшатываться. Но на меня они глядели с какой-то… Не знаю. С благодарностью, что ли? Я не привык, чтобы рядом со мной ощущали благодарность, поэтому не был уверен.

— Они бы погибли, — тихо сказал Бателиос мне на ухо, — эти люди, которые хотели лишь одного — жить в мире. Поскольку они дали приют таким, как мы, военный отряд послал Тасдиема убить их, не зная, что тот сам — Черная Тень.

— К чему это ты? — спросил я.

— Если бы не ты, друг мой, маг скорее всего убил бы нас, и даже если бы мы выжили, мы никогда не услышали бы их криков и не смогли бы освободить их из ловушки.

Он слегка ослабил хватку.

— Сегодня ты спас пятьдесят незнакомцев, маленький меткий маг. Может, ты больше аргоси, чем хочешь, чтобы мы считали.

Жители деревни все еще наблюдали за нами. Я понятия не имел, кто они такие и понимают ли они хоть слово из того, что сказал Бателиос. Это было неважно. Один за другим они сделали знак правой рукой, прикоснувшись кончиками пальцев сперва к своим губам, потом — к голове. Пара малышей, похоже, не совсем ухватили этот жест. Родители продолжали показывать им, пока они не сделали его правильно.

Тут я должен был что-то почувствовать. Может, жгучую гордость? Теплое сияние, происходящее из понимания, что в кои-то веки я что-то сделал правильно? Но я не мог наслаждаться ничем подобным. Я все время думал, как бы мне хотелось, чтобы Фериус была здесь и увидела, что на один короткий миг я приблизился к тому, чтобы быть настоящим аргоси.

— Полагаю, на один день с него довольно восхищения, — сказала Диадера и подмигнула мне. — Не бери в голову, Келлен. А то у тебя становится такое забавное лицо.

С моих губ сорвался смех:

— Заткнись, Рейчис.

Я не собирался так говорить. Насмешка Диадеры настолько сильно напомнила мне о белкокоте, что на мгновение я… Я забыл. И, забыв, перестал напоминать себе не чувствовать его отсутствия.

Диадера посмотрела на меня, склонив голову к плечу:

— Рейчис?

Ее не было там, когда Турнам и Бателиос нашли меня в пустыне. Она не знала, о чем я говорю. «Рейчис» — было просто имя, которое произнес Бателиос там, в аббатстве.

Мне нужно было сказать что-нибудь умное… Найти способ сменить тему и дать себе время, чтобы снова возвести стены, пока не стало слишком поздно. Но я не смог этого сделать. Как я ни пытался сдержаться, мои следующие слова прерывались рыданиями:

— Он был белкокотом. Моим деловым… Моим другом, черт побери. Я думаю… Думаю, он мертв.

Любой нормальный человек — особенно только что смотревший в лицо смерти от рук безумного мага — смеялся бы до упаду или, по крайней мере, велел бы мне не раскисать, но Диадера взяла меня за руку:

— Мне жаль, Келлен. Хочешь рассказать мне о нем?

— Нет. Я хочу…

Я оттолкнул Бателиоса, чтобы отодвинуться от Диадеры. Я не мог вынести, что она видит меня таким. Жители деревни тоже наблюдали за мной и наверняка гадали, почему тот, кто победил мага с Черной Тенью, теперь плачет, как заблудившийся ребенок.

— Мне нужно найти Рейчиса. Это моя работа. Именно так и должно быть между нами. — Во мне вскипела ярость. — Вместо этого я очутился в дурацком аббатстве, а потом пошел сюда, думая, что могу сбежать, чтобы найти его. Но я, наверное, все еще за сотни миль от того места, где он умер! И даже если бы я смог вернуться к Золотому Проходу, мне никогда не отыскать его в пустыне.

— Кто так сказал? — спросил низкий голос.

Я повернулся и увидел, что Бателиос стоит за Диадерой, а вместе с ним — все остальные метатели Теней.

— Аббату, может, это и не нравится, но метатели Теней идут туда, куда захотят, мальчик, — тихо, заговорщицки сказала Гхилла.

Малыш Азир спросил Бателиоса:

— Ты можешь наплакать мне путь, чтобы я последовал по нему?

Здоровяк кивнул:

— Я найду дорогу.

— Ну? — спросила меня Диадера. — Как насчет того, чтобы выследить твоего белкокота?

Искренность ее улыбки и блеск в ее глазах застали меня врасплох. Я был на волосок от того, чтобы бросить их всех, а сейчас… Я выяснил достаточно об аббатстве и его правилах, чтобы знать: ради меня они подвергнут себя риску. Аббат изображал добряка, но я сомневался, что под его улыбками и шутками есть что-то еще, кроме железа и стали. Если он узнает…

— Я должен сделать это сам, — сказал я наконец.

Турнам, который до сих пор был для меня лишь занозой в заднице, положил руку мне на плечо.

— Перестань быть мучеником, облачный мальчик. — И уже мягче, без иронии и сарказма, сказал: — Теперь ты один из нас, Келлен. Мы идем туда, куда идешь ты.

— Ты по-настоящему плачешь? — спросил я Бателиоса. — Или это просто так называется, потому что из твоих глаз сочится Черная Тень?

Мы с ним стояли на коленях, лицом друг к другу. Солнце опустилось за деревья, жители деревни ушли хоронить своих мертвых и расходились по домам, чтобы оплакивать их. Мне было холодно, я с трудом сдерживал дрожь. Диадера и остальные, как и я, ждали ответа Бателиоса.

— И то, и другое, — ответил он. — Тени появляются из моих глаз, но я должен заплакать, чтобы их вызвать.

— Значит, тебе придется…

— Легче, если ты не говоришь. Сосредоточься на мыслях о белкокоте.

— Хорошо. Извини.

Я взглянул на остальных, ожидая, что все они надо мной смеются.

Они не смеялись. Только Турнам ухмыльнулся, доказав, что хотя он, возможно, и на моей стороне — более или менее — но все еще высокомерный засранец.

— А им обязательно здесь быть, чтобы…

— Расскажи мне о своем друге, — сказал Бателиос. — Каким он был?

— Я думал, ты хочешь, чтобы я заткнулся и сосредоточился на моих мыслях.

— Это до того, как я понял, что ты неспособен молчать. Закрой глаза и расскажи мне о Рейчисе. Охарактеризуйте его сущность единственным словом.

Описать Рейчиса одним словом? И как мне это сделать? Вор? Лжец? Убийца? Друг? Он был всем этим. Рейчис был диким зверем, который никогда никому не подчинялся, ужасом для всех, кто переходил ему дорогу — включая меня. Он являлся полной противоположностью того, каким полагается быть талисману, и в доказательство этого у меня остались следы укусов на руках и лодыжках. Он отказывался поступать так, как ему говорили. Он не сделал мою магию ни на крупицу сильнее. Но он никогда, никогда меня не подводил. Рейчис был всем тем, что меня учили презирать, и, однако, оказался тем единственным, в ком я нуждался больше всего.

Одно слово. Какой глупый способ пытаться загнать в рамки того, кто никогда не позволял, чтобы его кто-то связал или что-то связало. Рейчис угрожал бы Бателиосу, тщательно продумав атаку только потому, что он задал такой вопрос. А потом посмотрел бы на меня и сказал:

— Как насчет того, чтобы бросить этих неудачников, Келлен? Давай проберемся обратно в это дурацкое аббатство и украдем все их барахло.

— Одно слово? Душа.

Рейчис был душой, с которой я всегда хотел бы родиться.

Тихое, почти неслышное всхлипывание вернуло меня к действительности. В кои-то веки оно исходило не от меня. Я открыл глаза.

Бателиос все еще наблюдал за мной, черные слезы текли по его щекам, кружились в воздухе, а потом вытягивались тропой, которая вела на юго-восток, над утесом, в пустоту. Азир сбросил обувь и топнул по холодной земле. Темнота соскользнула с его ног, вытянулась и раздробилась, ведя в далекий туман.

Бателиос стиснул мои плечи и поднял меня.

— Пошли, — сказал он. Щеки его покраснели от слез, которые больше не были черными. — Я отведу тебя к твоему другу. Я покажу тебе, где его Тень ожидает тебя.

Глава 37
ЗОЛОТОЙ ПУТЬ

Я последовал за остальными по теневому пути Азира. Когда мы приблизились к концу черной дороги, каждый занял свою позицию, готовясь к любой поджидавшей нас опасности. Теневые ленты Турнама раскачивались перед ним, образовав восьмерку. Диадера стояла рядом с ним, рой ее черных веснушек метался наверху, напоминая сердитых ос, высматривающих, на кого бы напасть. Гхилла выкашляла облако дыма, который затвердел, превратившись в щит перед нашим строем.

— Ты что-нибудь видишь там, девочка? — спросила она Сутарей.

Моя соотечественница джен-теп закрыла глаза, показав черные веки. Лоб ее нахмурился, метки слетели с век, собравшись в нечто вроде крыльев бабочки, прежде чем метнуться в туман в конце ониксовой дороги.

— Похоже, там пусто, — сказала она несколько секунд спустя. — Что, полагаю, как раз нормально для пустыни. И все-таки там может что-нибудь таиться.

Ее пальцы сложились в форму заклинания огня, напомнив мне, что она была не только обладающей способностями Черной Тени, но и истинным магом.

— Давайте надеяться, что так и есть, — с ухмылкой сказал Турнам. — После той катастрофы с проклятым магом мне нужно на что-то выплеснуть агрессию.

Он ткнул Диадеру локтем:

— А тебе?

Она улыбнулась в ответ:

— О, наверняка.

С их мириадами способностей они составляли грозную команду, и все-таки Тасдием победил их всех, подвесив, как туши животных, на завитках своей Черной Тени. У этих шестерых было так много необузданной силы в сравнении с ничтожной коллекцией трюков, которую мог предложить меткий маг вроде меня. Почему же один сумасшедший маг — неважно, насколько могущественный — так легко смог их поймать?

«Они полагаются на свои способности», — понял я, вспоминая, что уроки Фериус, все до единого, сводились к тому, чтобы выбираться из беды с помощью мысли, а не грубой силы. У Фериус не было магии, только знания, трюки и смелость. Но суть хорошего трюка заключается в том, что он позволяет тебе

обратить силу противника против него самого, а не полагаться на собственную силу.

Турнам, Гхилла, даже Диадера всегда сперва вызывали свою Черную Тень, словно иначе не могли.

Нет, осознал я. Дело в панике. Несмотря на всю свою браваду и болтовню, метатели Теней жили в постоянном страхе, всегда уверенные, что их выживание зависит именно от того, что сделало их изгоями. Они никогда не рисковали полагаться на свой разум или друг на друга.

— Келлен, ты готов? — спросил Бателиос.

Маслянистые черные слезы здоровяка возвращались на его лицо, скользили вверх по щекам, а потом — в глаза. Это зрелище выбивало из равновесия.

— Нам нужно уходить, — сказал Азир. Он сжал зубы; юный лоб от напряжения избороздили морщины. Ониксовая дорога у его ног начала разрушаться. — Аббат в последнее время посылал нас в чересчур много мест. Я не могу больше удерживать дорогу.

— Что ж, тогда пошли! — сказал Турнам, сильно хлопнув мальчика по спине.

Он вызывающе засмеялся и спрыгнул с теневой дороги в туман.

— Подождите, — сказал я. — А если это ловушка?

Диадера с ухмылкой оглянулась:

— Келлен, мы все время такое делаем, и сегодня впервые попались в ловушку мага. Дважды этого не случится. — Она подмигнула и добавила: — Нет настолько невезучих людей, верно?

Она шагнула сквозь туман прежде, чем я смог предупредить, что я именно такой невезучий человек.

Если вы никогда не ночевали в пустыне на открытом воздухе, вы не видели небо таким, каким оно должно быть. Бесконечный песок окружает вас со все сторон, его безупречность нарушает только случайный куст, который вы едва можете разглядеть в темноте, даже если нарочно высматриваете. Ничто вас не отвлекает, звуков почти никаких. Ваши глаза устремляются ввысь, к тысяче мерцающих световых точек, сливающихся в такую красоту, что она наполняет даже самый измученный ум невообразимым благоговением.

В худшую ночь своей жизни вы все-таки невольно смотрите вверх и задаетесь вопросом, не подмигивают ли вам приветственно эти звезды. Пока, конечно, не вспоминаете кое-что.

Пустыня — лгунья.

— Тут что-то есть! — крикнула Гхилла.

Мои глаза еще не привыкли к темноте, поэтому трудно было отличить Гхиллу от остальных пятерых. Азир был одного с ней роста, но он стоял на коленях чуть позади меня, все еще переводя дыхание после усилий, которых ему стоило нас сюда привести.

Я подошел к девочке. Она пристально смотрела себе под ноги.

— На это ушла, должно быть, масса работы, э, мальчик? Как ты это назовешь?

На золотисто-желтом песке кто-то нарисовал три концентрических круга, самый большой примерно футов пяти диаметром. Их форма была такой идеальной, что я инстинктивно шагнул назад, чтобы их не испортить. Гхилла уже повредила внешний круг, стоя на нем. Если бы один из моих старых мастеров заклинаний был здесь и стал свидетелем такого неуважения, Гхилла получила бы сполна возмущенных оскорблений и угроз страшного наказания. Даже мне — изгнаннику, не любящему свой народ, — пришлось сделать над собой усилие, чтобы ее не оттолкнуть. Внутри круга чуть ли не каждый дюйм пространства занимал длинный ряд сложных сигиллов.

— Это круговое заклинание, — сказал я. — Определенный вид циклического колеса. Оно удерживает заклинания внутри форм, чтобы вызвать одну за другой серию чар.

— Оно опасно? — спросила Гхилла и провела носком ботинка вдоль одного из сигиллов, зачеркнув его.

— Без мага джен-теп, который обеспечит магию, — нет.

Мой клан предпочитал чистую тактическую магию ритуалам, которые считались слишком сложными и ограниченными в использовании, учитывая, какой большой подготовки они требовали. Я огляделся в поисках Сутарей. Если ее клан все еще практиковал такие вещи, как отрицание, само по себе являвшееся видом ритуальной магии, она должна быть ближе знакома с этой штукой, чем я.

Я заметил Сутарей в тридцати ярдах от себя: она пристально смотрела на горизонт.

— Не могла бы ты подойти, Сутарей? — окликнул я.

Я не был уверен, что она меня услышала, но вскоре она кивнула и подошла. Хотя Сутарей хранила свое обычное хладнокровие джен-теп, глаза ее были влажными.

— В чем дело? — спросил я.

— Ни в чем. Чего тебе?

Я показал на круг на земле.

— Как думаешь, для чего он?

Похоже, она удивилась, увидев круг.

— Как это здесь оказалось?

— Вообрази, что кто-то его нарисовал, девочка, — фыркнула Гхилла.

Когда-нибудь я и вправду должен узнать кое-что о народе Гхиллы — например, кто они такие и почему настойчиво называют старших «девочка» или «мальчик».

Сутарей опустилась на колени и осмотрела круг.

— Удивительно.

Она показала тонким пальцем на линии на песке.

— Посмотрите, какие они стойкие, даже при таком ветерке. Песок повсюду сдувает, но линии остаются ровными.

Она зачеркнула одну из них, и песок осыпался, сломав линию.

— Это магия песка.

— Ну, это все равно песок, — усмехнулась Гхилла.

— Нет же, маленькая дурочка. Магия песка дает власть над временем. Песок не движется, пока мы к нему не прикоснемся, потому что маг, сделавший круг, заставил его остаться в одном-единственном моменте времени. Таким образом, круг сохраняет форму, если кто-нибудь не изменит ее.

Диадера подошла и встала рядом с нами, Турнам следовал за нею по пятам.

— Похоже, работа немалая, — сказала она. — А в чем ее цель?

Глаза Сутарей рассматривали каждый сигилл во внутренних кругах.

— Здесь соединены три разных заклинания.

Она показала на сектор со связанными друг с другом знаками.

— Вот, видите? Это — часть выслеживающего заклинания. — Она нахмурила лоб. — Простейшего.

— И кого пытаются выследить? — спросила Диадера.

Палец Сутарей коснулся другого ряда сигиллов, потом показал на меня:

— Его. Маг искал Келлена.

— Ну, их, наверное, постигло разочарование, — сказал Турнам, скрестив руки на груди. — Никакое заклинание джен-теп не может проникнуть за завесу аббатства, поэтому Келлен вне опасности.

— Ошибаешься, берабеск, — сказала Сутарей. — Как и весь твой народ, ты неправильно понимаешь истинную природу мироздания. Нет ни силы, ни власти, — она посмотрела на небо, — ни Бога, с которыми не могла бы разобраться фундаментальная магия.

Игнорируя сердитый взгляд Турнама, она снова обратилась к знакам на песке:

— Вообще-то посмотрите, как песчинки здесь изменили цвет, сделавшись из желтых серебристыми. Похоже, маг и вправду нашел, где находится Келлен. Второй набор сигиллов содержит заклинание сообщения, и он тоже был завершен.

— Аббат этому не обрадуется, — сказал Азир, подходя к нам.

— А как насчет остального ритуала? — спросил я, показав на третий круг.

Сутарей покачала головой:

— Последнее заклинание так и не было завершено.

— Откуда ты знаешь?

Я терпеть не мог признаваться Сутарей, насколько плохо я знаком с магией собственного народа.

Она провела рукой по последнему ряду сигиллов, выругавшись, когда они загорелись и обожгли ей ладонь, потом ударила по песку и уничтожила знаки.

— Эти сигиллы должны были тебя убить.

Я почувствовал слишком хорошо знакомый укол страха, смешанного с гневом:

— Как? Круг предназначен для того, чтобы активировать заклинания одно за другим. Если выслеживающее заклинание сумело меня найти, почему заклинание убийства не запустилось?

Тут заговорил Бателиос, его низкий голос донесся до нас, хотя он стоял далеко. Все мы повернулись и увидели, что он смотрит на песчаный холмик.

— Потому что кто-то убил ее раньше.

Глава 38
ТЕАТР ТЕНЕЙ

От женщины, которая явилась, чтобы меня убить, осталось не так уж много, но при виде ее костей внутренности в животе завязались в узел. Обычно, когда кто-то хочет меня прикончить, он делает это с близкого расстояния — часто после длинной речи, нараспев перечисляя мои многочисленные реальные или воображаемые преступления. Однако на сей раз, если бы сработало последнее заклинание, я бы умер, так и не увидев лица своего палача.

— Почему ты так уверена, что это тело чародейки, которая творила заклинания? — спросила Диадера. — Если уж на то пошло, как ты можешь определить, что это вообще труп джен-теп?

Справедливый вопрос, так как на теле не осталось ни клочка одежды, ни плоти. Тазовая кость и челюсть указывали на то, что умершая была женщиной, но остальное? В пустыне не уйдет много времени, чтобы тело превратилось в кости и клочки волос. Пожирателей падали здесь полно, и, как только они возьмут свое, песчаные бури подчистят все, что осталось.

Сутарей опустилась на колени и постучала по костям предплечий мертвой женщины.

— Видите эти слабые горизонтальные бороздки, тянущиеся от лучевой кости к локтевой и обратно? Обесцвечивание?

Она протянула свою правую руку и вздернула рукав пальто, чтобы показать металлические татуировки, начинающиеся от ее запястий.

— Со временем специальные чернила, которыми пользуется наш народ, чтобы делать татуировки, просачиваются под кожу, в мышцы и сухожилия. В конце концов отметины появляются и на костях.

Я никогда об этом не подозревал. В который раз Сутарей показала мне, как мало я знаю о собственном народе. Просто потому, что мое добровольное изгнание началось прежде, чем меня полностью посвятили в секреты нашей магии? Или мой клан был в некотором роде более примитивным по сравнению с ее кланом? Амбиции моего отца стать Верховным Магом джен-теп встречали серьезное сопротивление других кланов или они смеялись за его спиной?

— Магия джен-теп — не такая уж поверхностная, да? — засмеялся Турнам, вытряхнув меня из моих мыслей. Он поднял запястье мертвой женщины и помотал ее рукой.

Сутарей бросила на него мрачный взгляд.

— То, что реально, часто оказывается физическим доказательством своего существования. В отличие от суеверной ерунды, которую некоторые называют верой.

— Ты найдешь множество доказательств силы Божьей в загробной жизни, язычница.

— Кстати, о загробной жизни, — сказала Диадера, отталкивая Турнама с дороги. — Кто-нибудь может мне ответить, давно ли умерла эта чародейка?

Я опустился на колени, чтобы взглянуть поближе. Наверное, из всех нас я больше всего времени провел в пустыне. Конечно, Турнам и Азир были берабесками, но их народ имел склонность жить в великолепных городах, а не в таких безлюдных просторах, которые можно найти в Золотом Проходе.

— Кости вычищены добела. Даже принимая во внимание падальщиков и палящее солнце, на это ушло бы по меньшей мере месяц.

— Но мы спасли тебя всего неделю назад, — сказал Турнам.

Я ощетинился, услышав слово «спасли», но спустил это.

— Тогда, должно быть, песчаная буря. Сильная.

Я встал и внимательно осмотрелся по сторонам.

За исключением кругового заклинания, которое удерживала на месте магия, пустыня была нетронутым ковром песка. Это само по себе говорило о времени случившегося.

— Буря не могла разразиться больше дня тому назад.

Гхилла посмотрела на меня подозрительно, как всегда:

— Почем ты знаешь, мальчик?

— Осмотрись вокруг, девочка. Все вокруг слишком гладкое. Непотревоженное. Если бы ты вернулась сюда завтра, ты бы нашла следы животных, клочки останков и другие признаки жизни.

Значит, я опоздал на день, чтобы узнать, что случилось с Рейчисом.

— Эй, — сказала Диадера, взяв меня за руку.

Она притянула меня поближе и вытянула палец, чтобы коснуться моей Черной Тени. Я уклонился, как всегда, но она отказалась меня отпустить.

«*Это не твоя вина,* — сказала она, посылая свои мысли через нашу связь. — *Лучше тебе жить с виной, чем умереть из-за неуместной верности*».

Я отодвинулся, прервав контакт. Я не был готов расстаться со своей виной, а со своим долгом перед Рейчисом — совершенно не готов. Но у меня начала рождаться идея.

Я повернулся к Бателиосу:

— Твои слезы… Они могут показать мне, что случилось с Рейчисом?

Бателиос чуть ли не вздрогнул, услышав мое предложение, морщины на его лбу углубились, заставив его выглядеть старше, чем он был.

— Боюсь, один я не смогу.

Его взгляд обратился к Сутарей.

— Мне бы понадобился алакратист. Нам пришлось бы…

Он не договорил.

Отвращение на лице Сутарей, когда она посмотрела на Бателиоса, и то, как она обхватила себя руками, красноречиво говорило о том, какой неприятной ей кажется перспектива сделать то, о чем я попросил. Спустя почти минуту она кивнула в знак согласия.

— Если иначе нельзя, давай управимся быстро. Близость, которая для этого потребуется, не то, что я…

Настал ее черед оставить что-то недосказанным.

Несмотря на добродушную улыбку Бателиоса, у меня было ощущение, что его больно укололо то, о чем она умолчала.

— Это тоже не самый мой любимый способ скоротать время, уверяю тебя.

Он подошел к ней, и, наконец, они оказались так близко друг к другу, что, если бы он наклонился или она подняла подбородок, их губы соприкоснулись бы. Бателиос потянулся к ней, но Азир схватил его за руку.

— Подожди, — сказал мальчик. — Аббату не нравится, когда ты…

— Аббата здесь нет, — перебил его Турнам. Он схватил Азира за плечо и наклонился, чтобы заглянуть ему в глаза. — И никакой маленький сплетник ему ничего не расскажет. Если только не захочет проснуться посреди ночи для пренеприятнейшей порки.

Нижняя губа мальчика задрожала. Он не смог выдержать взгляд Турнама, но не попятился, и я восхитился тем, как он держит позицию.

— Если чародейка джен-теп выследила Келлена до Эбенового аббатства, — продолжал Турнам, — нам нужно знать, рассказала ли она кому-нибудь, прежде чем погибла. Если она поделилась информацией с военным отрядом, он сможет…

— Турнам прав, — сказала Диадера. — Прости, Келлен, но это слишком важно.

Не дав мне шанса запротестовать, она повернулась к Бателиосу.

— Нам нужно увидеть, что случилось после того, как чародейка обнаружила местонахождение Келлена. Если после

этого у тебя еще останутся силы, можешь попытаться еще раз поискать белкокота.

Бателиос, который все еще стоял лицом к Сутарей, заговорил со мной, глядя ей в глаза:

— Прости, мой друг, но она права. В аббатстве дети. Мы должны подумать о них.

— Тогда давай уже приниматься за дело, — сказала Сутарей, дрожа.

Здоровяк кивнул в знак согласия и склонил голову. Сутарей приблизила к нему лицо, пока их щеки не соприкоснулись. Неловко было смотреть на неуклюжую интимность их объятий. Когда их метки Черной Тени вступили в контакт, Бателиос начал проливать теневые слезы, как уже делал раньше. Они воспаряли, кружа, словно летающая корона. Сутарей закрыла глаза, показав угольно-черные веки. Метки отделились от них, соприкоснулись друг с другом и вспорхнули вверх, в конце концов найдя слезы Бателиоса, которые начали вращаться и танцевать вокруг элегантной черной бабочки. Странная процессия парила над круговым заклинанием мертвой чародейки.

— Отодвиньтесь, — скомандовала нам Сутарей.

Диадера потянула меня за плечо. Вслед за ней и остальными я отошел на несколько шагов.

Как только круговое заклинание расчистилось, слезы Бателиоса и бабочка Сутарей начали метать на землю Тени, похожие на вырезанные из бумаги марионетки, которых держат перед свечой, чтобы они отобразились на стене. Силуэты начали двигаться, и перед нашими глазами развернулась замечательная сцена. Я как будто смотрел гитабрийскую пьесу на Мосту Костей, только актеры здесь были Тенями.

Силуэт мертвой чародейки сидел, скрестив ноги, внутри ее ритуального круга. Теневая бабочка Сутарей затрепетала крылышками, и я смог различить едва слышный шепот заклинаний чародейки. Еще до того, как первый сигилл на песке занялся жутким сиянием, я узнал слоги, которые она повторяла снова и снова:

— Сарет-кавеф. Сарет-кавеф. Сарет-кавеф.

Летающий компас. Не первая его форма, несущая крошечный предмет от одного человека к другому (ею я пользовался прошлым вечером), а вторая — по ней заклинание и получило свое название — отслеживающая путь обратно к тому, кто послал предмет.

— Что девочка держит в руке? — спросила Гхилла.

Остальные тоже это увидели: крошечный осколок темноты, парящий в дюйме над силуэтом повернутой вверх ладони, такой

черный, что его можно было разглядеть даже на фоне Тени чародейки.

Сутарей хранила молчание, сосредоточившись на связи, которая соединила ее с Бателиосом, чтобы снять вуаль с событий прошлого. Остальные, наверное, не знали, на что смотрят.

Но я знал.

Мука и отвращение боролись за то, что овладеет мной раньше. И то и другое проиграло отчаянию столь глубокому, что из-за него у меня заныли кости. Шелла, как ты могла так со мной поступить?

— В чем дело? — спросила Диадера, держа меня за руку.

Наверное, я сделал спотыкающийся шаг по песку. Но я не мог заставить себя ответить. Если бы я ответил, открылось бы то, что я именно тот, кем раньше обвиняюще называл меня Турнам: шпион джен-теп.

Шелла не для того попросила у меня предмет, которого касался Рейчис, чтобы ему помочь. Ей нужно было то, чего касался я, чтобы она могла отследить мой путь до Эбенового аббатства. В тот миг, когда я послал сквозь Тень ониксовую чешуйку, она, должно быть, пустила в ход традиционную магию, чтобы перенаправить ее члену военного отряда моего отца — кому-то, кто находился достаточно близко к Золотому Проходу, — чтобы он поискал следы, оставленные теневой дорогой, которую сделал Азир, когда помогал Турнаму и Бателиосу меня спасти.

Но даже это не позволило бы магу пробить завесу вокруг Эбенового аббатства. Для этого требовалось нечто, связанное со мной. Нечто, сделанное из самой Тени. Чешуйка оникса.

Моя сестра продала меня, чтобы выслужиться перед отцом.

— Что чародейка делает теперь? — спросил Азир, показав на силуэт, изменивший положение рук.

Загорелось второе кольцо сигиллов в круговом заклинании.

— Она открывает местонахождение Эбенового аббатства главарю военного отряда джен-теп, — ответил я.

— Откуда ты знаешь? — спросил Азир.

— Просто знаю.

— Преисподняя… — выругался Турнам.

— Да.

«Я должен сказать им, что я во всем виноват, — подумал я. — Они имеют право знать, кто уничтожил их убежище».

— Это не имеет значения, — с вызовом сказала Диадера. — Аббатство слишком далеко, чтобы они могли привести свою ватагу, или отряд, или как они там себя называют. Они не могут ничего нам сделать.

— Смогут, если придумают, как создать узы между каждым из них и каждым из нас, — сказала Сутарей, все еще не размыкая свои странные объятия с Бателиосом. — Так эта чародейка собиралась убить Келлена.

Третий ряд сигиллов в круге ожил, силуэт чародейки покачивался взад-вперед в каком-то сонном экстазе, пока ее руки создавали последние магические фигуры. Я сразу узнал заклинание. Магия шелка и железа, с примесью небольшого количества магии крови и чуточкой магии огня. Она собиралась убить меня кинжалом мысли.

Возьмите мысль — на самом деле едва ли б*о*льшую, чем мимолетная фантазия, но мерзкую и смущающую, — затем загоните ее глубоко в разум врага, используя магию шелка, чтобы сохранить ее живой, и пропитайте магией железа, чтобы от нее нельзя было избавиться. Обрывок мысли крутится в мозгу снова и снова, неумолимо разрушая его, до тех пор пока жертва уже не сможет воспринять ничего, кроме того, что велит ей мысль. Обычно она требует разорвать себя на части. Это не столько разновидность казни, сколько своего рода послание для всех остальных, кто станет свидетелем случившегося. Отличный способ убить всех в аббатстве без необходимости отряду путешествовать туда самому.

— Почему Келлен не умер? — спросил Азир. — Если у чародейки был способ до него дотянуться, почему она не смогла…

Внезапно появился новый силуэт, и я чуть не опрокинулся назад. Этот силуэт был меньше, может, пару футов ростом, и он прыгнул на нас ниоткуда.

Диадера подхватила меня.

— Это просто еще одна Тень, Келлен, часть того, что Сутарей видит в прошлом.

— Это Рейчис, — прошептал я.

Силуэт белкокота приземлился на силуэт чародейки. Его задние лапы начали рвать ее спину. Тонкие полоски Тени отлетали от ее силуэта, как будто он раздирал ее клочок за клочком.

— Проклятье, — сказала Гхилла. — У мальчика сильный дух, не так ли?

— Сильнее всех в мире, — сказал я. Слова застряли у меня в горле.

Теневой силуэт чародейки круто повернулся, пытаясь схватить призрачного белкокота. Она швырнула в него какое-то заклинание, которого я не узнал, потому что оно проявилось только в виде взрыва темноты. Вся сцена помутнела, как будто ее

развеивало ветром.

— Держись, проклятье, — сказала Сутарей.

Бателиос тоже боролся.

— Они сражались некоторое время, — сказал он. — Минуты. Может, часы. Не могу сказать. Теперь все движется слишком быстро.

Сцена исчезала в тумане. Я больше не мог различить, что происходит.

— Пожалуйста! — завопил я. — Пожалуйста, скажите мне, что случилось. Он…

— Утихни! — закричал Бателиос.

Я впервые услышал в его голосе столько гнева.

Краешком глаза я видел, что Сутарей сильнее обнимает его.

— Ты можешь это сделать, северянин. Просто удержи Тень еще немного.

Туман снова медленно сгустился, силуэты опять обрели форму.

— Женщина, — сказал Бателиос, — вот как она умерла.

Силуэт чародейки упал на колени, руки пытались схватить небольшое тельце Рейчиса, когда его лапы стиснули спереди ее воротник, а зубы вонзились в шею. Внезапным рывком она отбросила его, но он отлетел, держа в пасти что-то мягкое и влажное. Капли Тени сочились из его пасти. Он вырвал ей глотку.

Чародейка упала на живот. Она ухитрилась проползти всего несколько футов, прежде чем затихла прямо на том месте, где в этом мире нас ожидал ее скелет.

— Он спас тебя, — сказала Гхилла. Голос ее был полон благоговения, и в кои-то веки она не назвала меня «мальчиком».

Диадера отошла, чтобы положить ладони на руку Бателиоса.

— Теперь ты можешь отпустить. Все в порядке.

— Нет! — сказал я. — Что случилось с Рейчисом? Пожалуйста, мне нужно знать!

— Продержись еще мгновение, — сказала Сутарей, ее руки крепко сжались вокруг груди Бателиоса. Я не понимал, то ли она предлагает ему поддержку, то ли мешает прервать контакт. — Теперь я вижу остальное.

На земле рядом с нами силуэт Рейчиса ковылял на трех лапах. Одна передняя торчала под странным углом. Сломанная. Он споткнулся, выровнялся и продолжал идти. Каждый шаг становился все медленнее и давался ему с большим трудом. Я последовал за ним, желая, чтобы он и вправду был здесь, чтобы я мог что-нибудь ему сказать, дать обещания, которые я никогда не надеялся бы выполнить. Теневой силуэт белкокота сделал еще несколько шагов, прежде чем рухнуть маленькой кучкой песка и

растворится в небытии.

— Что случилось? — спросил я. — Пожалуйста, покажите мне, что случилось с…

Повернувшись, я увидел, что Сутарей и Бателиос отодвинулись друг от друга. Она снова и снова качала головой. Здоровяк все еще плакал, хотя и не теневыми слезами.

— Посмотри, — сказал он мне.

Я уставился на кучку золотистого песка, где упал теневой силуэт Рейчиса, и только тогда понял. Я упал на колени и стал рыть песок руками, разбрасывая так быстро, как только мог. Прошло немного времени, прежде чем я нашел кости.

Глава 39
КОСТИ

— Они такие маленькие, — сказал я. — Они не могут принадлежать ему.

Никто не потрудился мне возразить. Они видели то же, что видел я, и знали точно так же, как я, что это должны быть останки Рейчиса.

Белкокоты — создания с маленькими костями. Без плоти, кожи и меха, без этого неукротимого духа то, что осталось, походило на скелет домашней кошки. Не осталось ничего от храбрости и нахальства Рейчиса, его воровской натуры и верного сердца.

Я был слишком испуган, чтобы хотя бы дотронуться до костей. Вдруг они рассыплются в пыль и исчезнут в буре, которая начала подниматься вокруг?

— Ты должен поговорить с ним, — прошептала Диадера. Она держала меня за руку, словно беспокоясь, что меня тоже унесет крутящимся ветром. — Скажи ему, что он для тебя значил.

Почему люди внезапно становятся такими глупыми в минуты, когда хотят тебя утешить? Мертвый есть мертвый. Рейчис ушел, сгинул для меня навеки, потому что не мог удержаться от попыток спасти меня даже после того, как я его бросил.

Отчаянно пытаясь избавиться от потока горя, который уже захлестнул меня до шеи и все прибывал, я задумался над словами Диадеры… Не потому, что верил, будто это пойдет на пользу, а потому, что ее слова дали повод отвлечься на подозрения и бессердечное озарение. Она говорила с акцентом знатной дароменки и демонстрировала все их манеры — даже изысканный флирт. Дароменская культура очень серьезно относится к смерти; это величественный народ, поэтому ранг и родословная определяются множеством способов. Ритуалы. Парады. Ночное бдение. Торжественное красноречие.

Но они не разговаривают с мертвыми.

Что означало — Диадера была не той, за кого себя выдавала.

Так много лжи. Ее. Моей. Как нас еще не раздавил такой груз?

Я посмотрел в эти бледно-зеленые глаза, которые притягивали меня всякий раз, когда я их видел. Она, наверное, знала: ее предложение выдаст, что она не дароменка, но все равно его сделала.

— Почему? — спросил я.

Она ответила на обе стороны моего вопроса одновременно:

— Потому что это облегчит твое горе.

Рука нажала на мое плечо. Бателиос.

— Мы на севере поем для благородных павших. Я спою для Рейчиса, если ты позволишь.

— У меня нет при себе ладана, — сказал Турнам. Его голос звучал тише и добрее, чем я думал, что такое для него возможно. — Но я знаю священные молитвы наизусть. Попроси — и я помолюсь Богу, чтобы он даровал твоему другу вход в его владения, позволил сидеть на его плече, когда он сверху взирает на нас.

Один за другим они делали похожие предложения. Азир. Сутарей. Гхилла. У всех наших народов есть способы, как справиться со смертью. Но ни один из них не заставил бы меня почувствовать себя хоть немного лучше.

Я снял рубашку, расстелил ее на земле рядом с маленьким холмиком. Взял одну за другой иссушенные кости и осторожно завернул их в льняную ткань, в конце концов скатав ее в неуклюжий сверток. Оставил на песке игральную карту, темно-красную, как кровь. Долг был уплачен, хотя и не мной.

Я задрожал. В пустыне ночью становится холодно.

— Теперь нам надо идти, Келлен, — сказала Диадера. — Аббат должен узнать, что мы выяснили. — Она показала на сверток у меня под мышкой. — Мы можем найти место в аббатстве, чтобы похоронить твоего друга.

Я отодвинулся, прежде чем она смогла взять меня за руку. Диадера все еще думала, что я собираюсь вернуться вместе с ними.

Ни она, ни остальные не догадались, как чародейка в пустыне смогла пробить завесу, скрывающую местоположение Эбенового аббатства. Теперь мне нужно было держать рот на замке, позволить Азиру проложить дорогу обратно в аббатство, а затем спрыгнуть с нее, как только остальные уйдут слишком далеко вперед, чтобы вернуться. Это был очень хороший план. Простой. Разумный.

— Это я виноват, — сказал я.

Я слышал споры на тему о том, что самая распространенная причина смерти изгоев — не гибель от рук врагов, как думает большинство, а самоубийство. Может, обе стороны спорящих правы.

Диадера неправильно меня поняла и сделала еще одну попытку утешить:

— Келлен, ты не…

— Я говорю не о Рейчисе! — закричал я на нее.

Идиот. Хватит болтать. Просто продолжай дышать, проживи еще день, потом еще один, потом еще, пока не найдешь причины жить. Но я не мог. Остальное хлынуло потоком, прежде чем более здравая часть меня смогла одержать верх.

— В смысле не только о Рейчисе. Чародейка получила тот осколок оникса от меня. Я послал его сестре, а она отдала его нашему отцу. Его зовут Ке-хеопс, он лорд-маг из дома Ке и замышляет стать Верховным Магом всего народа джен-теп. А еще он глава военного отряда. Вообще-то все это была его идея, поэтому, когда он явится к вашим воротам и убьет всех, кого вы любите, вы поймете, что все из-за меня.

Я видел по лицу каждого, как они потрясены. Как бы мало я ни значил в этом мире, за последнюю пару лет я все же приобрел кое-какую репутацию. Как и моя семья. Аббат не походил на парня, который впускает человека, не выяснив сперва, кто это, но, думаю, другим он обо мне не рассказал. А может, несмотря на то как я с ними обращался, они хотели дать мне шанс проявить себя.

— Зачем? — спросила Гхилла.

У нее был обиженный вид — как будто до сего момента она меня уважала, а я внезапно ее разочаровал. Почти смешная ирония.

Я посмотрел на Турнама, ожидая, что нападки начнутся с него. Он наблюдал за мной, наши глаза встретились, и он покачал головой.

— Какая стерва.

— Что?

— Твоя сестра. Ну и мерзкое она провернула дело. — Он показал на кости, завернутые в мою рубашку. — Держу пари, ты попросил ее помочь белкокоту, так? А она впарила тебе чушь о том, что ей нужна частица твоей души, или его, чтобы послать какие-нибудь мощные чары для его спасения?

Я не смог выдавить ответ. Я все еще ожидал, что его теневые ленты обмотаются вокруг моего горла и выдавят из меня жизнь.

— Было необходимо нечто связанное и с тобой, и с белкокотом, — сказала Сутарей. — Исцеляющие заклинания основаны на кровных симпатиях, и для них требуется некий символ связи с реципиентом.

Диадера стояла рядом со мной:

— Отчего стало гораздо проще обмануть Келлена.

— Вы все спятили? — вопросил я. — Вы не слышали, что я сказал? Это моя вина, что ватага знает, где находится аббатство! Клянусь всеми предками, как вы, люди, выживали так долго?

Турнам ткнул меня кулаком в плечо.

— Наверняка не благодаря тому, что доверяли своим

родственникам. — Он захихикал. — Чувак, для изгоя ты такой легковерный!

Не успел я ответить, как Азир потянул меня за руку. Он закатал правую штанину, обнажив уродливый шрам в несколько дюймов длиной, наполовину опоясывающий его голень.

— Это сделал мой отец. Он думал, что если отрежет мне ноги, никто никогда не узнает, что у меня Черная Тень. Мне все еще больно ходить.

— Мои братья сделали это со мной, — сказала Гхилла, приподняв волосы, чтобы показать округлую лысину и вмятину на затылке. — Эти мальчики думали, что могут вытащить демона из моего черепа.

— Вот видите, какие вы идиоты и язычники? — спросил Турнам, распахнув пальто и рубашку, чтобы показать шрамы от давно заживших ожогов по всей груди. — Все знают, что демонов можно изгнать только огнем!

Его взрыв смеха побудил засмеяться всех остальных, и вскоре они насмехались над ранами друг друга, хвастаясь тем, что их собственный народ — их семьи — знают секрет, как изгнать из мира черную магию.

Как они могли над этим смеяться? Как кто-то мог находить комизм в том, чтобы быть преданным народом, которому сама природа предписывала тебя любить?

Я двинулся прочь, направляясь в глубь пустыни.

— Эй! — сказал Азир и побежал за мной вдогонку. — Ты куда?

— Точно не знаю, — ответил я и слегка поправил сверток у себя под мышкой. — Может, отнесу кости Рейчиса обратно в лес, где погиб его народ. Похороню его там.

Я услышал шаркающие звуки, когда остальные пошли за нами. Повернулся и увидел, что они переглядываются, но ни один не осмеливается мне перечить. Но Азир настаивал:

— А куда ты отправишься после, Келлен? — Он показал на обширную безлюдную пустыню впереди, на первый намек на свет раннего утра, окаймляющий горизонт. — Что у тебя там осталось?

— Охотники за головами, — сказала Сутарей. — Магищейки вроде той чародейки, от которой тебя спас твой талисман. Целый военный отряд. Каждый из них жаждет сделать себе имя, прикончив Черную Тень.

— Религиозные фанатики, — добавил Турнам. Благодаря мягкости его тона это звучало, как признание.

Диадера вышла вперед, встала передо мной и положила руки мне на грудь:

— Аббатство теперь твой дом, Келлен. И мы — твоя семья. Может, не та, которую ты выбрал, но та, которая тебя всегда ждет.

Гхилла подошла и наградила меня легким пинком в голень.

— Мы не так уж плохи, мальчик. Вот увидишь.

Что ты будешь делать, встретившись с тем, чего никогда не заслуживал, но всегда хотел?

Я крепко сжимал под мышкой рубашку с костями, как будто это был некий жест сопротивления их доброте. Но это не сработало, потому что спустя несколько мгновений мой предательский рот открылся, и я сказал:

— Заберите меня домой.

4
МОСТ ТЕНЕЙ

Король правит не ради себя, но ради своего народа. Следовательно, его не может связывать совесть; вместо этого он должен руководствоваться всеми до единого деяниями, необходимыми для выживания его королевства.

Банальность, часто используемая засранцами для

оправдания своих действий

Глава 40
ЧЕРЕЗ ТЕНИ

Фериус Перфекс однажды сказала мне, что аргоси считают горе порочным. «Не вернет мертвых к жизни. Не изменит ни прошлое, ни настоящее, ни будущее».

Если вы гадаете, как все это делает горе «порочным», я задал тот же самый вопрос.

«Жизнь для живых, — таков был лаконичный ответ. — Окунуться в горе из-за людей, которым ты не можешь помочь, означает просто бросить тех, кому ты можешь помочь. Аргоси сосредотачиваются на дороге, лежащей впереди, малыш. Никогда на той, что осталась позади».

От этого она перешла к описанию седьмой формы арта фортезия — устойчивости — и ряду упражнений, направленных на то, чтобы аргоси мог отринуть свое горе. В то время вся идея показалась мне холодной и черствой. Однако теперь я жалел, что не уделил ей больше внимания.

«Рейчис».

Сверток с его костями ощущался слишком легким под моей рукой. Я крепко держал его, следуя за остальными по ониксовой дороге Азира, оглядываясь через каждые несколько шагов на случай, если что-то выпало из свернутой рубашки. Но там ничего не было. Ничего, кроме Теней.

Диадера и другие обсуждали в пути, как лучше всего сообщить аббату, что самый драгоценный секрет аббатства — его местоположение — обнаружен ватагой джен-теп. Ведь военный отряд к этому времени уже должен искать быстрый корабль, планировать, как семьдесят семь магов смогут манипулировать магией дыхания и магией железа, чтобы сократить путешествие с нескольких месяцев до нескольких недель.

И все это благодаря мне.

Ну, на самом деле благодаря всей моей семье.

Мой отец собрал отряд, чтобы продвигать свои политические амбиции. Несомненно, моя мать оказала ему огромную поддержку; она всегда пользовалась большим уважением среди других кланов, чем он. Но именно Шелла была ключом ко всему случившемуся. Она одурачила меня, получив то, что позволило ей найти аббатство. Взамен она бросила моего друга одного умирать в пустыне.

Я забыл очевидную истину, которая всегда управляла ее и моей жизнями: нет ничего, чего не сделала бы сестра, чтобы

заслужить похвалу нашего отца.

«Я надеюсь, что больше никогда тебя не увижу, Шелла, потому что, если увижу, один из нас умрет, а я не знаю, есть ли у меня силы убить тебя».

— Твой план только все ухудшит! — настаивала Сутарей, обращаясь к Турнаму; раздражение в ее голосе вытащило меня из мрачных размышлений.

— Отчего же? — возразил он. Каблуки его сапог стучали по стеклянистым кускам, из которых складывалась ониксовая дорога Азира.

— Потому что в отличие от тебя аббат не дурак. Он изучил магию джен-теп и поймет, что нет такой штуки, как «по-настоящему сильная разновидность заклинания чтения мыслей», которая каким-то образом ищет мысли миллионов людей сразу, чтобы выяснить, знает ли кто-нибудь из них, где аббатство.

— Тогда каково твое решение, девочка? — спросила Гхилла.

— Может, мы все шарахаемся от Тени, — предположила Диадера. — Я имею в виду, вдруг заклинание на самом деле не получилось? Только то, что чародейка думала, будто выследила Келлена, не означает, что оно сработало. Может, отряд даже не знает, где…

Я проигнорировал остальную часть запутанной дискуссии. Они хватались за соломинку, все их смелые слова и неуклюже составленные планы скрывали под собой подспудную тревогу, которая мелькала на их лицах.

Турнам так крепко сжал челюсти, что видно было, как он тревожно скрежещет зубами, хоть он и настаивал на том, что может «справиться с аббатом». Гхилла отпустила какое-то ехидное замечание о том, что Турнам, наверное, начнет лизать сапоги аббата, а затем двинется в северном направлении, пока не поцелует его в задницу. Несмотря на все эти дерзкие слова, в ее голосе слышалась легкая дрожь.

Диадера, приняв свою озорную, изысканную позу, утверждала, что может убедить аббата простить меня. Сутарей фыркнула, услышав такое предположение, и изложила собственную теорию о том, что повлекут за собой дипломатические усилия Диадеры. Как и остальные, Сутарей демонстрировала нервный тик, поскольку моргала слишком часто, когда говорила.

«Они боятся, — рассеянно подумал я, тащась за ними. — Боятся того, что может сделать аббат. Боятся быть изгнанными из аббатства».

У этих людей все делилось на «мы» и «они». Ты был или Черной Тенью, сражающейся за то, чтобы выжить в мире, который

тебя ненавидит, или одним из бесчисленных преследующих их врагов. Метатели Теней являлись своего рода стаей, спаянной необходимостью, а иногда и желанием, но не узами дружбы. Даже сражаясь вместе, они никогда по-настоящему не прикрывали друг друга.

— Азиру больно, — сказал я.

Я один заметил спотыкающуюся походку мальчика. Он выглядел еще более измученным, чем я себя чувствовал, а это уже кое о чем говорило.

— Он в порядке, — ответил Турнам. — Просто нужно закаляться, верно, парень?

Азир смотрел прямо вперед, всем своим существом сосредоточившись на хлопьях Черной Тени, которые падали с его ног, росли и густели, чтобы сложиться в дорогу впереди нас.

— Сегодня тропа кажется неправильной, — пробормотал он. — Слишком тяжелой.

Мы с Сутарей оглянулись, но позади ничего не было.

Бателиос положил руку мальчику на плечо.

— Ты очень устал. Тут нечего стыдиться. Находить путь сквозь Тени так, как находишь ты…. Ты просто чудо, Азир.

Турнам оттолкнул здоровяка в сторону, отбросив утешающую руку, и слегка шмякнул Азира по затылку.

— Ребенок ленится, вот и все. Мы слишком мягко с ним обращались, и теперь он распустился.

— Почему ты без конца пристаешь к мальчику? — спросила Сутарей и с трудом удержала равновесие, шагнув вперед, чтобы встать лицом к Турнаму. — Это заставляет тебя чувствовать себя сильным, когда ты так его задираешь?

— Мы с Азиром берабески, — ответил Турнам. — Ты ничего не знаешь о наших обычаях, джен-теп, поэтому лучше держи свой языческий рот на замке.

— А как насчет того, чтобы все заткнулись? — спросила Диадера, глядя на дорогу впереди.

Она заметила то же самое, что видел я: дорога сужалась. Слабела. Части, из которых была составлена ее поверхность, теперь выглядели неуклюже подогнанными. Хрупкими. Как будто могли не выдержать нашего веса.

Поднялся ветер, похожий на начало песчаной бури. Когда мы впервые вошли в Тени, тут едва дуло. Теперь ветер хлестал нас, и я крепче сжал сверток под мышкой, опасаясь, что внезапный порыв вырвет его у меня.

— Чего-то плохое стряхивает с себя сон, — пробормотала Гхилла. — Не хочу повстречаться с духом, который здесь живет.

— Может, тебе отдохнуть? — предложила Азиру Диадера. —

Расслабься на несколько минут. Мы никуда не спешим.

Он покачал головой, мотнув всклокоченными волосами.

— Я должен идти дальше. Не хочу заблудиться.

Трудно представить, как можно заблудиться на дороге, идущей прямо, как стрела, но я вспомнил слова Диадеры: ониксовая тропа только кажется прямой. Наши глаза просто не могли уследить, как она скручивается и поворачивается сквозь многомерные конфигурации. В этот миг мы могли висеть вверх тормашками.

— Мы почти пришли, — сказал Бателиос, показав на мерцающий черный туман в нескольких десятках ярдов впереди.

— Дорога все еще кажется слишком тяжелой, — сказал Азир, хотя было трудно разобрать его слова сквозь ветер. Я впервые услышал, как он заикается.

Я снова оглянулся, ожидая увидеть, как к нам подкрадывается нечто демоническое, но, хотя ониксовая дорога позади нас тревожно раскачивалась вверх и вниз, как корабль, который колотят волны, на ней никого не было.

— Келлен, давай, — поманила меня Диадера. Остальные уже проскользнули сквозь туман. — За нами нет никаких больших демонов или монстров. Азир просто устал. Мы почти дома, целые и невредимые.

Целые и невредимые.

Часть меня почти желала, чтобы нам на пятки наступал дьявол. Безопасность означала, что ничто не сможет отвлечь меня от бесконечного горя, которое ожидало, чтобы поглотить меня.

Диадера схватила меня за руку и потянула сквозь туман, обратно в аббатство, где оказалось, что горе станет наименьшей из моих проблем.

Глава 41
НА ГРАНИ

Раньше я никогда по-настоящему не понимал выражения «на грани войны». В истории джен-теп эти слова, похоже, обозначают определенный, всецело рациональный момент, когда главы кланов, сидя на тронах, установленных на колоннах, возвышающихся над залом Совета, глядят друг на друга и спрашивают:

— Мои собратья лорд-маги, сейчас мы стоим на грани войны. Скажем мы «да» или «нет» хаосу и кровопролитию?

Здесь, однако, «грань войны» означала нечто совершенно иное.

Наша семерка вышла из тумана и оказалась на вершине той самой горы, которую мы раньше покинули, с тем же холодным воздухом и похрустыванием снега на земле.

От западного края аббатства мы прошли через крытые галереи; все молчали, только наши подошвы щелкали по черным плитам, когда мы приближались к тренировочным площадкам. Именно там нас встретил первый ощутимый признак того, что что-то не так.

Площадь была забита до отказа, как будто здесь собрались все до единого обитатели аббатства. Ряд за рядом стояли настороженные монахи, их черные одежды развевались на ветру; метки на коже оживали, когда они слышали команды, которые выкрикивал один из их собратьев впереди.

— Обручники, удар! — взревел он, и дюжина монахов послала теневые ленты, полоснувшие по ряду манекенов из дерева и соломы.

— Фоггеры, удар! — послышалась следующая команда, и второй ряд шагнул вперед, чтобы широко открыть рты — так, как делала Гхилла. Изо ртов вырвался черный туман, который окутал и задушил несколько невезучих тюков сена.

— Думаю, аббат усилил тренировки, — сказала Диадера неубедительно.

Накануне я был свидетелем нескольких тренировок, но не с участием такого множества людей, и не с такой маниакальной напряженностью, какая поглощала их сейчас.

Турнам схватил монаха за плечи:

— Что, черт возьми, здесь происходит, брат? Почему вы все…

Монах отмахнулся от него, не ответив на вопрос, и снова начал метать ощетинившиеся шипами шары-тени в цель в

двадцати футах от себя.

— Прочь с дороги, проклятье! — крикнула женщина, чуть не задавив меня повозкой, нагруженной более приземленным оружием, таким как шесты и арбалеты.

Она покатила повозку на другую сторону площади, где тем, у кого не было способностей, вопили, чтобы они нашли себе подходящее оружие.

Собравшиеся на площади едва не обезумели, услышав грохот глиняной посуды, разбившийся о каменные плиты позади нас. Обручники с Черной Тенью развернулись и отправили в полет свои черные хлысты, чтобы убить нападавшего. Старик, чьим единственным преступлением было то, что он попытался нести слишком много кувшинов с водой, оказался на волоске от гибели.

«Они в ужасе, — подумал я. — И они превращают страх в холодную, убийственную решимость. Эти люди не просто тренируются. Они готовятся убивать».

Вот что такое грань войны, понял я. Не столько мгновения перед битвой, сколько время, когда все мысли о мире отринуты, и каждый мужчина, женщина и ребенок смиряется с тем, что смерть близка, но куда предпочтительнее убить самому — убить без лишних вопросов, без колебаний и прежде всего без пощады.

Эбеновое аббатство стояло на пороге войны.

Низкий голос прогремел над площадью, и монахи, нападавшие на деревянные и соломенные тренировочные манекены, замерли, не закончив удара, повернулись и увидели, что аббат шагает к нам… ко мне. Тут я понял, что он выкрикивал мое имя.

— Ты паршивый предатель, — прорычал он, летя ко мне и сжимая руки в жесте, который, очевидно, означал приготовление к тому, чтобы меня задушить. — Мне следовало убить тебя в тот день, когда ты здесь появился! Надо было сбросить тебя с верха башни и спасти нас всех от множества печалей!

Бателиос пытался встать между мной и аббатом, но потерпел неудачу, потому что там не было места.

— Ваше преосвященство аббат, Келлен в этом не виноват. Его предала…

Аббат схватил его за грудки и отшвырнул в сторону — впечатляющий поступок, учитывая, что Бателиос был таким же крупным, как он сам.

— Думаешь, утопающему не наплевать, что пьяница, который толкнул его за борт, сделал это не нарочно?

Он уставился на нашу семерку: пусть только кто-нибудь осмелится ответить. Потом резко повернулся на каблуках.

— Вы все, следуйте за мной. — Не оглядываясь, он махнул

рукой, указав прямо на меня. — Позаботьтесь о том, чтобы он не сбежал.

Турнам и остальные поплелись вслед за аббатом с тренировочной площадки, обмениваясь смущенными и обеспокоенными взглядами. Я наклонился, чтобы протянуть Бателиосу руку, прежде чем последовать за ними. Диадера отстала и пошла рядом со мной.

— Все будет в порядке, Келлен. Некоторое время он будет на тебя вопить, потом произнесет длинную речь о том, что Черные Тени либо сражаются вместе, либо умирают в одиночестве. Когда он закончит, я заставлю его успокоиться, чтобы мы могли решить, что делать дальше.

Она сжала мою руку:

— Он не прогонит тебя. Обещаю.

К сожалению, на сей счет она оказалась права.

Только когда мы прошагали через все аббатство и аббат жестом велел нам войти в главные ворота, стало ясно, куда мы направляемся. Я ожидал, что дело закончится некоей формой ритуального изгнания, но он сам последовал за нами и подвел нас к краю обрыва, где мы встретили первую жертву грядущей войны.

Черную одежду и тело монаха пронзал сверкающий шнур серебристого света, удерживая его на высоте и погрузившись глубоко в скалу. Второй конец уходил по дуге вдаль, паря над сотнями акров редких деревьев и исчезая в облаках над великим океаном. Даже не зная, что это за шнур, мы знали, куда он ведет. Где-то на моем родном континенте Эльдразия маги из отряда джен-теп запустили первую, пробную магическую нить, как рыбаки, забрасывающие лески в воду. Вероятно, они не ожидали с первой попытки поймать такую большую форель.

Тело мертвеца качалось и моталось в воздухе, насаженное на тонкий трос чистой магической силы.

— Брат Дием? — спросил Турнам.

Аббат хрипло засмеялся:

— Хочешь поговорить о невезении? Дием был братом Калеба, несчастного ублюдка, демон которого овладел им два дня назад. Вышел, чтобы погоревать в одиночестве и просто стоял здесь, думая о своих делах, когда на него снизошел этот свет. Бедняга, должно быть, решил, что дух брата явился поприветствовать его.

Сутарей подошла к мерцающей нити, которая протянулась на тысячу миль между аббатством и теми, кто хотел его уничтожить.

— Это Мост Заклинаний, вернее, его первая нить. — Она перехватила мой взгляд. — Если они смогут наколдовать

больше…

Я избавил ее от необходимости заканчивать фразу:

— …отряд сумеет пройти по мосту. У них будет возможность вторгнуться в Эбеновое аббатство.

— И на это у них не уйдут месяцы или даже недели, — добавила Сутарей. — Заклинание сжимает расстояние, совершая в физическом пространстве то, что Азир делает через Тени. Как только мост будет закончен, добраться до аббатства станет делом нескольких часов и для этого понадобится не больше усилий, чем для приятной прогулки по ярко освещенной аллее.

Мне трудно было представить себе на приятной прогулке атакующую орду магов джен-теп с жаждой крови в глазах и с магией, вспыхивающей от их металлических татуировок.

Мост Заклинаний. Проклятый Мост Заклинаний. Я видел их только на рисунках в книгах. Мой старый мастер говорил о них как о чисто теоретическом колдовстве — о таком интересно думать, но оно совершенно неосуществимо. Для подобного предприятия требовалось такое количество магов джен-теп, которые должны были рискнуть своей магией и жизнью, что оно намного превосходило ничтожную горстку готовых принести себя в жертву.

«Полагаю, твой план сделаться коронованным Верховным Магом идет как по маслу, отец».

— Сколько времени им потребуется, чтобы закончить мост? — спросила Диадера.

Сутарей нагнулась, чтобы внимательнее рассмотреть сверкающий серебряный трос. Труп брата Диема закачался на тросе так, как будто очень рад был ее видеть.

— Трудно сказать. Мост Заклинаний через такое расстояние должен быть невозможен. Это требует не просто магии, но и поддержания стабильности тро…

Вспышка света пронзила далекие облака и прочертила дугу, как падающая звезда, над океаном и акрами лесов, устремившись в сторону аббатства. Сутарей стояла на коленях рядом с первым тросом, и не требовалось быть гением, чтобы понять, куда ударит следующий.

Я бросился на высокую девушку, оттолкнув ее в сторону. Мы вдвоем покатились по земле, а повсюду вокруг нас взорвались осколки камня. Слишком поздно я понял, что мой неуклюжий прыжок привел нас к краю обрыва и теперь Сутарей соскальзывает в пропасть. Отчаянно вцепившись левой рукой в воротник ее пальто, я воткнул пальцы правой в пыльную землю. Теперь она почти перевалилась через край и своим весом увлекала меня вниз, за собой. Как только я почувствовал, что

соскальзываю, в запястье взорвалась боль: кто-то ухватил меня так крепко, что я подумал, что сломаются кости. Аббат, сжав губы в гримасе то ли напряжения, то ли отвращения, оттащил нас по неровной земле в безопасное место.

— Ты так легко не уйдешь, — сказал он мне.

Я перевел дух и встал, потирая грудь и живот: я ободрался о камни и теперь был в грязи и в царапинах. Рейчис помер бы со смеху, заявляя, что голокожим, лишенным приличного меха, стоило бы носить свои рубашки вместо того, чтобы таскать в них кости мертвых животных.

— Келлен… — прошептала Сутарей. Ее ладонь лежала на моей руке, что показалось мне странно задушевным для нее жестом. — Мне очень жаль.

— Ничего страшного, — сказал я. — Всего несколько…

Она говорила не о царапинах на моей груди.

«Рейчис».

Я побежал обратно к обрыву.

Когда я схватил Сутарей, мне пришлось отпустить скатанный из рубашки сверток. Раз она так на меня смотрела, значит, видела, как он упал за край. Я вглядывался вниз, молясь, чтобы маленький сверток упал на выступ, но все, что я увидел — это трос чисто малинового света, и искры, вырывающиеся из скалы в том месте, где он врезался рядом с серебряным.

— Как они это делают? — вопросила Диадера, направив свой гнев на аббата. — Ты говорил нам, что тут безопасно, что это место закрыто от магии джен-теп! Как военный отряд пронзил завесу?

— Им помогли.

Он подошел и навис надо мной; его широкие плечи и мускулистое тело заставляли меня чувствовать себя еще меньше. Я стоял без рубашки, в слишком большой для меня шляпе, которая каким-то образом осталась у меня на голове даже тогда, когда последние останки моего делового партнера свалились в пропасть.

Аббат сделал выпад кулаком. Я вздрогнул, ожидая удара в живот, и удивился, когда его не последовало. Он разжал пальцы: на его ладони лежал крошечный кусочек Тени.

— Это принадлежит тебе, не так ли?

Я кивнул.

— Келлен не виноват! — сказал Азир. — Его сестра обманом заставила его…

Аббат не обратил на него внимания.

— Знаешь, это гениально. Всю свою жизнь я совершенствую завесу, окружающую аббатство, роясь в каждой книге по магии

джен-теп, изучая каждый рассказ об их методах, делая все, чтобы ни одно из их заклинаний не смогло ее пробить.

Он сомкнул пальцы, так сильно сжав осколок Тени в кулаке, что из него побежала струйка крови.

— А оказалось, что все, что им требовалось, — это осколок чистой Тени, связанный с кем-то внутри барьера.

Третий шнур света пронзил воздух, погрузившись глубоко в скалу; этот был как мерцающее золото. Он тоже соединился с другими, и теперь мост был чуть меньше фута в ширину, искры чистой магии сверкали на его поверхности, которая, изгибаясь, уходила вдаль, охватывая два континента.

— Сколько еще тросов им надо? — спросил Бателиос у Сутарей.

— Я не могу назвать точное число, — ответила она, — могу только сказать: чтобы дотянуться в такую даль, мосту понадобится огромное количество поддерживающих тросов, возможно, по одному на каждого мага военного отряда.

— Но им ведь придется отдыхать, правда? — спросила Диадера. — Такое заклинание должно вымотать их?

Сутарей кивнула:

— Отряду понадобится время, чтобы оправиться. Возможно, день.

— День, — повторил Азир. Похоже, он глубоко ушел в свои мысли; глаза его были мутными, как будто он не мог как следует сфокусировать взгляд. — Я могу сделать еще пару прогулок, постараюсь добраться…

— Ты не можешь забрать в Тени больше нескольких человек за раз, — сказал Турнам, в кои-то веки не подкалывая мальчика. — Этого недостаточно.

— Значит, сражаемся, — сказала Гхилла.

— Мы умрем, — возразила Сутарей. — Ни нашего числа, ни наших способностей не хватит против военного отряда.

Пока остальные хватались за соломинку, аббат смотрел на меня.

Он ждет, что я сделаю или скажу что-нибудь, что даст ему повод убить меня? Никто не хочет считать себя убийцей — даже настоящие убийцы, с которыми я встречался. Гораздо легче найти резонную причину, чтобы оправдать убийство, может, даже сделать его героическим. Но аббат делал еще больше: он ждал, когда другие исчерпают свои нелепые планы, как можно поправить дело. Он проверял их верность.

— Убирайтесь отсюда все, — сказал я.

— Келлен, не надо, — предупредила Диадера.

Не нужно было прикасаться к нашим меткам Черной Тени,

чтобы понять ее взгляд. Она спрашивала: «Ты хочешь, чтобы тебя убили? Горе свело тебя с ума?»

Я был рад, что наши метки не соприкасаются, потому что у меня не было подходящего ответа.

— Просто уходи, — повторил я.

Даже Гхилла, судя по виду, за меня боялась.

— Почему, мальчик?

Я подошел на шаг ближе к человеку, который впервые с тех пор, как он притащил нас сюда, выглядел почти счастливым.

— Потому что мы с аббатом собираемся немного поболтать.

Глава 42
ГАЛЬКА

Путь воды аргоси гласит, что всегда есть хотя бы один способ обойти приближающееся насилие. С арта локвит и арта превис — талантами красноречия и восприятия — странник может разглядеть этот способ, если слушает без предубеждения и говорит без раздражения.

— Вы должны бежать, — сказал я.

У аббата был удивленный вид. Наверное, он ожидал, что я буду умолять его сохранить мне жизнь. Тень начала появляться из-под его одежды, сочась из-под воротника и манжет рукавов. Метки аббата были не такими, как у остальных. В отличие от полосующих лент Турнама, летающих светлячков Диадеры или черного тумана Гхиллы, Тени аббата были жидкими. Они парили в воздухе, как шарики черного масла, танцующие в чистой воде. Завораживающий эффект, выражающий и силу, и изящество.

— Иногда с Черными Тенями такое случается, — сказал он (а черные бусины плавали вокруг него), — когда наши демоны только начинают одолевать наш разум. Мне сказали, что это похоже на гребень обрушивающейся волны. Некоторые находят в себе силы сопротивляться, некоторые позволяют Тьме взять верх. Тогда как третьи… — Он позволил своему голосу утихнуть на секунду, показывая на меня пальцем. — …становятся самоубийцами. Именно это происходит с тобой, Келлен из дома Ке?

Мне не понравилось, что он сказал. Я почувствовал огромное желание пощечиной стереть улыбку с его лица.

«Остановись. Перестань думать, как белкокот, проклятье. Хоть раз используй арта сива. Будь очаровательным».

— Вы должны немедленно бежать, — вот какие слова сорвались с моих губ.

«Вот и надейся на мою арта сива».

— С чего бы мне так поступать?

Справедливый вопрос.

Иногда мой язык опережает мои мозги, а остальное тело вынуждено его догонять. По правде говоря, я понятия не имел, почему я сказал, что он должен бежать… В смысле до тех пор, пока не заметил его высокомерный взгляд, то, как прихорашиваются его Тени, и, главное, пока не обдумал маниакальные приготовления к войне, которые аббат сделал в ответ на появление Моста Заклинаний. Все вместе взятое

рассказало мне о нем то, что он скрывал от своих последователей.

— У вас это плохо получается, — ответил я наконец.

Я едва успел заметить, как он широко раскрыл глаза, прежде чем его Тени окутали меня, поглощая, как зыбучий песок. Каждый дюйм моего тела был покрыт Тенью, превращавшей мир в черный. Когда я попытался дышать, Тени заполнили мой рот, не давая мне потратить последний воздух в легких на крик. Я пытался метаться и срывать штуковину со своего тела, но это было все равно, что тянуть резину.

Мое горло перехватил спазм. Я выдыхал, когда аббат напал, и уже чувствовал, что у меня кружится голова, сдают мышцы ног. Затем, так же внезапно, пелена исчезла.

Я тяжело упал на колени, задыхаясь, пытаясь стереть следы его Теней со своей кожи, хотя они уже исчезли.

Аббат терпеливо ждал.

Его демонстрация силы только подтвердила мои подозрения:

— Вы… дилетант.

Говорить было трудно, но я не мог позволить ему встрять; слишком высок был шанс того, что его слова будут сопровождаться второй атакой.

— Вы гарцуете по своей крепости, как какой-то испытанный в бою воин, этакая богоподобная фигура, ведущая свой народ к миру и безопасности, но понятия не имеете, как это сделать, не так ли?

Теперь он наблюдал за мной, прищурившись. Думаю, он знал, что я не сумасшедший и не самоубийца. Не сомневаюсь, он видел, как я напуган, но я говорил с ним так, как никогда не говорили его ученики и братия.

— Просвети меня, — сказал он.

— Мой отец приведет в это аббатство семьдесят семь магов. Это не незрелые меткие маги вроде меня и даже не посвященные, как Сутарей. Они настоящие военные маги. Дьявол, готов поспорить, большинство из них лорд-маги. Они сожгут здесь всех дотла заклинаниями огня, разорвут их внутренние органы магией железа. У них будут заклинания шелка и заклинания песка, а некоторые принесут даже магию крови. Те люди, которых вы неистово тренируете на площади, умрут, даже не увидев лица своего врага.

Капли Тени аббата приняли форму дюжины копий, которые выстроились вокруг моей головы, как корона из мечей.

— Сперва им придется пройти мимо меня.

Я покачал головой, но осторожно, чтобы не выколоть себе глаз. Рейчис смеялся бы так, что его маленький…

«Нет. Хватит думать о Рейчисе. Перестань слышать голос Фериус. Прекрати желать, чтобы Нифения была здесь. Теперь все зависит от тебя».

— Ке-хеопс — мастер стратегии. Он не будет пытаться произвести на вас впечатление или устрашить вас своей силой.

Я показал на тросы света, пронзающие труп мертвого монаха.

— Если он построил Мост Заклинаний, то только потому, что у него нет и тени сомнения: он победит, как только доберется до его противоположной стороны.

Аббат промолчал, его глаза помутнели, когда мои слова прорвались сквозь его уверенность, его убежденность в том, что он должен быть прав, добравшись до сердцевины его сущности.

— Вы должны бежать, — сказал я. — Забирайте ваших людей и рассейтесь так далеко и широко, как только можете. Молитесь, чтобы после того, как мой отец сровняет аббатство с землей и завоюет славу, которая ему нужна, чтобы стать коронованным магом, его отряд заскучал и ушел домой.

Следующие слова аббата прозвучали настолько тихо, что я даже не был уверен, хочет ли он, чтобы я их услышал.

— Джен-теп когда-нибудь устают убивать Черных Теней?

Дрожь в его голосе убедила меня, что сейчас он сломается и развалится на куски прямо передо мной. Вместо этого он повернулся, чтобы посмотреть на Мост Заклинаний и вдаль, туда, где тросы света исчезали за горизонтом.

— Знаешь, я могу победить любого из них. Любого из этих ублюдков, которые охотятся за нам подобными ради удовольствия, или из принципа, или из-за того, что, проклятье, по их мнению, дает им на это право. Даже если рядом со мной будут только Диадера и метатели Теней. Иногда мне кажется, что я смогу управиться со всеми в одиночку.

— Религиозные фанатики часто так думают. И почти всегда ошибаются.

Аббат подошел к воротам в массивной черной каменной арке, ведущим в аббатство, и встал слева, с той стороны, где арка была повреждена. Он уставился на нее, как будто его взгляд мог заставить повреждение исчезнуть. Не оглядываясь, он жестом предложил мне присоединиться к нему.

Я медленно подошел, мучительно осознавая, что убедить его в том, что он не может победить, и убедить не убивать меня — разные вещи. Потом я увидел, на что он таращится, и на смену моей настороженности пришло замешательство. Когда камень раскалывается, он крошится по краям или расщепляется в том месте, где ослабляется скрепляющий его раствор. Здесь, однако, повреждение представляло собой десятки крошечных, неровных

линий, расходящихся из центральной трещины, как паутина или трещины в стекле после того, как в него ударишь галькой. Почти как ониксовая дорога Азира после того, как он…

— Предки…

Я отвел взгляд от арки и посмотрел за ворота, на остальную часть аббатства.

Неестественная, почти невозможно сложная архитектура, богато украшенные фантастические башни, идеально гладкие каменные дороги и крытые галереи. С тех пор, как я впервые сюда попал, я ломал голову над вопросом, как они добыли так много особенного черного камня и как подняли его на вершину горы. Ответ был прост: они этого не делали.

— Тебя что-то беспокоит?

Аббату фигово удавалось скрывать самодовольную улыбку.

— Аббатство, — сказал я, тщательно подбирая слова, — вы его создали.

— Ну, полагаю, я могу взять на себя часть этой заслуги, но…

— Нет, я не говорил, что вы его построили, спроектировали или надзирали за людьми, которые его возвели. Я имел в виду, вы действительно его создали. Целое аббатство, оно…

Просто произнеся такие слова, я невольно задумался, не схожу ли я с ума.

— Оно сделано из ваших Теней.

— Ну же, — сказал он, широко раскинув руки. — Посмотри, как велико это место. Какой человек — нет, Бог — мог сотворить такое чудо?

— Покажите мне, — попросил я.

Он поднес ладонь к поврежденной части арки на расстоянии дюйма, крепко зажмурив глаза. Сперва ничего не происходило, но медленно, очень медленно, материал утратил прочность, превратившись в густую, вязкую черную жидкость. Аббат слегка провел по нему рукой, и трещины исчезли. Когда он отступил назад, камень был целым и снова твердым.

— Невероятно, — вырвалось у меня.

Раньше я видел всевозможных магов, которые могли манипулировать материей, и недавно почти умер от рук Повелителя крови, но такое? Создать целую крепость из Тени?

— Эта гора… Здесь Оазис Теней, верно?

— У меня ушла половина жизни, чтобы ее найти. Аббатство стоит в месте, имеющем дюжину теневых граней, Келлен. Здесь я лучше всего контролирую свои Тени; здесь у меня больше всего силы.

Он махнул рукой, показывая за ворота, на людей, которые метались взад-вперед: только неистовая деятельность удерживала

их от слепой паники.

— Однако ты все еще не веришь, что этого достаточно, чтобы защитить их от военного отряда джен-теп, да?

Я мгновение поразмыслил над его вопросом, потом приподнял правую ногу и стащил с нее сапог.

— Что ты делаешь?

— Маленький камешек колет мне ногу.

Я тряс сапог до тех пор, пока галька не выпала мне на ладонь. Не выпуская ее, я снова надел сапог.

Аббат приподнял бровь.

— Теперь тебе удобно?

Я не ответил. Вместо этого я стал наблюдать за его глазами, выжидая мгновение, когда он моргнет. И как только он это сделал, я швырнул крошечный камешек ему в лицо. Он ударил прямо в середину лба.

Аббат смахнул пылинки, оставшиеся на лбу, а парящие бусины его Черной Тени уже превратились в зловеще изогнутые черные клинки, охватившие мою шею.

— Вы опоздали, — сказал я, стараясь, чтобы голос звучал ровно. — Вы уже мертвы.

— Мертв? Ты думаешь, что какая-то галь…

— Это была не галька. Это был арбалетный болт. Стрела. Копье. А может, просто острый камень. Вы не заметили, как он летит, поэтому он попал в вас, легко и просто. Как бы вы ни были сильны, вы все-таки человек, и все моргают.

Тут он засмеялся, хотя в его смехе не было веселья.

— Ты и вправду замечательно умеешь злить людей, а?

— Что я умею, так это выживать в схватке с теми, у кого больше могущества, чем у меня когда-либо будет.

Он встретил мой взгляд и не отвел глаза.

— Со всеми этими своими трюками аргоси… Если бы я попросил тебя убить Ке-хеопса, ты смог бы это сделать?

Вопрос застал меня врасплох.

— Это не спасло бы аббатство. Кто-нибудь другой…

— Я спросил не о том.

Аббат шагнул к мне, обводя взглядом извилистые черные метки вокруг моего левого глаза.

— Бабушка прокляла тебя Черной Тенью, от которой ты вполне можешь умереть даже раньше, чем поймешь, зачем она так поступила. Сестра оставила твоего белкокота погибать одного в пустыне, а сама в это время обманом сумела заставить тебя выдать секреты аббатства.

Он схватил меня за предплечье и поднял его, подставив под угасающий свет. Сигиллы, перечеркнувшие татуировки магии

песка, шелка и крови, бросились мне в глаза.

— Твои родители отобрали у тебя магию — без сомнения, чтобы защитить амбиции твоего отца. На каждом повороте твоя семья предавала тебя. — Он выпустил мою руку. — А теперь Кехеопс идет сюда, чтобы уничтожить это место, убежище для таких людей, как ты и я. Поэтому я снова спрашиваю тебя, Келлен: после всего, что у тебя отобрали, не используешь ли ты свою выдающуюся хитрость и таланты аргоси, чтобы наконец-то избавить мир от твоего отца?

Аббат пристально смотрел на меня, а я стоял, подавленный перечислением преступлений, которые он взвалил на мою семью, и немыслимым, неизбежным вопросом, вытекавшим из этих преступлений. Дело в том, что уже долгое время я спрашивал себя, смогу ли я убить отца, когда настанет день. Ответ всегда был одним и тем же.

— Нет.

— Потому что он умнее тебя или потому что у тебя не хватило бы мужества?

— А это имеет значение?

— Думаю, нет.

Он отвернулся от меня и вошел в ворота аббатства.

— Ты когда-нибудь задавался вопросом, почему, несмотря на все их трюки и смелые поступки, есть множество мест, где аргоси ждет холодный прием, Келлен? Почему они не народные герои, не персонажи легенд? Да потому, что, хотя они творят столько добра, они не встают ни на чью сторону.

Он продолжал идти.

— Они никогда не заканчивают работу.

Глава 43
СОЗВЕЗДИЯ…

К тому времени, как я вернулся в аббатство, его площади почти опустели. Толпы монахов, ремесленников и их семей легли спать, потратив всю неистовую энергию на подготовку к войне, которую большинство из них, вероятно, никогда не увидит. Маги редко ощущают необходимость встречаться лицом к лицу со своими врагами. Едва оказавшись здесь, отряд активирует заклинания огня и железа, разрушая здесь все и превращая в пепел.

Эта мысль не отпускала меня, пока я поднимался по лестнице башни аббата до комнаты для гостей на третьем этаже. Меньше всего мне хотелось быть здесь, но, что бы ни случилось, я не мог и дальше расхаживать без рубашки. Поэтому я умылся над тазиком с водой, который кто-то услужливо тут оставил, надел то, что больше всего смахивало на свежую одежду, и приступил к чистке оружия. Стальные карты, которые дала мне Фериус, срабатывают, только если у них идеальный баланс, а края острые, как бритва. Я вытирал их по одной и каждую полировал, пока они не заблестели в свете, проникающем в крошечную щель — окно комнаты.

Мои мешочки с порошками были пусты, и я ничего не мог с этим поделать. Только по счастливой случайности у меня до сих пор оставалось пять монет кастрадази. Еще в той деревне — я даже не знал, в какой она стране, — мне пришлось разорвать складки другой моей рубашки, чтобы извлечь монету надзирателя и «беглеца». После этого я положил их в карман. Теперь я вынул их одну за другой и отполировал так же, как карты. Я сомневался, что это как-то повлияет на их эффективность, но к нынешнему моменту хватался за любую соломинку в поисках чего угодно, что могло бы отвлечь меня от отчаяния и горя.

Но в конце концов у меня закончились вещи, которые следовало почистить, и я понял, что не могу заставить себя остаться в комнате. Думаю, за последнюю пару лет я привык спать на улице. Не сказать, чтобы мне это нравилось, но почему-то я всегда чувствовал себя слегка потерянным, если не мог видеть небо.

Поэтому, спустившись по винтовой лестнице на три пролета, я вышел из башни. Должно быть, давно уже миновала полночь. В гладкой поверхности камней отражались тысячи звезд, освещая

внутренний двор. Я откинулся назад, чтобы посмотреть в ночное небо, и чуть не потерял равновесие. Есть что-то глубоко сбивающее с толку в том, чтобы смотреть на звезды, расположенные не так, как ты привык. Если бы я прибыл на этот континент на корабле, я бы приспособился к его созвездиям. Но меня доставили сюда через Тени, где время и расстояние не имеют никакого реального значения, и теперь я чувствовал себя совершенно потерянным.

Во дворе не осталось тел. Или жители аббатства завершили все погребальные обряды, необходимые для их близких, или возможность неминуемого вторжения сделала такие ритуалы роскошью, которую никто не мог себе позволить. У меня даже не было времени задаться вопросом, предпочел бы Рейчис быть похороненным, кремированным или просто хотел бы, чтобы кости его скелета сложили в подходящей ужасающей форме. Возможно, последнее.

Слезы потекли по моим щекам.

«Я не должен был с ним прощаться, — подумал я, плача от горечи так же сильно, как от скорби. — Жизнь должна быть чем-то большим, нежели просто потерей одного за другим тех, кого ты любишь, пока у тебя ничего не останется».

Я вытер глаза рукавом рубашки, которую недавно вынул из рюкзака. Рукав был слишком потерт и изношен, в нем светилась дыра. Я машинально просунул в нее палец и потер ноющее место на руке, сразу найдя крошечный рубчик укуса, который зажил несколько месяцев назад, но все еще болел.

«Предки, мне всего семнадцать. Как у меня может быть столько шрамов? Мне действительно пора уже чувствовать себя таким старым?»

Изнеможение захлестнуло меня, мне пришлось прислониться к одной из колонн, поддерживающих крышу галереи, которая тянулась вдоль площади. Холодная твердая поверхность обожгла меня сквозь изношенную рубашку. По моим подсчетам, прошло два дня с тех пор, как я ел нормальную пищу, и почти год с тех пор, как я нормально высыпался ночью. Когда снова навернулись слезы, я решил, что мне повезло, раз двор пуст и никто не увидит, как я плачу.

— Я тоже обычно плачу, — проговорил кто-то за моей спиной так близко, что я споткнулся и почувствовал, как начинаю падать.

«Предки, забудьте другие мои вопросы и просто ответьте на этот: почему вы так меня ненавидите?»

Большие руки схватили меня за плечи, удерживая в вертикальном положении, а потом осторожно повернули. Я посмотрел вверх и обнаружил, что надо мной нависает Бателиос.

— Ты в порядке? — спросил он.

— Просто отлично, — ответил я, умудряясь не рыдать и не всхлипывать: в тот момент это было для меня настоящей победой.

— Тебе не нужно стыдиться, — сказал Бателиос. — Здесь только мы с тобой.

— Я же сказал, что я в порядке!

Но это было не так. Похоже, я вообще не мог собраться с силами. Если бы в тот миг он меня отпустил, я бы рухнул к его ногам. Бателиос, казалось, знал об этом и продолжал держать меня, наблюдая за мной. Взгляд его карих глаз удивительно теплый, подумал я. Странно, что парень, вот так на меня смотрит.

— Ты собираешься меня поцеловать? — спросил я.

— Тебе этого хочется?

— Нет, — слишком быстро сказал я. — Прости, я не… Я имею в виду, не похоже, что я… Послушай, я просто…

Он улыбнулся краешком рта:

— Ты так же плохо чувствуешь себя и рядом с девушками? Или только мальчики заставляют тебя волноваться?

— И те и другие, — сказал я, ощетинившись сильнее. — Особенно, когда я устал и не уверен, кто хочет меня убить, а кто хочет переспать со мной.

Бателиос еще некоторое время поддерживал меня, пока не убедился, что я не упаду, потом отпустил и отступил на шаг.

— Уже лучше?

Не дожидаясь ответа, он добавил:

— Как ты думаешь, если кто-то пытается выказать по отношению к тебе малейшую доброту, а ты предполагаешь, что этот человек обязательно хочет с тобой переспать, — что это о тебе говорит?

Ненавижу людей, проницательно высказывающихся обо мне, когда я слишком устал, чтобы придумать умный ответ.

— Проваливай в ад, Бателиос.

Он рассмеялся и хлопнул меня по спине:

— Не сомневайся, друг, провалю. Но пока давай немного повеселимся, ладно?

— Подожди, что? Я же только что сказал тебе — я не…

Тут я спохватился. Испытание. Этот ублюдок только что устроил мне небольшое испытание, чтобы доказать, что он прав.

— Пошли, — сказал он, обхватив меня за плечи — как для того, чтобы повести по тропинке к тренировочной площади, так и для того, чтобы не дать упасть вниз лицом. — Есть ритуал, который мы, метатели Теней, выполняем после каждой миссии.

— Какой же? — спросил я.

— Мы напиваемся настолько, чтобы забыть, как близки мы

были к смерти.

Глава 44
...И УТЕШЕНИЯ

Участие в праздниках никогда не было сильной моей стороной. Возможно, потому, что мне не хватало практики, учитывая, что жизнь моя представляла собой длинную цепочку неудач, иногда прерываемых тем, что я спотыкался о судьбу и непреднамеренно совершал правильные поступки. Фериус пыталась научить меня находить веселье в том, что я жив. Жаль, в эти поучения никогда не входило, что тебе полагается делать, когда твой лучший друг мертв и ты непреднамеренно разрушил жизни четырехсот невинных людей. Возможно, это был бы более продвинутый урок аргоси.

Я попытался стряхнуть такие темные и горькие мысли, пока Бателиос вел меня через обитель к свету ревущего огня и звукам смеха.

— Сделай это снова, мальчик! — радостно завопила Гхилла, пролетев по воздуху над краем обрыва с лентой Черной Тени Турнама вокруг лодыжки.

Его правая рука была протянута к ней, направляя эбеновую силу. Для того, чтобы вес Гхиллы сдернул его за край, Турнама спасло только то, что Бателиос ринулся вперед и вцепился в него. Поддержка здоровяка оказалась особенно кстати, учитывая, что во второй руке Турнам держал флягу, из которой продолжал пить.

— Идиот, — пробормотал я себе под нос.

— Келлен?

Я обернулся и увидел, что позади меня стоит Азир. Я не слышал, как он подошел, и это заставило меня задаться вопросом: не помогают ли ему Тени на ногах передвигаться бесшумно. Но скорее всего я просто ушел в свои мысли.

— Мне жаль твоего белкокота, — сказал мальчик. — Он, должно быть, очень любил тебя, раз отдал жизнь, сражаясь с чародейкой, которая пыталась тебя убить.

— Неа. Он просто по-настоящему ненавидел джен-теп.

Азир посмотрел на меня с тем выражением лица, которое говорило: «Я не могу понять, то ли ты патологически легкомысленный, то ли вот-вот зальешься слезами, поэтому собираюсь просто вежливо улыбаться».

Я поискал какой-нибудь уместный ответ и преуспел лишь в банальности:

— Он был хорошим деловым партнером.

Мальчик кивнул, как будто мои слова имели смысл. Непослушные темные волосы упали ему на глаза так же, как всегда падали мои. Мне понадобилось сделать над собой усилие, чтобы не протянуть руку и не откинуть их, как раньше откидывал мой отец, когда я был маленьким и он еще меня любил.

— Ты в порядке? — спросил я, заметив бледность Азира и то, как он покачивался взад-вперед.

Ему было не больше двенадцати-тринадцати, но он выглядел таким же измученным и усталым, как я.

— Путь через Тени отнимает у меня много сил. Обычно я не совершаю двух путешествий за день. — Он оглянулся на огонь. — Теперь я вернусь к остальным, Келлен. Ты должен присоединиться к нам. Гхилла собирается рассказать одну из своих историй с привидениями. Страшнее ты никогда не услышишь.

— Через минуту, — сказал я.

Секунду он еще смотрел мне в глаза. Ровно настолько, чтобы дать понять: он знает, что я лгу. Потом повернулся и направился к толпе вокруг костра.

Я нашел низкую плиту, чтобы присесть на нее, и некоторое время наблюдал за всеми, чувствуя себя шпионом и задаваясь вопросом, почему я уже не покинул аббатство. Несколько младших учеников аббатства умоляли Турнама позволить им потусоваться с ним и остальными. Берабеск демонстративно оценивал по очереди каждого из них, но было ясно, что он собирается сказать: «Да». Там было и несколько монахов — мужчин и женщин, чьи строгие черные одежды явно не соответствовали их пьяному поведению. Наблюдать, как религиозные аскеты целуются друг с другом — в этом есть нечто выбивающее из колеи.

— Что, к дьяволу, это за место такое? — вслух спросил я.

— Воистину темное и ужасное, — сказала Диадера, подойдя ко мне сзади.

Очевидно, я не был на пике своей наблюдательности, потому что она застала меня врасплох, хотя я пытался высмотреть ее с тех пор, как пришел. Она протянула мне кожаную фляжку и велела:

— Пей.

Мне никогда не нравилось, когда мне говорят, что делать, поэтому я попытался вернуть ей фляжку.

— Нет, если в ней то, из-за чего остальные ведут себя как дураки.

Она сделала глоток из фляжки, потом снова швырнула ее мне, заставив поймать.

— Нет.

— Я уже сказал тебе, я не…

Она взяла меня за руку, прислонилась к моему плечу и свободной рукой указала на толпу у костра.

— Ты поступаешь мудро, противясь моему предложению, о юный меткий маг. Посмотри, какие грязные и кощунственные поступки совершают эти потенциальные демоны.

Насмешливый тон расходился с ее удивительно убедительной официальной речью:

— Стань свидетелем гнусной наглости, с которой они решили не только пострадать от болезни собственного изготовления — той, которая, несомненно, уничтожит их, если некий прекрасный маг джен-теп не доберется до них первым, — но и сговорились также ухватить краткие обрывки утешения на пути к своей законной погибели.

— Смешно. Ты не боишься отряда, который сюда придет?

Она перестала лицедействовать:

— Мне страшно, Келлен. Нам всем страшно. Вот почему все здесь, кроме тебя, делают единственную разумную вещь в такой ситуации.

Она прижала фляжку к моему животу.

— Пей.

Я открыл пробку большим пальцем и откинулся назад, чтобы выяснить, что такого волшебного в этой штуке. Вкус теплого персика проскользнул в мое горло, сперва гладко, а после шарахнув с такой силой, что я упал бы на задницу, если бы не был так решительно настроен не опозориться перед Диадерой.

— Ну? — спросила она. — Неудержимое стремление к разнузданности еще не овладело тобой?

Я сделал еще глоток, прежде чем сказать:

— Прекрасно. Я понял. Я идиот.

Она взяла у меня фляжку, наклонилась и прошептала мне на ухо:

— Нет, ты просто очень грустный мальчик, которому очень нужно научиться веселиться.

— Может, ты забыла, но мой друг мертв, и военный отряд, возглавляемый моим отцом, идет, чтобы убить всех этих людей! Может, сейчас не самое лучшее время для…

— Сейчас как раз самое время для такого, — сказала она, не уступая ни на дюйм, и кивнула в сторону остальных. — Думаешь, они ведут себя ребячески и безответственно? Еще до того, как мы вернулись в аббатство, все мы были уверены, что умрем от рук этого сумасшедшего Тасдиема. Нет. Хуже того. Ты хоть представляешь, что он сделал бы с нами, если бы ты его не

одурачил?

Вообще-то я понятия не имел, что намеревался сделать Тасдием, но мог себе представить: его намерения были не из приятных.

Диадера постучала пальцем по своим теневым веснушкам на щеках.

— Как нам жить с этой болезнью, Келлен, сражаясь каждый день, чтобы удержать наши души, когда даже аббат заставляет нас идти и рисковать жизнью, защищая тех невинных, честных людей, которые хотят видеть нас мертвыми?

— Я не имел в виду…

Я оторвал ее пальцы от своей руки. Они болезненно впились в мышцы.

— Слушай, прости, хорошо? Я просто не привык ко всему этому.

За костром черные ленты Турнама удерживали Гхиллу высоко в воздухе, пока она угощала остальных какой-то историей о призраке. Наконец, он поставил ее на землю, и Гхилла игриво ударила его по руке, прежде чем убежать к младшим. Женщина в монашеском одеянии подошла, обняла Турнама и прижалась губами к его губам.

— Это всего лишь поцелуи, Келлен, — прошептала мне на ухо Диадера. — Неужели они тебя так беспокоят?

Я забрал у нее фляжку и снова выпил, в основном потому, что не знал, что сказать. В конце концов я выдал:

— Честно говоря, мне плевать.

— Лгун.

Она положила руки мне на грудь. Каждый мой нерв воспламенился, молча умоляя не отводить их.

— Я чувствую напряжение твоих мускулов, — сказала она. — Наблюдать, как другие веселятся, видеть, как люди позволяют себе расслабиться — это действительно тебя беспокоит, не так ли?

Казалась, ей искренне интересно.

Фериус Перфекс, одна из лучших лгуний, которых я когда-либо встречал (в основном потому, что она умела врать, даже не говоря неправды), научила меня «освященному временем искусству болтовни». Поэтому я не то чтобы не мог придумать, как уйти от ответа. Но она также предупредила, что, хотя иногда необходимо обманывать других, аргоси никогда, никогда не обманывают самих себя.

— Мы разберемся с этим, Келлен, — сказала Диадера, ошибочно приняв мои колебания за беспокойство о Мосте Заклинаний. Она наклонилась ко мне: — Ты, я, остальные… Мы

найдем способ не пропустить отряд.

— Какая от меня будет польза? Я не инспиритор, как ты, и не алакратист, как Сутарей. Все способности, какими я мог обладать, бабушка заперла внутри меня, когда обручила меня с Тенью.

— И что? — Она повернула меня лицом к себе. — Разве ты не изгой?

— Какое это имеет отношение к делу?

— Я часто слышала, что изгои хорошо умеют взламывать замки.

Диадера протянула руку и обвела пальцем черные линии вокруг моего левого глаза.

— Ты просто должен выяснить, как повернуть диски. А пока…

Ее рука скользнула вниз по моей щеке, плечу, руке. Ее пальцы переплелись с моими.

— Поцелуи — неплохой способ скоротать время.

Несколько темных веснушек поднялись с ее лица и затанцевали в воздухе между нами.

— Говорят, физическое влечение тех, кто настроен на одну и ту же эфирную грань, может быть удивительно сильным.

Отсвет костра сверкнул на ее губах. Я почуял запах ее дыхания — намек на вино и гвоздику после выпивки. Ее щеки без веснушек были бледными, а зеленые глаза казались ярче, чем обычно.

Выпивка проложила себе путь из моего живота к голове и готовилась взять надо мной верх.

«Примерно через три секунды ты поцелуешь Диадеру, — проинформировал мой мозг. — И тогда ты потеряешься во всем до единого, что она предлагает, ведь — правильно это или неправильно — сколько бы оно ни продлилось, это будет намного лучше, чем одиночество».

Ее лицо было рядом с моим, кончики наших носов соприкасались, когда наши губы медленно, но верно начали сокращать разделяющее их пространство. Она не торопила события, но ждала меня. Все, что мне нужно было сделать, — наклониться еще на долю дюйма, и вся боль исчезнет.

Внезапно я воспарил на фут над землей, только это не метафора, описывающая, как я в конце концов поцеловал Диадеру. Сильные руки поднимали меня вверх. Раздражающе знакомые руки.

— С тобой все в порядке, Келлен? — спросил Бателиос, все еще удерживая меня над землей. — Я видел, как ты падал, и почувствовал, что должен прийти на помощь.

— Бателиос, ты осел! — сердито сказала Диадера. — Опусти его!

— Мальчик измучен, — ответил он, перевернув меня так, что теперь он нес меня на руках, как ребенка. Он не обращал внимания на летающих вокруг нас светлячков Черной Тени, явно не беспокоясь ни за свою безопасность, ни за мою гордость. — Кроме того, он пьян. Ты можешь развратить его завтра, если он того захочет, когда протрезвеет.

С этими словами он повернулся и понес меня обратно через крытые галереи к башням аббатства. Я совершенно не был уверен в том, стоит ли избить его или поблагодарить.

Глава 45
ЦЕНА СНА

Когда тебя тащит на руках парень всего на год или на два старше, это одно из самых унизительных событий, с какими может столкнуться молодой человек. Поэтому о степени моей усталости многое говорит первое слово, сорвавшееся с моих уст, когда Бателиос нес меня через галереи:

— Уютненько.

Здоровяк ухмыльнулся мне.

— Ну, я не собираюсь нянькаться с тобой всю ночь, так что наслаждайся, пока можешь.

Я тупо посмотрел вперед, на одну из башен в дальнем конце аббатства.

— Куда ты меня несешь?

— В мою постель.

— Ммм…

— М…

— Послушай. — Я старался говорить серьезно, но слова выходили ужасно невнятно. Думаю, к тому времени я был порядком пьян. — Я не уверен, упоминал ли об этом раньше, но я не… Я не сплю с парнями.

Он внимательно посмотрел на меня и спросил:

— А ты когда-нибудь пробовал?

— Нет! Я имею в виду… Нет, просто я предпочитаю девушек.

— А. — Еще один задумчивый взгляд. — Сколько их было?

— Что?

— Со сколькими девушками ты спал?

— Ну, пока ни с одной, но…

Он остановился под аркой в конце крытой галереи.

— Тогда откуда ты знаешь?

— Знаю что?

— Что предпочитаешь девушек? Если ты не попробовал ни с одной, откуда ты знаешь? Может, тебе больше нравятся парни.

— Я…

Мой мозг — и раньше никогда не соображавший быстро, если речь шла о таких вопросах, — находился в крайне невыгодном положении из-за недостатка сна и алкоголя. Логика Бателиоса казалась неопровержимой.

— Слушай, — сказал я наконец, — если ты не против, пожалуй, я доверюсь своим инстинктам и попробую сначала с девушкой.

И, как идиот, добавил:

— Если можно.

Он прикусил нижнюю губу, все еще стоя на месте и держа меня на руках.

— Но…

Не зная, что делать, я неловко похлопал его по руке.

— Извини, Бателиос.

Он кивнул, но ничего не сказал. Его губа слегка задрожала. Я почувствовал, что и руки его дрожат. Честно говоря, я думал, что он вот-вот заплачет, когда он внезапно широко раскрыл рот, запрокинул голову и разразился самым громким, самый низким, самый грохочущим смехом, который я когда-либо слышал.

Достаточно громким, чтобы мой мозг снова заработал.

— Ты выносишь мне мозги, да?

Он перестал смеяться ровно настолько, чтобы сказать:

— Выношу? Нет, Келлен, это не вынос мозга. Ты уверен, что не хочешь, чтобы я…

Но он даже не смог отпустить ключ, потому что к тому времени уже дважды согнулся пополам от смеха, и мне пришлось опустить ноги, пока он меня не уронил.

К тому времени, когда он собой овладел, по его щекам текли слезы.

— Ах, Келлен Аргос. Я решил, что мы с тобой будем хорошими друзьями.

Он хлопнул меня по плечу, а затем схватил за него, чтобы я не споткнулся от силы его удара.

— Да, я думаю, теперь мы настоящие друзья.

За этим последовала короткая минута тишины, когда я мог просто слушать голоса остальных возле костра. Я удивлялся, что Диадера решила все же праздновать, учитывая, что я внезапно смылся.

— У тебя смешное представление о дружбе, Бателиос.

Он заметил мой обращенный назад взгляд.

— Ты имеешь в виду Диадеру? Полагаю, ты вскоре поблагодаришь меня за вмешательство.

Маленькая часть моего разума, чья работа — не дать мне умереть, даже когда я устал, вспыхнула и проснулась.

— Почему ты так говоришь? Она желает мне зла?

— Нет, Келлен. Ты нравишься Диадере — очень нравишься, судя по тому, что я вижу, хотя я не большой эксперт в подобных делах.

Он мягко подтолкнул меня и продолжал путь к башне.

— Тогда почему было так важно помешать нам сделать то… что было у нее на уме?

Сначала Бателиос не ответил, и мы молча подошли ко входу в одну из башен. Он прижал ладонь к двери и распахнул ее. Мы поднялись по лестнице на второй этаж, прежде чем он остановился и сказал:

— Диадера знает, как тебе грустно, Келлен. Она видит, как грусть наполняет тебя изнутри, топит в тоске. Она просто хочет, чтобы вместо этого ты радовался.

Его уклончивые объяснения начали меня раздражать:

— Что плохого в небольшой радости?

Он открыл дверь в скромную комнату с простой кроватью и небольшим письменным столом.

— Это моя комната, — сказал он. — Ты будешь спать, а я покараулю снаружи. Я буду рыдать о тебе теневыми слезами, о том, что ты потерял, и, клянусь, мои слезы не позволят войти никому, кто желает тебе зла.

— Кто-то сбирается на меня напасть?

«Не то чтобы я не дал людям для этого множество оснований».

— Никто в аббатстве не желает тебе зла, а даже если бы желал, это не имеет значения. Я буду тебя охранять.

— Тогда почему…

— Диадера ошибается, Келлен. С помощью своих слез я видел в Тенях, что связывало тебя с твоим другом. Я знаю, что значил для тебя Рейчис. Сейчас ты не хочешь быть счастливым. Ты хочешь чувствовать себя в безопасности.

«Безопасность».

Для моих ушей слово звучало чуждо, как название места, которое мне описывали другие, но я сам его никогда не видел. Когда в последний раз я чувствовал себя в безопасности?

Я долго стоял, наблюдая за Бателиосом, ища на его лице намек на обман. Он вынес то, что я его разглядывал, не дрогнув и не уклонившись.

Спустя некоторое время я прошел мимо него в комнату; каждый шаг был медленным и нетвердым, как будто мое тело, наконец, смирилось с тем, что ему настолько нужен сон, что просто падение на пол было бы долгожданным избавлением.

Я рухнул на кровать и услышал, как дверь за мной захлопнулась. Но, прежде чем она закрылась и я утонул во сне, мне удалось сказать:

— Спасибо, друг мой.

Глава 46
ПОСЕТИТЕЛЬ

Я спал как убитый. Ни снов, ни кошмаров, ни странных встреч с сестрой. Спустя почти два года жизни изгоя, в течение которых я никогда — ни разу — не чувствовал себя в безопасности достаточно, чтобы не просто дремать урывками, в промежутках вскидываясь от резкого всплеска ужаса при каждом неожиданном звуке или непрошеной мысли, я по-настоящему, глубоко, спал.

Примерно два часа.

Что-то мягкое коснулось моих губ. Даже во сне я представил себе несколько вариантов. Самым приятным был тот, что Диадера проскользнула сюда, чтобы отправиться дальше по дороге, на которую мы с ней едва ступили этой ночью. В конце концов, Бателиос сказал, что его слезы защитят меня от всех, кто желает мне зла. Он не уточнил, что произойдет, если кто-то захочет переспать со мной. Если только он не решил сам… Нет. Хотя я знал его всего пару дней, в нем было нечто, заставлявшее ему доверять.

«Черт, даже изгои должны время от времени верить в людей».

Шелковистое ощущение на моих губах не исчезло, нежно дразня, возвращая в сознание. Не чьи-то губы, больше похоже на гладкую ткань. Не кляп и не ряса, но некая гладкая пелена опускалась на нижнюю часть моего лица. Я потянулся, чтобы смахнуть ее. Мои пальцы коснулись ткани, и внезапно она затвердела, как железо. Как будто расплавленную руду вылили мне на лицо и мгновенно остудили, сделав твердой. Непробиваемой.

Я в панике заметался, отчаянно срывая железную маску, но не в состоянии как следует за нее ухватиться. Предплечье прижалось к моей груди чуть ниже шеи. Сильное, но не тяжелое и не толстое. Скорее всего женское. Догадываясь, где должно находиться лицо той, что на меня напала, я потянулся, чтобы разорвать его. Мои пальцы встретились с поверхностью слишком жесткой и гладкой, чтобы быть кожей. Значит, маска. Моя рука скользнула ниже, нацелившись на шею, но вокруг моего запястья сомкнулись челюсти. Челюсти с большими зубами. Я попытался отодвинуться, но тварь не отпускала. Она не дробила мои кости, но прикусила достаточно сильно, чтобы ясно дать понять: если я продолжу сопротивляться, такое вполне возможно.

— Расслабься, Келлен, — прошептал кто-то. — Ты в полной

безопасности.

Безопасность? Это слово до сих пор абсолютно не выполняло того, что обещало.

Мерцание небольшого пламени разогнало тьму. Пламя исходило от того, что выглядело как фитиль, прилипший к концу указательного пальца моего противника. Она приблизила огонь к своему лицу, и я увидел алую лакированную маску, блестевшую в тусклом свете. Ее черты искажались и ужасали. Толстые надбровные дуги опустились, губы, сложенные в кошмарной ухмылке, медленно искривились, и улыбка стала шире и еще ужаснее. Люди, которые велят тебе расслабиться, не должны приходить в похоронных масках медеков.

— Это всего лишь я, глупый, — сказала женщина.

Обычно «глупым» меня называла сестра, Шелла, но она никогда не сказала бы «всего лишь я», говоря о себе.

Существо, держащее в зубах мое запястье, издало слабый лающий смех, и в тусклом свете я разглядел невероятно уродливую собаку, которая виляла мне коротким, нескладным хвостом.

— Айшек? — попытался сказать я.

Металлический аппарат над моим ртом превратил это имя в бессвязное бормотание. Что не помешало мне снова посмотреть на маску медека и спросить:

— Нифения? — едва различимым искаженным голосом.

— Теперь я собираюсь снять железную маску, — сказала она. — Ощущения могут быть странными, так что не двигайся, и пожалуйста, не вопи.

Ей совершенно не удалось меня успокоить. Палец с пылающим фитилем приблизился, хотя я не почувствовал никакого тепла, даже когда она очертила им мои губы. Самое странное — я чувствовал ее прикосновение и сквозь твердый кляп. В следующий миг на моем лице лежал почти невесомый отрез шелка. Всегда ли он был таким и какое-то заклинание обмануло меня, заставив подумать, что он жесткий?

Айшек выпустил мое запястье, и я снял ткань, а потом сел на маленькой кровати. Нифения скользнула пальцем по своей маске, и она упала ей на ладонь, как простой красный шарф.

— Панакси научил меня заклинанию железной ткани там, в Гитабрии, — пояснила она, засовывая шарф в карман кожаной сумки, которая висела у нее на плече. — Думаю, так он попросил прощения за то, что применил ко мне усыпляющее заклинание.

Ее тон заставил меня усомниться, что щедрый жест сработал.

— Нифения, как, во имя неба, ты?..

Вопрос замер у меня на губах, сделавшись неуместным,

поскольку я понял, как сильно скучал по ней все эти месяцы. Несмотря на то что я едва не терял сознание и здравый смысл, но все же вскочил на ноги. Это оказалось ошибкой: равновесие меня подвело, и я стал падать на нее. Только когда Нифения меня поймала, я осознал, что в некий момент двухчасового мирного сна мне стало слишком жарко, и я сбросил рубашку и брюки.

— Ты действительно не стесняешься своего тела, не так ли? — спросила она со смешком, которому Айшек вторил лающим смехом.

К сожалению, я не в первый раз предстал перед ней обнаженным. Я пошарил в поисках своей одежды и — благословение небу — нашел ее прямо здесь, на полу. Несмотря на свое смущение, я обнял Нифению в ту же секунду, как оделся, сжав крепче, чем того требовали обстоятельства, но гораздо слабее, чем мне хотелось. Она обняла меня в ответ.

— Я беспокоилась о тебе, — вот и все, что она сказала.

На ум мне пришла дюжина умных реплик, и я почувствовал, что каждый остроумный ответ подходит к случаю. Моя попытка быть очаровательным провалилась, когда я не смог выдать ни одного из них. Вместо этого меня потрясло такое рыдание, что заболели ребра.

— Рейчис погиб, — заплакал я. — Он умер в одиночестве в пустыне. Он пытался защитить меня.

Нифения начала отодвигаться, но я ее удержал. На несколько секунд она сдалась, а потом мягко меня оттолкнула. Я качнулся на онемевших ногах и упал обратно на кровать. На одно крошечное мгновение я почувствовал радость неожиданного воссоединения, такую сильную, что все очевидные вопросы казались неуместными. Но это сиюминутное счастье послужило лишь тому, чтобы я выпустил на свободу сдерживаемое горе и теперь не мог его унять.

— Что ты здесь делаешь, Ниф? — спросил я.

Голос мой был ровным и безжизненным.

Она сняла сумку с плеча и положила ее на кровать рядом со мной. Я тупо наблюдал, как она расстегивает ремешок клапана и растягивает шнурки. Маленький фитиль, прикрепленный к кончику указательного пальца, продолжал светить, но недостаточно, чтобы я увидел, что внутри сумки.

— Мы с Айшеком подумали, что тебе это нужно, — тихо сказала она.

Я сунул руку внутрь, гадая, какую из вещей я забыл, когда оставил Нифению и Фериус близ Гитабрии столько месяцев тому назад. Но мои пальцы наткнулись на нечто неожиданное: мягкое теплое тело, которое лежало, свернувшись, внутри. Моя рука

провела по влажному меху. Низкий рокочущий храп завибрировал в кончиках моих пальцев. Я продолжал шарить до тех пор, пока не нащупал маленькую голову, а потом и пушистую морду. В мою кожу без предупреждения вонзились острые зубы.

Я узнал этот укус.

— Рейчис?

Глава 47
ОБЕЩАНИЕ

Никогда в жизни мне так отчаянно не хотелось поверить в то, что не могло быть правдой.

— Как? — спросил я. Я практически кричал. — Как такое возможно?

— Шшш! — зашипела Нифения. — Я бы предпочла не попадать в плен в гнезде Черных Теней.

Она откинула непокорные темные волосы, чтобы показать серебряный колокольчик, прицепленный к ее уху.

— Я принесла с собой амулет-глушилку, но он не слишком эффективен.

«Гнездо Черных Теней». Было странно видеть в Нифении рефлекторные предубеждения джен-теп. Конечно, я разделял такие чувства, пока не оказался одним из них.

— Как ты прошла мимо Бателиоса?

Она вынула из кармана пальто круглое стекло, около трех дюймов в диаметре. Когда Нифения подняла его передо мной, я внезапно обнаружил, что смотрю на пустую комнату.

— Амулет-зеркало, — объяснила она. — Магия песка и шелка. Оно не делает меня невидимой, но обманывает жертву, заставляя видеть все вокруг таким, каким оно было до того, как я сюда попала.

Она сунула стекло обратно в карман.

— Все бы прекрасно сработало, если бы не эти странные черные слезы.

Она задрожала.

— Самое отвратительное магическое средство защиты, какое я когда-либо видела.

— Что ты сделала с Бателиосом? — спросил я.

Нифения ненавидела усыпляющие заклинания, поэтому оставалось что-то более жестокое и, возможно, постоянное.

— Ничего. Когда его слезы коснулись нас, он решил, что мы не опасны. Он все еще дежурит снаружи.

Выражение ее лица слегка изменилось.

— Я сомневалась, можно ли доверять ему, но…

Айшек прервал ее коротким лаем, и она погладила гиену по голове.

— Да, дорогой. Ты отлично разбираешься в людях.

У меня была тысяча вопросов, но я не задал ни одного. Все мое существо сосредоточилось на двух простых задачах: во-

первых, убедиться, что это не сон, а во-вторых, доказать себе — то, что должно быть невозможным, на самом деле реально. Как можно незаметнее я ущипнул себя за руку… Достаточно сильно, чтобы вздрогнуть.

«Ладно, назовем это пройденной проверкой».

Как только животное в сумке укусило меня, оно снова заснуло. Ощущение было таким знакомым… И все же гораздо более логичным объяснением было то, что это не Рейчис. Может, Нифения перепутала и нашла в пустыне какого-то другого белкокота. Может, она была вовсе не Нифенией, и это шутка. Я гарантировал, что ответственные за шутку умоются кровью.

Медленно, неуверенно, я снова сунул руку в сумку.

Нифения положила руку мне на плечо, чтобы меня остановить. У нее было всего три пальца, но крепкая хватка.

— Не надо его будить, — предупредила она, но, взглянув на мое лицо, смягчилась: — Просто будь осторожен. Он все еще очень слаб.

Словно держа руками мыльный пузырь, я вытащил белкокота из сумки и посадил себе на колени.

«Он ощущается слишком маленьким. Слишком легким».

— Почему у него такой мокрый мех?

— У него лихорадка, — объяснила Нифения. — И он потерял много крови. Мы сбивали ему температуру ослабляющей травой, давали столько воды, сколько он мог выпить, но он был так тяжело болен, когда мы нашли его, Келлен. Одного обезвоживания хватило бы, чтобы его убить.

— Но как он может быть здесь? Живой?

Я не мог оторвать глаз от странного существа, дремлющего у меня на коленях. Оно едва ли походило на белкокота, тем более такого крутого и полного жизни, как Рейчис. Моя отчаянная потребность выяснить правду заставила меня глупо залепетать:

— Я нашел его кости. Я привез их сюда, в аббатство, но, когда появился тот луч света, мне пришлось схватить Сутарей, и моя рубашка упала со скалы, и я не мог…

— Келлен? — спросила Нифения, глядя на меня так, будто я сошел с ума. — О чем, во имя неба, ты говоришь?

«Сосредоточься, — приказал я себе. — Сконцентрируйся. Ты не сможешь понять, что происходит, пока сам не начнешь говорить разумно».

— В пустыне… В Золотом Проходе. Я был там всего несколько часов назад.

— Я знаю. Я тебя видела.

— Ты там была? Но…

Она приподняла бровь.

— Келлен, как, по-твоему, мы сюда попали?

«Ладно… Ладно… Она была там, в пустыне, используя некий амулет, чтобы мы ее не увидели. Затем, когда Азир прошел через Тени, она, должно быть, последовала за нами».

— Азир сказал, что тропа слишком тяжела. Турнам и остальные подумали, что он просто…

— Знаю, Келлен. Я только что сказала, что мы с Айшеком там были, помнишь?

Гиена подтверждающе гавкнула.

Нифения улыбнулась и почесала ее за ухом.

— Да, дорогой, ты был очень умным.

Она снова сосредоточилась на мне.

— Теперь… Мы не могли услышать то, что вы все говорили в Золотом Проходе. Амулет покрова, который я там использовала, блокирует звук в обоих направлениях. Так скажи, пожалуйста, зачем ты откопал кости дикой кошки?

— Дикой кошки?

— Талисмана чародейки. Я думала, ты готовишься применить какое-то отслеживающее заклинание, но ведь ты никогда не зажигал свою железную татуировку, поэтому я не могла понять, почему… О…

Она подсела поближе, стараясь не задеть пушистый комок у меня на коленях, и обняла меня.

— О, Келлен, мне так жаль. Ты, наверное, подумал, что это кости Рейчиса.

Айшек издал негромкое тявканье, на которое Нифения ответила суровым взглядом.

— Он не болван. Он был просто сам не свой от беспокойства и…

Она сделала паузу.

— Помоги мне выбраться отсюда, Келлен. Как, во имя наших предков, ты мог перепутать скелет дикой кошки со скелетом своего талисмана? Ты не заметил, что у них совершенно разные хвостовые кости?..

— Разные?

Ладно, это было несправедливо.

Я посмотрел вниз на явно не мертвого белкокота, свернувшегося калачиком у меня на коленях.

— Тени Сутарей показали мне, что случилось. Я видел, как Рейчис отползает от чародейки. Он упал прямо там, где мы нашли кости.

Айшек наклонил голову набок и с любопытством посмотрел на меня. Он несколько раз коротко тявкнул. Конечно, я не мог понять его лая, но чувствовал: это должно означать, что я идиот.

— Рейчис пошел, чтобы съесть останки дикой кошки, — объяснила Нифения. — Айшек считает, что он, должно быть, закончил есть глаза мертвой чародейки и счел ее уши слишком жесткими.

Тут с моих губ сорвался смешок, а вместе с ним — и небольшая часть горя, которым я был поглощен. Я посмотрел вниз, на Рейчиса, который все еще усердно храпел и выделял довольно неприятный запах пота на мои брюки. Я поднял его на руки и прижал к груди. Прислонив голову к его мокрому меху, я прошептал:

— Скажи мне, что это действительно ты, партнер. Скажи, что ты жив, чтобы мы с тобой могли натравить всех демонов ада на любого, кто осмелится перечить храброму, героическому белкокоту и его верному — хотя и несколько глупому — корешу-человеку.

Из теплого меха донеслось сонное посвистывание. Я отодвинул голову и увидел пару черных бусинок-глаз, моргающих на меня. Он засвистел снова.

— Что-что? — переспросил я.

И снова Рейчис издал какой-то звук, и снова я не смог разобрать, что он говорит. Звуки, вырывающиеся из его пасти, не складывались у меня в голове в слова. Это было все равно что слышать лай Айшека или щебетание птиц за окном.

— Рейчис?

Нифения положила руку мне на плечо.

— Почему я его не слышу?

— Он… Рейчис умер, Келлен.

— Это бессмыслица. Он же здесь! Ты…

— Остановись, — сказала она, прижимая три пальца к моему плечу. — Просто остановись и послушай, хорошо? Я знаю, что тебе нужны ответы, и обещаю — ты их получишь, но у нас мало времени.

— Времени для чего?

Я все еще смотрел на пушистый клубок у меня на руках, который снова заснул.

Нифения заставила меня посадить Рейчиса обратно на колени, а потом взяла мои руки в свои.

— Шелла заставила меня поклясться, что я вытащу тебя отсюда, Келлен. Таков был уговор. Она поддержала в Рейчисе жизнь достаточно долго, чтобы я его нашла, а взамен я должна пойти и забрать тебя из этого места.

— Ты лжешь, — сказал я. Одно упоминание о сестре разожгло в моей душе пылающую ярость. — Шелла обманом вынудила меня послать ей способ найти аббатство, чтобы она могла помочь

отцу уничтожить его. Она меня предала.

Нифения посмотрела на меня взглядом в равной степени сочувственным и упрекающим.

— Келлен, это же Шелла. А чего ты ожидал? Она манипулировала всеми вокруг с тех пор, как научилась говорить полными предложениями. — Она вздохнула: — Но она действительно любит тебя. Это неоспоримо.

Мне нужно было найти опору, чтобы избавиться ровно от такой доли противоборствующих эмоций у меня в душе, чтобы снова ясно мыслить.

«Дыши в пустоте, — велел я себе так, как Фериус говорила раньше сотню раз. — Ты не сможешь услышать, как твой разум говорит тебе, что правда, а что нет, если твое эго продолжает его перекрикивать».

Несколько вздохов спустя я сказал:

— Расскажи мне, что именно произошло.

— Это случилось около недели назад, — начала она. — Мы с Фериус покупали припасы у дароменской границы. Я выбирала буханки хлеба, как вдруг совершенно внезапно на корке одной из них появилось лицо твоей сестры.

Нифению передернуло.

— Возможно, я больше никогда не буду есть хлеб. Во всяком случае, Шелла сказала, что ты дотянулся до нее через Тени и что твой глупый некхек в беде. Она поддерживала его жизнь с помощью магии крови, но заклинание отнимало у нее слишком много сил. Она не могла долго так продержаться.

— Как такое вообще возможно? Не далее как два дня назад Шелла заявила мне, что ей нужно нечто связанное с Рейчисом, чтобы исцелить его на расстоянии.

Нифения пожала плечами.

— Мне она сказала что-то о клочке его шерсти, который нашла в доме вашей семьи.

— Но мы с Рейчисом не были там почти два года. Где бы она…

Конечно. Шелла не обнаружила внезапно клочок шерсти Рейчиса — как раз вовремя, чтобы его спасти. Она нашла шерсть давным-давно, когда белкокот впервые избавил меня от контрмагии, которую использовал на мне отец, и сохранила мех на тот случай, если он когда-нибудь пригодится. Ей не требовался осколок Тени, который я послал ради Рейчиса. Та часть была уловкой.

«Дыши. Просто дыши медленно и спокойно».

— Продолжай, — сказал я наконец.

— Это почти все. С того момента, как ты впервые связался с

ней через Тени, Шелла заставила меня мчаться на каждой лошади, какую мы с Айшеком могли купить, одолжить или украсть, чтобы добраться до Золотого Прохода, пока не стало слишком поздно.

— А что насчет Фериус? — спросил я. — Она?..

Я понял, что отчасти ожидал, что она появится вслед за Нифенией, пинком распахнет дверь и предложит свою обычную приграничную философию и чепуху аргоси. Но дверь оставалась закрытой, и никаких подобных заявлений не поступило.

Нифения опустила глаза.

— Фериус… Она хотела прийти, Келлен. Ужасно хотела. Но не смогла. Требования Шеллы были специфическими, а аргоси не позволяют, чтобы их…

Она, казалось, изо всех сил пыталась найти подходящий способ закончить фразу.

— Слово, которое ты ищешь — шантажировать.

Нифения сжала кулаки, из-за пары отсутствующих пальцев на каждой руке выглядевшие еще страшнее.

— Шелла заставила меня поклясться, что я не буду вмешиваться в дела военного отряда. Я поклялась сделать все возможное, чтобы вытащить тебя отсюда живым, Келлен. Вот и все. В обмен…

Она кивнула на Рейчиса, и часть гнева покинула ее.

— Она спасла ему жизнь, Келлен. Заклинания, которые она использовала, дались ей с трудом, но она поддерживала в нем жизнь столько, сколько могла.

Я вспомнил ту ночь — неужели это было всего день назад? — когда Шелла затянула меня в свой сон. Кровь, капающая с ее рук…

«Она рисковала собой, чтобы помочь Рейчису, чтобы дать Нифении время его найти».

Я ненавидел свою сестру. Я любил свою сестру. Я понятия не имел, что чувствовать к своей сестре.

— Почему он не говорит? — спросил я.

— Он уже так далеко ушел, когда я добралась до него, Келлен. Думаю, его сердце не раз останавливалось. Заклинания Шеллы возвращали его, но что-то… связь между вами… думаю, она исчезла. Айшек еще может немного понимать его, но он говорит, что Рейчис теперь другой. Более тихий.

Очень осторожно я снова поднял белкокота. Держа Рейчиса у груди, я прислонил голову к его меху, чтобы слышать биение его сердца.

— Мне плевать, что он больше не может со мной говорить, — сказал я, полный решимости сделать так, чтобы эти слова стали

правдой. — Рейчис жив. Ты спасла его, только это и важно.

Нифения некоторое время наблюдала, как я его держу, затем дотянулась до моего лица, очень нежно вытирая большим пальцем слезу с моей щеки.

— Иногда трудно не любить тебя, ты это знаешь?

В тот момент я мог бы чувствовать, что все в полном порядке. Вот бы всегда сидеть на маленькой кровати с Рейчисом на руках, и чтобы Нифения говорила, что меня трудно не любить — проклятье, даже если бы Айшек корчил мне смешные гиеньи рожицы — я бы не возражал против того, как сложилась моя жизнь.

Да только жизнь такой не бывает.

— Ниф… — начал я.

— Не надо, — сказала она, убирая руку.

— Ты даже не знаешь, что я собираюсь сказать.

Она забрала у меня Рейчиса и положила на небольшой сверток одеял внутри основного отделения сумки. Теперь, когда он наполовину пришел в себя, я ожидал, что он укусит и поцарапает любого, кто попытается засунуть его в сумку. Но он просто сонно засопел и зарылся поглубже в одеяла. Нифения закрыла сумку и аккуратно повесила на плечо.

— Я забираю отсюда тебя и белкокота, как и обещала.

Она жестом попросила гиену спрыгнуть с кровати.

— Айшек отыскал деревню в пяти милях отсюда. Мы спрячемся там, пока не сумеем раздобыть места на корабле. Что бы ни происходило между джен-теп и Черными Тенями, им придется играть в свои игры без нас.

— В аббатстве дети, Ниф.

— Тогда скажи их семьям, чтобы забирали их и уходили. Семьдесят семь магов собираются уничтожить это место, Келлен, и никто, ни ты, ни я, ни кто-либо другой не сможет их остановить. Как только твой отец одержит свою великую победу, ему будет плевать на группу детей и их семей, прячущихся в горах.

— Они не уйдут. Аббат не сдастся, а его люди не бросят его.

Нифения вынула из сумки шарф и швырнула его на лицо. Он принял форму ее черепа, вновь затвердев в грозных чертах багровой погребальной маски медека.

— Тогда они умрут рядом с ним. — Я увидел, как ее рука скользнула в карман пальто. — Но я не позволю тебе умереть здесь вместе с ними.

— Подожди! Стой!

Нифения заколебалась, но я знал, что секунды через две она решит, что единственный способ меня спасти — вырубить и

вытащить из аббатства. Для девушки, которая привыкла быть такой застенчивой и скромной, она превратилась в по-настоящему крутую. Что еще важнее, зная Нифению, она, вероятно, потратила каждую свободную минуту, выстраивая в боевой порядок амулеты, чтобы вытащить нас отсюда, хочу я того или нет.

— Я пойду с тобой, — сказал я, подняв руки в традиционном жесте подчинения джен-теп, чтобы показать, что не готовлю никаких магических жестов для заклинаний. — Мы покинем аббатство.

Даже сквозь красный лак маски можно было распознать, что она не доверяет мне.

— Ты отправишься со мной в деревню?

Я покивал.

— Ты сказала, что поклялась вытащить меня из аббатства. Прекрасно. Давай уйдем отсюда как можно дальше.

Я улыбнулся своей самой обнадеживающей улыбкой — а в моей голове складывался воистину ужасный план.

— Пошли домой.

Глава 48
ДОЛГАЯ ДОРОГА

— Не могу поверить, что помешал аббату тебя прикончить, — глядя на меня, сказал Турнам.

Наша восьмерка изо всех сил старалась не соскользнуть с неровной поверхности ониксовой дороги Азира.

— У тебя есть план получше?

— План? — саркастически переспросила Гхилла. — Ты называешь это планом, мальчик? Мы топаем прямо в крокодиловы воды.

— Они будут нас пытать? — спросил Азир, шаркающими шагами идя в пустое пространство впереди. Тени отлетали от нижней части его ног и формировали стекловидные фрагменты дороги лишь на мгновение быстрее, чем он шел. Он устал и был напуган, и никто в его возрасте не должен был сталкиваться с такими испытаниями. — Я имею в виду, если нас схватят. Будут ли нас пытать, прежде чем убьют?

— Никого не поймают и никого не будут пытать, — ответил я.

— Келлен прав, — сказала Сутарей с закрытыми глазами, идя рядом с Азиром. Крылья бабочки ее эбеновых меток трепетали, когда бабочка летела перед нами, отслеживая волшебный мост джен-теп через Тени, чтобы Азир мог следовать тем же путем. — Наш народ не пачкает свои руки и свое достоинство унизительными наказаниями, которым отдают предпочтение меньшие народы.

— Видите? — сказал я. — Нечего…

— Нет, вместо этого они наколдуют магию шелка, чтобы разрушить наш разум, превратив нас в слюнявые развалины, чтобы мы собственными сломанными пальцами срывали плоть со своих черепов и процарапывали кость в тщетной попытке извлечь заклинания, сводящие нас с ума.

— Милых друзей ты завел, — прошептала Нифения, поправляя лямку своей сумки.

У меня уходили все силы, чтобы не совать то и дело руку внутрь, проверяя, как там Рейчис, гладя его мех и умоляя предков восстановить связь между нами, чтобы белкокот мог сказать, насколько тупой у меня план, насколько уродливы остальные голокожие и в какие неприятности я без него влип.

— Д-далеко еще? — спросил Азир.

Он дрожал не от холода и даже не от страха, а от

непосильного напряжения, ведя нас через Тени. Все его тело казалось опустошенным благодаря усилиям, с которыми он поддерживал дорогу. Каковы бы ни были пределы его возможностей, он оставил их позади еще до того, как я убедил его и других сопровождать меня в этом сомнительном предприятии.

— Ты справишься, — сказал Турнам, положив руку мальчику на плечо. — Одна нога, потом другая.

Азир стряхнул его руку:

— Я в порядке.

Гхилла оглянулась на меня, как время от времени делала с тех пор, как мы покинули аббатство. Не потому, что хотела моих уверений. Нет, она просто встречалась со мной глазами, чтобы показать: в отличие от Азира она не боится и, когда все это окажется моим мошенничеством, хочет убить меня удушающим черным туманом, который выкашливает по желанию. В ответ я обязательно хлопал по мешочкам, висящим у меня по бокам. Теперь они снова были полны благодаря двум мешкам красного и черного порошков, которые принесла Нифения. Подарок от Фериус.

Гхилла была не единственной, кто выдавал свои мысли всякий раз, как бросал на меня беглый или сердитый взгляд. Моя наставница-аргоси заставляла меня проводить бесчисленные часы в каждой дешевой грязной дыре на континенте, изучая неумышленные откровения чужого взгляда («Люди говорят глазами, парень. Они не хотят этого делать, но делают. Просто нужно научиться слушать»)… Оказалось, что все это действительно срабатывает.

Сутарей хотела знать, вправду ли у меня есть способ обойти непреодолимую угрозу семидесяти семи военных магов. Азир задавался вопросом, закончится ли сегодня его молодая жизнь. Бателиос хотел убедиться: он не заплатит доверием своих друзей за то, что меня поддержал.

Взгляды, которые исподтишка бросал назад Турнам, похоже, в основном предназначались Нифении. Есть ли у нее парень? А если нет, заинтересуется ли она берабесским нарциссом с хорошо развитой мускулатурой, самодовольной улыбкой и настолько большим эго, что он не замечал, как она заставляет себя не вздрагивать каждый раз, когда видит отметины Черной Тени у него на руках. Думаю, как бы много вы ни путешествовали, вы не сможете поколебать предрассудки своего воспитания.

Но именно Диадера наблюдала за мной пристальнее других, и именно ее взгляды исподтишка мне труднее всего было истолковать. В них можно было столько всего увидеть. Она волновалась. Она сердилась. Она была сбита с толку. Но прежде

всего… она выглядела обиженной.

Хотя Диадера притворялась, будто наше сближение у костра было беззаботной забавой, мне все время вспоминалось, что она сказала, когда я впервые появился в аббатстве: «Я никогда не встречала никого, чьи Тени были бы так близки к моей собственной». Это значило для нее больше, чем она говорила? Было ли кокетливое поведение дароменской придворной, которое я продолжал принимать за мастерскую манипуляцию, на самом деле просто маскировкой… одиночества?

— Сосредоточься, — прошептала мне Нифения.

Она схватила меня за руку и на мгновение удержала, в то время как почти все остальные ушли вперед.

— Ты волен влюбиться в любую девушку, в какую захочешь, Келлен, но мы с Айшеком рисковали жизнью, чтобы тебя спасти. Если в результате мы погибнем, я буду считать тебя очень плохим другом.

— Я полностью сосредоточен, — сказал я.

«А еще я влюблен в тебя».

Это мысль пришла непрошеной и неожиданной. И я был к ней совершенно неготов.

Некоторое время назад я убедил себя, что мои чувства к Нифении были просто детской влюбленностью — такой, какую каждый питает к какой-нибудь девочке, с которой вместе рос и все-таки знал, что никогда не может к ней прикоснуться. Но считается, что фантазии впустую отвлекают мага. Для меткого мага они могут оказаться смертельными.

Я не был влюблен в девочку, по которой томился в классе, когда мы были детьми.

«Я влюблен в эту смелую, умную и слегка пугающую женщину без двух пальцев на каждой руке. Я ушел от нее несколько месяцев назад, но она рисковала всем, чтобы спасти сварливого белкокота от одинокой смерти в пустыне, потому что знала: если бы он умер, моя душа разбилась бы на половинки».

— Келлен? Что-то случилось? Ты странно на меня смотришь.

— Я в порядке. Просто работаю над деталями моего невероятно блестящего плана.

Айшек гавкнул. Нифения перевела это лишь приподнятой бровью, прежде чем уйти вперед. Я почувствовал руку на своем плече и услышал, как Бателиос тихо спросил:

— Все еще убежден, что предпочитаешь девушек? Мальчики куда менее сложные, мой друг.

Он прошел мимо, но на короткое мгновение я заметил, что он наблюдает за Диадерой с такой нежностью, какой я не ожидал. Прошлой ночью, не дав упасть с ней в постель, он защищал меня?

Или присматривал и за ней тоже?

«Тебе стоило усерднее стараться убедить аргоси, с которой ты встречался на севере, сделать тебя ее тейзаном, мой большой друг, потому что ты такой же раздражающе-загадочный, как и все аргоси».

— Стой! — выкрикнула Сутарей.

Я побежал вперед, чтобы догнать остальных, которые теперь собрались вокруг Азира. Его ониксовая дорога обрывалась перед ним испещренными трещинами концом.

— Что случилось? — спросил я.

Он покачал головой и стряхнул пот со лба.

— Порядок, — пробормотал он.

Турнам теперь держал мальчика за плечи, не давая упасть, чтобы тот мог и дальше прокладывать дорогу без необходимости поддерживать собственный вес.

Глаза Сутарей снова были закрыты, голова ее склонялась туда-сюда, пока ее черная бабочка порхала вдалеке.

— Теперь я вижу их лагерь. Как ты и предполагал, Келлен. Они собрались рядом с Оазисом на территориях джен-теп.

У нее перехватило дыхание.

— Я никогда раньше не видела столько мастеров-магов в одном месте.

— Чт-т-то… — Азиру пришлось остановиться, чтобы удержать равновесие, стоя на одной ноге; другую он занес, готовясь шагнуть в пустоту. — Куд-да я должен ид-дти?

Все посмотрели на меня.

— Не мог бы ты провести нас немного дальше? — спросил я. — Где-то на милю или около того от лагеря?

— Он явно измучен, — сказала Нифения. — Можем ли мы так рисковать?

Гхилла фыркнула:

— Ты ничего не знаешь о хождении в Тени, не так ли, девочка?

Нифения посмотрела на меня:

— Этот ребенок только что назвал меня девочкой?

— Сосредоточься, — ответил я.

— Я могу сд-делать эт-т… — Азир снова замолчал, медленно, со свистом, втягивая воздух. — Я могу сделать это. Еще одна миля — всего лишь шаг.

Чтобы это доказать, он поднял ногу и поставил ее чуть правее, топнув по пустоте. Внезапно с его подошвы поднялся густой туман, похожий на черный пар. Сразу же за туманом я разглядел лесистый склон. Азир прошел сквозь туман, и мы последовали за ним. Спустя мгновение он рухнул в высокую

траву.

— Все в порядке, — сказал Турнам, поднимая его на руки. — Он просто не привык делать подряд так много переходов.

— Где мы? — спросила Нифения. — Нам нужно сориентироваться, если мы не хотим, чтобы нас застали врасплох.

Сутарей прошептала что-то Гхилле, та на мгновение задумалась, потом кивнула. Черные крылья теневой бабочки Сутарей разделились, каждое закрыло один глаз Гхиллы. Та согнулась и громко кашлянула. Я подумал, что ее рвет, но из ее рта вытекла небольшая лужица Черной Тени. На земле у наших ног лужа обрела форму, превратившись в миниатюрное изображение горы между двумя долинами, с маленькими реками и лесами.

— Мы здесь, — сказала Сутарей, показав на место у подножия горы. — В южной части джен-теп, недалеко от берабесской границы. Рядом с моим домом.

Судя по ее тону, она этому не обрадовалась.

Когда мы отправлялись в путь, первые лучи утреннего солнца блестели на черных булыжниках аббатства. Мы шли через Тени не больше часа, но сейчас совсем стемнело, и яркая луна висела над головой. Когда-нибудь мне нужно будет выяснить, как работают все эти теневые путешествия. Если предположить, что я проживу достаточно долго.

— Что теперь, облачный мальчик? — спросил Турнам и одарил нас всех улыбкой. — Пора идти убивать магов?

— Только если ты хочешь умереть, — сказала Сутарей. — У них будет установлена защита. Мы не подберемся и на сто ярдов, когда в нас ударит молния или мы загоримся.

— Разбейте лагерь, насколько получится, — сказал я, пробираясь через кусты к тому, что казалось подходящей тропинкой, ведущей в гору. — Я вернусь через несколько часов.

— Куда ты? — спросила Диадера. — Ты же слышал, о чем предупредила Сутарей. Если ты подойдешь слишком близко, маги убьют тебя, не задумываясь!

— Нет, как она и сказала, меня схватят и с помощью заклинаний шелка разорвут в клочья мой разум в поисках любых тайн, какие я могу знать об аббатстве. Потом заставят меня некоторое время пытать себя на тот случай, если я смогу устоять перед частью заклинания, но в основном просто ради удовольствия. А потом уже меня убьют.

— Тогда зачем тебе…

Я пустился в долгий путь по склону горы, сказав лишь:

— Потому что среди них у меня есть шпион.

Глава 49
ОСВЕДОМИТЕЛЬ

Под моими ногами был в основном рыхлый сланец, что делало рискованным каждый шаг. Чувство надвигающейся гибели только усиливалось благодаря тому, что теперь я в любую секунду мог нарваться на мага-ищейку или мага цепей. Сутарей права: вокруг лагеря должно быть установлена защита, но маги — параноики по натуре. Любой из них мог расставить собственные ловушки, которые заранее предупредили бы о нападении.

Это, конечно, было критически важным для моего плана. Видите ли, внутри военного отряда у меня не имелось союзника в прямом смысле этого слова. Я имею в виду — каковы шансы, что из семидесяти семи магов хотя бы один будет работать со странствующим метким магом? Но у меня была сестра, которая считала меня неуклюжим безрассудным идиотом.

То, что я выживал два года, будучи изгоем, с бесконечными врагами за спиной, ничуть не убедило мою семью (и в особенности Шеллу), что я не неуклюжий неловкий мальчуган, которому не удалось бы сотворить правильное заклинание. Причем, даже если бы я упал с лестницы и мои руки случайно сложились бы в правильную магическую фигуру. Моя сестра слишком хорошо знала, что я связался с Эбеновым аббатством, а поскольку ни один здравомыслящий человек не попытается проникнуть в лагерь военного отряда, она будет абсолютно убеждена, что именно так я и поступлю, поэтому установит свою защиту дальше остальных магов, чтобы получить предупреждение, когда я приду.

Видите? Все просто.

— Вот те на, — ласково сказал женский голос. — Что у нас тут такое? Кролик пришел охотиться на лис?

Странная легкость омыла мои кости, и вскоре я уже парил в нескольких футах над землей, которая, как видно, потеряла ко мне интерес. Я обнаружил, что очень медленно переворачиваюсь, словно фарфоровая кукла, которую проверяют на наличие трещин. Я беспомощно дрейфовал так несколько секунд, пока в поле моего зрения не появилось лицо стройной молодой женщины.

— Ты не Шелла, — сказал я точно так же глупо, как себя чувствовал.

Длинные, глянцевитые волосы невозможного лазурного цвета струились по потрясающе высоким скулам и ниспадали на

голубое платье, которое мерцало, будто расшитое сапфирами. Женщина приближалась медленными неторопливыми шагами и, что самое тревожное, ступала по воздуху в нескольких дюймах над землей. Если вы задаетесь вопросом — зачем нужно заклинание, которое позволяет ходить меньше чем в футе от земли, ответ заключается в следующем: оно удерживало длинный шлейф ее платья, не давая ему касаться грязи и чахлых кустарников. В общем, у меня сложилось впечатление, что для того, чтобы просто выглядеть стильно, требуется много усилий.

— А это приз, знаешь ли, — сказала она, чуть-чуть повернув руку, из-за чего я повис вверх тормашками. Она вытянула палец другой руки и постучала по отметинам вокруг моего левого глаза. — Убивший первую Черную Тень будет вознагражден возможностью сидеть рядом с Верховным Магом на его коронации.

Можно было подумать, что в такой момент — сразу после поимки, в ожидании страшных мук — у меня найдутся дела поважнее, чем защищать достоинство своей паршивой семейки. Возможно, кровь, приливающая к голове, повредила мой мозг, но я сказал это:

— Прежде всего, леди, если кто-то и будет сидеть рядом с Верховным Магом, то это будет Бене-маат. Его жена. А не какая-то расфуфыренная летающая стерва, которая отправляется на войну в бальном платье.

«Расфуфыренная летающая стерва»? Я правда только что так сказал? Фериус Перфекс, что ты со мной сделала?»

— Во-вторых, — продолжал я, полный решимости выпустить еще лучший залп, — Ке-хеопс, совершенно случайно — мой отец. Поэтому предлагаю немедленно меня отпустить, пока я не разозлился и не сообщил ему, что вы напали на его любимого сына.

Я его единственный сын, конечно, но слову «любимый» вообще не место в наших отношениях. И почему я заступаюсь за свою мать? Она помогала ему, когда он наложил на меня контрсигиллы, украв все шансы зажечь что-либо, кроме моей татуировки дыхания.

Сверкающие глаза чародейки — конечно, они были ослепительно-синими — широко раскрылись от удивления.

— Так ты — Келлен? Сын Ке-хеопса?

Я кивнул; вися вверх ногами, это труднее сделать, чем вы думаете.

Она возбужденно хлопнула в ладоши:

— Великолепно! Значит, я выиграю еще и приз за уничтожение темного пятна на доме Ке. Я всегда хотела иметь

собственное святилище!

Святилище? Отец назначил награду за мою голову, которая окупит настоящее святилище мага? Очевидно, наша семья богаче, чем мне запомнилось. А еще он явно ненавидит меня даже больше, чем я думал.

— Ну, пошли, — сказала она, поманив меня пальцем.

Не в силах сопротивляться, я поплыл в ее сторону.

— Можешь перевернуть меня, как надо? — спросил я. — У меня начинает болеть голова.

Она остановилась и театрально вздохнула:

— Полагаю, вреда от этого не будет.

Очень медленно я начал вращаться в воздухе. Я позволил своим рукам опуститься ближе к мешочкам на поясе, теперь полным красного и черного порошков и, к счастью, плотно закрытым. Секунды через три я очутился в вертикальном положении. Я расстегну ремешки, откину клапаны и взорву эту веселую, элегантную психопатку, послав ее в ад, который она, без сомнения, уготовила для меня.

— Погоди-ка, — сказала она и повернулась ко мне лицом. — Это позволит тебе использовать твое жалкое заклинание с порошками, не так ли?

Она самодовольно ухмыльнулась.

Обычно в столкновении с магами самый крупный мой шанс — то, что они считают метких магов настолько слабыми, что против них не стоит защищаться. Но эта стерва крутанула рукой, и я начал вращаться — снова и снова. Я не мог сказать, где низ, где верх, пока меня не вырвало, и результаты этого не выплеснулись на меня. К тому времени, как она остановилась, я не мог как следует видеть, не говоря уже о том, чтобы прицелиться.

— Вот. Так-то лучше, правда? А теперь нам пора в путь. Или есть другие угрозы насчет твоего дорогого папы, которые ты хотел бы упомянуть?

Меня снова вырвало. Я пытался сделать так, чтобы часть рвоты попала на нее, но промахнулся. Даже в такой маленькой и жалкой мести мне было отказано.

— Мне не следовало упоминать отца, — признался я. — Кехеопс и пальцем не шевельнет, чтобы меня спасти.

— Ах, бедный маленький мальчик джен-теп, так полный жалости к се…

— Зато моя сестра надерет тебе задницу.

— Эта маленькая папина дочка?

Она рассмеялась. У нее был очень красивый смех, настолько, насколько может быть красивым маниакальное хихиканье.

— Твоя сестра бежит за отцом, как хвост — за щенком. Все это очень забавно. Наши люди шутят, что Шелла виляет хвостом каждый раз, как Ке-хеопс ходит в туалет.

Мой народ не славится умными остротами.

Моя похитительница подошла чуть поближе и поднялась на несколько дюймов выше, так, чтобы мы смотрели друг другу в глаза.

— Тебе не кажется, что, если бы она тебя искала, маленькая тряпка к этому времени уже бы появилась?

По правде говоря, в ходе нашей стычки я полностью убедился, что серьезно недооценил и свою ситуацию, и склонность Шеллы меня защищать. Я просто предположил, что, едва я подойду достаточно близко, заклинание, которое она наложила, предупредит ее о моем появлении, и она примчится. Но я забыл одну из самых важных черт Шеллы и теперь с легким удовольствием сообщил своей пленительнице:

— Дело в том… Что моя сестра любит ждать подходящего момента, чтобы появиться.

Чародейка уставилась на меня, ее неестественно голубые глаза сощурились, когда мои слова пробились сквозь все ее торжествующие высказывания. Она подняла руки в первом магическом жесте заклинания щита.

— Сома-ех-па…

Она упала, как брошенный куль с зерном. Прекрасная лазурь ее платья послужила милой, но не очень практичной шелковой постелью, когда она приземлилась на твердую сланцевую землю.

Воздух передо мной замерцал, когда вторая молодая женщина вышла из удивительно изящных маскирующих чар. Златовласая, с почти светящейся кожей, она выглядела выше, чем тогда, когда я видел ее в последний раз. Ее одежда была элегантным вариантом серебряных кожаных доспехов военного мага, оставлявших руки обнаженными, чтобы демонстрировать шесть искрящихся татуировок. Она кинула на меня взгляд, который говорил, что я, как всегда, полностью предсказуем.

Полагаю, это была правда, если не считать того, что я собирался ее убить.

Глава 50
ЛАГЕРЬ

— Здравствуй, Шелла, — сказал я, ожидая, пока мое медленное вращение в воздухе не вернет меня в вертикальное положение.

— Брат.

Она вложила в это слово большое разочарование. Однако ее презрение досталось женщине, лежащей без сознания на холодной земле.

— Посмотри на нее, на ее нелепое платье. Почему отец разрешил Эсса-джин вступить в военный отряд, когда магам получше было отказано? Этого я никогда не пойму. А ее разгуливание в воздухе? Так претенциозно.

«Магам получше»? Итак, отец не дал ей места в отряде».

— Может, у нее есть другие свойства, которыми восхищается Ке-хеопс, — предположил я, думая о пыле, с которым Эсса-джин говорила о возможности сидеть рядом с ним на праздновании в честь бойни в Эбеновом аббатстве.

Щеки Шеллы вспыхнули, взгляд ее стал сердитым.

— Прости, брат, кажется, я забыла убрать — как ты там ее назвал? — стервины связывающие чары. И вот ты паришь в воздухе, совершенно беспомощный.

Она сделала левой рукой магический жест, и я внезапно упал, едва сумев перекатиться через плечо, чтобы не врезаться головой в сланец.

Мелкая победа отвлекла сестру, и я очутился на ногах.

«Я смог бы это сделать, — подумал я. — Она в тысячу раз могущественнее, но я на долю секунды быстрее, и она ничего подобного не ожидает».

Я пришел сюда не для того, чтобы убить сестру, и, по правде говоря, это не помогло бы. Если и имелась хоть какая-то надежда предотвратить войну, Шелла сыграет решающую роль. Но гнев на предательство, с помощью которого она одурачила и использовала меня — снова, — был всепоглощающим. Однако теперь у меня тряслись руки, что спасло ей жизнь (в придачу к вопросу, который не должен был меня заботить, но который я почему-то все время себе задавал).

— Это правда? То, что сказала Эсса-джин? Ке-хеопс дал отставку нашей матери?

— О, Келлен, не изображай ханжу, — огрызнулась Шелла, хотя я заметил, что она отвернулась, чтобы я не видел ее глаз.

Согласно своему музыкальному обучению, я позволил ей быть нотами, пока сам я обеспечивал тишину.

— Мать знает, как сильно отец ее любит, — спустя некоторое время сказала Шелла. — Все жертвы, которые она приносит, она приносит ради нашей семьи и нашего дома. Как и все мы.

— Кроме меня.

Я подстрекал сестру, потому что это тоже было частью наших взаимоотношений. Если бы она попыталась наказать меня с помощью заклинания, мои руки в то же мгновение перестали бы дрожать.

Она снова попыталась играть в молчанку. В этом молчании можно было услышать, как работает блестящий манипулятивный ум моей сестры. Мне стоило бы держать рот на замке, но она всегда меня переигрывала.

— Шелла, о чем ты ду…

Она опять повернулась ко мне, и печальная девочка исчезла, когда на сцену вышла коварная интриганка.

— Может, ты служил нашей семье, Келлен. Все это время.

Она взяла мои руки в свои и крепко сжала:

— Пожалуйста, брат, дай мне сказать.

Слово «пожалуйста» так редко встречается в словаре Шеллы, что признаю — оно оказало на меня определенный завораживающий эффект.

— Прекрасно. Выкладывай, что хотела.

Она улыбнулась так, как вы улыбаетесь щенку, когда он переворачивается по команде:

— Опасная и смелая миссия, брат. Молодой маг джен-теп, странствующий по миру, изучающий секреты наших врагов и распутывающий заговоры против нашего народа, отчитываясь только перед самим Ке-хеопсом.

Я убрал руки.

— Ты совсем спятила? Я бросил наш народ, помнишь?

— Смелое самопожертвование, необходимое, чтобы держать миссию в секрете даже от нашего клана.

— Маги нашего клана пытались меня убить!

— Что делает самопожертвование еще более смелым.

Я потер пальцами виски. От ее нелепой истории у меня в буквальном смысле слова разболелась голова.

— Шелла, на тот случай, если ты ударилась головой и забыла последние два года — я активно работал против нашего клана. Я сорвал каждый заговор джен-теп, какой только мог, и отказался подчиняться всем приказаниям нашего монстра-отца, какие он имел наглость мне давать!

— Да ну?

Она подмигнула и принялась расхаживать вокруг меня и лежащей без сознания Эссы-джин так, будто мы были скульптурами в песчаном парке.

— Ты же раскрыл восстание ше-теп и казнил их лидера, не так ли?

— Ра-мет, а не я, убил нашего дядю.

Шелла пожала плечами:

— Кто помнит такие незначительные детали? Потом ты помешал Ра-мету устроить поединок, на котором он убил бы нашего отца. Ты покончил с кознями метких магов-изгоев в приграничье.

— Дексан Видерис работал на лордов-магов нашего клана!

— Возможно, сначала, но потом он предал наше доверие. И ты заставил его за это заплатить.

— Я не ваш чертов палач!

— И давай не будем забывать, как ты раскрыл секреты гитабрийской механической птицы и уничтожил ее и женщину, которая посмела ее создать.

Она сделала театральный пируэт.

— Но даже на таких дивных подвигах наш юный герой джен-теп не остановился. Он сделал то, чего не смог сделать ни один маг: нашел Эбеновое аббатство, чтобы угрозу Черной Тени можно было раз и навсегда стереть с лица земли!

— Ты же помнишь, что у меня самого Черная Тень, верно?

Шелла подошла ко мне и постучала пальцем по отметинам вокруг моего левого глаза.

— И вот величайшая жертва из всех: ребенок, которого обручила с Тенью его бабушка — одна из великих чародеек нашего клана. Потому что разозлилась? Нет, потому что в последние часы перед тем, как ею овладела Тень, она поняла: есть всего один способ, с помощью которого наши люди смогут отыскать источник этого зла и уничтожить его навсегда.

— В этом нет ни слова правды, ты же понимаешь?

— Может быть. — Она игриво похлопала меня по щеке. — Но кто смог бы поспорить, что в качестве изгнанника ты был очень полезен нашему народу, а?

Вот почему опасно вступать с моей сестрой в разговоры о чем-то более важном, нежели погода или обеденное меню. Если слушать ее достаточно долго, начинаешь думать, что она, возможно, рассуждает здраво.

— К чему ты на самом деле ведешь, Шелла?

Она посмотрела на меня бледно-голубыми глазами, настолько полными уверенности и привязанности. Манипулятор откланялась, вернулась желтоволосая девочка, любящая своего

брата.

— Келлен, если ты все это время тайно работал на нашего отца, тебе ничто не мешает вернуться домой. Ты сможешь занять место рядом с отцом! Он очень скоро будет провозглашен Верховным Магом. Представь — впервые за триста лет у нашего народа появится один правитель, который приведет наш народ к величию!

Я бы отмахнулся от ее восхваляющего энтузиазма, но под ним слышалась отчаянная мольба; почти истерическая потребность в том, чтобы я согласился с ее обманом. Гнев, который подвел меня так близко к тому, чтобы ее убить, испарился. Теперь я понял, в чем тут дело, и понял, почему она использовала меня, чтобы найти Эбеновое аббатство. Слова Нифении эхом отозвались в моей голове: «Она манипулировала всеми вокруг с тех пор, как научилась говорить полными предложениями. Но она действительно любит тебя. Это неоспоримо».

— Келлен… Брат, пожалуйста, — сказала Шелла, взяв меня за руку. — Ты слишком долго играл в изгоя. В конце концов ты должен выбрать, на чьей ты стороне.

Тут мне стало ясно: Шелла пытается не говорить о том, что было очевидно для нас обоих, — моя жизнь скоро закончится. Отец исчерпал способы избегать моей смерти. Если он вообще пытался ее избегать. Теперь моя сестра, поскольку ее мольбы больше на него не действовали, состряпала последний план моего спасения — дать Ке-хеопсу оправдание, в котором тот нуждался, чтобы меня помиловать.

По нынешним временам это было довольно щедрым предложением, которое делало то, что я провернул потом, еще более грязным.

— Тебе не стоит обо мне беспокоиться, Шелла. Беспокойся об этом сборище обманутых полоумных, сидящих на вершине горы и думающих, будто они каким-то образом пропутешествуют тысячу миль, чтобы уничтожить армию натренированных Черных Теней в их собственной крепости. У них нет ни единого шанса.

Шелла посмотрела на меня широко раскрытыми глазами, потом дала мне пощечину:

— Ты что, совсем рехнулся, брат? — Она указала на вершину горы. — Там, наверху, больше семидесяти военных магов! Они закончат Мост Заклинаний в считаные часы! И, сделав это, они пройдут по нему и уничтожат каждого дурака, отмеченного черным в том ужасном месте.

Я хихикнул:

— Шелла, во-первых, я знаю наших людей. Нельзя заставить семьдесят семь магов сойтись хоть в чем-нибудь. Скорее всего там

дюжина или около того адептов, возможно, с парочкой настоящих военных магов для показухи. Кроме того, Мост Заклинаний тянется на тысячу миль? Он сломается, как только кто-то на него ступит.

— Келлен, это реальность. Это происходит. Ты должен…

— Веселись, играя в военный отряд вместе с другими детьми, Шелла. Однажды, когда ты вырастешь и чуть больше повидаешь мир, тебя перестанут так легко дурачить искрящиеся татуировки и громкие разговоры. А пока, скажем так, я поверю во все эти грандиозные заявления, когда увижу доказательства.

Я начал отворачиваться, но она схватила мое лицо обеими руками, ее пальцы прижались к моим вискам.

— Хатет-ека, мару-раша, совей-е-кхан!

Мое зрение затуманилось, голова закружилась. Я начал терять контроль над своим телом и на секунду испугался, что зашел слишком далеко и она собирается вырубить меня. Но для Шеллы всегда было крайне важно оказаться правой, и вскоре заклинание шелка вступило в силу, и я увидел то, что она хотела мне показать.

Я шел по лагерю, мимо великолепных шатров и летающих паланкинов. Слуги ше-теп готовили еду и подбрасывали хворост в костры. Я чувствовал себя неловко, как будто внезапно стал слишком низкорослым. Потом понял — это потому, что я видел глазами Шеллы, наблюдая за ее воспоминаниями.

— Это было час тому назад, — сказал ее отдаленный голос.

— Я никогда не утверждал, что наш народ не эксперт по путешествиям с чрезмерным комфортом, — ее же голосом ответил я — что особенно смущало.

— Ты глупец, и я не смогу спасти тебя, если ты не будешь смотреть внимательно!

Прогулка продолжалась — мимо главного лагеря, к отвесной скале на откосе горы. Там, как настоящая армия, стояли перед пустотой все, кроме одного, из семидесяти семи магов, собранных моим отцом. Они вытянули перед собой руки, и магия сверкала, как пот, на их предплечьях. Мое дыхание превратилось в лед, когда я, наконец, понял, как они смогут создать Мост Заклинаний, простирающийся между двумя континентами.

Металлические татуировки каждого из них тянулись с их предплечий, словно ленты, — так же как Турнам и некоторые другие научились делать со своей Черной Тенью. Ленты уходили вдаль, преодолевая сотни миль, обматываясь друг вокруг друга снова и снова, превращаясь в пряди каната, и эти канаты связывались, чтобы образовать мост. Цвета железа, огня, крови, дыхания, шелка и песка перемешивались — танец мерцающего

света, такой прекрасный, что я заплакал бы при виде него, если бы не знал, для чего он предназначен.

— Невероятно, — сказал я, потому что было важно, чтобы Шелла услышала мое признание.

— Итак, ты понял? — спросила она, настолько взволнованная, что не заметила, как моя правая рука скользнула в карман пальто.

Заклинание шелка начало исчезать, мои глаза снова смотрели на горный склон, и сестра стояла здесь с отчаянной надеждой, что брат, которого она любит, скоро вернется домой.

— Спасибо, Шелла, — сказал я.

Я поцеловал ее в лоб, как целуют ребенка. Она ненавидела это и открыла рот, чтобы меня выбранить. И тогда я впихнул ей между губ лист ослабляющей травы. Нифения принесла эту траву, чтобы сбивать жар Рейчиса, и я решил, что не повредит иметь в своем распоряжении несколько листов.

Сперва Шелла просто таращилась на меня, широко раскрыв глаза, со свисающим изо рта листом. По большей части ослабляющая трава просто отнимает у мага способности призывать основные силы. Но если принять траву после того, как сотворишь заклинание, она в придачу лишает тебя сознания.

Я поймал Шеллу прежде, чем та упала, и осторожно положил рядом с деревом. Я вынул лист из ее губ и вложил между губами Эссы-джин. Эта женщина не должна очнуться раньше Шеллы.

Теперь мне следовало бежать, но я этого не сделал. Я нашел несколько деревяшек и веточки для трута и с помощью порошков разжег костер, чтобы Шелла не слишком замерзла. Я сомневался, что эта любезность сильно поможет тому, чтобы меня простили.

— Извини, Шелла, — сказал я, потому что мне казалось важным произнести эти слова вслух.

Я никогда не сомневался в способности моего отца созвать военный отряд. Он всегда был таким человеком, за которым инстинктивно хотят следовать другие, даже если негодуют на него за это. Что мне требовалось узнать — как работает мост и какое в нем может быть слабое место… если оно есть. Ке-хеопсу, должно быть, позарез нужна быстрая победа, чтобы построить Мост Заклинаний из татуировок собственных магов.

И, хотя аргоси считают месть еще большим извращением, чем горе, существовала жестокая, но привлекательная симметрия в том, что я собирался сделать с драгоценным военным отрядом отца.

Глава 51
РАЗНОГЛАСИЕ

— Не может быть, чтобы ты говорил серьезно! — в третий раз повторила Нифения.

Между первым и вторым разом она не дала мне шанса объясниться, поэтому я сомневался, есть ли смысл повторять все снова, кроме как дать ей повод еще сильнее ткнуть меня в грудь. Для девушки с двумя отсутствующими пальцами она отлично знает, как причинить боль тремя другими.

— В чем проблема, девочка? — спросила Гхилла.

Остальным хватало здравого смысла держаться подальше, но вне зависимости от происхождения ведьм-шептуний у них крайне мало инстинкта самосохранения.

— Мы добываем металлические чернила, которые так нравятся джен-теп, возвращаемся в аббатство, а затем накладываем контрсигиллы — что бы это такое ни было — на ленты, тянущиеся от военного отряда. Они навсегда теряют свои силы, и нам не нужно беспокоиться о том, что нас перебьют. Мы побеждаем.

— Весь мир побеждает, — добавил Турнам, прислонившись к дереву и наблюдая за нашим спором. Его глаза гораздо дольше задерживались на Нифении, чем на мне. — Ты даже можешь остаться с нами, милая. Найди хорошую тушь для глаз и сделай себе почетную Черную Тень.

— Я предпочла бы умереть, — ответила она, что было необычно бессердечно для нее.

— Ну, мы умрем, — сказала Диадера и зашагала к Нифении. Наверное, она остановилась бы только тогда, когда они оказались бы нос к носу, но Диадера на пару дюймов ниже и этого не произошло. — Кажется, ты потеряла вместе с пальцами часть мозгов.

Нифения проигнорировала ее, обратившись ко всем нам:

— Я не позволю вам разрушить жизни семидесяти семи магов. Нанести им контрсигиллы — все равно что вырезать половину их души.

Остальные затоптались, не зная, как это понимать. Сутарей не смотрела мне в глаза. Она больше любого другого понимала вероломство того, что я предлагал. Судя по виду Бателиоса, он тоже был этому не рад.

С другой стороны, Диадере идея явно понравилась.

— Когда мы закончим забирать половину их душ, я найду

способ выцарапать из них вторую половину. Джен-теп столетиями убивали мне подобных.

Черные метки ее веснушек взлетели со щек и начали роиться в воздухе между ней и Нифенией.

— Хочешь узнать, почему?

Это выходило из-под контроля, но Ниф щелкнула пальцами, что означало — я не должен соваться.

— Я гадала, как скоро ты начнешь мне угрожать, — сказала она Диадере. — Я видела это в твоих маленьких поганых глазках точно так же, как вижу вожделение в том придурке.

Она показала на Турнама.

— Эй, что я такого сделал? — спросил он, только теперь заинтересовавшись разговором.

Светлячки-веснушки Диадеры подлетели ближе к Нифении.

— Думаю, ты должна была предпринять что-то раньше, амулетчица. Потому что, если ты попытаешься сунуть руку в пальто за одной из своих безделушек, моя Черная Тень разорвет тебя на куски.

— Они ссорятся из-за Келлена? — спросил Турнам Гхиллу. — Потому что это просто…

— Заткнись, Турнам! — сказал я.

Происходило нечто странное, вернее, то, что должно было произойти, не происходило. Айшек, который в любом другом случае, если кто-нибудь осмелился бы угрожать Нифении, оскалил бы зубы, сидел в нескольких ярдах в стороне, равнодушно глядя вдаль.

«Он не беспокоится о ней. Что означает… Вот черт. Ниф, что ты делаешь?»

Она улыбнулась Диадере, и эту улыбку я узнал сразу. Так улыбалась некая аргоси, которая постоянно учила людей, как попадать в беду.

— Проверь свой правый карман.

— Ты блефуешь, — сказала Диадера. — Я бы знала, если бы ты что-нибудь туда положила.

— Тогда давай, натрави на меня этих мерзких жуков, которые повсюду за тобой следуют.

Диадера попыталась не попасться на удочку, но спустя несколько секунд полезла в карман своего длинного кожаного пальто. Ее рука высунулась обратно с маленьким металлическим предметом, похожим на миниатюрного паука. Она попыталась его стряхнуть, но Нифения прошептала под нос одно слово, и крошечные металлические лапки внезапно приклеились к ладони Диадеры.

— Я бы оставила все как есть, — предупредила Нифения. —

Как только лапки потеряют контакт с твоей кожей или я скажу слово, ты почувствуешь легкий укол. После этого дела твои будут плохи.

Гхилла двинулась к Нифении, открыв рот, метки Черной Тени, заполняя ее горло, готовы были выплеснуть удушающий туман.

— Не стоило связываться с моей девочкой, джен-те…

Нифения свистнула, и из затылка Гхиллы внезапно раздался вопль. Девочка отчаянно вцепилась в собственные волосы, пытаясь понять, откуда он раздается.

— Я не стала бы этого делать, — сказала Ниф. Затем повернулась к остальным. — Слушайте внимательно, придурки. Я — изгнанная джен-теп, творец амулетов без клана, и у меня крайне мало друзей. Я — хорошенькая девушка с ценным талантом, что превращает меня в самую притягательную мишень на всем континенте. Я расправилась со множеством подонков, которые думали, что могут воспользоваться этим. Поэтому, если кто-то из вас хочет сделать свой ход, обещаю — скоро вы узнаете, почему никто другой не преуспел.

— Ты подсунула нам амулеты? — спросил Азир.

Судя по его виду, он был искренне обижен.

— Ничего такого, что причинит тебе боль или что ты когда-нибудь заметишь, — ответила Нифения. — Если только ты не оставишь мне выбора.

Она повернулась ко мне:

— Пошли, Келлен. Нам пора убираться отсюда.

— Что? Я не могу! Я же говорил тебе, в аббатстве дети!

Она пожала плечами.

— А я тебе уже сказала — если бы ты действительно заботился об этих детях, ты бы убрал их к дьяволу из того ужасного места. Что касается этих Черных Теней, которые тебя очаровали, — она махнула рукой в сторону Диадеры и других, — я подложила им амулеты, чтобы каждый выпустил свое заклинание, как только я буду в миле от них. Если же они отправятся меня искать… Ну, если мне придется выбирать между кучкой Черных Теней и собственным народом, это вообще не выбор.

— Типичная джен-теп, — сказала Диадера, хотя я заметил, что она не подходит ближе.

— Что с тобой случилось, Ниф? — спросил я.

Она не ответила, и я подумал, что, возможно, упустил очевидное: прошло шесть месяцев с тех пор, как я видел ее в последний раз. Это может показаться небольшим сроком, но каждый шаг на длинной, тяжелой дороге изгоя тебя меняет.

Жизнь в изгнании сделала Нифению бессердечной?

«Нет, — понял я. — Она сделала ее очень умной. И хитрой».

— Я думал, ты другая, — сказал я. — Твой дядя плохо с тобой обращался. Твои родные братья отняли по два пальца на каждой твоей руке, и вот, пожалуйста — ты все равно повторяешь зазубренные предрассудки джен-теп насчет того, что жизнь Черной Тени не стоит защищать.

Она уставилась на меня, сузив глаза. Я никогда не встречался с дядей Нифении, но точно знал, что у нее нет братьев, поэтому ее следующий шаг, даст мне понять, что происходит.

— И это говорит парень, который оставил свою сестру без сознания на полпути к вершине горы.

«Хорошо, значит, мы в деле».

— Честно говоря, только на четверть пути к вершине, на восточном склоне, поэтому там будет много солнца, если она все еще останется там несколько часов спустя.

Разобравшись с этим вопросом, я постучал пальцем по отметинам вокруг своего левого глаза.

— Окажешь ли ты мне такую же любезность, когда они станут слишком большими и ты решишь, что мою душу не стоит спасать?

— Я надеялась, что мы сможем найти для тебя лекарство, Келлен. Пока не станет слишком поздно.

Нифения сняла с плеча сумку с Рейчисом и положила на землю между нами, а потом попятилась к деревьям. Айшек встал и засеменил рядом с ней.

— Думаю, было слишком поздно еще до того, как я тебя встретила.

Я оставил за ней последнее слово. Когда она исчезла, я поднял сумку и проверил белкокота. Он все еще спал, но его мех уже не был таким скользким от пота, как раньше.

«Держись, дружище. Еще один день этого безумия, и я обещаю, мы организуем тебе хорошую ванну и воз сдобного печенья».

Турнам подошел и встал рядом со мной.

— Большое спасибо, что представил нам свою подругу, Келлен. Она очень помогла.

— Она джен-теп, — сказала Сутарей. — Ты не больше можешь просить ее, чтобы она симпатизировала Черной Тени, чем просить мать сочувствовать змее, которую она найдет в спальне своего ребенка.

— О? — сказал Турнам. — Ты тоже одна из них. Вот кем ты нас считаешь? Монстрами?

Сутарей закрыла глаза, черные метки на ее веках походили

на входы в темные, пустые туннели.

— Вот кем я себя считаю.

Глава 52
ЧЕРНИЛА

— Значит, так это работает, мальчик? — спросила Гхилла.

Я снял пальто.

— Ты ведь понимаешь, что ты здесь младше всех, кроме Азира?

Она ухмыльнулась:

— Да, но у меня старая душа.

Закатав рукав, я показал на знаки на моем предплечье.

— Видите эти символы?

— Татуировки джен-теп. Кого они заботят?

Но она и остальные столпились вокруг меня.

Я сосредоточил волю на татуировке дыхания. Было достаточно темно, чтобы заметить ее патетически тусклое сияние.

— Вот что происходит, когда маг втягивает в себя одну из основных форм магии.

— Мы знаем, как работает магия джен-теп, — сказала Диадера. — Все мы видели, как Сутарей это делает, и непохоже, чтобы раньше или позже на большинство из нас не охотился один из ваших людей.

— Посмотри на вторую татуировку, — сказал я, показывая свою татуировку огня.

Бателиос протиснулся вперед, чтобы присмотреться повнимательней. У меня было ощущение, что такое для него в новинку. Жаль, потому что это означало: в его первую настоящую встречу с культурой джен-теп будут входить семьдесят семь военных магов.

— Эти знаки, — сказал он, показывая на медные иероглифы моей татуировки огня, но стараясь не прикасаться к ним. — Они выглядят… неправильно.

— Что ты имеешь в виду? — спросила Сутарей. — Ты же ничего не знаешь о татуировках джен-теп.

Здоровяк покачал головой:

— Не знаю. Они просто выглядят… губительными.

— Это перевернутые иероглифы, — объяснил я. — Часть того, что мы называем связыванием контрмагией. Она мешает мне пользоваться этими формами магии.

— А что случится, если ты попытаешься? — Азир спросил, подойдя ближе. — В смысле изо всех сил?

Хороший вопрос. Поскольку связывание контрмагией считается необратимым, я никогда не удосужился проверить, так

это или не так.

— Вероятно, ничего не случится, — сказал я, но черт знает зачем послал свою волю в татуировку.

Сначала ничего не произошло, но этого следовало ожидать. Люди думают, что напряжение воли похоже на концентрацию. Мой старый мастер заклинаний шутил, что новички всегда выглядят так, будто страдают запором, потому что путают напряжение воли со сжатием ягодиц. Но напряжение воли — совсем другое. Трудно объяснить, что именно, поэтому на обучение могут уйти годы. Чтобы заставить татуировку искриться, требуется не то чтобы пытаться мысленно что-нибудь толкать или тянуть. Путь джен-теп — это Путь Власти. Контроля. Возобладания. Вы не подчиняете магию своей воле; вы требуете, чтобы она склонилась перед вами. Среди всего прочего для этого требуется поверить, что такое возможно.

Впервые с тех пор, как я покинул свой народ, я заставил себя поверить, что могу быть магом. Я послал свою волю в татуировки железа, огня, шелка, песка и крови, нащупывая ту, которая мне подчинится. Сперва ничего не произошло, но, вернувшись к татуировке огня, я почувствовал нечто вроде зуда — не такого, какой чувствовал в тот день, когда впервые зажег татуировку дыхания. С крошечным проблеском надежды я удвоил и учетверил свои попытки. Если бы здесь был мой старый мастер заклинаний, он бы гордился мной — и был бы удивлен тем, как идеально и полностью я контролирую татуировку огня.

А потом случилось это. Зуд превратился в нечто другое — то, что одновременно жгло и замораживало меня, причиняя такую боль, что я упал на колени.

— Келлен! — Диадера схватила меня за плечи. — Что случилось? Скажи нам, что делать!

— Вы ничего не можете сделать, — неловким напряженным голосом сказала Сутарей. — Вот что означает быть связанным контрмагией.

Я ослабил волю, и боль начала исчезать. Никакая магия ко мне не явилась, во всяком случае, такая, какую я мог бы использовать.

— Все еще больно? — спросил Азир.

Я покачал головой. Я не мог заставить себя заговорить.

— Тогда почему ты плачешь?

— Оставь его в покое, — сказала Сутарей.

Турнам — наверное, все еще раздраженный тем, что Нифения не поддалась его чарам, — не был таким понимающим.

— И что тут такого? Ты ведь и раньше знал, что тебя связали контрмагией, так? Поэтому тебе никогда не стать большим

магом, как твой папочка. И кончено дело.

Сутарей положила руку ему на грудь и осторожно оттолкнула.

— Он только что узнал, что если бы родители не связали его контрмагией, он мог бы стать магом огня.

— Мне жаль, Келлен, — сказала Диадера.

Она опустилась рядом со мной на колени и положила руку на мою левую щеку, коснувшись пальцами отметин вокруг моего глаза.

— *Тебе нужно побыть одному? Я могу попросить остальных на некоторое время уйти.*

— *Нет*, — молча ответил я с помощью нашей теневой связи. — *У нас нет на это времени.*

Турнам был прав. Ничего на самом деле не изменилось. Раньше я не мог использовать магию огня и теперь не могу. Просто то маленькое мерцание, которое я почувствовал, — крошечное обещание, что могло бы быть нечто большее, если бы меня не связали контрмагией… Оно вернуло все разбитые мечты, которые, как я думал, оставил позади.

Диадера, прикасаясь ко мне, глубже вошла в мои мысли.

— *Возможно, это знак, Келлен. Может, пришло, наконец, время отбросить все это. Перестать быть отчасти джен-теп, отчасти аргоси, отчасти всем, кроме одного, кем ты на самом деле являешься: Черной Тенью.*

Она наклонилась и поцеловала меня в щеку. Тепло ее губ на моей коже, ощущение близости, не только физической, но некой связи между нами — все это сбивало с толку и опьяняло. Мне хотелось большего.

Я встал и встряхнулся.

«Несколько часов назад ты решил, что влюблен в Нифению. Теперь ты возбуждаешься и беспокоишься из-за Диадеры. Выясни, кто ты, прежде чем разрушить чужую жизнь».

— Я в порядке, — сказал я остальным. — Боль была хорошим напоминанием.

— Хорошим напоминанием о чем? — спросил Турнам.

Я указал на татуировки на моем предплечье:

— Члены военного отряда прокладывают мост благодаря эфирной связи со своими татуировками. Если мы начнем связывать контрмагией тросы моста, которые закрепились у аббатства, маги почувствуют то же, что чувствовал я… Только, наверное, в десять раз хуже.

— А вот этим зрелищем я бы наслаждался, — сказал Турнам.

Бателиос выглядел не таким уверенным.

— Не оставит ли такая атака весь ваш народ без самых

могучих защитников?

Меня поразило его сострадание к тем, кто был бы счастлив увидеть его мертвым, и я снова удивился тому, насколько он отличается от остальных… Но сейчас у меня имелись более насущные проблемы.

— Если повезет, нам не придется связывать контрмагией многих из них. Ни один маг, увидев, что с его товарищами происходит такое, не станет слоняться поблизости. Они отзовут свою магию, и мост развалится прежде, чем кто-нибудь сможет по нему пройти.

Диадера, Сутарей, Турнам и Гхилла обменялись взглядами втайне от Бателиоса и Азира, что подтвердило мои подозрения об этой маленькой группе. Но поджимали более срочные дела.

— Насколько мы далеко от центральных территорий джентеп? — спросил я.

Сутарей показала на восток.

— Около двухсот миль. А что?

Я повернулся к Азиру:

— Ты сможешь проложить дорогу, чтобы мы добрались туда? Мне нужно взять кое-что из дома моего отца.

Мальчик был потрясен:

— Я… Я уже очень устал, Келлен. И если придется вернуть нас в аббатство, тогда…

— Нам не нужны чернила для татуировок, если это то, что ты ищешь, — сказала Сутарей.

Повернувшись, я увидел, что она вынимает из своей сумки флаконы, которые я сразу узнал.

— Зачем тебе…

Я замолчал, потому что уже понял, зачем. Когда Сутарей бежала от нашего народа, она, должно быть, захватила чернила с собой. Она знала, что однажды Черная Тень начнет овладевать ею, и она закончит так же, как тот сумасшедший маг, с которым мы сражались пару дней назад. Прежде чем она потеряет волю к сопротивлению, она уберет то, что сделало бы ее опасной для других.

— Это мой долг, — сказала она мне тихо, как будто страх и страдание, заключенные в ее словах, могли разделить только мы двое.

Турнам хлопнул меня по руке.

— Похоже, у нас в кои-то веки будет честный бой. Я знал, что ты справишься, облачный мальчик.

Жест был дружеским, но прозвище только напомнило мне, что сасуцеи пребывала в спячке со времени первого боя в аббатстве. Я не был уверен, что она до сих пор в моем правом

глазу.

«Куда бы ты ни ушла, сумасшедший дух воздуха, надеюсь, ты найдешь лучшего попутчика, чем я».

Мы побыли там еще некоторое время, давая Азиру как можно дольше отдохнуть. Гхилла недоумевала, почему нельзя просто воспользоваться Мостом Заклинаний, ведь это было бы быстрее. Сутарей дала исчерпывающее и довольно отвратительное описание того, что произойдет с нами в тот миг, когда маги почувствуют на своем мосту незваных гостей, и это положило конец дискуссии.

В конце концов, Азир встал, закрыл глаза и заставил возникнуть теневую дорогу. Из-за морщин на бледном лице казалось, что он сжигает что-то внутри себя, что никогда не удастся до конца восполнить. Турнаму пришлось нести его всю дорогу, и мышцы на его руках дрожали, когда он удерживал Азира вертикально, чтобы ноги мальчика могли создавать впереди нас дорогу, и ему не приходилось бы поддерживать собственный вес.

Я следовал за остальными. Никто из них не следил за мной, чтобы узнать, могу ли я их предать, никто не ставил под вопрос мою преданность. Они видели, как Нифения бросила меня, поэтому для них я теперь до конца стал Черной Тенью. С каждым пройденным шагом я задавался вопросом, буду ли я когда-нибудь кем-нибудь другим.

Глава 53
СВЯЗЫВАТЕЛЬ ДУШ

К тому времени, как мы вернулись в аббатство, остальные заразились неким головокружительным оптимизмом. Турнам объявил всем, кто слушал, что мы нашли способ победить отряд джен-теп. Жители аббатства, жаждущие спасения, выпили каждую каплю надежды, которую он им предложил. В пустыне стольких людей одурачивают миражи, что часто можно встретить трупы с песком во рту и улыбками на лицах.

Я ожидал, что аббат с сомнением отнесется к тому, что мы узнали, если не разозлится на нас за то, что мы покинули аббатство без его согласия. Вместо этого он ликовал, практически ревя от радости и стуча тяжелым кулаком по столу в своей комнате на вершине башни. Листы бумаги разлетались; многие были покрыты нарисованными фрагментами меток моей Черной Тени. Он вскочил из-за стола и обнял каждого из нас.

— Если я когда-нибудь надеялся получить доказательство того, что мир может быть справедлив, что аббатство, которое мы построили, важно и что боги — при условии что они существуют — могут любить даже такую шайку мерзких Черных Теней, как вы, семеро, то вот оно, доказательство!

— Пока это только теория, — предупредил я, беспокоясь о том, как низко он может упасть с высоты своего безудержного веселья.

— Это чертова уверенность!

Он схватил со стола полдюжины листов, прежде чем вытащить нас из своего кабинета и увлечь вниз по винтовой лестнице.

Вскоре мы очутились за воротами аббатства, на краю скалы, где впервые появился Мост Заклинаний. Вид его был страшен. Десять футов в ширину, гладкая поверхность мерцает, когда ленты света, из которых он был сделан, танцуют на ветру. Однако на ощупь они стали твердыми, как камень, и этого оказалось достаточно, чтобы спустить Турнама и остальных с небес на землю.

В отличие от аббата.

— Татуировки джен-теп, — сказал он, опустившись на колени на краю моста, чтобы на них посмотреть. — Ты уверен?

Хотя ленты чистой магической силы смещались и переплетались друг с другом в постоянном потоке, пытаясь исказить сами законы физики, в том месте, где пряди

закрепились на скале, они не двигались. Там легко можно было разглядеть характерные цвета и текстуры шести форм магии джен-теп: железа, огня, дыхания, крови, шелка и песка. Здесь были они все, и каждая татуировка протянулась на тысячу миль до предплечья своего владельца. Гхилла вынула короткий острый нож из рукава пальто и вонзила в одну из татуировок, а потом демонстративно прислушалась и покачала головой.

— Жаль. Было бы здорово услышать, как вопит один из тех мальчиков.

— Это не настоящая татуировка, — сказал я. — Это скорее похоже на привязку к способности мага вызывать шесть чистых форм магии.

— Но связь есть? — настаивал аббат. — Отдельные маги как-то связаны с ними?

Я кивнул.

— Связь между магами и их татуировками — нечто больше, нежели просто металлические чернила на коже. Это всего лишь физические аспекты, подпитанные годами и годами упражнений, посвященных каждой форме магии. Теоретически, если мы запечатлеем контрсигиллы на тросах моста, мы лишим магов способности использовать эти силы.

— И им будет больно, правда? — спросил Азир.

Он настоял на том, чтобы подняться с нами в башню, хотя Турнам уговаривал его отдохнуть. Мальчик выглядел иссохшим, его кожа — бледной, а губы — почти голубыми. Он не мог ходить без поддержки и неудержимо дрожал. На его долю выпало столько путешествий, что это подорвало его силы. Я ожидал увидеть в его глазах нетерпение, ожидал, что он захочет причинить боль врагу, который разрушил бы его дом и, возможно, уже разрушил его жизнь. Но все, что я видел в них, — беспокойство.

— Может, сделать совсем немножко контрсигиллов, — сказал он. — Просто столько, чтобы заставить их уйти.

— Ты забыл, о ком мы говорим? — ледяным тоном спросила Диадера.

— Я не…

— Азир прав, — сказал Бателиос, выходя из ворот. — Милосердие может принести более великие победы, чем жестокость.

— В жизни все работает наоборот, мальчик, — сказала Гхилла.

Я удивлялся, почему Бателиос исчез, когда мы вернулись. Теперь он протянул мне маленький тканевый сверток.

— Ты уже давно ничего не ел, друг мой. Если ты хочешь

спасти наши жизни, в твоем животе должно быть хоть немного еды.

На самом деле Нифения впихнула в меня несколько полосок сушеного вяленого мяса, но жест Бателиоса тронул меня. Развернув ткань, я разразился смехом.

— Тебе не нравится? Я просто подумал, что это подойдет…

Я снял сумку с плеча и положил рядом с собой на землю, прежде чем помахать тем, что вынул из свертка Батилеоса. Послышалось сопение, и вскоре появилась маленькая черная морда, прижавшись к узкому отверстию наверху сумки. Затем раздалось рычание и последовали отчаянные попытки прогрызть путь через шнурки, которыми было стянуто отверстие. Не желая потерять пальцы, я раскрыл сумку, а после уронил половину содержимого свертка Бателиоса внутрь.

— Духи! — выругалась Гхилла, услышав, какие звуки раздались вслед за тем. — Как давно ты кормил эту тварь?

— Нифения им не пренебрегала, — ответила я, — но у нее не было под рукой сдобного печенья.

— Похоже, оно ему нравится, — сказал Азир, подойдя немного ближе.

Мохнатая морда Рейчиса появилась из сумки, и он зарычал по очереди на каждого из нас. Затуманенные маленькие глазки бросали взгляды туда-сюда в поисках предполагаемой добычи.

— Вот, — сказал я, протягивая оставшееся печенье. — Думаю, тебе стало лучше, а?

Это было все, что я мог сделать, чтобы отчаянное чувство облегчения не превратило меня в плачущего остолопа.

Со своей стороны, белкокот проигнорировал меня, полностью сосредоточившись на пожирании сдобного печенья. Он даже встряхнул одно несколько раз, как будто пытаясь сломать ему шею, прежде чем проглотить. Закончив, он в последний раз понюхал воздух и, по-видимому, убедившись, что в пределах досягаемости больше нет печенья, спрятался обратно в сумку и принялся громко храпеть. Я опустился на колени, чтобы закрыть клапан.

— Надеюсь, ты собираешься помогать лучше, чем сейчас, когда начнутся бои, — прошептал я.

— Если ты закончил играть со своим питомцем, — сказала Диадера, — там семьдесят семь джен-теп, и я бы хотела видеть их всех до единого связанных контрмагией, прежде чем они сделают первый шаг по этому мосту.

— Что? — переспросил Бателиос. — Конечно, нам нужно проделать эту процедуру только с несколькими из них. — Он повернулся ко мне: — Ты сказал, что как только пострадает

первый, остальные перестанут творить заклинания.

— Ни один маг не рискнет потерять свою магию навсегда только ради того, чтобы поддерживать мост в целости, — сказал я, но теперь мое внимание было приковано к Сутарей.

Она начала раскладывать поднос с горящими жаровнями и расплавленными металлическими чернилами в медных тарелках, старательно избегая встречаться со мной взглядом.

«Почему она на меня не смотрит? Она… Стыдится. Но почему?»

Я почувствовал первое шевеление зуда в левом глазу — предвестие одного из моих приступов головной боли от Черной Тени.

«Нет, проклятье! Не сейчас. Мне нужно выяснить, что здесь происходит».

Я направился к Сутарей, но она от меня отвернулась.

— Ты же не собираешься дать отряду шанс сбежать, верно? — спросил я.

Она не ответила, только переглянулась с аббатом. Тот уставился в бумажки, которые принес с собой со стола.

«Сутарей уже знает перевернутые сигиллы для связывания контрмагией. Что ей может понадобиться на этих листах?»

Ощущение вокруг левого глаза изменилось. Теперь казалось, что кто-то щиплет мое веко. В ответ я моргнул — и всего на мгновение оказалось, что я смотрю прямо на страницы в руке аббата.

«Нет, не смотрю на них… Но каким-то образом их вижу».

Это были наброски, похожие на те, что он сделал в котле, — уникальные узоры, которые моя бабушка начертала вокруг моего глаза… Но он изменил рисунок. Прежде чем я сумел увидеть что-то еще, странное видение покинуло меня.

— Келлен? — спросила Диадера. — С тобой все в порядке?

Я снова моргнул, пытаясь заглянуть глубже, но ничего не произошло. Я вложил волю в отметины вокруг глаза, пытаясь заставить их проснуться так же, как заставлял проснуться татуировку дыхания на своем предплечье. Опять ничего. Что пробудило мою Черную Тень? Какая мысль позволила мне на короткий момент так ясно видеть?

Вопросы. Я задавал себе вопросы.

«Так вот что пробуждает метки… А не сила воли. Не магия».

Тут я вспомнил, как высокопоставленная Вдовствующая княгиня моего клана ценила умные вопросы — они были ключом к разрыву цепи разума, державшей ее в заточении.

«Моя Черная Тень должна действовать таким же образом… Способность может быть разблокирована, если я буду задавать

правильные вопросы».

Сотня вопросов возникла в моей голове, все жаждали моего внимания. Однако они не были нужными, потому все, что они мне дали — острую боль в глазу.

«Сосредоточься. Найди правильный вопрос».

Я позволил расположиться в своем сознании всем уликам и деталям, которые игнорировал до сих пор, и каждая из них, несла дюжину разных вопросов, раньше не замеченных мною. Я опрокидывал камни по одному, словно костяшки домино, пока не остался всего один, и на нем был единственный вопрос.

«Почему аббат так заинтересовался моей Черной Тенью?»

— Предки… — сказал я вслух, когда опять стал чувствовать свои метки. Они больше не щипали и не жгли, а дергались, поворачивались, как диски замка.

— Келлен? — снова спросила Диадера.

Думаю, ее рука была в моей руке, но ощущалась отдаленно, как легкий ветерок. Ее голос был слабым — эхом, доносившимся откуда-то издалека.

— С тобой что-то происходит…

Даже не в состоянии себя видеть, я знал, что извилистые черные линии вокруг моего глаза изменились. Они больше не были замками, связывающими внутри меня Черную Тень; вместо этого они стали похожи на… линзы, которые перемещались и настраивались сами собой, когда мой взгляд устремился к аббату.

«Нет, не к нему. Внутрь него».

В прошлом, когда у меня начинались приступы, люди и места становились ужасающими, искаженными версиями самих себя. Теперь я видел абсолютно ясно, став свидетелем тайн, погребенных под ложью аббата.

— Невероятно, — услышал я его голос, но между этими слогами лежали другие слова, начертанные на Тени.

К тому же они были нацарапаны по всему его лицу и вырезаны на коже его рук. Они рассказывали истории боли и страха, крови и мести. Потребовалась бы целая жизнь, чтобы прочитать их все. Мне не нужно было этого делать, потому что ответы, которые я искал, были написаны в другом месте, в незаметных движениях одной персоны, все еще отказывающейся встречаться со мной взглядом. Сутарей продолжала раскладывать инструменты и регулировать огонь под жаровнями, медленно, точно, осторожно, потому что именно так нужно двигаться, когда у тебя трясутся руки.

— Это ведь не чернила для контрмагии? — спросил я, хотя уже мог прочесть правду по ее дрожащим губам. — Ты готовишь ритуал отрицания.

Она застыла. Наконец, ее глаза встретились с моими, и я увидел ясно, как день, буквы, написанные чернилами цвета стыда, когда они отчаянно выговаривали единственное слово: долг.

Я откинул клапаны мешочков.

— Отойди от моста, Сутарей.

— Тпру, — сказал Турнам, вставая между нами. — Все успокойтесь, пока мы не разберемся.

— Разве ты не понимаешь? — спросил я. — Аббат лгал тебе. Он не пытается разрушить Мост Заклинаний. Он хочет, чтобы отряд пришел сюда.

— Но зачем? — спросил Азир. — Зачем ему…

Я не ответил ему, наблюдая за аббатом на тот случай, если он сделает ход. Его Черная Тень была опаснее всех.

— Ты соврал мне в котле, — сказал я. — Все твои рисунки, вся чушь, которую ты нес о том, чтобы выяснить, как разблокировать мои татуировки, — это была уловка, чтобы скрыть истинную причину, почему тебя так зачаровали мои метки с тех пор, как я здесь появился. Ты хотел научиться обручать других с Тенью.

Он пожал плечами, не выказывая ни малейшего намека на беспокойство. Да и моя Черная Тень не обнаружила в нем никакого беспокойства.

— Если бы нас было в этом мире больше, может, наши враги подумали бы дважды, прежде чем пытаться выследить нас всех.

Азир, нетвердо держась на ногах, споткнулся, когда попытался подойти к аббату.

— Но, господин, а если они не хотят быть Черными Тенями?

— Не лезь, идиот, — предупредил Турнам.

Даже не используя свои метки, чтобы сосредоточиться на нем, я легко смог истолковать замешательство на его лице. Он знал, что грядет битва, и теперь пытался решить, чью сторону принять. Тот же вопрос я видел на лицах Диадеры и Гхиллы.

— Все изменилось, когда Сутарей рассказала аббату о Тасдиеме и о том, что он сделал с теми деревенскими жителями, — сказал я, надеясь, что, если остальные увидят, как далеко зашел аббат, они заставят его отказаться от своего плана. — Он собирается запечатлеть узоры, которые использовала моя бабушка, чтобы обручить меня с Тенью, прямо на тросах Моста Заклинаний. Он заразит всех магов в отряде Черной Тенью.

— Ну и что, мальчик? — спросила Гхилла. — Может, когда они узнают, каково жить так, как живем мы, они перестанут на нас охотиться.

— Неужели ты не понимаешь? Как только он обручит их с

Тенью, маги не смогут разорвать связь с аббатом. Ему не придется вырезать сигиллы отрицания на их плоти, как сделал Тасдием; он выжжет их прямо на их душах. Он будет навязывать им свою волю, заставит их убивать друг друга, и, когда это будет сделано…

— Когда я закончу делать то, что необходимо для защиты аббатства, я высосу досуха каждого из этих ублюдков.

Аббат печально покачал головой.

— Интересно, Келлен, трудно ли тому, кто опутывает себя мелочными идеями философии аргоси приграничья, быть свидетелем простой правды о том, как ведутся войны?

— Ты не должен так поступать.

Я повернулся к Сутарей:

— Ты поклялась, что никогда не станешь такой, как Тасдием, но то, что ты делаешь сейчас, не лучше. Обручение их с Тенью и исполнение над ними ритуала отрицания — хуже убийства.

— Оставь девушку в покое! — закричал аббат. Гнев в его голосе не мог скрыть его истинных намерений.

«Обрати на меня внимание, — звучало в этом голосе. — Я здесь за главного».

— Скажи, Келлен, благодаря своим новоприобретенным загадочным способностям ты можешь увидеть свою роль во всем этом? В конце концов, если бы ты так отчаянно не стремился избавиться от Черной Тени, ты мог бы никогда сюда не попасть, и я бы никогда не узнал секрета, как обручать с Тенью других. И если бы ты не отправился шпионить за собственным народом, мы бы не узнали, как воспользоваться Мостом Заклинаний.

— Ты — чертов мерзавец.

Я попытался глупо ринуться на него, но Турнам схватил меня за плечо и отбросил назад.

Аббат подошел к Сутарей и взял у нее длинную серебряную обручающую иглу. Чистая Тень сочилась из меток на его руке, наматываясь на узкий стержень, чтобы превратиться в единственную блестящую каплю на заостренном кончике.

— Ты и раньше обвинял меня в том, что я религиозный фанатик, Келлен. Может, и так, но моя вера в мой народ и моя религия — это все, что нужно, чтобы обеспечить их безопасность.

Он опустился на колени у Моста Заклинаний и кончиком своего инструмента начал наносить первый символ на ничего не ведающей душе какого-то мага.

Раздался рев, и Бателиос оттолкнул Турнама, чтобы добраться до аббата.

— Нет! Я не допущу этой мерзости! Я не могу позволить те…

Аббат не сказал ни слова, даже не повернулся, чтобы на него

посмотреть, но завиток Тени выметнулся из манжеты его одеяния и ударил Бателиоса о ворота. Здоровяк упал на землю без сознания, тонкий кровавый след тянулся по решетке вниз, к его затылку.

— Уберите его отсюда, — приказал аббат Турнаму и остальным. — Если можете перевязать его рану, прекрасно. Если он попытается сопротивляться, сбросьте его с горы.

Когда никто не шевельнулся, он повернулся к ним лицом, полным праведного гнева:

— Это война, а не какая-то куртуазная игра по учтивым легким правилам! Каждый день вы приходите ко мне, плачась о своих страхах, о том, что вас изгоняют ваши семьи, о том, что вас преследуют охотники за головами из джен-теп. «Защити нас», — умоляете вы снова, и снова, и снова.

Он поднял серебряный инструмент обручения, опять наполняя его своей Черной Тенью.

— Ну, так вот как это делается.

На мгновение, буквально на долю секунды, я подумал, что другие могут повернуться к нему спиной — что этот смелый, харизматичный лидер, который понятия не имел, какие безумные вещи он говорит, зашел слишком далеко. Но, когда я перевел взгляд с Турнама на Сутарей, на Гхиллу и, наконец, на Диадеру, я увидел только их отчаянное стремление поверить в слова аббата, увидел, насколько они находятся во власти его логических обоснований и в каком они восторге от обещаний защитить их. Вряд ли я когда-либо чувствовал себя таким одиноким, как тогда.

Без предупреждения извилистые черные линии вокруг моего глаза опять сместились, вернувшись к своему привычному шаблону, когда мир снова похоронил себя во лжи. Видимо, я достиг границ своего энигматизма. Думаю, поиск правды и знание, что с ней делать, — совершено разные вещи.

«И как мне теперь поступить, бабушка? Какая цель заставила тебя преподнести мне подарок, которого не пожелал бы ни один здравомыслящий человек?»

Я сунул руки в мешочки с порошком, висящие у меня по бокам, и посмотрел на аббата.

— Знаете, когда мы впервые встретились, я сказал, что вы старый, глупый и слабый. Мне следовало бы сказать — старый, тупой и мертвый.

Аббат продолжал связывание, черное масло его меток скользило вниз с запястий, чтобы превратиться в чернила.

— Значит, хочешь дуэли, Келлен? Хочешь, чтобы я отложил инструмент и посмотрел, сможет ли изгой — меткий маг выхватить оружие быстрее большого и скверного тирана?

— Не могу придумать ничего, чего мне хотелось бы больше.

Диадера приблизилась ко мне:

— Келлен, ты злишься, и у тебя есть все основания беспокоиться насчет плана аббата, но, пожалуйста, просто послу…

Я оттолкнул ее:

— Не прикасайся ко мне.

Она стояла на линии огня, и Турнам, Гхилла и Сутарей уже приближались, чтобы защитить аббата. Углы были слишком острыми. Если и существовал момент, когда я мог бы выиграть бой, не причинив вреда людям, которые, несмотря на все, что я сделал, предложили мне место среди них, он давно миновал.

— Я предупреждал тебя, Диадера, — сказал аббат, все еще стоя лицом к мосту. — Как только он появился, ты начала строить ему глазки, но я сказал, что Келлен не из тех, кто ищет утешения или успокоения. Нет, этот парень носит свои метки, как кокарду дароменского маршала, как будто быть изгоем — некое благородное занятие.

— Это могло быть по-настоящему, — сказала она, хотя я не знал наверняка, разговаривает она со мной, с аббатом или сама с собой.

Диадера снова пошла ко мне, ее бледно-зеленые глаза обещали, что мы еще можем все исправить, что еще не поздно. Но к тому времени мой разум был слишком занят, лихорадочно перебирая все возможные выходы из ситуации, чтобы думать о дороге, по которой я никогда не странствовал.

«Подожди, пока она приблизится. Скользни в сторону, пяткой — под колено, рукой обхвати горло. Прижми стальную карту к ее шее. Остальные будут колебаться, так что толкай ее к связывающим жаровням. Когда аббат и Сутарей попытаются их защитить, вытащи порошок и подожги. Турнам со своими лентами самый быстрый, но Азир самый ценный. Схвати его и брось к скале, чтобы их внимание было сосредоточено на том, чтобы его спасти. Гхиллу никто не заботит, поэтому она приготовится изрыгнуть теневой туман. И что мне делать тогда?»

Диадера была уже в нескольких дюймах от меня.

— Пожалуйста, — сказала она. — Ты — один из нас.

«Быстрее, проклятье. Расставь на доске все фигуры. Пусти в ход каждый гамбит, который знаешь».

Я называю себя метким магом, но в глубине души догадываюсь, что я просто мошенник. Как однажды сказал отец, все у меня — сплошные трюки. Однако сложность с трюками заключается в том, что иногда самый ужасающий трюк — тот, который проделали с вами.

Диадера потянулась, чтобы прикоснуться к моим меткам. Я схватил ее руку, поймав ее в замок. Если бы она действительно подошла ко мне с мольбой образумиться, я бы ее достал. Проблема заключалась в том, что она этого не делала. Темные веснушки с ее щек влетели в мои щеки, уйдя глубоко под кожу, и при этом обнаружилась способность, которую Диадера до сих пор от меня скрывала. Я почувствовал, что теряю сознание, что она берет под контроль мой разум, не оставляя мне места в нем.

«Похоже, в наши дни все — связыватели душ».

Глава 54
ИЗВИНЕНИЕ

Было бы неточным сказать, что я проснулся через час. На самом деле я вообще не засыпал. Веснушки Диадеры каким-то образом заразили мою Черную Тень, дав девушке контроль над моим телом… Потому что миру, по-видимому, нужен был еще один эзотерический способ отобрать у человека свободу.

Я всерьез начал задаваться вопросом: может, магия просто по сути своей — зло?

Кроме того, учитывая, что Диадера играла в моем мозгу, как плохо настроенная гитара, я не сомневался — она знает, что я сейчас в сознании, поэтому и не пытался этого скрыть. Сев на кровати, я посмотрел на нее через решетку. Зеленые глаза, которые уставились на меня, больше не были такими яркими, их как будто даже затемняли Тени, протянувшиеся между нами.

— Прости, — сказал я.

Она удивилась:

— Ты просишь прощения? За что? Это же ты застрял в камере, Келлен.

— Да, но я и раньше бывал во множестве камер.

— И что?

— То, что тебе следует понять — я неплохо умею из них выбираться.

— Хотела бы я, чтобы на сей раз это оказалось правдой.

Голос ее звучал искренне. Из-за чего было трудно ее ненавидеть. Почти.

Я прислонился спиной к стене. Теперь, когда я знал, что все здесь — часть Черной Тени аббата, стеклянистый черный камень казался скользким и неестественным. Сколько этой штуки может быть в теле одного человека? Или он к тому же забирал ее у людей, которые здесь умерли? Когда ими овладевали демоны, не убивал ли он их только для того, чтобы потом высосать Черную Тень?

Я позволил на мгновение этим и дюжине других болезненных вопросов занять мои мысли, пока проверял Рейчиса. Он все еще был в сумке, крепко спал, крошки сдобного печенья остались на его пушистой маленькой мордочке.

— Много же от тебя помощи, — сказал я. — Где были все эти речи крутого белкокота, когда меня тащили сюда, готовя к виселице?

— Я никому не позволю тебя убить, — сказала Диадера. —

Обещаю.

Я смахнул несколько крошек с морды Рейчиса. Он меня укусил. Я счел это странно обнадеживающим.

— Если ты в это веришь, Диадера, мне еще больше тебя жаль.

— Прекрати так говорить! Перестань говорить, что тебе меня жаль. Ты ничего обо мне не знаешь.

Я закрыл клапан сумки.

— В самом деле?

Я подошел к решетке и протянул руку между прутьев. Меня удивило, что она позволила моему пальцу прикоснуться к веснушкам Черной Тени на ее щеках.

— Ты очень похожа на мою подругу.

— *Нет, только ты так думаешь. Ты такой же, как все остальные. Я показываю тебе несколько тщательно отобранных фрагментов того, кто я есть, а ты думаешь, будто видишь всю картину. Ты ее не видишь. Ты вообще никогда не видел дальше очевидного, даже когда я… Даже когда я хотела, чтобы ты увидел.*

Люди, которые захватывают ваши тела и запирают вас в клетках, не имеют права играть на вашем чувстве вины. Тем не менее со мной это сработало. Как любит напоминать сестра, в глубине души я простофиля, который продаст душу за шанс быть любимым.

— *Хочешь знать, что я в тебе вижу?* — спросил я.

Я почувствовал, как напряглась ее щека.

— *Ты считаешь, что раз ты энигматист, теперь ты можешь ворваться в мой разум? Давай, попытайся.*

Странная искренность наполнила ее мысли, как будто некая ее часть действительно хотела, чтобы я заставил ее раскрыться. Я убрал пальцы от щеки Диадеры и вместо этого взял ее руку, приложив пальцы к собственным меткам — пусть она знает, что я их не открываю. Казалось важным, чтобы она поняла: то, что я сейчас скажу, будет исходить от меня, а не от некоего сверхъестественного понимания, дарованного мне Черной Тенью.

— Эта моя подруга… — Несмотря на то что я влип, на моем лице появилась улыбка. — Она во многом похожа на тебя. Она любит дразнить, потому что таким образом дает понять, что с тобой все в порядке — что она не видит в тебе дефектного или менее стоящего, чем любой другой. А еще она очень смелая. Клянусь, чем опаснее ситуация, тем больше в ее походке самодовольства. Чем больше она напугана, тем наглее говорит.

— Похоже, она что-то скрывает.

Я пропустил эту реплику мимо ушей. Теперь Диадера прислонилась к решетке, ее рыжие локоны были так близко, что мне захотелось к ним прикоснуться.

— У нее такие же волосы, как у тебя, что, я думаю, встречается довольно редко.

— Рыжие волосы не такая уж редкость.

— Среди медеков.

Она замерла, как олень, который только что почуял запах охотника и услышал звон тетивы арбалета, но еще не почувствовал рану и отчаянно пытается выяснить, в какую сторону бежать.

— Почему ты так сказал?

— Сперва я не знал. Я знал, что что-то не так. Все это изображение дароменки — оно было слишком идеальным. Все твои жесты и манеры… Каждый слог произносился с самым искрящимся акцентом чистокровной высокородной дароменки. Ясно, что ты путешествовала, а никто из путешествующих не сохраняет свой акцент в такой чистоте.

— Немногие уловили бы подобные тонкости. Твоя подруга аргоси научила тебя этому?

Я пожал плечами.

— Кое-чему. Но все это только сказало мне, что ты что-то скрываешь. В конце концов, все вернулось к тому дню в башне аббата, когда я только что прибыл. Ты пришла, чтобы найти меня возле его кабинета.

— Помню. Ну и что?

— Ты ненавидела меня.

— Ненавидела? — Она засмеялась. — Я практически тебя обольщала.

— Да. Со мной такое не часто случается. Люди, как правило, находят меня слегка отталкивающим, пока не узнают поближе. После этого им обычно хочется меня убить, но тебе не нужно было ждать так долго. Турнам даже сказал на следующий день, что тебе полагалось убить меня.

Она заколебалась, но ни на миг не отвела глаза.

— Он сказал, что ты — джен-теп. Я давным-давно поклялась, что Сутарей будет единственной из твоего народа, кого я стерплю. Поэтому я пришла, чтобы соблазнить тебя. Заставить тебя пойти со мной на утес. Многие люди, которые впервые сюда приходят, когда видят, что демон появляется из того, у кого такая же болезнь, как у них, просто делают шаг прямо с края скалы. Ни у кого не возникло бы вопросов.

Турнам. Диадера. Наверняка Гхилла. Сколько здешних людей хотели убить меня, едва увидев?

— Так что же произошло? — спросил я.

Кончики пальцев Диадеры провели по извилистым черным линиям вокруг моего глаза.

— Это. Я никогда не встречала никого, чьи метки были из той же эфирной плоскости, что мои. На секунду, коснувшись их, я не почувствовала себя…

— Одинокой, — сказал я вслух.

Она кивнула, убрав руку.

— Твоя подруга медек — она сказала тебе, что это такое? Просыпаться каждый день и знать, что твоего народа нет? Что все они убиты, жестоко, ужасно, и что никто не пролил о них ни слезинки?

— Мне жаль.

— Прекрати это повторять! Мне не нужна твоя жалость.

— Нет, я не имею в виду, что сожалею о том, каково быть медеком.

Я отошел от решетки.

— Я не знаю, что чувствуешь, когда теряешь свой народ. Я знаю только, что чувствуешь, когда твои соотечественники ненавидят тебя, охотятся на тебя и желают видеть тебя мертвым.

— Тогда ты должен хотеть увидеть их страдания! — Диадера так крепко сжала прутья, что побелели костяшки пальцев. — Джен-теп презирают Черных Теней, Келлен! Ненавидят их так же сильно, как ненавидели мой народ, а ты знаешь, что они сделали с нами! Даже твоя подруга, трехпалая девочка с гиеной, сбежала от тебя, как только увидела остальных и поняла, кем тебе суждено стать. Они больше не твой народ, Келлен. Ты должен хотеть увидеть, как джен-теп будут стерты с лица земли!

— Я хочу этого, — признался я. — Иногда хочу так сильно, что почти желаю, чтобы демон внутри меня одержал верх.

— Так объединись с нами! Пообещай работать с аббатом и…

Я покачал головой.

— Проблема в том, что я продолжаю думать о своей подруге. Ее зовут Фериус Перфекс. Она спасла мне жизнь, а потом полностью перевернула ее вверх тормашками. Самая сумасшедшая персона, какую только можно встретить. Несмотря на все, что она видела, несмотря на все уродливое, что показывал ей мир, она встает каждое утро и пытается его спасти. Не только пытается спасти — делает это с радостью. С радостью, Диадера. Каждый шаг она делает на Пути Полевой Ромашки. Ты можешь такое себе представить?

Некоторое время царило молчание, но, наконец, Диадера сказала:

— Похоже, она удивительная. Жаль, что я не встретила ее раньше.

— Ты все еще можешь ее встретить.

— Нет.

— Есть одно, чему я научился, странствуя по длинным дорогам: никогда не поздно, если только ты сам не решил, что все потеряно.

Ух ты. Фериус гордилась бы этой фразой.

— Эта женщина, эта Фериус, которая, по твоим словам, спасла тебе жизнь? Аббат спас меня. Он научил превращать в силу всю мою ярость и беспомощность. Вместо того чтобы жить в страхе перед Тенями, я использую их, чтобы защищать людей, которые дороги мне. Вместо того чтобы прятаться от врагов, я заставляю их прятаться от меня.

— Звучит благородно. Не могу поверить, что никто не сложил об этом песню.

Она не клюнула на приманку.

— Моя жизнь будет короткой, а смерть — ужаснее, чем у большинства. Я не могу позволить себе ждать любви или дружбы, не могу позволить себе любой лжи, которую говорят люди, чтобы утешиться. Но я все-таки могу найти удовольствие и цель и извлекать из них всевозможное утешение… Пока могу.

— Даже если это означает помочь аббату исполнить ритуал отрицания над его врагами? Ты действительно с этим смирилась?

Не отводя от меня взгляда, она распахнула пальто и расстегнула рубашку ровно настолько, чтобы я смог увидеть верхнюю часть отметин, которые она вырезала на своей коже.

— О, Диадера… зачем?

— Потому что я выбрала, на чьей я стороне, Келлен. Когда начнется бой, если дела пойдут плохо и моя жертва будет означать, что аббат сможет задержать этих монстров джен-теп еще хоть на минуту… Я отдам ему свои Тени и скользну в то, что ждет меня после смерти, с улыбкой на лице.

Она отошла от решетки.

— Жаль, если это тебя разочаровывает.

— Нет, Диадера. Это мне жаль.

Легкая улыбка появилась на ее губах.

— Сколько раз я должна повторить, чтобы ты перестал так говорить? Мне не нужна твоя жалость, Келлен.

— Это не жалость. Я просто хочу, чтобы ты в кои-то веки узнала настоящую дружбу.

Я оглянулся на дорожную сумку, стоящую рядом с кроватью, и на мгновение прислушался к доносящимся оттуда храпу и ворчанию.

— Он крадет мои вещи, кусает меня, а теперь даже не может говорить со мной, но все равно рядом с ним я чувствую себя лучше.

— Это не дружба, Келлен. Это называется иметь питомца.

— Шшшш, — прошептал я. — Он тебя слышит и, наверное, прямо сейчас хочет сожрать твои глаза.

Я вернулся к решетке, сознавая, как рискую, но желая в последний раз почувствовать странную связь, которую, наверное, никогда не разделю с другим человеком.

— Если бы у тебя был шанс по-настоящему узнать Рейчиса, ты бы поняла, что в дружбе самое главное.

Я чувствовал, как она прощупывает, пытается проникнуть глубже в мой разум. Я впустил ее туда, но только по пути, который для нее продолжил.

— Ты бы сделал для него все, что угодно, — думала она.

— Это я и пытаюсь тебе сказать, Диадера. Неважно, насколько плохо все идет или насколько сильно ты их разочаровываешь, настоящие друзья никогда тебя не бросают. Даже если им приходится притворяться, будто бросают.

Слишком поздно ее глаза распахнулись, когда она, наконец, поняла.

Веснушки ее Черной Тени взлетели в воздух, рой выискивал угрозу, которая была здесь все время. Диадера не видела ее по той простой причине, что не могла себе такого представить.

Удар был быстрым, и она осела на пол. Рыжие локоны скользнули между прутьями, как будто она пыталась дотянуться до меня хотя бы волосами.

— Давно ты здесь? — спросил я у темноты.

— Я пришла раньше, чем она тебя сюда притащила, — ответила Нифения, шагнув ближе к решетке, чтобы я мог ее увидеть.

Айшек мягко ступал рядом с ней.

— Как вы вернулись в аббатство?

Нифения довольно неизящно фыркнула:

— Следовало ожидать, что после первого раза они будут держать ухо востро, но Азир был так измучен, а другие так полны самодовольства, заполучив возможность победить отряд, что никто не заметил, как мы последовали за вами через Тени во второй раз.

Она вытащила из пальто крошечный стеклянный шарик и разбила его о замок двери камеры. Послышался щелчок, и дверь распахнулась.

— Тебе не нужно было использовать один из своих амулетов, — сказал я. — Моя монета сотокастра могла бы такое сделать.

— У нас нет на это времени. Кроме того, я создала амулет несколько месяцев назад. Заклинание все равно долго бы не протянуло.

Айшек дважды коротко тявкнул. Она потрепала его по голове.

— Да, дорогой, я все ему расскажу.

— Расскажешь мне что?

— Когда мы вернулись в аббатство, я не была уверена, где спрятаться и что делать. Айшек предположил, что в конце концов ты окажешься в тюрьме, поэтому мы можем прийти и подождать тебя здесь.

— Ты вовсе не спешила меня освободить.

Нифения посмотрела на бесчувственное тело Диадеры.

— Я… Я подумала, что у тебя есть что сказать.

Забавно, когда кто-то знает тебя лучше, чем ты сам. Все это время я думал, что заговариваю Диадере зубы и тяну время, чтобы Нифения успела меня найти. Оказывается, она просто давала мне время попрощаться.

— У тебя есть план? — спросила Нифения. — Судя по тому, что я услышала, сидя здесь, твой сумасшедший приятель-аббат замышляет нечто ужасное. Поэтому, если у тебя нет идеи, как помешать всему отправиться прямиком в семь адов…

Я отправился за своей сумкой. Когда я к ней подошел, Рейчис выкарабкался наружу, дважды потянулся, пукнул, побрел через открытую дверь камеры, вскарабкался на спину Айшека и уселся там, как диковинный маленький пушистый ковбой. Он что-то просвистел гиене в ухо.

— Что он сказал? — спросил я.

Айшек несколько раз тявкнул. Нифения нахмурила лоб.

— Он говорит, что не уверен. Белкокота теперь трудно понять.

— О. Я думаю, что…

— Но он почти уверен, что Рейчис говорит: если у тебя есть план, значит, все мы спеклись.

Ну, по крайней мере, мой деловой партнер проницателен, как всегда. Я протянул руку Нифении. Она посмотрела на нее, приподняв бровь.

— Ты пытаешься держаться со мной за ручку, Келлен?

— Нет. Но, полагаю, у тебя что-то для меня есть?

Она твердо смотрела на меня, стараясь сохранять невозмутимость, но не сумела полностью удержаться от намека на улыбку.

— Почему у меня должно что-то для тебя быть?

— Потому что после того, как ты ушла, ты отправилась убедиться, что с Шеллой все в порядке.

— Ты же знаешь, что я ненавижу твою сестру, да?

— Да, но ты все равно пошла, потому что знала: я бы не хотел бросить ее вот так — одну и без защиты. И как только она

очнулась и вы двое закончили свой обычный список угроз и обвинений, она, без сомнения, начала рассказывать, что я совершаю ужасную ошибку, и обязан поддерживать свою семью, и…

Улыбка превратилась в ухмылку.

— И как ужасно разозлится папа.

— Потом она сказала, что твой долг джен-теп — даже изгнанной джен-теп — передать мне сообщение.

— Шелла никогда бы не доверила такой, как я, столь важное послание.

— Конечно, нет. Поэтому она дала тебе то, что позволит ей общаться со мной здесь, в аббатстве.

Нифения протянула руку и ущипнула меня тремя пальцами за щеку.

— Как получается, что ты такой милый, и все-таки все хотят тебя убить?

Она отпустила мою щеку и достала что-то из кармана пальто.

— Ты отчасти прав. Шелла передала мне для тебя кое-что, с помощью чего можно разговаривать. — Она протянула мне игральную карту. — Только она связывается не с твоей сестрой.

Карта была красиво разрисована и смущающе знакома. На ней изображалась искусно сделанная корона, которую держали деревянные руки, предлагая ее единственному достойному такого дара. Название под рисунком гласило: «Коронованный маг».

— Кажется, твой папа хочет с тобой поговорить, — сказала Нифения.

Глава 55
ПЕРЕГОВОРЫ

Почему, как бы далеко я ни путешествовал, мне никогда не удается убежать от отца? Хотя я очень уважал его в детстве, я всегда был ближе к матери. Но я не разговаривал с Бене-маат почти два года. Ни слова с тех пор, как ушел из дома. Я невольно задавался вопросом, не было ли так и задумано Ке-хеопсом.

— Здравствуй, отец, — сказал я.

Изображение на карточке уже ожило: сильные, тщательно ухоженные руки тянулись вниз, чтобы взять корону и возложить ее себе на голову. Без сомнения, это была его любимая часть переговоров.

— Келлен. Вижу, ты опять нашел новых и интересных людей, с которыми подготовил заговор против собственной семьи.

Я улыбнулся ему и швырнул карту к стене подземелья, разорвав связь.

— Слегка раздражен? — спросила Нифения.

Я пошел, чтобы подобрать карту.

— Просто устанавливаю несколько основных правил этих переговоров.

Потребовалась минута-другая, прежде чем заклинание в карте смогло опять залатать пространство между нами. Мой отец не выглядел удивленным.

— Проклятье предкам, не говори ни слова, отец, — предупредил я, прежде чем он успел выразить свое негодование. — Я буду говорить, а ты будешь слушать. Понятно?

Он не двигался так долго, что было не совсем ясно, работает ли еще заклинание в карте.

— Тогда говори.

Это говорило о многом. Позволить мне контролировать разговор? Отец никогда не стерпел бы такого унижения, если бы не знал, что он в беде.

— Полагаю, вы уже увидели эффект обручения с Тенью, которое проводит аббат?

Ке-хеопс кивнул.

— У семи магов — мужчин и женщин из хороших домов — появились признаки. Они обратили свою магию против нас.

Челюсти на картинке сжались.

— Мне пришлось покончить с ними.

— Что ж, вам, вероятно, следует бросить мост. Жить, чтобы сразиться в другой раз.

Его нарисованные губы скривились.

— Как мало ты понимаешь в этом мире, Келлен. Мы на полпути к аббатству. Если мы сейчас повернем назад, после того как я пообещал нашему народу победу, я никогда не буду коронованным Верховным Магом.

Он поднял руку.

— И прежде чем ты обесчестишь себя и меня новыми умными замечаниями, знай, что такое поражение сделает наш народ слабым и трепещущим на сотню лет. Изменения уже начались, Келлен. Мир идет к более смертоносной войне, чем любая из тех, какую все мы видели. Карты мира будут переписаны. Хотел бы ты увидеть, как твоя родина уменьшилась до разбросанных феодов, склоняющихся перед более великими нациями?

Меня это полностью устраивало. Тем не менее я спросил:

— И ты рискнешь потерять всех до последнего своих магов в этой битве?

— Да. Я пошлю всех и каждого на смерть, если понадобится. Есть два типа лидеров, которых ищут люди, Келлен. Те, кто лучше всего правит во времена мира, и те, кто лучше всего правит на войне. Даже ты должен понимать, в какое время мы живем. Я потеряю многих — возможно, большинство — своих магов, но, если выживут хотя бы несколько из нас, мы доберемся до другой стороны моста и навсегда уничтожим Эбеновое аббатство. Наш народ будет оплакивать своих погибших, но с гордостью, в которой ему давно отказывали.

— А что насчет Шеллы? — спросил я. — Будешь ли ты так же спокоен, когда погибнет она?

— Твоей сестре запрещено принимать участие в бою. Она осталась в лагере, как я повелел.

Я оказал ему любезность, притворившись, будто такое возможно. Шелла была сторонницей соблюдения правил, кроме тех случаев, когда дело касалось защиты ее семьи. Она не больше позволит Ке-хеопсу попасть в смертельную ловушку без нее, чем позволит мне умереть здесь одному. Интересно, что она сделает в тот день, когда ей придется выбирать между нами.

— Возможно, есть другой способ, — сказал я.

Отец смотрел на меня с бесстрастным лицом. Без сомнения, он думал, что скрывает от меня свои истинные чувства. Но два года исследования Путей аргоси научили меня тому, что даже отсутствие эмоций может кое о чем говорить. В данном случае оно сказало мне: отец очень надеется, что у меня может найтись решение его проблем. Учитывая, как мало он в меня верил, это означало, что он в полном смысле слова в отчаянии.

— Я остановлю аббата, чтобы он не обручал с Тенью других

твоих магов. Вы сможете переправить свои войска через мост.

— Как остановишь?

— Не твое дело.

Я не просто был агрессивным. Если бы отец знал, как я это сделаю, он нашел бы способ соблюсти свои интересы.

— Взамен ты позволишь здешним детям уйти.

— Детям? Ты имеешь в виду Черных Теней?

Я кивнул.

— И их семьям. Большинство этих людей просто пытаются жить в мире. У них нет магии джен-теп, они не имеют никаких способностей Черных Теней. Они просто страдают от проклятия, которое наш народ принес в мир. Если демонические силы когда-нибудь ими овладеют, кто-нибудь достаточно легко убьет их, прежде чем это превратится в проблему. Пусть они обретут мир на то время, которое им отпущено.

— Нет, — сказал отец. Слишком быстро, что означало: он думает об этом. — Позволить стольким свободно уйти? Это уменьшит мою победу.

— Вовсе не так сильно уменьшит, как если кучка сумасшедших монахов надерет вам задницы — а именно это произойдет, если вы не пойдете моим путем.

Он посмотрел на меня из рамки карты.

— Твоим путем. И каков твой путь, Келлен? Куда ведут эти жалкие акты вмешательства и неповиновения? Неужели аргоси настолько затуманила твой разум своей приграничной философией, что ты веришь, будто изгой — меткий маг может изменить естественный ход истории?

Конечно, я в такое не верил. Я сомневался, что аргоси со всеми их талантами смогут остановить грядущую войну на континенте. Но Фериус не без причины научила меня арта валар, прежде чем научить драться.

— А ты проверь, — сказал я.

Поверхность карты слегка заколебалась, когда отец фыркнул:

— Очень хорошо. Остановите зверства аббата, пока я не потерял других магов, и я дам вам час, чтобы вывести детей. Но как только разгорится битва, любой оставшийся умрет в огне и громе. Я не позволю, чтобы уцелели хоть какие-то следы Эбенового аббатства.

— Чувствую, это не будет проблемой.

— Тогда, похоже, мы заключили соглашение, и теперь каждого из нас зовет долг.

Я колебался, только теперь поняв, насколько похожи аббат и Ке-хеопс.

— Отец…

Я даже не знал, как задать вопрос, но все-таки выдавил слова:

— Ты когда-нибудь… Ты или моя мать когда-нибудь проводили ритуал отрицания на врагах нашего клана?

Он долго молчал, пристально глядя на меня. Я боялся, что уже знаю ответ, что он просто ожидает, когда я сам сделаю вывод.

— Нет, Келлен, я никогда бы не совершил такую мерзость даже с врагами. Было время, когда такое приходило мне в голову, но не так давно я совершил поступок почти столь же порочный, и память о нем преследует меня до сих пор.

— Какой? — спросил я. — Какое преступление может заставить могучего Ке-хеопса усомниться в своем долге?

Я увидел, как линии карты снова застыли, когда он закрыл заклинание, но не раньше, чем услышал слова отца:

— Я связал контрмагией собственного сына.

Глава 56
ВОРОТА

Нифения, Айшек, Рейчис и я бежали по одному лестничному пролету за другим, пока, наконец, не оказались в коридоре одного из самых больших зданий аббатства. Мы рванули на улицу, промчались через двор, мимо монахов, готовящихся к войне, невинных, готовящихся к худшему, и детей, играющих в простодушном неведении. К тому времени, как мы приблизились к воротам аббатства, я уже видел, как аббат повредил некогда сверкающий Мост Заклинаний. Яркие красочные татуировки джен-теп переплетались с колючими черными лозами, которые вертелись вокруг них, разрывая их. Искры красного и золотого, серебряного и синего, серого и желтого взрывались в ночном небе, когда их субстанция боролась с чернотой, просачивающейся внутрь. Аббат работал быстро.

— Пошли, — сказал я, направляясь к воротам.

Рейчис, сидя на спине Айшека, продолжал свистеть, как свистел все время с тех пор, как мы покинули подземелье. Периодически гиена переводила это Нифении, а та иногда начинала сообщать, что говорит Айшек.

— Он говорит…

— Я в точности знаю, что говорит Рейчис. Он говорит: этот план ужасен, из-за меня нас всех убьют, и вот что он получает за согласие стать деловым партнером слабовольного голокожего.

Нифения схватила меня за руку.

— Потрясающе! Я думала, ты больше не понимаешь его.

— Не понимаю. Маленький мерзавец просто предсказуем, вот и все.

Рейчис длинно зарычал.

Я наклонился к его морде.

— Нет, ты не съешь мои глаза. Знаешь, почему? Потому что, если я умру, ты останешься один, и никто не сможет организовать тебе ванну и сдобное печенье. Согласись, Рейчис: мы с тобой против всего мира, как и всегда.

Айшек громко залаял. Нифения молча кинула на меня сердитый взгляд. Это я тоже мог перевести без помощи магии.

— Я знаю, что и вы рискуете жизнью. Просто… Слушайте, можно повременить с ненавистью до тех пор, пока мы не остановим этих сумасшедших?

Ниф взглянула на гиену, а та повернула голову, чтобы посмотреть на Рейчиса. Наконец, Айшек коротко тявкнул.

— Хорошо, — перевела Нифения. — Но после тебе придется принести впечатляющие извинения.

Поладив на этом, мы вчетвером выбежали за ворота, чтобы встретиться с тем, что, как мы знали с самого начала, будет нас там ожидать. Мне пришло в голову, что, возможно, мне никогда не придется приносить упомянутые извинения.

Глава 57
ПОТЕРИ

Конечно, мы ожидали неприятностей. Хотя действия аббата приняли темный оборот, он потратил годы на то, чтобы заслужить преданность своих приверженцев. Это не так просто сделать. Монахи — обручники, фоггеры или как их там еще называли — охраняли его, пока он работал. Я был бы дураком, если бы думал, что там не будет и метателей Теней. К этому времени они выбрали свой путь, решили, кому верны; они могли даже рваться в бой. Чего я не предвидел, так это первой жертвы войны, которая уже ожидала нас.

— Мальчик мертв, — сказал Турнам.

Он стоял на коленях, держа на руках неподвижное тело Азира. Не было ни крови, ни сломанных костей. Только явная пустота в безжизненном взгляде.

В воздухе висела странная тишина, как будто смерть невинного стала стеной, разделяющей две стороны, удерживая от дальнейшего насилия. Турнам даже не смотрел на нас, хотя я знал: он обращается ко мне.

— Это не рана, не заклинание, ничего такого. Просто слишком много путешествий за слишком короткое время. Слишком много страха, что его найдут, что его захватит отряд. Знаешь, страх сказывается. Он ослабляет дух.

Тунам снова и снова качал головой.

— Глупый малыш. Я все время твердил, что он должен повзрослеть. Перестать быть таким ребенком.

— Мне жаль, — сказал я. — Он… Думаю, он восхищался тобой.

Турнам встал, все еще держа на руках тело Азира.

— Он ненавидел меня. Считал, что я задира. Наверное, он был прав, но я просто пытался его закалить, понимаешь? Я думал, что, если он только сумеет побыть сильным еще немного, еще пару лет, с ним все будет в порядке.

Между нами и аббатом стояла группа из четырех монахов, а еще Сутарей и Гхилла. Мы должны были пройти мимо них, чтобы помешать и дальше заражать Мост Заклинаний.

— Чего бы хотел Азир? — спросил я Турнама. — Будь он все еще здесь, что он велел бы тебе делать?

Глаза берабеска, наконец, обратились ко мне:

— Он бы сказал, что мы зашли слишком далеко. Он бы умолял выслушать тебя, подумать о том, что мы собираемся

сделать, пока не стало слишком поздно.

Он подошел к краю обрыва, поднявшись на выступ скалы у моста.

— Но Азира здесь больше нет.

Он поднял тело над головой и бросил его со скалы. Хотя мы знали, что не услышим ни звука, когда оно, наконец, упадет, все некоторое время молчали.

— Турнам, где Бателиос?

Турнам кивнул туда, куда бросил Азира.

— Я перекатил его через край. Он все еще был без сознания. Вряд ли это было больно.

— Да чтоб тебя…

Я замолчал. Сейчас от гнева не было никакого толка, а я в отличие от Турнама делал то, чего хотел бы от меня Бателиос — искал пути к миру.

Остальные метатели Теней наблюдали за мной. Гхилла мне нравилась, несмотря на ее угрозы и на то, что она все время называла меня «мальчиком». Сутарей была моей землячкой, джен-теп, но так сильно от меня отличалась, что я надеялся: разобравшись в ней, я смогу лучше понять свой народ. И Диадера, которая, как я слышал, бежала за нами.

Нифения предупреждала, что такое может случиться, но Черная Тень Диадеры освобождала ее от любых пут, как только та приходила в себя, а ни мне, ни Нифении не хотелось связывать ее магическим способом. В последнее время такого было более чем достаточно. Кроме того, маленькая, глупая часть меня все еще надеялась, что, когда мы снова окажемся вместе, я смогу урезонить ее и других метателей Теней. Заставлю их увидеть, что нельзя позволить произойти этой катастрофе.

Но боль и утрата могут сойти за растопку, если под ними достаточно гнева, и смерть Азира высекла искру.

— Теперь ты понимаешь, Келлен? — спросил аббат, поднимаясь с моста. Очевидно, он еще не закончил читать мне лекции и не собирался допустить, чтобы меня убили другие. — Джен-теп — это болезнь. Даже когда они не убивают нас своими заклинаниями, их существование лишает нас всякой надежды на мир. Я не могу позволить им уйти безнаказанными. Не сейчас, когда у меня есть возможность от них защититься.

Я мог бы сказать, что его слова почти полностью повторяют слова моего отца; что ожидание смерти на каждом шагу стало его оправданием сделаться не лучше, чем те, кого он презирает. Но я ничего подобного не сказал. Иногда не имеет ни малейшего значения, прав ты или нет.

— Ну? — спросил аббат, снимая мантию. Метки Черной Тени

по всему его телу практически мерцали в воздухе, как будто их возбуждала перспектива насилия. — Ты хотел сцепиться со мной с тех пор, как сюда прибыл. Теперь у тебя наконец-то есть шанс.

Я перевел взгляд с аббата на Диадеру, потом на Турнама и Гхиллу рядом с ним, и, наконец, на монахов, которые выстраивались, ожидая приказа напасть.

Нифения была готова к моему сигналу. Она знала, как и я, что нет хорошего способа все это закончить. Черные Тени собирались убить магов джен-теп. Маги джен-теп перебили бы Черных Теней. Все, что оставалось Нифении, Айшеку, Рейчису и мне — попытаться не дать огню ненависти распространиться настолько быстро, чтобы пламя охватило детей и их семьи, не имевших здесь права голоса, бессильные на что-либо повлиять.

Все, что оставалось — драться.

Глава 58
ТАНЕЦ МОСТА

Из нас четверых только Нифения владела по-настоящему значительной магией. Хотя она потеряла два пальца на каждой руке и по этой причине не могла делать магические фигуры, необходимые для высокой магии джен-теп, она чертовски хорошо создавала амулеты.

Нифения открыла железную коробку с заключенным в ней штормом, который выпускал молнию за молнией, посылая в наших противников осколки камня. Потом бросила на землю стальные чешуйки из маленькой банки. Они поскакали по каменным плитам, как крошечные крысы, вскарабкались по одежде одного из монахов и принялись грызть его, прежде чем он успел хлестнуть Нифению лентами Черной Тени в первой схватке. Когда монах упал, его ленты дико заметались, и, если бы Айшек не повалил Нифению на землю, ее сбросило бы с края утеса.

Рейчис сосредоточился на внезапных атаках: он укусил противника в шею, а после прыгнул, широко расставив лапы, чтобы его пушистые перепонки смогли поймать ветер. На несколько секунд он исчез, потом появился с другой стороны, чтобы найти нового противника. Он сражался, как всегда: яростно, храбро, безрассудно. Но теперь он был меньше, исхудав после лихорадки… И того, с чем еще он столкнулся в пустыне — одни предки знали, чего. Он не сможет долго продержаться. Никто из нас не сможет.

В любую секунду Гхилла окутает одного из нас удушающим туманом, или нас поглотит рой теневых светлячков Диадеры. Ленты Турнама, как и ленты других монахов, могут разорвать нас на куски. Наши силы были неравны, поэтому требовалось найти более искусный путь к победе.

— Иди сюда, бесхребетный ублюдок! — закричал берабеск, протирая глаза.

Я швырнул в него горсть черного порошка. Конечно, это не возымело эффекта. Через мгновение ленты его Черной Тени схватили меня за запястья и лодыжки, не давая сопротивляться. Я почувствовал, как мои руки и ноги вырываются из суставов.

— Не скажешь ничего умного, облачный мальчик? — спросил он.

Я открыл рот, но не произнес ни слова. Вместо этого выплюнул ему в лицо полный рот красного порошка. Хотя руки у меня были связаны, мне удалось создать неуклюжий вариант

магической фигуры, когда я произнес односложное заклинание. Внезапно вспыхнувшее пламя заставило его закричать. Огня было слишком мало, чтобы его убить, но вскоре он ослеп от ожогов и вышел из игры. Было жестоко и низко проделывать такой трюк с тем, кто на один короткий миг пытался быть моим другом.

Монах послал на меня завитки своей Тени, но к тому времени я уже вытащил из кармана одну из стальных карт, острых как бритва, и запустил в него. Она пролетела сквозь узкую щель между двумя его черными лентами и глубоко вонзилась ему в щеку. Возможно, это был лучший бросок, который я когда-либо делал, а Фериус здесь не было, чтобы это увидеть.

Гхилла подкралась сзади к Нифении и собиралась удушить ее теневым туманом, как вдруг мальчик закричал:

— Куд-да я должен ид-дти?

Это был голос Азира, и все замерли, услышав его. Гхилла обернулась и увидела позади себя Айшека. Гиена снова пролаяла голосом мертвого мальчика:

— Куд-да я должен ид-дти?

Даже я удивился. У меня ушла секунда, чтобы вспомнить: Азир произнес эти слова вчера, когда мы шли через Тени, чтобы добраться до лагеря военного отряда. Гиена могла имитировать все услышанное. Использовать голос мертвого мальчика было еще более жестоким трюком, чем тот, который я сыграл с Турнамом, но, думаю, на войне не место соблюдению приличий.

Когда Гхилла отвлеклась, Нифения хлестнула полоской шелковой ткани по губам девочки и произнесла трехсложное заклинание. Ткань внезапно затвердела, прижавшись ко рту Гхиллы так же, как к моему рту накануне вечером.

Еще один грязный трюк. Еще одна наша победа.

По моим подсчетам, бой продолжался меньше минуты. Мы могли бы продержаться еще секунд тридцать. Проблема с трюками и обманами состоит в том, что, как только враг увидит один из них, вы уже не сможете использовать его снова. Я однажды спросил Фериус, что бы она сделала, если бы у нее наконец кончились трюки. Ответ меня не успокоил.

— Посмотри на себя, — сказал аббат, шествуя ко мне. — Сражаешься с себе подобными.

— И так всю жизнь, — ответил я.

Я стоял на краю обрыва. Мне удалось сделать круг и приблизиться к мосту. Около трети нитей теперь были черными, полными Тени. Казалось, у аббата имелся безграничный запас материала, существовавшего в портале между нашей плоскостью бытия и множеством пустот. Я спрыгнул со скалистого выступа на мост. Под моими ногами он ощущался твердым.

Диадера встретила меня на мосту.

— Как ты это делаешь? — спросила она. Рой ее веснушек метался между нами, словно ожидая приказа нанести удар. — У тебя почти нет способностей. Твою подругу превосходят более могущественные люди. Здесь только вы с ней да пара животных. Как ты можешь выигрывать?

— Помнишь день, когда я впервые пришел в аббатство, а демон убивал монахов налево и направо во дворе? Тогда я впервые увидел, как сражаешься ты и остальные. Уже тогда я понял: что-то не так. Вы умеете использовать свои способности, чтобы атаковать вместе, но не умеете защищать друг друга. Вот почему Тасдием так легко захватил вас всех.

Она подходила все ближе, наблюдая за моими руками, чтобы увидеть, какой трюк я попытаюсь использовать против нее.

— Метатели Теней превосходно справлялись, пока ты здесь не появился, Келлен. И с нами все будет превосходно, когда я сброшу тебя с этого моста.

Я отступил на шаг, держа руки поднятыми, чтобы она видела, что я у меня ничего в них нет.

— Ты ошибаешься, Диадера. И мне бы очень хотелось заставить тебя это понять. Несмотря на все миссии, пьяные пирушки и все, что вы делаете вместе, эти люди тебе не друзья. Во всяком случае, не те друзья, которые тебе нужны.

Она покачала головой.

— Не могу поверить в то, что порой вырывается у тебя изо рта, Келлен.

Веснушки ее Черной Тени взмыли в воздух, готовясь атаковать меня.

— Какой твоим друзьям от тебя будет прок, когда ты умрешь?

— Давай выясним это вместе.

Я прыгнул на нее. На мгновение мне показалось, что она ошеломлена, но потом она заставила свой рой напасть. Я видел, на что способны эти крошечные частицы Черной Тени, поэтому у меня ушли все силы на то, чтобы не упустить из виду свою цель. Как раз перед тем, как рой добрался до меня, порыв ветра отогнал их прочь.

На краю обрыва Нифения размахивала треугольным веером. Это выглядело глуповато, но в результате поднялся настолько мощный ветер, что, даже находясь не прямо у него на пути, я едва удерживался на ногах. По Диадере он ударил сильнее, и она споткнулась. Она была очень близко к краю моста и уже теряла равновесие. Я подбежал и схватил ее за запястье. Одной рукой я продолжал поддерживать ее, а второй швырнул стальную игральную карту, и она попала в аббата прежде, чем ленты его

Черной Тени смогли поймать Рейчиса. Белкокот, как будто не заметив, что ему грозило, прыгнул на горло человека, который схватил Айшека. Гиена отпрыгнула прочь, приземлившись на последнего монаха, прежде чем тот смог добраться до Нифении.

У наблюдавшей за этими событиями Диадеры был ошалелый вид. Я втащил ее обратно на мост и притянул к себе.

— Я, Рейчис, Нифения и Айшек — мы заботимся друг о друге, Диадера. Вот почему мы можем сражаться так, как сражаемся. Вот чему ты, Турнам, Гхилла и другие так и не научились. Вот почему Тасдием смог поймать вас, и вот почему сейчас вам суждено проиграть.

Она не сопротивлялась и не закричала на меня. Она даже мне не возразила. Как ни странно, она сказала:

— Мы должны были присматривать за Азиром.

Внезапно она выскользнула у меня из рук: ленты аббата схватили ее и опустили рядом с ним.

— Ошибаешься, Келлен. Я присматриваю за своей паствой. Я охраняю их. Это все, что я когда-либо хотел делать.

— Тогда защити их сейчас! — закричал я в ответ. — Уведи их отсюда. Бегите к побережью и нанимайте корабль! Используй свои способности, чтобы скрыть судно, пока оно уходит куда-нибудь в далекое отсюда место. Маги моего отца удовлетворятся уничтожением аббатства. Это все, что им нужно — объявить о победе и показать миру, насколько храбры и могущественны джен-теп.

Я зря тратил на него слова. Все, что я говорил об отце, относилось и к аббату. Он до смерти устал от мира, который глядел сверху вниз на тех, у кого была Черная Тень. Больше, чем защитить своих людей, он хотел доказать, что они лучше всех остальных.

— Ты глупец, если думаешь, что отряд когда-нибудь перестанет охотиться на нас, — сказал аббат. — И проклятый глупец, если думаешь, будто я не знаю: ты стоишь на мосту, чтобы побежать на другую сторону и предупредить их. Я собираюсь сейчас убить тебя, Келлен из дома Ке. Не потому, что мне этого хочется, а потому, что поступить так будет правильно. Потом я закончу начатое, и маги будут служить мне до того самого дня, пока души их не будут съедены заживо теми демонами, которые имеют на них виды.

Он поднял руки, и волна маслянистой Черной Тени взмыла надо мной в вышину, заслонив солнце. Аббат подержал ее там мгновение, чтобы я мог видеть приближение своей погибели.

— Даже после всего, что ты сделал, Келлен, ты один из моих людей. Моя паства. Вернись к нам. Поклянись, что будешь

сражаться рядом со мной, и я дам тебе то, чего никогда не даст джен-теп: прощение.

С учетом обстоятельств это было довольно щедрое предложение. Я ответил шепотом, слишком тихим, чтобы он его услышал, но аббат понял, что я собираюсь сделать. Его руки сжались в кулаки и обрушились вниз, увлекая за собой волну Теней, но их встретило вопящее белое облако, взмывшее из моего правого глаза.

Сюзи бросилась на Черную Тень, заморозив ее своим холодом, а потом разбив на тысячу ониксовых осколков, которые упали передо мной. Но что-то было не так.

Вместо того чтобы вернуться в мой глаз, ее облако уплыло в открытое небо. Я почувствовал легкий ветерок на щеке и услышал вздох, который, как я знал, означает прощание.

— Прощай, Сюзи, — прошептал я в ответ. — Надеюсь, следующий парень доставит тебе меньше проблем, чем я.

— Похоже, у тебя наконец-то закончились трюки, — сказал аббат. Он подошел и встал передо мной на мосту. — Все кончено, Келлен, и мне жаль.

— Мне тоже, — сказал я и вынул из кармана карту.

Аббат устало улыбнулся:

— Думаешь, что сможешь ранить меня заточенной стальной картой, когда я готов с тобой покончить? Валяй. Брось ее.

Я швырнул карту в аббата, и тот четко поймал ее в воздухе. И только тогда заметил, что карта сделана из бумаги, а не из стали. Только тогда он впервые увидел лицо своего врага.

— Приветствую, господин аббат, — сказал Ке-хеопс. — Насколько я понимаю, вы на время перестали отравлять моих магов, чтобы развлечь моего сына и дать нам время завершить переход. Моя вечная благодарность, которую я сейчас передам вам лично.

Аббат отшвырнул карту.

— Ты — чертов мерзавец! — крикнул он мне. — Ты никогда не рассчитывал меня победить. Ты просто отвлекал меня. Давая отцу время убить тех, кого я связал, и закончить переход.

Именно в этот миг все мы услышали рев десятков магов, бегущих по мосту, первые слоги заклинаний, чудесных и одновременно омерзительных, шепчущих на ветру.

— Мне жаль, — сказал я аббату, пробегая мимо, чтобы добраться до ворот аббатства. — Но, говорят, именно так ведутся войны.

Глава 59
ВОЙНА

После этого началось безумие. Погром, бойня и бесконечные вопли умирающих. Мы не приняли ничью сторону, но это не значит, что мы избежали битвы. Нифения, Айшек, Рейчис и я сражались спина к спине, продвигаясь дюйм за дюймом сквозь хаос, чтобы попытаться добраться до семей в их домах.

Несмотря на все тренировки аббата, монахи сломали свои ряды лишь несколько минут спустя после того, как встретились с врагом на поле битвы. Наверное, только это и спасло тех несчастных немногих, кто выжил. Разделившись и забаррикадировавшись за рушащимися стенами и остатками упавших башен, они смогли воспользоваться способностями Черных Теней, чтобы сразить нескольких неосторожных магов, не наблюдавших за своими флангами. Но никто не сомневался, на чьей стороне сила. Скоро наступит конец, и у нас останется очень мало времени, чтобы бойня не превратилась в массовое убийство.

— Где они все? — спросил я.

Мы вбегали в небольшие комнаты в резиденциях аббатства и выбегали из них. Мы искали почти час и до сих пор собрали всего несколько мирных обитателей аббатства.

— Наверное, прячутся, — ответила Нифения. — Это то, что должны делать все мы. Здесь опасно.

«Везде опасно», — подумал я, когда мы выскочили на улицу, чтобы пробраться мимо разрушенных остатков крытой галереи.

Дальше будет только хуже. Четверть отряда даже не охотилась на монахов. Вместо этого они метали заклинания железа и огня, чтобы обрушить здания и пробить навесную стену. Мой отец хотел, чтобы Эбеновое аббатство сровняли с землей, и именно это сделают его войска.

Мы добрались до двора, который был благословенно пуст, за исключением нескольких мертвых и умирающих. Монахов быстро разгромили, у них больше не было причин здесь держаться.

— Сюда, вниз, — сказал я, приподнимая решетку, которая, как я знал, закрывала вход в канализацию.

— Что ты делаешь? — спросила Нифения. — Нам нужно провести этих людей через ворота аббатства. Твой отец…

— Мой отец согласился дать мне час, чтобы собрать как можно больше мирных людей и провести их через ворота.

Времени было крайне мало, что, конечно, и входило в его планы. Отец и дюжина его магов после торжественной казни

аббата и его личной охраны будут ждать нас на Мосту Заклинаний. Я сомневался, что члены военного отряда, которым мой отец не позволил присоединиться к их ликующим товарищам в бойне в аббатстве, с радостью будут стоять на мосту, чью мерцающую красоту омрачали извивающиеся эбеновые лозы. Они знали, что каждый темный тяж олицетворяет собой их собрата-мага, отравленного Черной Тенью и затем казненного будущим Верховным Магом.

Но это была проблема моего отца. Моей проблемой было то, что час почти истек, а с нами было всего полдюжины семей.

— Вы должны спрятать их, а я пойду искать остальных, — сказал я Нифении. — Иначе…

— Если вы ищете пассажиров, — кашляя, окликнул чей-то голос из канализационного туннеля внизу, — полагаю, у нас есть несколько человек, жаждущих отправиться куда угодно.

Не успел я спуститься, чтобы посмотреть, кто там, первый из людей поднялся по лестнице и вылез на булыжники, задыхаясь от пыли и грязи, заполнивших туннели из-за разрушений наверху.

— Сколько вас там? — спросила Нифения.

— Не знаю. Я не хочу загораживать им выход и задерживать их.

Один за другим они выходили, все больше и больше, пока не заполнили половину двора. Мужчины и женщины тащили те немногие пожитки, какие могли, а дети побольше плелись рядом, ведя за руку младших или неся на руках младенцев.

— Предки… — выдохнул я, но не при виде растущей толпы, а при виде избитого и окровавленного молодого человека в рваной одежде, который выбрался последним.

Как сообщили семьи, он разыскал их и отвел в безопасное место. Он взобрался по лестнице и вышел во двор, вытирая пыль и грязь с лысой головы и лица, бледного под засохшей кровью, если не считать извилистых меток, которые заканчивались черными слезами на левой щеке. Он улыбался такой сияющей улыбкой идиота, что мне захотелось его расцеловать.

— Бателиос? — закричал я, схватив его за руку, чтобы он не упал обратно в канализацию. — Откуда ты?.. Турнам сказал мне, что сбросил тебя со скалы!

Широкая улыбка исчезла, лоб нахмурился:

— Знаю. Я очнулся, просто притворялся, что без сознания. Конечно, к тому времени, как Турнам схватил меня лентами, было слишком поздно что-либо делать, кроме как изображать мертвеца и надеяться на лучшее. Мне очень хочется, чтобы люди перестали бросать меня со скалы. Полагаю, эту моду ввел ты, мой друг.

— Что не объясняет, как ты выжил.

— А. Ну, оказалось, что в десяти футах внизу есть скалистый выступ, если тянешься достаточно отчаянно, чтобы за него схватиться. Там даже есть небольшой уступ, по которому можно передвинуться боком на несколько футов, а потом вскарабкаться вверх по другую сторону ворот. Да, кстати, — Бателиос полез в карман своего пальто и достал рваный и грязный кусок свернутой ткани, — я нашел это на уступе.

Это была моя рубашка, и, конечно, внутри оказалось несколько костей дикой кошки: они не выпали. Рейчис засвистел, Айшек гавкнул, и Нифения начала переводить.

— Не трудись, — сказал я.

Я подошел к Рейчису, сидящему на спине гиены.

— Послушай, мне жаль, что я перепутал явно отвратительные, уродливые кости дикой кошки с костями белкокота, которые, как знает любой мало-мальски образованный человек, являются гладкими, идеальной формы произведениями искусства, напоминающими чудеса природы. А теперь — тебе нужен сувенир или нет?

После некоторого шипения и рычания Рейчис взял у меня рубашку, понюхал ее, вынул то, что казалось ребром, а остальное бросил на землю. Решив эту проблему, я обратился к другой, гораздо большей:

— Сколько людей здесь с тобой, Бателиос?

— Только дети и их семьи.

— Я вижу множество людей, не похожих на родственников, — сказала Нифения. — Это увидит и военный отряд.

— А я, — сказал Бателиос, глядя на них, — вижу очень много людей, которые не просили войны, не могут воевать и нуждаются в нашей помощи.

Он повернулся ко мне:

— Келлен, тут все, кого я смог найти вовремя. Кое-кто до сих пор прячется в аббатстве, они были слишком напуганы, чтобы выйти, когда я звал. Некоторые из них — дети.

Нифения подняла Рейчиса и протянула мне:

— Ты пойдешь и уладишь все со своим отцом. Я возьму Айшека и попытаюсь собрать всех, кого смогу. — Она повернулась к гиене: — А ты для разнообразия будешь милым и привлекательным, чтобы помочь мне убедить малышей не убегать от нас.

Она снова повернулась ко мне и что-то вложила в мою ладонь. Я опустил глаза и увидел крошечный магнит на шнурке. Как только я его поднял, магнит качнулся в сторону Нифении.

— Я вложила в него поисковое заклинание. Я найду

безопасное место, где спрятать детей, а ты присоединишься ко мне позже.

«Если где-нибудь в этой адской дыре что-нибудь можно назвать безопасным», — подумал я, но положил амулет в карман.

— Келлен, — сказала она, глядя на толпу, которую я собирался провести через ворота аббатства. — С Ке-хеопсом… будь таким, каким хочешь быть, а не раздражительным сыном, который думает, что заслуживает лучшего отца.

— Ты начинаешь говорить, как Фериус, ты это знаешь?

Она поцеловала меня в щеку:

— А ты иногда говоришь самые приятные вещи.

После этого она и Айшек прошли мимо толпы перепуганных детей и их родителей, которые ждали, когда я скажу, жить им или умереть.

— Хорошо, — сказал я наконец, повернувшись к воротам аббатства и двинувшись к Мосту Заклинаний. — Давайте посмотрим, в каком настроении будущий Верховный Маг народа джен-теп.

Глава 60
ПЕРЕСМОТР ДОГОВОРА

Отец был в хорошем расположении духа, когда мы нашли его с личной охраной из дюжины военных магов, стоящих в ярких доспехах на Мосту Заклинаний.

— Можешь выбрать половину, — сказал он, пройдя со мной дальше по мосту, чтобы сохранить нашу беседу в тайне.

— Половину?

Я чуть не отправил Рейчиса в полет с насеста на моем плече, что вызвало шипение и противный щепок за ухо. Я едва это заметил. Весь мой гнев был обращен на отца:

— Корона слишком сильно сжала твой череп? Мы заключили сделку!

До сих пор мои попытки быть привлекательным венчались успехом. Клянусь, если я еще раз увижу Фериус, я заставлю ее повторить все до единого уроки арта сива, которые я проигнорировал в прошлый раз.

«Будь очаровательным», — напомнил я себе.

— Эти люди никому не угрожают, — тихо сказал я.

Ке-хеопс оставался удивительно спокойным, пока я его умолял, но теперь его губы изогнулись в гримасе отвращения.

— Они — Черные Тени и заговорщики, укрывающие себе подобных. Нет, Келлен, я дал тебе час, а ты потратил больше времени. Я согласился с тем, что самое скромное число невинных сможет пройти невредимыми, а ты приводишь мне эту орду. Я не позволю тебе опозорить меня перед магами, которые рисковали жизнью в этой миссии и потеряли товарищей из-за грязных махинаций аббата. А теперь выбери из этого сброда или я выберу за тебя.

— Ты хладнокровно убьешь их? — вопросил я. — Зачем я вообще спрашиваю? Конечно, ты…

«Остановись. Не переходи на личности».

Бателиос прошаркал мимо дюжины магов почетной гвардии отца, дружелюбно улыбаясь им на ходу.

— Келлен! — прошептал он мне, когда оказался достаточно близко. — Нам нужно что-то срочно предпринять. Наши подопечные боятся с каждой секундой все больше. Как бы они не сбежали или, еще того хуже, не попытались штурмовать мост. Если такое произойдет…

Я оглянулся на скалу в конце моста, где двести робких людей очень смахивали на лошадей, запертых в сарае, который начинает

гореть. Если они попытаются прорваться через мост, у магов моего отца будут все основания, чтобы их убить.

— Вернись и получше их успокой, — сказал я Бателиосу. — Это долго не продлится.

— Конечно, не продлится, — сказал отец, услышав мои слова. — Я не буду стоять здесь весь день и спорить с тобой, пока остальной мой отряд сражается в аббатстве. Выбирай, Келлен.

«Думай, черт возьми. Он твой отец, а не какой-то буйнопомешанный. Убеди его».

Я изо всех сил пытался придумать какой-нибудь разумный принципиальный вопрос, который мог бы убедить могущественного Ке-хеопса сделать нечто настолько фундаментальное для человеческой порядочности, что одна попытка объяснить, почему поступить так — правильно, казалась невозможной. И я не мог придумать никакой лести или личного предложения, способных склонить его на мою сторону. Это был день расплаты, обещанной им своему отряду, и маги жаждали крови. Большинство из них выглядели так, будто согласились бы на мою кровь. Напыщенные, гордящиеся собой болваны в немыслимо изукрашенных магических доспехах…

«Бальные платья?»

Едва крошечные детали и подсказки начали выстраиваться в моем сознании, я почувствовал вокруг глаза едва уловимое смещение замков Черной Тени. Я проигнорировал вопрос, прежде чем кольца смогли разблокироваться.

«Почти наверняка мне не требуется помощь с данной загадкой».

— Келлен? — спросил отец. — Ты…

— Минуточку, отец, если не возражаешь.

«Не переходить на личности? Нет. Сделай это полностью личным».

— Ты хорошо выглядишь, Эсса-джин, — сказал я женщине в сапфировом платье с неестественно голубыми глазами и нелепыми лазурными волосами.

Она скользнула ко мне, паря в нескольких дюймах над мостом, хотя я заметил, что ее шаги казались менее умелыми, чем тогда, когда я впервые встретил ее рядом с лагерем военного отряда.

— Сын Ке, — сказала она. Интересный способ обращения, поскольку он традиционно используется как напоминание о долге перед домом. — Некхек, — продолжала она, заметив Рейчиса на моем плече. — Вижу, ты нашел компанию, достойную твоего положения. — Он здо… То есть он выглядит самым отвратительным из животных.

— Это уродливое и вспыльчивое племя, — ответил я, игнорируя сердитое верещание белкокота, — хотя конкретно этому экземпляру в последнее время пришлось нелегко. К счастью, помощь явилась из неожиданного источника, и я за нее благодарен.

— Да… ладно, какая разница? — ответила она, явно чувствуя себя неловко. — Как ты сказал — уродливое создание.

Я улыбнулся и ее словам и тому, что Рейчис в кои-то веки не зашипел в ответ.

— Точнее не скажешь. С другой стороны, ты по-прежнему самая красивая женщина, когда-либо носившая титул мага. Я рад тебя видеть. Я хотел извиниться за свое неподобающее поведение при нашей последней встрече.

— За что именно? — спросила она.

— Когда ты сказала, что будешь сидеть рядом с моим отцом, я оскорбил тебя, и прошу прощения. Воистину, Ке-хеопсу повезет, что ты будешь с ним рядом, даже больше, чем моей матери, Бене-маат, которая, в конце концов, всегда была немного, — я наклонился, чтобы прошептать заговорщически, — второсортной.

Глаза Эссы вспыхнули.

— Ты болтаешь, как ребенок, и пытаешься надо мной издеваться.

Не успел я отпереться, как она протянула палец.

— Произнеси еще одно завуалированное оскорбление, и я пошлю тебе такие кошмары, что они заставят тебя вставлять в глаза спички, боясь заснуть.

Я коротко поклонился:

— Тогда я пойду.

Отец смотрел на меня с любопытством, когда я вернулся к нему:

— Ты знаком с Эссой-джинн?

— Вообще-то очень хорошо знаком. Я знаю, ты хочешь попасть в аббатство и завершить его разрушение, поэтому просто дай этим беднягам пройти, и мы не будем тебя больше задерживать.

— Ты совсем спятил? Я же сказал…

— Да, да. «Выбери половину». Только думаю, я предпочту, чтобы выбор сделал ты.

Он покачал головой, заметно разочарованный моей уловкой:

— Думаешь, я не выполню свой долг? Келлен, я лично казню всех до единого, если понадобится.

— Для того, чтобы не выглядеть слабым перед своими магами?

— Чтобы показать, что повелениям Верховного Мага будут

подчиняться! Проклятье, парень, неужели ты не понимаешь простейших принципов лидерства?

— О, я прекрасно их понимаю. Как только ты отдашь приказ, важно, чтобы все видели, что он выполнен. Например, тот приказ, который запрещает твоей дочери вступать в отряд.

Я немного подался вперед, хотя в этом не было необходимости, учитывая, как далеко от нас стояли остальные.

— Надеюсь, ты влюбленно не глазел на Эссу-джин, когда вы с ней шли по мосту, отец, потому что это было бы совершенно постыдно.

— Не…

Он широко раскрыл глаза, сперва от удивления, потом от отчаяния, к которому явно не привык и на которое, признаюсь, забавно было смотреть.

— Выбирай, Ке-хеопс. Так или иначе, твои войска увидят, как одно из твоих железных повелений слегка погнулось. Либо из сострадания к невинным, либо потому, что ты даже не можешь распознать собственную дочь, когда она маскируется под летающую катастрофу моды в уродливом синем платье.

Его челюсти сжались, и усилие, которое ему стоило не обернуться и не посмотреть на девушку в синем, было заметно болезненным.

— Ты бы использовал против меня собственную сестру?

Было трудно над этим не засмеяться, но я справился, главным образом потому, что вопрос действительно меня опечалил.

— Разве не так мы поступаем, ты и я?

Глава 61
ТРОПА СЛЕЗ

Двенадцать очень злых магов отступили в сторону, чтобы орда злобных Черных Теней (так им наверняка казалось) могла сбежать через мост, который построили эти же маги, рискуя жизнью и магией с единственной целью — уничтожить племя Черных Теней раз и навсегда. Конечно, для всех, кто не обезумел от жажды крови и не был опьянен собственной важностью, прошедшие мимо были испуганными людьми, вынужденными покинуть единственное место, обещавшее им безопасность, — в обмен на неопределенное будущее на континенте, откуда они и сбежали, чтобы добраться сюда.

— Без аббатства эта земля слишком сурова, — сказал Бателиос, стоя рядом со мной на Мосте Заклинаний. — Лучше им вернуться на континент, где они родились, и построить там новую жизнь.

— Сколько может продлиться эта жизнь? — спросил я. Тяжесть всего, что я узнал в аббатстве, сокрушала любое чувство триумфа, какое я мог бы почувствовать, убрав невинных подальше от битвы. — Даже если они убегут от своих врагов, сама Черная Тень всегда их найдет.

Бателиос покачал головой и улыбнулся:

— У тебя больше общего с Диадерой и метателями Теней, чем у меня когда-либо было, мой друг. Как и они, ты убежден, что Черная Тень — проклятье. Но что, если демоны, которых мы боимся, приходят не из некоей Тьмы, недоступной нашему контролю, а из Тьмы, которой мы позволяем заражать собственные мысли? — Он похлопал себя по груди. — Я предпочитаю верить, что Черная Тень может быть чем-то другим. Чем-то хорошим. Знаешь, почему?

— У меня странное чувство, что ты собираешься мне это рассказать.

— Твоя бабушка обручила тебя с Тенью, перечеркнув будущее, на которое ты надеялся. Тем не менее, взгляни, — он показал на семьи, — ты стал единственным человеком, сумевшим спасти всех этих людей.

Его взгляд обратился к извилистым черным отметинам вокруг моего левого глаза.

— Диадера была права. Они действительно похожи на замки.

— Да, только я даже не знаю, как они работают, и понятия не имею, почему моя бабушка обручила меня с Тенью.

Он сжал мое плечо.

— Увлекательная загадка. Можно подумать, настоящий энигматист решит, что однажды обязан ее разгадать.

Тогда я улыбнулся — не потому, что разделял его оптимизм, который был, по любым меркам, совершенно абсурдным, а скорее из-за того, как он говорил, каким знакомым это было… И даже сейчас я невольно почувствовал себя умным, потому что, наконец, все понял:

— Ты собираешься пойти с ними? — спросил я.

Он кивнул:

— Я… Знаю многих из них. Они доверяют мне.

— Как и положено, — искренне сказал я. — Хотя, думаю, если ты планируешь возглавить их в этом исходе, они должны знать твое настоящее имя, ты согласен?

Он вопросительно посмотрел на меня:

— Мое имя?

— В то первое утро в аббатстве, после того как вы с Диадерой не дали Турнаму убить меня, ты рассказал мне историю про аргоси, которая приехала в твой северный город. Ты сказал, что умолял сделать тебя ее тейзаном, но она отказалась.

— Я сказал правду, — настаивал Батилеос. — На самом деле, Путь Устремленных В Небо Дубов отказывала мне несколько раз, но никогда не отсылала прочь, как бы долго и далеко я ни следовал за ней. А потом, после семи лет в ее компании, я кое-что понял.

— Семь лет? Что же это такое было, о чем ты догадался только спустя семь лет?

Он пытался выглядеть торжественно, но спустя секунду его хладнокровие растворилось в широкой улыбке:

— Аргоси никогда не соглашается учить другого, точно так же как и его собственный наставник никогда не соглашался воспитывать его самого!

Он рассмеялся и без предупреждения заключил меня в медвежьи объятия, чуть не сбросив Рейчиса.

— Я рад, что мы встретились, друг мой. Ты принес мне больше надежды и смеха, чем можно себе позволить в такие времена.

Он отпустил меня и отправился через Мост Заклинаний вслед за толпой людей, которым, как я подозревал, ему придется посвятить остаток своей жизни.

— Подожди! — крикнул я. — Ты так и не сказал, как тебя зовут. Вряд ли это справедливо.

Он остановился.

— Если я скажу, признаешь ли ты, наконец, что ты аргоси раз

и навсегда, и прекратишь ли подшучивать и отпускать шутки, чтобы скрыть правду от себя и от остального мира?

— Я… Наверное, никогда не имел решимости называть себя аргоси.

Человек, которого я знал как Бателиоса, повернулся и сказал:

— Тогда знай, что Путь Радостных Слез всегда будет приветствовать тебя, как собрата аргоси.

Я улыбнулся в ответ, не зная, почему эта маленькая доброта так много для меня значит.

— И Путь Бесконечных Звезд всегда будет благодарен за это.

Глава 62
ВОЗМЕЗДИЕ

Внутри Эбенового аббатства хаос и бойня постепенно уступали место терпеливым, методичным разрушениям. Едва ли треть массивной навесной стены еще стояла, большая часть крытых галерей рухнула на землю, рухнули все башни, кроме двух. Все это не уменьшало моего беспокойства, когда магнит, который дала мне Нифения, закачался во все стороны, как безумный маятник. Устройство не было повреждено; просто слишком много дикой магии носилось в воздухе, чтобы такой хрупкий амулет работал как положено.

— Ты можешь использовать свой легендарный нос, чтобы ее найти? — спросил я Рейчиса.

Он не ответил, даже не засвистел. Может, не мог уловить запах среди дыма и резни.

— Я бы очень хотел, чтобы ты мог со мной говорить, — сказал я, побежав по одной из крытых галерей.

Молнии магии огня взрывались со всех сторон, преследуя короткие проблески Черной Тени тех немногих монахов, которые все еще сопротивлялись или просто бежали, спасая свою жизнь.

Рейчис внезапно зарычал, я посмотрел вверх и увидел, что одна из последних оставшихся башен валится на нас. Я побежал так быстро, как только мог, зная, что это недостаточно быстро. В голове пронеслась мысль: «Наверное, это не самый худший способ умереть, учитывая варианты, которые мне предлагали в последнее время».

Тысяча тонн камня рухнула на нас, только чтобы остановиться в нескольких футах над моей головой. Камни не застыли на месте, но продолжали падать так медленно, что я мог пройти между ними.

— Не могли бы вы поторопиться? — напряженно спросила Шелла. — Это… не так просто, как кажется.

Я пробрался под камнепадом осыпающейся черной скалы.

— Магия железа? — спросил я.

Она схватила меня за руку и увлекла на дюжину ярдов прочь от обломков, прежде чем позволить им рухнуть во двор.

— Песка, глупый. Я замедлила время вокруг падающей башни. Ни у одного мага нет достаточно сил, чтобы удерживать такой вес с помощью магии железа.

— Даже у тебя? — спросил я, вложив в свой голос столько фальшивого удивления, сколько счел возможным. Затем, чтобы

добавить оскорбление к оскорблению, бросил: — Между прочим, ты потеряла то прекрасное сапфировое платье? А еще скажи, пожалуйста, что оно было частью иллюзии и ты не оставила бедную Эссу-джин у подножия горы в одном только нижнем белье.

Она положила руки на бедра:

— Ты полон решимости заставить меня разозлиться на тебя, брат?

Я схватил ее и заключил в самые долгие объятия в нашей жизни.

— Всегда, — тихо сказал я.

Наша воссоединение длилось недолго. Я услышал крик и отпустил Шеллу, чтобы вытащить порошок из мешочков. К нам направлялись два мага джен-теп, окликая ее по имени.

— Миледи Шелла! — крикнул более низкий и коренастый из двух…

Только затем, чтобы застонать, когда струйки крови потекли с его спутанных каштановых волос. Он вцепился в высокого, как засыхающий лист гнилой ветви дерева. Я видел, что коротышка — трибулатор, по тому, как светились его татуировки железа и крови, но свет их угасал. Я решил, что жить ему осталось недолго.

— Оре-джиек? — спросила Шелла. — Вам нужна помощь! — Она повернулась и крикнула в царящий вокруг шум: — Мне немедленно нужен связыватель плоти!

— Он настаивал на том, чтобы принести вам весть немедленно, миледи, — сказал высокий.

— Весть о чем?

Взгляд Оре-джиека стал мягким. Он открыл рот, чтобы заговорить, но закашлялся. В любой другой ситуации я бы сказал, что он слегка драматичен, но, учитывая его надвигающуюся кончину, я подумал, что должен ему это простить.

— Ваш отец… — сказал он так тихо, что я сомневался, что расслышал, пока он не повторил: — Ваш отец… Я был рядом с ним, когда упала одна из черных башен. Мои собратья откопали нас, но лорд Ке-хеопс, он… Он просит встречи с вами.

Сияние побед Шеллы померкло, оставив ее бледной, как мертвец.

— О нет… Предки, пожалуйста, нет! Где он?

Оре-джиек показал на восток.

— На другом конце аббатства. Оставшиеся Черные Тени собрались там. Это будет сражение за прорыв, миледи, но я сделаю все возможное, чтобы вам помочь.

Он попытался шагнуть, но, хотя высокий держал его, его

колени подогнулись, угрожая свалить их обоих.

— Оставайся здесь, Оре-джиек, — приказала Шелла. Высокому она сказала: — Приведите к нему одного из лекарей, Шот-арн, немедленно!

— Но, миледи, вам понадобится…

Татуировки на ее предплечьях засветились так ярко, что на нее стало невозможно смотреть.

— Мне ничего не нужно.

Я попытался взять ее за руку.

— Я пойду с тобой. Я могу…

Шелла отмахнулась от меня, послав свою волю через татуировку железа на правом предплечье, чтобы заставить меня отступить, споткнувшись.

— Ты будешь только путаться под ногами.

Она оставила меня стоять там, как идиота. Я не знал, что делать. Ке-хеопс навлек на мир весь этот ад, но он все-таки был моим отцом. Если он и вправду умирает, разве я не должен быть рядом с ним? А захочет ли он, чтобы я там был, учитывая нашу последнюю встречу и то, что я шантажировал его?

Я бы старался решить этот вопрос и дальше, но тут мне пришло в голову, что этот Шот-арн не зовет никакого целителя, а Оре-джиеку как будто резко получшело. Эти двое смотрели на меня, ухмыляясь, ожидая, когда я пойму очевидное. Оре-джиек провел рукой по лбу. Кровь стерлась, никакого следа раны под ней не было.

— Стоящее представление, не правда ли, Шот-арн?

Второй маг захихикал:

— Мы могли бы стать довольно приличными актерами, не будь это унизительной профессией, подходящей только самым низменным дуракам.

— Не самым низменным, — поправил Оре-джиек. Его татуировки железа и крови теперь ярко светились, непоколебимые, как солнце над сухой пустыней. — Самые низменные дураки называют себя меткими магами и становятся предателями своего народа.

— Правда, — согласился Шот-арн. Его татуировки железа и огня искрились. — А потом они становятся покойниками.

Я попятился, держа руки перед собой, чтобы показать, что я не готовлюсь напасть.

— Ке-хеопс заключил со мной соглашение, договор. Он Верховный Маг, и его слово…

— Его слово вполне может стать законом, — сказал Шот-арн, нависая надо мной, — когда закончится эта битва и он будет коронован. Пока он просто лорд-маг клана.

— Не нашего, разумеется, — сказал Оре-джиек.

— Нет, конечно. А ты, Келлен из дома Ке, предатель джентеп, ты всего лишь…

Новый голос закончил предложение:

— Мой сын.

Внезапная вспышка молнии ослепила меня, а затем, вот так просто, Шот-арна и Оре-джиека не стало. Секунду назад эти двое вышагивали ко мне, магические фигуры задрожали на кончиках их пальцев, когда они готовились разорвать меня на куски. Затем от них остались лишь две маленькие кучки пепла.

Ке-хеопс, лорд-маг моего клана, который вскоре должен был стать Верховным Магом всего моего народа, подошел ко мне. И, пока он шел, гул битвы вокруг, дым, туман и зловоние крови — все это исчезло из моего разума, как будто сама война расступилась перед ним.

— Ты спас меня? — спросил я.

— Они не подчинились моему приказу. То, чему я обучал тебя столько раз, что не могу сосчитать. Невыполнение приказа должно иметь свои последствия.

У меня дрожали колени. Черт, все тело дрожало.

— Надо было что-нибудь сбросить на них или применить другую вторичную силу. Любой мало-мальски приличный маг шелка сможет отследить заклинание, которое их сожгло, и это приведет к тебе. Не могу представить, что их клан будет очень счастлив, когда узнает, что ты убил двух лучших его представителей.

Ке-хеопс остановился и небрежно мне улыбнулся:

— В самом деле? Это твоя профессиональная политическая оценка, Келлен? — Он покачал головой. — Кажется, ты никогда не поймешь, как это работает.

Он опустился на колени и сгреб кучку пепла Оре-джиека в ладонь.

— Я хочу, чтобы наши люди восхищались мной, уважали меня, возможно, даже любили меня. — Он встал и развеял пепел по ветру. — Но все это не будет иметь значения, если они не будут в придачу меня бояться.

Что ж, я определенно его боялся. Проблема заключалась в том, что некая маленькая часть меня, возможно, тот след арта валар, который настаивал на появлении в такие моменты, рассмеялся моими губами.

— Тебя что-то забавляет? — спросил Ке-хеопс.

— Просто я никогда не слышал, чтобы ты так кратко описывал свою родительскую философию.

На мгновение он задумался об этом.

— Умно, — сказал он наконец почти со вздохом. — Ты всегда так стремился быть умным. Скажи мне, Келлен, что твой ум говорит тебе о том, что я собираюсь сейчас сделать?

Он притворился, что оглядывается вокруг.

— Здесь нет никого, кто помешал бы мне тебя убить. Никто не осудит меня, если я найду каждого из этих детей Черных Теней и их семей, для которых ты добился перехода через мост, шантажируя меня.

Он сделал еще один шаг. Теперь он был так близко, что я чувствовал тепло его дыхания, запах масел, которыми он умащал кожу с тех пор, как я был ребенком. Чувствовалось нечто извращенное в том, что я находил это успокаивающим.

— Ты не пойдешь за детьми, — сказал я. — Вообще-то я ожидаю, что ты позволишь нескольким отставшим проскользнуть через ваши ряды. Не многим, конечно, просто достаточно…

— Достаточно для чего? — спросил он.

Я осмотрелся вокруг, взглянув на руины Эбенового аббатства, места, которое могло бы стать мирным убежищем, школой, общиной, спасательным кругом для тех, кто так в нем нуждался. Теперь это будет святилищем насилия и ненависти.

— Ты одержал здесь великую победу, отец. Победу, которая вскоре станет легендарной. Ты сделал то, что ни один лидер джен-теп не сделал за триста лет.

Он наклонил голову, все еще наблюдая за мной.

— Я не услышал, по каким причинам мне не увековечить эту победу.

Я пожал плечами:

— Если ты искоренишь всех до последней Черных Теней, останется ли у нашего народа, чего бояться? Как ты сказал мне раньше? «Есть два типа лидеров, которых ищут люди. Те, кто лучше всего правит во времена мира, и те, кто лучше всего правит на войне». Не думаю, что ты видишь себя тем, к кому придут люди в мирное время.

Он долго и пристально смотрел на меня такими холодными и бесчувственными глазами, что все, что я мог сделать, — не съежиться перед ним, умоляя о прощении. Только когда он убедился, что я буду продолжать отказывать ему в этом маленьком, простом удовольствии отцовства, он улыбнулся и спросил:

— Это то, что аргоси называют арта превис?

— Настолько близко к нему, насколько я могу судить, отец.

— А что этот твой талант говорит тебе о собственной судьбе? В конце концов, мне не нужно никого убивать, чтобы кого-нибудь напугать.

Он протянул руку и получил ответ, когда я дернулся, абсолютно убежденный, что стану третьей кучкой пепла рядом с пеплом Оре-джиека и Шот-арна. Выражение его лица смягчилось, он прикоснулся к моей щеке.

— Возможно, тебе все же есть чему поучиться у отца.

Вероятно, я мог бы сказать нечто, что сблизило бы нас, но даже если бы мои метки энигматиста открыли мне — что именно, я не был готов это сказать.

Он опустил руку.

— Я не убью тебя, Келлен. Теперь в этом нет необходимости. Как ты заметил, я одержал победу, в которой нуждался наш народ. Скоро я буду коронован как Верховный Маг.

— Только поэтому ты и не убил меня, отец? — спросил я.

Я видел по его лицу, что он, как и я, не решается произнести эти слова вслух. Но, возможно, он был лучше меня, потому что в конце концов покачал головой:

— Нет, Келлен, не только поэтому. Ты жив, потому что, как я пытался сказать тебе много раз, я твой отец и люблю тебя.

Не дожидаясь ответа, возможно, не доверяя тому, что я мог бы ответить, он повернулся и пошел прочь, шагая к последним горьким часам битвы. Мне удалось вовремя обрести голос, чтобы окликнуть:

— Но этого недостаточно, не так ли?

Тогда он остановился. Я не был уверен, но мог бы поклясться, что у него немного опустились плечи.

— Да, недостаточно. Ты живешь, потому что был мне полезен, Келлен. Полезен нашему дому. Даже когда ты бунтуешь, даже когда сопротивляешься, даже когда делаешь все возможное, чтобы досадить мне, каждый твой поступок был именно тем, в чем я нуждался, пусть и не всегда таким, каким я хотел.

Он повернулся и всего на секунду взглянул на меня. Его глаза сузились, будто он пытался меня понять.

— Наши судьбы — загадка, не так ли?

Глава 63
МЕДЕК

Мы с Рейчисом снова отправились на поиски Нифении, но не смогли ее найти. Магнит совершенно перестал работать, и мне оставалось только надеяться, что она или уже выбралась из аббатства, или отсиживается где-нибудь в безопасном месте. Мне самому стоило задуматься о таком, учитывая, сколько магов моего отца, вероятно, все еще хотят видеть меня мертвым.

— Келлен! — закричал кто-то.

Я вскинул глаза и увидел идущую к нам Диадеру. Ее окружали веснушки Черной Тени, готовые по ее приказу нанести удар. Видимо, мне следует беспокоиться не только о джен-теп.

— Не подходи, — предупредил я, доставая порошки. — Я не знаю, как ты выжила при нападении отряда, но уходи, пока ты их опережаешь. Я не хочу тебя ранить.

— Я пришла, чтобы…

Я не услышал, что она собиралась сказать. Рейчис зарычал так громко, что его рык заглушил все остальное. Он спрыгнул с моего плеча на землю и помчался к Диадере.

— Рейчис, нет!

Мое предупреждение опоздало. После этого все произошло слишком быстро. За Диадерой стоял маг — вот что увидел Рейчис.

Белкокот прыгнул, едва коснувшись задними лапами ее плеча, прежде чем наброситься на мага. Вопль боли разорвал воздух: когти белкокота вырвали человеку глаза. Тот вслепую нанес удар, сложив пальцы в заклинание первой формы огня, и из его рук вырвалось пламя. Рейчис закричал, когда на нем вспыхнула шерсть. Я побежал к нему так быстро, как только мог, но недостаточно быстро. Маг вцепился в него, решив сжечь заживо. Диадера ударила своей Черной Тенью, крошечные искорки стали жалить лицо мужчины, он отпустил Рейчиса и, вопя, упал на землю. Я продолжал бежать и бросился на белкокота, чтобы сбить пламя. Он исцарапал меня до крови, пытаясь вырваться. Огонь всегда сводил его с ума. Наконец, пламя погасло. Напавший на нас маг лежал мертвым в нескольких ярдах отсюда, кость черепа белела сквозь его изуродованное лицо. Светлячки Диадеры вернулись на ее щеки. Я проверил каждый дюйм меха Рейчиса в поисках оставшихся тлеющих угольков. Он не сильно обгорел, учитывая обстоятельства.

— Он спас меня, — прокашляла Диадера. Она стояла над нами. — Зачем он это сделал?

— Он…

Я собирался сказать правду — что Рейчис, наверное, защищал меня, а может, взяла верх его обычная жажда крови магов джентеп, особенно страсть к их глазным яблокам.

— Мы заботимся друг о друге, — вместо этого сказал я.

Она улыбнулась и опустилась рядом с нами на колени. И тут я увидел, что белки ее глаз исчезли, сменившись красной путаницей лопнувших кровеносных сосудов. Она положила руку себе на лоб, как будто проверяя, нет ли жара.

— Этот маг прикоснулся ко мне. Вот здесь. Зачем он это сделал? Мне даже не больно.

— О, предки, нет…

Я потянулся, чтобы поймать ее, когда она упала вперед.

— Келлен? — спросила она. — Почему я ничего не вижу?

Магия железа. В слепой панике маг вызвал меч-потрошитель или какое-то другое заклинание железа, которое сжимало внутренние органы врага. Кости черепа обычно слишком толсты для проникновения магии железа, но он стоял вплотную к Диадере и положил руку прямо ей на лоб. Он раздавил ее мозг.

Я уложил ее так осторожно, как только мог, оглядываясь вокруг в поисках кого-нибудь еще, способного напасть.

— Все в порядке, — сказал я. — Тебе просто нужно минутку отдохнуть.

Она, должно быть, знала, что я лгу, но все равно подыграла:

— Странно, когда ничего не видно. С белкокотом все в порядке?

— Он в полном порядке, — сказал я. — Ты спасла ему жизнь. Теперь он должен тебе все сдобное печенье и всех мертвых кроликов на двух континентах.

Она не рассмеялась. Вместо этого она протянула руку:

— Помоги мне сесть. Я не хочу лежать здесь вот так.

Я помог, хотя мне пришлось подпереть ее плечом, чтобы она не упала. Диадера расставила руки:

— Могу я подержать его, всего минутку?

— Не думаю, что это хорошая… — начал я, но Рейчис забрался к ней на колени.

Она погладила его шерсть, и мех сделался из темно-серого с красными полосками золотистым. На языке Рейчиса это был удивительный знак уважения, но Диадера не могла его видеть. Она гладила его по голове, и я видел, что она снова и снова водит пальцем вокруг одного из его глаз. Он не возражал, но зуд в метках моей Черной Тени говорил мне: что-то не так. Я схватил

Рейчиса, убрав от нее.

— Келлен? — спросила она.

— Что ты с ним сделала, Диадера?

— Я… Идет дождь?

Кровь капала из ее глаз на щеки, которые теперь стали бледными, потому что веснушки Черной Тени исчезли с ее лица.

Я посмотрел на морду Рейчиса и пришел в ужас:

— Как?! Диадера, что ты с ним сделала?

Она потянула воротник своей рубашки, оторвав две верхние пуговицы, чтобы снова показать мне метки отрицания, которые вырезала на своей коже.

— Тебе было так одиноко без него, — сказала она. Глубокая печаль в ее голосе противоречила образу девушки, которая всего несколько часов назад сказала мне, что ей ни к чему дружба или другие иллюзии. — Даже когда ты его вернул, я понимала, что это не то же самое.

Она вслепую протянула руку и взяла мою, когда ее нащупала.

— Я не хочу, чтобы ты чувствовал себя одиноким, Келлен. Теперь тебе не придется…

Я отстранился, поднявшись на ноги и держа Рейчиса. Когда я перестал ее подпирать, Диадера упала на булыжники, ее голова ударилась о них с глухим стуком. Кровь сочилась из ее ушей.

— Ты не имела права! — закричал я. — Это не то, чего я хотел, черт бы тебя побрал! Я бы никогда не хотел…

— Хватит орать, Келлен, — просвистел Рейчис, карабкаясь вверх, к моему плечу. — Сумасшедшая девушка мертва. Давай сваливать с этой паршивой помойки, пока мы не стали такими же.

Впервые с тех пор, как я оставил его в Золотом Проходе, я понял все, что он сказал. И хотя я понятия не имел, как это получается, причина была видна так же ясно, как знаки Черной Тени вокруг левого глаза Рейчиса.

5
УБИЙЦА ТЕНЕЙ

Никто не может полюбить тебя до тех пор, пока ты сам себя не полюбишь.

То, что говорят девушки, когда ты им не слишком нравишься

Глава 64
ПРОЩАНИЕ

Раскисшая земля засасывала подошвы моих сапог, как цепкие руки, пытающиеся втянуть нас вниз, в перегной, к мертвецам. Воспоминания такие же. Они тащат тебя, не дают продвигаться вперед. «Ты не готов двигаться дальше, — шепчут они. — Просто останься здесь еще ненадолго. Скоро все обретет смысл, обещаем».

Воспоминания лживы.

Это то, чему учится во время тренировок каждый джен-теп. Магия требует истинного представления о вещах — поддержания в уме эзотерической геометрии с безупречной точностью. Те четкие линии и кривые с их определенными цветами и текстурами совершенно непохожи на лениво нарисованные пальцем картинки о прошлом.

Когда твой мастер заклинаний впервые сказал тебе, что однажды ты станешь великим магом — помнишь намек на улыбку в левом краешке его рта? А что насчет его волос? Ты помнишь, не выбились ли какие-нибудь пряди? Как насчет его правой руки? Пальцы ее просто болтались или были слегка согнуты?

Конечно, ты не помнишь таких подробностей, а значит, не помнишь ничего. Ты просто воссоздаешь образы, слова и сами события, воображая их в соответствии с тем, что, по-твоему, мог бы в то время чувствовать. Память похожа на все остальное в мире: чем ты дальше, тем сложнее что-либо разглядеть. Прошло всего несколько часов после битвы в Эбеновом аббатстве, но уже сейчас я знал, что в моих воспоминаниях есть изъяны.

«Две армии, сражающиеся в войне заклинаний и магии Черных Теней. Черные ленты, шныряющие повсюду, хватающие магов, чьи металлические татуировки сияют, как полосы звездного света, пронизывая наступающую темноту. Хаос и кровь. Крики, требующие насилия, вопли молящих о пощаде».

В моем представлении бесконечные орды магов и монахов столкнулись, как волны двух океанов, борющиеся за господство. Но так ли это было на самом деле? Мой отец провел по тому мосту меньше пятидесяти мужчин и женщин; остальные погибли, прежде чем достигли другой его стороны. В аббатстве находилось около четырехсот душ, половине из которых мы помогли сбежать. Другие, конечно, сражались, но, вероятно, почти столько же погибло, просто пытаясь удрать. Любой дароменский солдат сказал бы вам, что это была всего лишь стычка. Никакой

настоящей войны, только первые капли дождя в ведре, которое жаждало вместить гораздо больше.

Фериус в один из редких моментов откровенности сказала мне, что аргоси считают: скрытые внутри великих наций силы ведут нас к континентальной войне — конфликту, столь масштабному, какого не видел даже самый закаленный в боях дароменский генерал. Аргоси собираются это предотвратить, сказала Фериус с той же уверенностью, с какой обычно делает ставки в карточной игре. Тогда я счел ее самодовольство обнадеживающим. Теперь оно казалось детской дерзостью.

Дароменские земли. Берабес. Гитабрия. Семь Песков. Территории джен-теп. Они неумолимо двигались к войне — такой жестокой и кровавой, что вряд ли останется тот, кто будет ее помнить, хотя бы смутно. Может, потому войны и происходят: в них погибает столько людей, что легко забывается, как оно в действительности было, и остается только придумывать истории об этом.

— Так они и вправду не идут? — спросил Рейчис.

Он сидел у меня на плече, как и весь минувший час, пока я пробирался по надоедливой грязи. Нам понадобится целая ночь, чтобы добраться от руин аббатства до ближайшей деревни. От деревни — дни или недели до побережья. Потом мне придется найти способ купить нам место на торговом судне… Предполагая, что кто-то плавает через узкий океан между этим местом и нашим континентом Эльдразия. Мы месяцами не будем видеть никого, кроме незнакомцев.

Ке-хеопс обрушил мост в тот миг, когда вывел по нему свое войско. Уверен, он знал, что я все еще на обскарианской стороне. Наверное, он посчитал это подходящим отцовским наказанием за мои поступки или, что более вероятно, за мою враждебную позу.

— Нифения отправляется на Запад, — ответил я. — Хочет повидать мир за пределами нашего.

Так ли она сказала? Трудно быть уверенным, хотя прошла всего пара часов с тех пор, как я видел ее в последний раз. Этого крошечного промежутка времени хватило, чтобы задаться вопросом, все ли было так, как мне запомнилось.

— Это большой мир, Келлен, — сказала она с усмешкой.

Только сейчас я не был уверен, улыбалась ли она. Ее губы могли быть тонкой напряженной линией.

— Я мог бы отправиться с тобой, — сказал я. — Рейчис всегда любит находить новых тварей, чтобы убить. Кроме того, я слышал, что шань делают самое поразительное стальное оружие. Может, я куплю меч, а потом поплыву в Тристию и научусь фехтовать или еще что-нибудь. Или мы могли бы двинуться на юг

и посетить Мирные Земли. Я никогда не был до конца уверен, всерьез их так назвали или это ирония, поэтому, возможно, сперва нам стоит раздобыть мечи. И сдобное печенье. Не думаю, что Рейчис отправится в морское путешествие без большого запаса печенья. Конечно, можно найти что-нибудь и для нас. Я имею в виду, какую еду ты теперь любишь? Все эти путешествия с Фериус… Она пыталась заставить тебя есть странных улиток и так далее? Со мной она всегда это проворачивала. Я никогда не был уверен…

Неужели я действительно так тараторил? Я почти не сомневаюсь, что не сказал и половины тех вещей, как бы ясно ни помнил, что их говорил. Хотя я и не мог бы их сказать, потому что отчетливо помню, как Нифения прикладывает руку к моей щеке.

— До свидания, Келлен, — сказала она.

Это было наверняка.

— Что? Ты не хочешь, чтобы я поехал с тобой?

Я не ожидал, что мы станем любовниками или типа того. Просто… Может, все случившееся каким-то образом обрело бы смысл, если бы мы с Нифенией в итоге остались вместе. Глупо? Патетично? Возможно, но я бы предпочел увидеть то, что видел я, и не ухватился бы за маленький кусочек надежды, не веря до конца, что жизнь может не быть законченным адом.

Думаю, Нифения убрала руку с моей щеки, потому что она дотянулась пальцем до черных меток вокруг моего левого глаза. Я вздрогнул.

Проверка.

— Зачем ты это делаешь? — спросил я. — Почему считаешь, что вправе так меня унижать?

— Потому что я продолжаю надеяться, что однажды дотронусь до меток, и тебя это не побеспокоит. Может быть, ты перестанешь думать о себе как о неполноценном.

— Ну и что? Это не отменяет того факта, что ты мне небезразлична. Нифения, я люб…

В моих воспоминаниях она снова, и снова, и снова качала головой:

— Ты не можешь любить кого-то, пока не полюбишь самого себя.

— Ну, я почти уверен, что могу, потому что…

Она перебила:

— Келлен, не говори, что ты чувствуешь ко мне. Скажи, что ты чувствуешь, когда закрываешь глаза и там остаешься только ты один.

Я даже не попытался. Я никогда не был создан для честности.

Моими талантами были обман, жульничество и, самое главное — отвлечение внимания:

— Ты говоришь так, будто Черная Тень просто какой-то недостаток, который меня смущает. Это не так. Она настоящая и смертельно опасна, и, самое главное — она разрушает жизни всех вокруг меня. И прежде чем ты начнешь качать головой, Нифения, вспомни: я видел, какое отвращение ты испытывала при виде Турнама, Диадеры, Азира и остальных. Я видел, как ты смотрела на меня, когда я был с ними. Видел.

Я не могу припомнить, какое у нее тогда было выражение лица — странно, так как я уверен, что смотрел внимательно.

— Меня воротило не от их меток Черной Тени, Келлен, мне было противно от того, как они ими упивались. Разве ты этого не видел? Когда ты пришел в то ужасное место, разве не заметил, как всех их возбуждает сила, которой они обладают? Ты не понял, что у них такой же голодный вид, вид страсти, какой есть у каждого посвященного джен-теп, когда он обнаруживает, что может использовать свою магию, чтобы властвовать над теми, кто ее не имеет? Как ты мог этого не заметить?

Тогда у меня не нашлось ответа. И теперь у меня его не было. Какие бы умные реплики ни пытались проникнуть в мой мозг, они померкли и исчезли, когда Нифения притянула меня к себе и ненадолго прижала свои губы к моим. Один поцелуй. Напоминание? Обещание? Еще одна проверка?

— Почему ты целуешь меня, когда захочешь, но я никогда не чувствую, что могу поцеловать тебя?

— Потому что ты не станешь рисковать, что тебя отвергнут, и вместо этого продолжаешь надеяться, что какой-то счастливый случай сделает все за тебя. Влюбиться — не то же самое, что случайно увлечься, Келлен. — Ее пальцы коснулись моей руки. — Кроме того, ты понятия не имеешь, как часто мне хотелось поцеловать тебя, но я останавливалась в последнюю секунду.

— Почему?

Она пригладила мне волосы, откинув их с лица, ее пальцы задержались на моей щеке.

— Потому что я думаю, что люблю тебя, Келлен, но не буду знать наверняка, пока не встречу мужчину, которым ты однажды станешь, устав наконец быть мальчиком, которым некогда был.

Она поцеловала и пушистую морду Рейчиса, как раз над левым глазом. Он зарычал на нее.

— Не злись. Я думаю, это мило.

А потом они с Айшеком ушли, и все. Странная девушка с тремя пальцами на каждой руке, которая бросила все, чтобы прийти и спасти меня, снова ушла из моей жизни.

Либо я невообразимо бездарен в любви, либо все это было просто еще одним мошенничеством.

— У тебя есть зеркало? — спросил Рейчис, вытряхнув эти мысли из моей головы.

Я повернул голову и обнаружил, что он добрался до моего рюкзака и копается в нем, тычась задницей мне в лицо.

— Нельзя ли поосторожнее? И зачем тебе вообще зеркало?

Он привстал и развернулся мордой ко мне.

— Хочу увидеть, как выглядят мои метки. Бьюсь об заклад, они свирепые.

Он подался ко мне мордой так близко, что все, что я мог видеть — это клочок шерсти.

— Ну же. Они крутые, правда?

— Крутые? — Я остановился, позволив грязи крепче вцепиться в мои ботинки. — Ты совсем спятил? Крутые? Рейчис, у тебя теперь Черная Тень! Ты хоть понимаешь, что это значит?

Вид у него сделался обеспокоенный.

— Хочешь сказать, они выглядят не круто?

— Рейчис, у тебя на морде проклятый портал, связанный с эфирной гранью, которая будет медленно питаться твоими самыми худшими, самыми мерзкими мыслями. Со временем эти метки будут только увеличиваться, и в конечном итоге мысли станут демоном, который овладеет всем твоим существом.

К тому времени он снова развернулся и копался в моем рюкзаке.

— Ты вообще меня слушаешь? — спросил я.

Он вынырнул из рюкзака со сдобным печеньем в пасти. По-видимому, в некий момент посреди всех умирающих людей и падающих зданий ему или Айшеку удалось разграбить кладовые аббатства с запасами печенья.

— Прости, что?

— Я пытался объяснить тебе, что у тебя…

— Я тебя слышал. Мерзкие мысли. Демон. Большая, уродливая, злая тварь. Однажды я превращусь в одного из них?

Я кивнул.

Рейчис вытащил из пасти сдобное печенье.

— Я превращусь в чудовищную машину для убийств, которая терроризирует всех на своем пути?

— Скорее всего.

Рейчис сел на моем плече на задние лапы, откусил кусочек печенья и некоторое время шумно жевал, а потом сказал:

— Круто.

— Ты идиот, — сказал я.

Он сжал лапу в белкокошачьем эквиваленте кулака и

постучал им по моей голове.

— Быть маленьким плаксивым голокожим — симптом Черной Тени? — спросил он. — Потому что это многое бы объяснило.

Прежде чем я успел ответить, он снова залез в мой рюкзак.

— Надо было принести больше сдобного печенья, — сказал он, лихорадочно копаясь и заставляя меня терять равновесие. — Кроме того, почему ты тратишь драгоценное пространство рюкзака, предназначенное для печенья, на это письмо?

— Какое письмо?

Он снова появился на свет, держа в лапах смятый и грязный конверт.

— Тут сказано: «Келлену — голокожему идиоту, от какого-то другого голокожего идиота».

Рейчис не умеет читать. К счастью.

Я взял у него конверт. На нем стояло только мое имя, написанное почти потрясающе элегантно — противореча, как жалкому состоянию конверта, так и темпераменту человека, который послал письмо.

— Это от Фериус, — сказал я, вскрывая конверт. — Должно быть, его сунула в рюкзак Нифения.

— Ну? — спросил Рейчис. — И что в нем говорится?

Глава 65
ДВА ПИСЬМА

Малыш,

я, должно быть, начинала это письмо дюжину раз с той ночи на границе с Гитабрией, когда ты вбил себе в голову, что должен уйти. Я написала еще одно, когда девушка (которая настаивает, чтобы я называла ее Нифенией — нужно избавить ее от этой привычки) чуть не погубила меня и гиену, заставив вбежать в горящее здание. Никаких кричащих детей внутри не было, понимаешь, просто дурак, который устроил пожар.

Как бы то ни было, спустя несколько недель после этого я написала еще одно письмо, когда мы наткнулись на Путь Шепчущих Ив. Ты ее еще не встречал, и это к лучшему, потому что, когда она говорит, то говорит бессмыслицу, а говорит она все время. Как можно пребывать в мире, когда вокруг все время дребезжит всякая бессмысленная философия приграничья?

Написала еще пару писем месяц назад, после того как мы отлично провели время с охотником за головами. Парнишка думал, что может устроить мне ловушку, чтобы добраться до тебя. Я тебя спрашиваю, малыш, что такого в маленькой магии, что делает мальчика таким глупцом? Заставила его взять одну из моих долговых карточек в обмен на то, что не врезала ему, как он того заслуживал. Может, он найдет в этом некую мудрость. Но типа как сомневаюсь.

Ну, после всего этого девушка (Нифения, я имею в виду) увидела лицо твоей сестры на буханке хлеба и сказала мне, что мы должны мчаться в Золотой Проход, чтобы спасти белкокота. Это было так же глупо, как и звучало. Тем не менее рада, что мы добрались до малыша вовремя. Видел бы ты след из трупов, который за ним тянулся. После этого мы с Нифенией поссорились. У нас было очень много таких ссор. Хуже тейзана у меня не бывало — в отличие от тебя она никогда не сомневается в Путях аргоси, просто кивает, вроде как поняла, а потом уходит и делает все наоборот. Я пыталась сказать ей, что ты выбрал свой Путь и почти так же хорошо избавляешься от неприятностей, как и влипаешь в них. Но она все равно сбежала. Надеюсь, ты понимаешь, почему я

не смогла прийти. Это не Путь аргоси. Тем не менее, поскольку я, похоже, не могу перестать писать и переписывать одно и то же письмо снова и снова, я решила, что лучше отдать ей это для тебя. Все остальные я выбросила, кроме первого, так что увидишь, что все мои блуждающие мысли в конце концов вернулись в то же самое место.

К тебе.

Я вынул второе письмо из-за первого, мои пальцы неловко крутили его. Я не был готов к странной интимности, которую ощущал при виде слов, написанных рукой моей наставницы. Радость держать в руках то, что она написала только для меня, лишь обострила ужасное напоминание о том, что она за тысячу миль отсюда, что я никогда не увижу ее снова и что все это случилось благодаря моему решению.

— Ты собираешься прочесть остальное или как? — спросил Рейчис.

— Не знаю, — ответил я. — Еще не решил.

— Прочти вслух. Ты почувствуешь себя лучше.

— С чего бы мне чувствовать себя лучше, читая тебе личное письмо?

Маленький ублюдок укусил меня за ухо и повис на нем, бормоча:

— Потому что тогда я перестану делать это.

— Прекрасно, — сказал я и прочел ему второе письмо.

Келлен,

здесь, на границе с Гитабрией, утро. Я сижу здесь уже некоторое время в ожидании, когда солнце взойдет над теми холмами. В ожидании когда девушка перестанет плакать. Забавно, какая она снаружи крутая и какая мягкая внутри. Надо научить ее, как поменять это местами. У человека должна быть мягкая кожа и сильная кость. Как у тебя.

Держу пари, ты прямо сейчас качаешь головой, говоря себе, как плох во всем, как всех боишься. Это нормально. Наверное, таков твой Путь. Я уже давно аргоси, и мы учим не переходить чужие Пути. Тем не менее есть еще один трюк, которому, как я считаю, следовало тебя научить. Один урок, который я все еще могу преподать, не собьет тебя с твоего Пути.

Он звучит примерно так: с того момента, как я увидела, что ты уходишь (ты же не думал, что на самом деле сбежал от старой Фериус), я ожидала, когда твое

отсутствие дойдет до меня. Ты и я, мы путешествовали вместе долгое время (по стандартам аргоси, во всяком случае), и, ну, я не стесняюсь этого сказать. Я люблю тебя, малыш. Не знаю, когда это случилось. Ты мне не родственник, в нас нет ничего похожего. Однако где-то на этих длинных дорогах, по которым мы ехали вместе, ты стал тем, чего у меня никогда не было, и, вероятно, никогда не будет. Не знаю правильно, что это за слово, но это нечто особенное, точно.

Так почему я до сих пор по тебе не скучаю? Почему не проливаю слезы, как дождевую воду, как продолжает делать девушка? Почему не подпрыгиваю при мысли о том, что ты, может быть, в беде, и, вероятно, мы могли бы тебя догнать, и, возможно, есть какое-нибудь пустяковое выслеживающее заклинание джен-теп, которое позволит нам тебя найти? Как так вышло, что я не чувствую, как мне между ребер втыкается нож одиночества — того чувства, для которого у меня даже не имелось слова, пока я не привыкала к тому, что ты рядом?

Может, потому что я все еще мысленно слышу твой голос. Жалующийся. Вопрошающий. Спорящий. Я вынимаю курительную соломинку из жилета и чувствую, как ты смотришь на нее, думая, не слишком ли много я курю, но не говоришь об этом. Я наблюдаю, как восходит солнце, и чувствую надежду, которую ты испытывал всегда, что, возможно, сегодня нам не придется выкарабкиваться из еще одной беды. Знаешь, что самое смешное? У аргоси нет надежды. Первое, что мы узнаём, — это как избавиться от надежды так же, как мы избавляемся от горя. Аргоси должен быть смышленым. Видеть вещи истинными, а не такими, какими хочется их видеть, или такими, какими мы боимся, что они могут стать. Нужно держать голову ясной.

Ну, думаю, что больше не могу быть такой. У меня в голове ты. Но еще рано, и, может быть, ты исчезнешь, только почему-то я так не думаю. Я думаю, теперь ты, возможно, часть меня самой, а может, я — часть тебя. Может, ты там ищешь какое-то ерундовое лекарство от этих меток вокруг глаза и влип в небольшую беду (ничего такого, с чем ты не можешь справиться, конечно) и почувствуешь, что я там, вместе с тобой, и напоминаю танцевать, а не сражаться. Играть музыку вместо того, чтобы говорить. Слушать глазами вместо того, чтобы

таращиться. Может, если я буду продолжать слышать, как ты говоришь со мной, это значит, что ты тоже слышишь, как я говорю с тобой, давая тебе совет, который должна дать. Но чаще, наверное, просто напоминая тебе о том, что ты уже знаешь в своем огромном запутавшемся сердце.

Вот в чем заключается урок, Келлен. Те, кто познал любовь даже на малое время, никогда не бывают по-настоящему одиноки.

Это мысль, за которую я буду держаться. Как я уже сказала, аргоси не тратят время на надежду.

Но я очень надеюсь, что когда-нибудь увижу тебя снова, малыш.

Фериус Перфекс, на три части игрок, на две части аргоси и на одну часть Келлен из дома Ке.

Я сложил два письма и сунул их в карман, не доверяя, что они будут в безопасности в моем рюкзаке, учитывая отсутствие у Рейчиса чувствительности к такого рода вещам.

— Уф, — застонал он, принюхиваясь к моему лицу. — Ты снова плачешь?

— Я не плачу, — соврал я.

Он снова принюхался.

— Нет, плачешь. Рыдаешь, как маленький голокожий ребенок, выпрашивающий материнское молоко, потому что он слишком слаб и плаксив, чтобы убить кролика. По сути, я думаю, ты плачешь еще больше, чем голокожие младенцы. Я имею в виду, если бы я подсчитал, сколько раз я видел, как ты хнычешь, Келлен, да это больше, чем кроликов во всем…

Он продолжал в том же духе, совершенно не беспокоясь о том, задевает ли он мои чувства или даже обращаю ли я на него внимание. Полагаю, это было неизбежно. Мы слишком долго пробыли в разлуке, а потом связь между нами оборвалась, и я не мог понять его оскорблений, так что теперь он наверстывал упущенное.

Тут меня озарила идея. Не меняющая мир, судьбоносная идея, а та, которая сделает следующие несколько часов ходьбы чуть более спокойными.

— А, плач, — перебил я его, — это просто Черная Тень.

Он склонил набок пушистую голову и посмотрел на меня:

— Что, повтори?

— Черная Тень. Она заставляет тебя плакать.

— Плакать?

Я кивнул:

— Типа постоянно.

— Я не плачу, — прорычал он. — Я никогда не плачу.

— Ну, на первых порах нет. Но ты скоро это почувствуешь. Настанет завтра, и ты будешь все время плакать.

— Что? Но я всего лишь белкокот! Мой вид не…

— Только над некоторыми вещами, — сказал я успокаивающим тоном. — Например, когда тебя будут бить или пырять, это не заставит тебя заплакать.

— Конечно, нет. Я никогда…

— По больше части это будут такие штуки, как закаты.

— Закаты?

Я кивнул:

— Не наблюдай за закатами. Особенно если они красивые. Ты немедленно начнешь реветь. А, и красивые цветы тоже смогут выбить тебя из равновесия.

— Красивые цветы?

— И кролики.

— Подожди… Кролики?

— Да. Кролики хуже всего. Я ничего не вижу, когда рядом кролик, столько слез у меня в глазах. Хотя это не так уж плохо.

— Не так уж плохо? Я ем кроликов, Келлен. Я убиваю кроликов. Я изничтожаю кроликов.

Я немного помолчал, позволив растущему волнению Рейчиса дойти почти до лихорадочной точки.

— Ну, может, тебе больше не стоит их убивать, — предположил я. — Может, вместо этого ты мог бы с ними подружиться.

— Подружиться с кроликами?

— Да, знаешь, типа как быть с ними милым. Пообнимать их. Ласкание кроликов всегда заставляет меня почувствовать себя лучше.

Я практически ощутил, как его шерсть похолодела возле моей щеки, пока он сидел у меня на плече, в кои-то веки лишившись дара речи. Я продолжил идти по заболоченной земле в сторону ближайшей деревни.

— Келлен? — спросил он некоторое время спустя, когда солнце взошло над горизонтом.

— Да, Рейчис?

— Мы должны найти лекарство от Черной Тени. Я имею в виду, по-настоящему быстро, чертовски быстро.

— Ты уверен? В смысле — это большой мир, и нам, возможно, придется обойти его весь, прежде чем мы найдем лекарство.

Низкое рычание зародилось в его животе и проделало путь по

горлу, пока он не зарычал мне в ухо:

— Тогда иди быстрее, засранец!

Да, это будет веселое путешествие.

Благодарности

Путь Теней

Я взял за правило не объяснять все детали магических систем в самих книгах, потому что это слегка напоминает составление списка названий каждой улицы в городе или того, какую еду персонаж ест каждый день. Однако меня спрашивают насчет различных систем магии в серии «Творец Заклинаний», поэтому я подумал, что поделюсь здесь несколькими заметками насчет метания Теней, вместе с кое-какими довольно важными практиками темнейшего из искусств, которые помогли представить вам эту книгу.

Энигматисты: Раскрыватели Секретов

Мы думаем о тайнах как об идеях без формы, однако такие загадки все равно бросают Тень на мир. Энигматисты вроде Келлена должны найти правильные вопросы, чтобы задать их, и тем самым наполнить эти вопросы своими Тенями, позволяя им на мгновение связаться с секретами, которые они стремятся разгадать. В отличие от алакратистов, воспринимающих то, что есть или было, энигматисты вглядываются в то, что может быть.

Удивительная и терпеливая Фелисити «Флисс» Джонсон провела бессчетные часы, рискуя войти в Тени вместе со мной, пока мы искали суть этой книги. Ким Тоф читала ранний набросок, главу за главой, всегда снабжая меня мастерской смесью проницательности, честности и поддержки. Эрик Торин пролил свет на те области истории, которые я не смог исследовать достаточно глубоко, как он делал и для каждой из моих книг. Кристина де Кастелл, с ее уникальной проницательностью, помогла мне сбежать из теневых уз, в которых я запутался.

Алакратисты: Свидетели Прошлого и Настоящего

Эфирные грани, из которых появляется Черная Тень, не имеют никаких законов пространства и времени, поэтому алакратисты могут использовать свои метки, чтобы разглядеть Тени людей и мест на расстоянии или даже в прошлом, а потом создать их проекцию, чтобы увидели другие.

Талия Бейкер привнесла в роман свой беспрецедентный взгляд редактора, не только помогая мне улучшить прозу, но также тщательно изучая все, начиная с монет кастрадази, до того, на какой руке каждый джен-теп должен иметь татуировку. Мелисса Хайдер еще раз вычитала роман, выслеживая опечатки и несоответствия, которые в противном случае остались бы

незамеченными.

Премандоры: Обладатели Теневых Лент

Метки на теле Черной Тени могут стать смертельным оружием в руках премандоров, ведь только они могут контролировать извивающиеся черные ленты и превращать их в смертельные бичи. Каждому писателю нужно несколько премандоров, чтобы держать его в рамках…

Уил Арндт и Брэд Денхерт читали ранние версии книги и били меня теневыми лентами до тех пор, пока я не заметил места, где требовалась б*о*льшая глубина. Джим Халл из narrativefirst.com любезно подтолкнул меня к тому, чтобы увидеть некоторые структурные несоответствия путешествия Келлена. Я вздохнул с облегчением, когда Симона Хэй сообщила мне, что это ее вторая любимая книга в серии. Как я и обещал, Симона, Келлен получил паршивые способности Черной Тени. Назия Хатун одобрила книгу о белкокоте, без нее книга, несомненно, была бы обречена остаться в Тени навсегда.

Инспириторы: Пробуждатели Сознания

Черная Тень — это не просто форма энергии; это потенциальная жизнь, лишенная сознания. Инспириторы вроде Диадеры вливают в Тень частицы собственной души, придавая им форму и цель. Талантливый инспиритор может в буквальном смысле слова претворить идею в жизнь. Конечно, Диадера может сделать это только в виде своих светлячков-веснушек, но я встречал ряд других инспириторов, творящих поразительные чудеса.

Одна из моих любимых частей издательского процесса — работа с командой, ответственной за оформление книги. Мой редактор Флисс и я кратко излагаем некоторые идеи, затем Ник Стерн улучшает эти свободные концепции в картинках, которые Сэм Хэдли превращает в иллюстрации. Моя благодарность Джейми Тейлору за то, что он превратил текст и изображения в красиво оформленную книгу, которую вы держите в руках.

Перплекторы: Породители Путаницы

Иногда называемые фоггерами, такие, как Гхилла. Они обладают способностью связывать Тень со своим дыханием, вызывая туман чистой Тени, который может запутать их врагов или даже разорвать их на части. Конечно, они делают это только по самым веским причинам…

Кто-то должен внушить издателям веру в мои книги, и никто не может сделать это лучше, чем суперзвезды-агенты Хизер Адамс и Майк Брайан. Без их веры и решимости «Творец Заклинаний» никогда бы не напечатали. Конечно, потом кто-то должен убедить людей прочитать его, и я благодарен Тине Мори, Николе Чепмену

и Фелис Маккеаун за их усилия по заклинанию читателей, чтобы дать серии шанс.

Империастеры: Архитекторы Теневых Форм

Только очень немногие могут преобразовать материал Тени в чистую физическую форму так, как мог аббат. Империастеры применяют свою бездонную волю, чтобы воплощать в жизнь постоянные структуры, которые иначе никогда не смогли бы существовать.

Одна из самых страшных вещей, о которых авторы должны беспокоиться в наши дни, — это сила, стойкость и приверженность издателей. Марк Смит превратил «Бонниер Заффр» в локомотив, и Джейн Харрис ведет своих подопечных и отдел подростковой литературы от одного успеха к другому. И в то же время они всегда готовы были встретиться со мной, обсудить книги и мою карьеру. Самое лучшее — они терпят мое совершенно неуместное чувство юмора.

Итеранторы: Путешественники По Ониксовым Дорогам

Тени могут растягиваться на любое расстояние, но не требуют физической массы. Поэтому итеранторы могут создавать дороги через Тени, которые позволяют им путешествовать по континентам в считаные часы. Конечно, чем больше расстояние, тем больше шансов заблудиться. Именно по этой причине истинный талант итеранторов заключается не просто в создании дорог, но и в способности безопасно перемещаться по бесконечным путям неразберихи и опасности к единственному истинному месту назначения. Такими способностями обладал Азир.

Легендарный отдел продаж «Бонниер Заффр» — Энджи Уиллокс, Нико Пойлбланк, Виктория Харт и Венсан Келлехер — прошел через бесчисленные темные миры, чтобы эта книга оказалась на полках книжных магазинов повсюду. Конечно, Рут Логан и Илария Тараскони путешествуют еще дальше, чтобы серия «Творец Заклинаний» оказалась в разных странах по всему миру. Это невероятные переводчики, которые выполняют самое удивительное заклинание из всех: берут историю со всеми ее идиомами и стилистическими причудами и делают ее очаровательной на совершенно другом языке. По последним подсчетам, серия публикуется на тринадцати языках, что едва ли не самое удивительное событие, какое может когда-либо произойти с автором.

Ламентаристы: Выслеживатели Черной Тени

Тени в присутствии сильных эмоций создают отголоски печалей, страхов или радостей. Плачущие вроде Бателиоса обладают редкой способностью улавливать эти эмоции даже на

больших расстояниях, испытывать их, а затем плакать теневыми слезами, которые приведут к их источнику.

Бателиос, наверное, мой любимый новый персонаж сериала. (Ой! Блин, Рейчис, я сказал «новый персонаж!») У меня была возможность встретить в жизни людей с такой же сверхъестественной щедростью духа — людей, стремящихся искать то, что они любят, и делиться этим с другими, а не хвалить себя. Вот почему мне нравится встречаться с книжными блогерами, библиотекарями, книготорговцами и читателями серии. Вы делаете мою работу лучшей в мире.

Вы можете связаться со мной по www.decastell.com и @decastell в Twitter. Я всегда буду рад вас услышать.

Себастьян де Кастелл
Август 2018
Ванкувер, Канада

«Я такой, какой есть.
Парень с одним заклинанием, говорящим
белкокотом в качестве делового партнёра и со смертным
приговором, написанным чёрными линиями вокруг левого глаза».

Сбежать от лучших друзей, когда весь мир мечтает погулять на твоих похоронах, пожалуй, не лучшая затея. Тем более если ты отвык решать проблемы в одиночку. Что могло заставить Келлена бросить всё и уйти? Надоела философия аргоси? Или он решил вернуться домой? Нет! Всё из-за ненавистной Чёрной Тени!!! Дьявольская болезнь превращает его жизнь в невыносимый кошмар и обрекает на постоянный страх потерять себя, стать чудовищем. Скитаясь по континенту в поисках лекарства, Келлен узнаёт о неком мифическом Аббатстве Теней. По слухам, там живут монахи, которые знают, как исцелиться от Чёрной Тени. Последние силы он тратит на то, чтобы отыскать это место, но по пустыне передвигаться совсем непросто, особенно без воды и еды. Еле живого Келлена находят монахи того самого таинственного Аббатства, но за помощь ему приходится заплатить слишком дорого: белкокот Рейчис, его деловой партнёр и друг, остался в пустыне совсем один и у него почти нет надежды на спасение...

Серия переведена на 13 языков и получила множество литературных наград. Первая книга серии, «Творец Заклинаний», номинирована на престижную британскую премию «Медаль Карнеги».

Читайте в серии:

ТВОРЕЦ ЗАКЛИНАНИЙ
ЧЁРНАЯ ТЕНЬ
МЕХАНИЧЕСКАЯ ПТИЦА
АББАТСТВО ТЕНЕЙ

Продолжение следует...

ISBN 978-5-04-098999-7
9 785040 989997